

Департамент культуры и молодежной политики
администрации г. Перми
МБУК «Объединение муниципальных библиотек г. Перми»
Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Пермский дом в истории и культуре края

Материалы седьмой
научно-практической конференции

ПЕРМЬ 2014

УДК 9(с)
ББК 26.89
П 26

**Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)**

Составитель и редактор **Т.И. Быстрых**

Ответственный за выпуск: директор МБУК ОМБ **Е.Н. Клешина**

П 26 Пермский дом в истории и культуре края: материалы седьмой науч.-практ. конф. / МБУК ОМБ Центр. городская библиотека им. А.С. Пушкина; сост. и ред. Т.И. Быстрых. – Пермь, 2014. – 246с.

ISBN 978-5-9903003-9-2

Конференция «Пермский дом в истории и культуре края» проводится центральной городской библиотекой им. А.С. Пушкина с 2008 года. Сборник докладов и сообщений седьмой конференции включает материалы по общим проблемам изучения истории пермского дома, его этнографических и архитектурных особенностей, по истории планирования и застройки Перми, а также статьи о замечательных домах Перми и их обитателях. Как и в предыдущих сборниках, интересен раздел «Пермский дом в искусстве, художественной литературе и воспоминаниях». В разделе «Библиография» помещен обзор публикаций по истории пермского дома в журнале «Этажи Перми». Сборник предназначен в равной степени для тех, кто профессионально занимается изучением истории города, является краеведом-любителем, и тех, кто просто любит читать книги о Перми.

ISBN 978-5-9903003-9-2

ББК 26.89
© МУК ОМБ, идея. 2014.
© Коллектив авторов, тексты. 2014.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Наше краеведение постепенно меняется, начинается следующий, новый этап его многовековой истории. Речь идет, разумеется, о государственном, профессиональном краеведении, а не о любительском краеведческом движении, которое невозможно заключить в какие-то бы ни было рамки. Все чаще на самом высоком уровне краеведение увязывается, если не сказать отождествляется, исключительно с воспитанием патриотизма, как у подрастающего поколения, так и у самых широких кругов общественности. Снова в публикациях о том или ином событии краеведческого характера авторы берут на вооружение, прежде всего, весьма спорное определение С.О. Шмидта: «Краеведение – это всегда краелюбие».

Терминологию можно и нужно обсуждать, размышляя о проблемах современного краеведения – этой важнейшей области деятельности человека. Но в связи с настоящей конференцией представляется более уместным обратиться к задачам, которые стоят перед государственными учреждениями краеведческого профиля – музеями, архивами, библиотеками, в частности, – Пермской центральной городской библиотекой им. А.С. Пушкина. В современных условиях библиотеки призваны работать не только с краеведческой литературой, но и с собственными краеведческими знаниями, выявляя, учитывая и систематизируя их. И в результате этой деятельности появляются новые первичные краеведческие документы. То есть, библиотека не ждет, когда появится литература, необходимая для краеведческой работы по конкретной тематике, а создает условия для появления этой литературы, способствует ее изданию или издает самостоятельно.

Именно этой цели служат конференции «Пермский дом в истории и культуре края», которые проводятся библиотекой ежегодно, начиная с 2008 г. Тема, предложенная в то время администрацией г. Перми, оказалась нужной, интересной не только специалистам, связанным с этой областью деятельности, но и просто жителям города. Но информационная обеспеченность ее была явно недостаточной, и библиотечные работники приняли за разработку темы, привлекая к участию в подготовке конференций пермских ученых, музейных работников, архивистов, краеведов-любителей, архитекторов, журналистов и др.

Составители седьмого тома материалов конференции придерживались уже сложившихся традиций. В сборнике представлены научные статьи, рассказы о результатах краеведческих поисков, воспоминания, исторические справки о памятниках архитектуры, а также архивные документы, впервые вводимые в научный оборот.

Материалы конференции традиционно сгруппированы по основным разделам: «Пермский дом в истории и культуре края», «Замечательные дома Перми», «Пермский дом в искусстве, художественной литературе и воспоминаниях», «Публикации документальных материалов», «Библиография».

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

М.Г. Нечаев

АРХИЕРЕЙСКИЙ КВАРТАЛ

Современная Пермь XXI века мало похожа на небольшой губернский город, каким она была в начале прошлого века. В Перми было тогда не более 75 тысяч жителей, сейчас – около миллиона. Было 28 улиц, сейчас – более 1300. И если к 1900 году общая протяженность улиц составляла 88 км, а площадь города – 42 кв. км¹, то в настоящее время площадь Перми – 798 квадратных километров, и город является четвертым по площади в России после Москвы, Петербурга (1399 кв. км), который еще в 1980-х годах был территориально меньше Перми (1071 кв. км), и, с начала XXI века, – Волгограда (859,353 кв. км).

До революции «маленькая Пермь» была столицей большой Пермской губернии, занимающей по площади третье место среди губерний европейской части России и четвертое – по количеству населения. В Советском Союзе Пермь перестала быть столицей огромной губернии, но стала столицей «Западного Урала». Сегодня Пермь – столица Пермского края, образованного 1 декабря 2005 г. в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, в соответствии с результатами референдума, проведенного 7 декабря 2003 г.

Губернская Пермь являлась признанной культурной столицей Востока России. В Перми по данным переписи 4 апреля 1890 г. насчитывалось до 14601 образованных пермяков, по приблизительным подсчетам это составляло 42,8% всех горожан. В уральском регионе Пермь была бесспорным лидером по уровню грамотности населения.

Формирование ансамбля Архиерейского квартала происходило на протяжении более чем сотни лет. В 1780—1781 гг. по указу Екатерины II поселку Егошихинского завода был присвоен статус города. Новый город стал центром обширного Пермского наместничества и Пермской губернии. Но в главном губернском городе не было архиерейской кафедры. В церковно-иерархическом отношении Пермь находилась в зависимости от Вятской кафедры и не выдерживала никакой конкуренции с признанными уральскими духовными центрами – Чердынью, Соликамском, Кунгуром, Оханском, Осой и другими городами. В XVIII в. большинство церквей и монастырей располагались в старых уральских городах. Церковное строительство Перми начинается одновре-

Книга включает материалы по общим проблемам изучения истории пермского дома, его этнографических и архитектурных особенностей, а также по истории планирования и застройки города.

Так, здесь есть материалы по истории адресно-справочной службы Перми, статьи о пермских хостелах, о почти забытых теперь юнгородах; о «именных» домах и современных жилых комплексах. Интересно представлены отдельные районы и уголки Перми: Архиерейский квартал, поселок Светлый, Заимка, и многие другие. Как всегда, в сборнике уделяется внимание не только пермским домам, но и их обитателям – знаменитым и не очень известным.

В разделе «Замечательные дома Перми» традиционно представлены содержательные, глубокие статьи пермских ученых А.В. Шилова (Дом городского общества), М.Г. Нечаева (Бактериологический институт), А.А. Константинова (Соборная мечеть). П.А. Корчагин снова обратился к истории легендарного пермского «дома с кикиморой», детально разбирая на этот раз заключительный акт интереснейшего и жутковатого спектакля. В сборнике помещена написанная на архивных документах статья о Доме Дягилевых, а краеведы О.Д. Гайсин и В.С. Колбас продолжили рассказ о популярном пермском магазине «Букинист» и связанных с ним замечательных именах.

Как всегда, интересен раздел «Пермский дом в искусстве, художественной литературе и воспоминаниях». По сложившейся уже доброй традиции воспоминания написаны специально для очередного сборника, ими поделились музейный работник В.А. Баландин, журналист В.М. Бубнов, архивист Н.Д. Аленчикова, старожил Перми Л.С. Смирнова.

К сожалению, по-прежнему немногие авторы обращаются к произведениям художественной литературы, имеющим отношение к Перми, и все же в этом разделе опубликованы две интереснейшие статьи. Свои результаты серьезных исследований в области литературного краеведения представили В.М. Ширинкин и Н.В. Красноперова.

В разделе «Публикации документальных материалов» представлены архивные документы: «Списки жителей города Перми с адресами из «Памятной книжки Пермской губернии на 1863 год» и «Список всех отделов Пермского Совдепа и районных Совдепов, место их нахождения и №№ телефонов. 1918 год».

Помещенный в сборнике обзор публикаций по истории пермского дома на страницах журнала «Этажи Перми», подготовленный Н.В. Сторожевой и К.П. Чуприным, несомненно, поможет исследователям этой темы в дальнейшей работе.

Сборник предназначен в равной степени для тех, кто профессионально занимается изучением истории города или является краеведом-любителем, и тех, кто просто с интересом читает литературу о Перми.

Все замечания и предложения по содержанию и оформлению сборников «Пермский дом в истории и культуре края» просим адресовать в Администрацию Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева): e-mail pushlib@biblioteki.perm.ru

менно с возникновением Егошихинского завода (1723). Первая церковь Перми – Петропавловская (деревянная) – названа так в честь тезоименитства императора Петра I (1724—1726). Через 30 лет, в 1757 г. на месте деревянной церкви началось строительство каменного здания. К началу XIX века в Перми было уже четыре церкви, одна из которых, Петропавловская, считалась соборною. Этого было явно недостаточно для подлинно духовного центра.

В 1775 г. был упразднен древнейший в Пермском крае Пыскорский Спасо-Преображенский ставропигиальный монастырь, основанный ещё в 1560 году. По предложению Пермско-Тобольского генерал-губернатора Евгения Петровича Кашкина, Св. Синодом в марте 1781 г. было «высочайше повелено монастырь сей перевести во вновь устроенный город Пермь с наименованием вместо Пыскорского Пермским Преображенским же».

«Повелено» также всю ризницу, утварь, колокола и строительные материалы Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря перевезти в Пермь². К перевозке предназначались три храма с колокольнею в 30 сажень (64 метра)³, а также большие колокола в 1800, 700, 300, 120, 70 и 50 пудов и 18 «малых колоколов». К строительству колокольни приступили только в 1819 г. и завершили её в 1831 г. Тогда же были подняты колокола, перевезённые из Пыскора, они ждали своего часа 47 лет.

К перевозке были подготовлены также более тысячи священнических одежд из золотой и серебряной парчи, в том числе 5 богатейших митр⁴: одна с бриллиантами стоимостью 27000 рублей, другая с алмазами – 16000 рублей, третья с жемчугом 9000 рублей, четвертая с жемчугом в 4000 рублей и пятая, бархатная, с жемчугом в 1000 рублей⁵. Кроме того, 13 Евангелий с серебряно-позолоченными деками, украшенными дорогими камнями, в том числе одно, украшенное бриллиантами, весом 1 пуд 8 фунтов 48 золотников (19 кг 518 гр.) А также огромное количество церковной утвари, в частности, 8 сосудов чистого золота и множество серебряных. Также в описи указывалось 15 напестольных крестов серебряных, 50 серебряных паникадил, лампад и подсвечников, где золото и серебра было на 18 пудов 3 фунта 85 золотников (295 кг 674 гр)⁶. Из этого же монастыря был привезен уникальный резной (из дерева) иконостас, выполненный крепостными мастерами в XVIII веке.

3 апреля 1784 г. вышел указ Святого Синода об основании Пермского Спасо-Преображенского монастыря. В 1784 г. началась разборка стен монастырских зданий на реке Лысьве, где он находился для доставки камня на судах в Пермь. Начался грандиозный переезд. Первоначально предполагалось воздвигнуть монастырь на Егошихинской горе, с восточной стороны от завода (район Горки). Туда, с нема-

лыми трудностями, была поднята часть материалов, но строительство так и не началось, так как не доставало средств, кроме того, затерялся сам проект, составленный Е.П. Кашкиным и исправленный епископом Вятским и Великопермским Лаврентием (Барановичем).

Закладка здания для монастыря началось 25 мая 1793 г. на горе Слудке, на месте, известном современникам как Кашкинский лес. 25 ноября 1795 г. новая обитель была освящена во имя святителя Стефана Пермского, тем самым подчеркивалась преемственность Великопермской и будущей Пермской епархии. Здание собора было заложено в 1798 г. Для строительства использовались кирпич и железо из разобранных построек Пыскорского монастыря.

В 1799 г. территория Пермской губернии по церковно-епархиальному управлению и делению была все еще разделена между двумя епархиями, Вятской и Сибирской. В западной части губернии находились 193 церкви, распределенные по четырнадцати благочинным округам, которые состояли в ведении Пермского, Соликамского, Чердынского и Кунгурского духовных правлений Вятской духовной консистории⁷. В зауральской части Пермской губернии находились 199 церквей, состоявших, в свою очередь, в ведении Екатеринбургского, Верхотурского, Далматовского, Камышловского и Шадринского духовных правлений Тобольской духовной консистории Сибирской епархии⁸.

Открытие самостоятельной Пермской епархии произошло в царствования Павла I (1796—1801). 27 сентября 1799 г. Св. Синод сделал доклад императору Павлу I об образовании Пермской епархии в границах Пермской губернии. Доклад утвержден указом от 16 октября 1799 г. «О приведении епархиальных границ сообразно границам губерний и об учреждении новых епархий». А 5 февраля 1800 г. в Казани рукоположили на пермскую кафедру архимандрита Иоанна (Островского). Новый епископ именовался Пермским и Екатеринбургским. В Пермь епископ Иоанн (Островский) прибыл 29 февраля 1800 г., и 4 марта состоялось торжественное открытие «епархии и епархиального правления».

Иоанн (Островский) управлял епархией один год и девять месяцев, но сделано им было немало. В 1800 г. он подверг личному испытанию всех священников епархии и к нерадивым принял строгие меры. С этой целью владыка объездил всю епархию. 11 ноября того же года открылись Духовное училище и духовная семинария. На следующий год в Пермской Духовной семинарии учились 339 учащихся. Первоепископ скончался внезапно – 24 декабря 1801 г. перед совершением литургии. Место своего погребения в ограде Спасо-Преображенского кафедрального собора, против алтаря, он еще при жизни указал сам. С этого времени и начало формироваться кладбище при Архиерейском доме.

По мнению современного исследователя Е.П. Субботина, первыми, кого захоронили на Архиерейском кладбище, стала семья Кузнецовых. Здесь был захоронен председатель Верхнего земского суда Пермского наместничества, статский советник Кузнецов Федор Адрианович (1749—1801), а также члены его семьи⁹. Таким образом, Архиерейское кладбище становится главным кладбищем города Перми. Площадь некрополя составила к началу XX века два гектара. Формирование Архиерейского кладбища так же, как и Архиерейского квартала, продолжалось вплоть до 1917 года, то есть более чем сто лет. Постепенно Архиерейский сад уступал место кладбищу, несмотря на то, что получить место под захоронение здесь было чрезвычайно сложно. Согласно указу Св. Синода от 12 апреля 1833 г., «погребение кого бы то было в оградах церквей городских не может быть допускаемо»¹⁰.

Очень важным обстоятельством, отличавшим Архиерейское кладбище, являлся особый социальный статус семей, которые получали здесь право захоронения.

Работу по составлению пермского некрополя начал Владимир Владимирович Голубцов (1856—1892), поводом послужили розыски сведений о своем предке. В результате поисков он так и не нашел место его захоронения, но зато описал 761 захоронение на четырех кладбищах Перми: Архиерейском, Старом (Успенском) и Новом (Всесвятском) Егошихинских кладбищах, и кладбище Успенского женского монастыря. Из общего количества описанных захоронений 180 – на Архиерейском кладбище. Рукопись В.В. Голубцова была опубликована Пермской библиотекой им. А.М. Горького в 2003 году¹¹. Хронология описанных В.В. Голубцовым надгробий заканчивалась 1889 годом. Е.П. Субботин продолжил работу по составлению Пермского некрополя, в дополнение к данным В.В. Голубцова он привел уточненные данные по 478 захоронениям на Архиерейском кладбище¹².

Работа по выявлению новых имен продолжается. Так, например, в предыдущем, шестом выпуске настоящего сборника «Пермский дом в истории и культуре края» Е.П. Субботин опубликовал сведения о 19 захоронениях¹³.

Первое место по количеству захоронений заняли чиновники и члены их семей – 127 захоронений или 26,5%, второе место было у иерархов священно-церковно-служителей и членов их семей, а также у монашествующих – 84 или 17,5%, купцы и их семьи были третьими по количеству захоронений – 80 или 16,7%, мещан и членов их семей было 47 или 9,8%, военных и членов их семей – 36 или 7,5%, потомственных и личных почетных граждан города Перми и членов их семей – 32 человека или 6,6%, преподавателей – 12, медиков – 10 и ученых – 2. Остальные 49 – это крестьяне, дворяне, младенцы, фамилии которых не сохранились выходцы из других городов и т.д.

Самой многочисленной группой захоронений были чиновники и их семьи. Среди них выделялись захоронения пермских губернаторов Енакиева Валериана Александровича (1878—1882) и Огарева Ильи Ивановича (1837—1854), который позднее был перезахоронен в своём имении во Владимирской губернии. Кроме того, здесь были захоронены дочь губернатора Б. Гермеса Елизавета, жена и сын вице-губернатора И.П. Розинга.

Самое большое родовое захоронение – семья Шавкуновых, – это почетные граждане города Перми, купцы первой гильдии и городские головы, – целых одиннадцать могил¹⁴. Егор Иванович Шавкунов был пермским городским головой, а также купцом первой гильдии. По его предложению в августе 1842 г. на горе Слудке началось строительство трехпрестольного храма с двумя приделами, основные расходы взял на себя Е.И. Шавкунов. Сын Егора Ивановича – Петр Егорович Шавкунов – дважды был городским головой (1854—1855 гг. и 1881—1885 гг.). Он принимал самое активное участие в подготовке к празднованию 100-летнего юбилея Перми в 1881 г. За вклад в развитие городского хозяйства, благоустройства и развития города П.Е. Шавкунову присвоено звание потомственного почетного гражданина Перми.

Здесь был захоронен основатель пермской династии Дягилевых – губернский казначей Дмитрий Васильевич Дягилев (1773—1823), с женой и сыном. Меценаты и благотворители Дягилевы оказали большое влияние на развитие культурных и музыкальных традиций Перми. Одним из ярких представителей этого рода является Сергей Павлович Дягилев (1872—1929), выдающийся деятель мирового искусства, организатор художественного объединения и журнала «Мир искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже.

Однако самой представительной была группа захоронений духовенства Пермской епархии. Здесь были похоронены епископы Иоанн (Островский), Иустин (Вишневецкий), Вассиан (Чудновский), Петр (Лосев), Иоанн (Алексеев), Варлаам (Новгородский). Помимо иерархов Пермской епархии, захоронены такие выдающиеся церковные деятели как, например, протоиерей Градо-Пермского Кафедрального собора Луканин Александр Матвеевич (1821—1889), бывший в течение 10 лет редактором «Пермских епархиальных ведомостей». Он является автором многочисленных публикаций по церковному праву, вопросам статистики, демографии и прошлого Пермского края¹⁵.

Среди военных захоронений на Архиерейском кладбище особое место занимают герои Отечественной войны 1812 года, участники Бородинского сражения, «главный начальник горных заводов Хребта Уральского, генерал-лейтенант и разных орденов кавалер Богуславский Александр Андреевич» (1771—1831) и дошедший до Парижа майор Алексей Артамонович Глушков (1776—1825).

Среди захороненных директор пермской гимназии в течение сорока лет (1844—1884) Иван Флорович Грацинский. Он был награжден всеми орденами, которые только мог получить служащий его ранга, а также удостоен звания почетного гражданина города Перми. Здесь же легендарный доктор Фридрих Христофорович Грааль (1770—1835), называемый горожанами «пермским Гаазом», «святым доктором». Проводить его в последний путь собрались не только пермские жители, но и «крестьяне со всех ближайших окрестностей, и были приезжие за сто и двести верст»¹⁶.

Уже в конце XIX – начале XX вв. появились трудности, связанные с захоронениями на Архиерейском кладбище. Оно стало расширяться за счет территории Архиерейского сада. Епископ Пермский Соликамский Андроник (Никольский) писал: «Памятники стоят покосившись... Кресты подгнили и покосились». 19 апреля 1915 г. он провел совещание с родственниками захороненных на Архиерейском кладбище, и началась работа по его «устроению»¹⁷.

В годы революции и гражданской войны на Архиерейском кладбище хоронили жертв красного террора, в том числе детей и женщин, а также офицеров, погибших в ходе боев с красными. Новая власть также пыталась превратить кладбище в большевистский некрополь. Так, 4 декабря 1919 г. здесь был похоронен Иван Сергеевич Сухобрус, член партии с 1908 г., активный участник революции и гражданской войны. Похороны прошли торжественно, с традиционным митингом.

Архиерейский квартал стал объектом пристального внимания новой власти. В это период проходил процесс национализации и утилизации церковного имущества. Церковную недвижимость собирались использовать «для общественных целей», на языке документов тех лет это называлось утилизацией. В первую очередь «утилизировали» духовно-учебные заведения и домовые церкви. В сентябре 1919 г. было объявлено о закрытии всех домовых церквей. Однако попытки утилизации приходских церквей встречали противодействие со стороны, прежде всего, местных властей, которые опасались обострения отношений с верующими.

30 января 1920 г. скончался епископ Варлаам (Новгородский) от тифозного отека легких, он был похоронен в склепе под собором. Еще несколько больных тифом были захоронены на Архиерейском кладбище. В этот период в Архиерейских покоях расположился госпиталь Губэвака, в том числе и тифозный лазарет, а домовую церковь передали музею. В марте 1922 г. Губкомхоз передал всё здание полностью под музей. После ремонта, 7 ноября 1922 г. в торжественной обстановке там открыли экспозицию художественного музея.

Здание Спасо-Преображенского собора, которое составляло единый ансамбль с Архиерейским домом, оставили верующим. Однако власти упорно чинили различные препятствия для функционирования главного храма. В 1924 г. были сняты колокола, в результате чего повреждена крыша. Затем запретили проводить службы в соборе и обязали отремонтировать его. С огромным трудом на деньги верующих и духовенства в 1927 г. был завершен грандиозный ремонт, за который Пермское епархиальное управление наградило протоиерея И.В. Славина грамотой и палицей. В апреле 1929 г. от общины Спасо-Преображенского собора потребовали заасфальтировать тротуары у собора¹⁸.

Община не собиралась покидать собор, но «утилизация» его была предопределена. В сентябре 1930 г. Уральский облисполком ходатайствовал перед ВЦИК об открытии в Перми авиационной школы. 2 октября 1930 г. в Москву отправлена докладная записка, где говорилось о размещении авиационной школы в здании музея и о том, что «музей будет размещен в здании кафедрального собора, который облисполкомом с этой целью закрывается»¹⁹. 20 ноября 1930 г. Президиум ВЦИК утвердил вопрос о здании для школы авиаторов в Перми. 25 ноября 1930 г. община верующих подала во ВЦИК обжалование на закрытие собора, несмотря на это 26 марта 1931 г. решением ВЦИК «храм как культовое помещение был ликвидирован».

Пермский научно-промышленный музей был открыт 15 ноября 1890 г. и первоначально именовался музеем Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). 16 февраля 1901 г. утвердили «Устав Пермского научно-промышленного музея».

В 1897 г. А.С. Любимова пожертвовала городу свой двухэтажный каменный дом, и городская Дума предоставила его для помещения музея. В 1890 г. в музее уже было 1058 различных коллекций и отдельных предметов. В 1891 г. открылась библиотека музея. С 1891 г. в музее работали следующие отделы: археологический, исторический, этнографический, зоологический, геологический, палеонтологический, минералогический, ботанический, горнопромышленный, нумизматический, сельскохозяйственный. В 1907 г. открылся художественный отдел, а в 1910 г. – картографический. В 1910 г. открылся зал, где находились портреты людей науки и выдающихся деятелей Пермского края, а также картины художников-пермяков. Музей организовал ряд экспедиций для сбора коллекций по зоологии, энтомологии, ботанике, геологии и другим отраслям знаний. Председателями совета музея были Н.Н. Новокрещенных, П.Н. Серебренников, Я.С. Давыдов, А.Ф. Теплоухов, Н.А. Третьяков, А.А. Тимофеев, С.Л. Ушков, Н.А. Несслер.

В советский период продолжали работать все отделы, в том числе зоологический (живой) уголок, его возглавлял Сергей Львович Ушков. В живом уголке имелись медведь, лисы, филины и другие виды животных, не менее 80 видов. В 1923 г. музею передали трехэтажный дом по ул. Орджоникидзе, 12, – здание бывшей Пермской духовной семинарии. В 1922 г. из Пермского научно-промышленного музея выделился Художественный музей, которому было выделено здание бывшего Архиерейского дома. В 1927 г. в здание Пермской духовной семинарии переехал «Уголок живой природы», с 1 апреля 1927 г. переименованный в зоологический сад при Пермском краеведческом музее. Ежемесячно его посещали до 6000 человек. Был создан также ботанический сад. В записке о состоянии Пермского областного музея (не ранее января 1929 года) сообщается: «Зоосад, пока единственный в области, с 94 видами и 219 экземплярами животных Урала достаточно ярко отражает в себе фауну края и привлекает много [посетителей]. В последнее время зоосад получил от Горсовета 32 га земли, вполне годной для развертывания зоопарка [не указано где]...»

Таким образом, из здания бывшей Пермской духовной семинарии уже в 1931 г. началось выселение зоологического отдела и всего музея в целом, в связи с открытием 3-й военно-технической школы ВВС РККА. Краеведческий музей переехал в Архиерейский дом, а художественный музей – в Спасо-Преображенский кафедральный собор. С 1936 г. Художественная галерея стала существовать как самостоятельное учреждение.

В январе 1931 г. руководство музея ходатайствовало о выделении зоосаду более просторной территории. 22 апреля 1931 г. на заседании рабочего президиума Пермского городского совета было принято постановление, по которому вместо бывшего здания Пермской духовной семинарии закрепили за музеем в постоянное пользование Архиерейский дом и Спасо-Преображенский собор, а также закрытое Архиерейское кладбище. При этом зоопарк предлагалось разместить на Егошихинском кладбище²⁰. Причины того, почему зоосад не переехал на Егошихинское кладбище, в документах не обозначены. В 1932 г. было принято решение о размещении зоосада на территории Архиерейского кладбища и сада, который назывался тогда садом «Металлург». В 1933 г. зоосад стал самостоятельной административной единицей, а курсанты летного училища снесли памятники бывшего Архиерейского кладбища, и на его месте разместился зоосад, который существует и функционирует до сих пор.

Кроме Архиерейского кладбища, разрушались и другие захоронения. Так, саперный батальон проводил учения на территории Егошихинского кладбища – закладывали толовые шашки и подрывали памятники. Верхнемуллинское кладбище в районе школы № 107, просто срыли. Там

сделали песчаный карьер, и песок возили на строящийся завод им. Сталина. Было ликвидировано кладбище Успенского монастыря. На разрушенном Балатовском кладбище построен дворец культуры «Гознак», на месте кладбища в Верхних Муллах выстроили Дом культуры.

Еще в 1960-е годы в зоопарке, на бывшей территории Архиерейского кладбища, можно было увидеть вольеры с остатками памятников и крестов. Тогда разгорелся первый скандал: общественность поставила вопрос о недопустимости осквернения этого места. В результате остатки надгробий были убраны и с территории зоопарка, и с хозяйственного двора краеведческого музея.

Своеобразным результатом этой истории стало появление в Перми легенд о «проклятии над городом». Такова легенда о пермском епископе, который предрёк, что по его могиле будут ходить дикие звери. Вторая легенда – об Иоанне Кронштадтском, который был в Перми и увидел черный крест над городом, о чём предупредил горожан. Многие жители Перми искренне полагают, что всё это документально подтверждено местными краеведами. Но никаких документальных подтверждений этих легенд нет.

В мае 1996 г. в Перми начались торжественные мероприятия, посвященные прославлению Стефана Пермского в связи с 600-летием со дня его преставления. 11-14 мая 1996 г. пермскую землю посетил Алексей II. Святейший патриарх Московский и всея Руси провел торжественный молебен святому Стефану Пермскому на площади городской эспланады в Перми и на центральной площади города Кунгура.

Именно после этого началась новая мучительная трансформация Архиерейского квартала. Уже переехал краеведческий музей из Архиерейского дома, и здесь восстановлена церковь. Много лет решается вопрос о строительстве здания для новой художественной галереи или о переводе ее в другое помещение. Но зоосад продолжает функционировать на территории Архиерейского кладбища и сада, дискуссии по поводу его размещения и проектирования длятся уже более пяти лет.

Потеряв могилы, мы теряем историческую память, любовь к Родине, а следовательно, у нас не может быть будущего. Тем не менее, осознание того, что Архиерейский квартал является важным сакральным и культурным пространством столицы Пермского края – важная заявка на будущее его развитие.

¹ Подсчет площади города Перми автором произведен по кн.: *Володин П.* Губернский город Пермь: (краткая статистико-ист. справка). – Пермь, б.г. – С. 3.

² *Шестаков Иаков*, свящ. Описание монастырей Пермской епархии. – Вятка: Губ. тип., 1907. – С. 9.

ПАРОХОДСТВО И ТОВАРИЩЕСТВО «СОРОКИН В.К. И БР. ТУПИЦЫНЫ» В ПЕРМИ

В начале XX века интенсивно велось строительство железных дорог. По территории Пермской губернии должна была пройти дорога на Курган и далее на Екатеринбург. Пермское купечество и городская дума предпринимали усилия для того, чтобы железная дорога прошла через Пермь – Кунгур – Екатеринбург. Об этом хорошо знал Владимир Тупицын, бывший гласным городской думы. Он верил в положительный исход этой акции и видел, какую выгоду можно извлечь из этого строительства. К тому же братья Тупицыны хорошо знали район Кунгура, т.к. оттуда они доставляли белую глину и кость для своего фосфорного завода. При строительстве железной дороги требовались товарные и пассажирские перевозки, поэтому Тупицыны решили заранее организовать товарно-пассажирское пароходство. Причиной открытия пароходства являлся также спад фосфорного производства. К этому времени завод Тупицыных производил лишь 3000 пудов фосфора в год.

Братья Тупицыны решились вложить свои капиталы в новое предприятие с партнером, Василием Кондратьевичем Сорокиным, владельцем «Торгового дома Сорокин В.К.» Эту фирму основал Кондратий Андрианович Сорокин (отец Василия), такой же выходец из Владимирской губернии, как и отец Тупицыных.

Кондратий Сорокин родился 5 марта 1821 г. в д. Старовой Вязниковского уезда Владимирской губернии. Занимаясь извозом, он сколотил капитал и откупился от крепостной зависимости. В 1848 г. переехал в Пермь, где 14 лет работал приказчиком, а в 1863 г. открыл собственную выше названную фирму. При этом Кондратий активно участвовал в общественной жизни города. Он являлся гласным городской думы с 1877 по 1890 гг., в это время был избран товарищем директора Марьинского банка. Все годы работы в думе, состоял членом учетного комитета названного банка, за что был награжден золотым жетоном в честь 25-летия со дня основания банка [1, с. 141-154]. С 1886 по 1888 гг. Кондратий Сорокин был членом Пермского дамского попечительства о бедных, щедро жертвуя продукты питания бедным. В 1895 г. был членом попечительства Рождество-Богородицкой церкви [2, с. 51; 3, с. 32]. Умер Кондратий Андрианович 6 октября 1903 г. и погребен на Всесвятском кладбище [4, л. 171об., 172].

³ Колокольня Петропавловского собора (1712—1733 гг.) считалась самой высокой в России, её высота достигала более 122 метров с половиной.

⁴ Митра – позолоченный головной убор, надеваемый во время богослужения представителями высшего православного духовенства и некоторыми заслуженными священниками.

⁵ *Шестаков Иаков, свящ.* Описание монастырей Пермской епархии. – Вятка: Губ. тип., 1907. – С. 9.

⁶ Там же.

⁷ Краткий исторический очерк столетия Пермской епархии (1799 – 16 октября 1899). – Пермь, 1899. – С. 69. / Фонд печатный изданий. № 553.

⁸ Там же.

⁹ *Субботин Е.П.* Некрополь Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора. – Пермь: Арабеск, 2012. – (Именитые граждане Перми. Вып. 7). – С. 5.

¹⁰ Там же. – С. 243.

¹¹ *Голубцов В.В.* Пермский некрополь / вступит. статья и примеч. Л.С. Рафиенко. – Пермь: Реал, 2003. – 179 с.

¹² *Субботин Е.П.* Некрополь Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора. – Пермь: Арабеск, 2012. – 260 с.: ил.

¹³ *Субботин Е.П.* Еще раз о некрополе Кафедрального собора // Пермский дом в истории и культуре края. – Пермь, 2013. – Вып. 6. – С. 79-84; *Ивашкевич С.* Пермский книжный развал: лучшее в местном книгоиздании за 2012 год // Новый компаньон. – 2013. – 29 янв. – С. 30-31; *Ивашкевич В.* Небесное проклятие Архиерейского кладбища // Новый компаньон. – 2013. – 26 февр. – С. 1, 32.

¹³ *Субботин Е.П.* Некрополь Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора. – Пермь: Арабеск, 2012. – С.13-242.

¹⁴ Там же. – С. 229-234.

¹⁵ Например, см.: *Луканин А.М.* Город Соликамск в историческом и археологическом отношении. – Пермь, 1856; Он же. О движении народонаселения в Соликамском уезде. – Пермь, 1856; Он же. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. – Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1882.

¹⁶ *Акафьева И.И.* Народный доктор Ф.Х. Граль (1770—1835) // Ответственные слушания «Участие российских немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермского края»: сб. выступ. – Пермь, 2007. – С. 28.

¹⁷ См.: *Субботин Е.П.* Некрополь Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора. – Пермь: Арабеск, 2012. – С. 7-8.

¹⁸ *Мельчакова О.А.* Закрытие церквей Пермской епархии в 20-30-е годы XX века // Вехи христианской истории Прикамья: материалы чтений, посвящ. 540-летию крещения Перми Великой. – Пермь, 2003. – С.84-85.

¹⁹ Там же. С. 85.

²⁰ *Мельчакова О.А.* Дорога ведет к храму. К 210-летию Пермской епархии. <http://www.permarchive.ru/index.php?page=doroga-vedet-k-hramu>

Его дело продолжил старший сын Василий (г.р. 1849), который окончил Пермское уездное училище. Отец братьев Тупицыных был поручителем по жениху на свадьбе Василия Кондратьевича с Екатериной Дмитриевной Старцевой в 1864 г. [5, л. 171об.-172]. В 1898 г. В.К. Сорокин был избран товарищем директора Марьинского общественного банка и еще дважды переизбран на эту должность в 1902 и 1906 годах, проработав в банке более 11 лет [6, с. 123]. В 1908 г. его избрали в гласные Пермской городской думы, но он отказался.

Торговый дом Сорокиных находился в Гостином дворе и состоял из шести собственных лавок (№ 25-30) и одной, арендованной у города (№ 31). Площадь каждой лавки составляла 8,05 кв. сажень. За все лавки Сорокины платили арендную плату – 96 рублей в год [7]. В торговом доме Сорокина продавались стекло, алмазы, краски, олифа, лаки, кисти, щетина, линолеум, обои, гвозди, цемент, железо, посуда и москательные товары [8, с. 138].

В собственности Сорокиных были также дом № 33 на Покровской улице и литейно-механический завод, открытый в январе 1898 г. на Заимке, на первой линии [9, с. 31]. С 1903 г. заводом управлял сын Василия Кондратьевича Иван (г.р. 1868), закончивший Императорское Московское техническое училище. Он возвратился в Пермь, где был избран мировым судьей на два срока (с 1903 по 1909 годы) [10]. И.В. Сорокин принимал активное участие в строительстве водопровода для Пермского губернского земства, был гласным Пермской городской думы и Пермского уездного земского собрания, товарищем директора Пермского отделения Императорского технического общества. Умер Иван Васильевич Сорокин 11 июля 1912 г. и был погребен на Всесвятском кладбище [11, л. 298об., 299].

Александр Тупицын был директором Марьинского общественного банка, а В.К. Сорокин в это время – товарищем директора этого банка с 1898 до 1910 г. Владимир Тупицын работал в городской думе с 1901 г. с Иваном Васильевичем Сорокиным не менее шести лет. Вместе они посещали заседания отделения Императорского технического общества. Таким образом, они часто пересекались и неудивительно, что решили открыть совместное легко-пассажирское и буксирное пароходство «СОРОКИН В.К. и БР. ТУПИЦЫНЫ».

Партнеры начали свою деятельность с открытия линии Пермь – Конец Бор, купив пароход «Сылва» у купца Крапавина, но здесь их пароходство не выдержало конкуренции с купцом Истоминым. Тогда они решили открыть сообщение Пермь – Кунгур по рекам Чусовой и Сылве. В 1903 г. начало регулярно работать пароходство «Сорокин В.К. и БР. Тупицыны», организовавшее пассажирскую линию от Перми до Кунгура с ежедневным отправлением. Для этого пароходство, к

имевшемуся уже пароходу «Сылва», построило специально для плавания по р. Сылве небольшие, довольно сильные, мелководные пассажирские пароходы «Чусовая» и «Ирень».

На берегу р. Камы товарищество арендовало у городской управы Перми участок для пароходной пристани, и платило за него 500 рублей в год [13, с. 35]. Пристань, как большинство подобных, представляла собой участок берега, огороженный забором, благоустройства не было.

В первый год пароходство конкурировало с пароходством Зырянова, осуществлявшим рейсы четыре раза в неделю, и пароходством Крапавина, осуществлявшим рейсы два раза в неделю, а также с одним пароходом Гордеева «Желанный». С 1906 г. они вытеснили с этой трассы Зырянова и Крапавина. С этого же года расписание их пароходства публиковалось в Уральском торговом-промышленном календаре. На линии курсировало три парохода: «Сылва», «Ирень» и «Чусовая» [14, с. 99]. С уходом конкурентов, они подняли таксу на 50 копеек и проезд в первом классе стал стоить 3 руб., во втором – 2 руб. 50 коп., и в третьем – 1 руб. 50 коп. С 1908 г. Сорокин и Тупицыны отказались от пристани, их пароходы в Перми приставали к пристани Ржевина. В Кунгуре у них была собственная пристань, но на другом берегу Сылвы. Пассажирам приходилось переправляться на пароме для того, чтобы попасть в город. На промежуточных остановках (даже в Лёвшино) пристаней не было. Пароход приставал прямо к берегу и с него сбрасывался трап. Недостатка в пассажирах не было, т.к. строительство железной дороги требовало много людей. В весеннюю пору вместо 100 человек на пароходы набивалось до 400. Кроме этого, пароходство одновременно перевозило и товары. Сохранились два взаимоисключающих описания работы пароходства за май месяц 1909 г. в журнале «Русское судоходство». В начале мая некий Оглоблин совершил поездку на пароходе «Ирень» из Перми до Кунгура. По его описанию, пароходы были старые и ветхие, с темными неудобными двухместными каютами, порядка на них никакого не было. Персонал плохо знал свое дело. Отправление происходило не по расписанию [15, с. 25]. 22 мая этого же года совершил поездку по этому же маршруту на пароходе «Сылва» Горшенин, автор путеводителя по рекам Каме, Белой и Вятке. С его слов, все три парохода были новые и комфортабельные. Пароходство «ведет дело энергично и не без знания дела» [16, с. 175].

Но даже специально построенные пароходы в жаркий летний период (с 12 июля) для реки Сылвы оказались тяжелыми, вследствие мелководья реки, и не могли осуществлять рейсы, поэтому их перевозили на реку Белую, где они работали в соглашении с пароходством Якимова.

В 1909 г. закончилось строительство железной дороги Пермь – Кунгур – Екатеринбург. Обозреватель журнала «Русское судоходство» предполагал, что навигация 1909 года будет последней: «Пароходство по рекам Чусовой и Сылве, после 30-ти летнего существования, должно прекратиться в виду проведения железной дороги до Кунгура. Бассейн этих рек теперь заключен в узких рамках линий 2-х дорог – Пермской горнозаводской и строящейся Пермь – Екатеринбургской. Плес Кунгур – Пермь дает много пассажиров и грузов, пролегая по густонаселенной промышленности местности. Проведение дороги, как можно ожидать, отразится и на сплаве» [17, с. 131-132].

Со сдачей железной дороги в эксплуатацию стали резко падать перевозки по р. Сылве, а к началу первой мировой войны сплав металла и движение пароходов по р. Сылве вообще прекратился. Линию Пермь – Кунгур закрыли в 1912 г. Пароходы товарищества перевели на р. Белую.

С начала навигации 1905 года пароходство открыло пассажирское сообщение между Уфой и селом Пьяный Бор по рекам Белой и Каме, а с июля месяца Казань – Уфа, с ежедневными отправлениями [18, с. 75]. Для этого партнеры построили два новых 2-х этажных парохода (тогда они назывались американскими) «Сорокин В.К.» и «Сорокина К.В.» и купили пароходы «Сибиряк», «Владимир» и «Николай» у пароходства А.В. Якимова. С другим пароходством они вошли в соглашение.

На этом участке также работали пароходства «Торгового дома Д.Д. Якимова Наследницы» и «А.В. Якимова с сыновьями». Пароходы этих компаний были старыми, но приспособленными для мелководных рек. Главная контора пароходства «Торговый дом Д.Д. Якимова Наследницы» находилась в с. Кукарка Вятской губернии, второе пароходство также было из Вятской губернии, т.е. местных пароходств в Уфе не было. В результате конкурентной борьбы пароходство А.В. Якимова разорилось.

Расписание пароходов Сорокина было увязано с железнодорожным. Расстояние от Казани до Уфы в 1024 версты они преодолевали за 65 часов, а обратно за 55.

Пароходство «Сорокин В.К. и Бр. Тупицыны» на р. Белой, кроме рейсов от Казани до Уфы, установило движение пароходов, до г. Стерлитамака по рекам Стерле и Уфимке до устья реки Ая, не доходя 70 верст до г. Красноуфимска [19, с. 177].

Судоходство по р. Белой даже в весеннее время было опасным. Фарватер её крайне извилист, с крутыми поворотами, что представляет для буксируемого судна постоянную опасность удара о берег. В некоторых местах фарватер настолько узок, что два встречных судна не могут разойтись, например, в Гусином горле, где не видно

его начала. В летнее время движению пароходов мешали перекаты, две работающие землечерпалки не справлялись с большим объемом работ. Но все равно движение пароходов происходило всю навигацию. По р. Белой перевозились десятки миллионов тонн хлеба и большое количество пассажиров, хотя недалеко проходила Самара – Златоустовская железная дорога.

Товаропассажирский и буксирный флот товарищества работал по рекам Чусовой, Сылве, Белой, Уфе, Каме и по Волге до Казани. Кроме пассажирских перевозок, пароходство доставляло грузы до Нижнего Новгорода, Костромы, Ярославля, Рыбинска, Самары, Астрахани и Москвы [20, с. 44]. Главная контора товарищества находилась в Перми. В Уфе у них была своя пристань «СОРОКИН И ТУПИЦЫНЫ», а агентство пароходства с доверенным лицом и двумя агентами находилось на Центральной улице. В Казани также имела своя пристань [21, с. 193].

В 1911 г. пароходство «Сорокин В.К. и Бр. Тупицыны» имело следующие пассажирские пароходы: «Сибиряк», «В.К. Сорокин», «К.В. Сорокина», «Николай», «Дедушка», «Владимир», «Тургояк» и буксиро-пассажирский пароход «Леонид Сорокин». Все пароходы освещались электричеством, а в холодную погоду каюты отапливались паром. Каюты были одноместные, двухместные и трехместные. Рестораны – отдельно для первого и второго класса. Флот товарищества зимовал в затоне Нижняя Курья.

5 января 1911 г. братья Тупицыны и их партнер купец В.К. Сорокин преобразовали пароходство «Сорокин В.К. и Бр. Тупицыны» в товарищество «Торговый дом В.К. Сорокин и Бр. Тупицыны». Сфера деятельности и реквизиты были сохранены. Торговый дом предлагал покупателям стекло, краски, линолеум, щетину, цемент, свинцовые трубы и т.д. Открыв агентство пароходства в Уфе, Сорокин увидел новые рынки сбыта для своих товаров и поэтому расширил сферу деятельности пароходства, преобразовав его в товарищество. В уставе товарищества говорилось, что оно будет продолжать работы товаропассажирского и буксирного пароходства по рекам Белой, Каме и Волге. В.К. Сорокин выступил на правах полного распорядителя Торгового дома, а Тупицыны – на правах вкладчиков. Стоимость всего предприятия составляла 200 тысяч рублей, половина предприятия принадлежала Сорокину, а другая – Тупицыным (по 50 тысяч каждому). К этому времени братья закрыли фосфорный завод как убыточный, и у них были свободные капиталы. Контора товарищества находилась в Уфе на улице Центральной.

4 ноября 1911 г. от болезни сердца, в возрасте 67 лет, скончался Василий Кондратьевич Сорокин [22, л. 140об.-141]. Партнером Тупицыных стала его жена, Клавдия Васильевна Сорокина.

Жесткая конкуренция в торгово-пассажирских перевозках в бассейне р. Камы привела в 1914 г. к банкротству пароходств Беклемешева, Зырянова, Стародумова, Кашиной, «Сорокина и Бр. Тупицыных» и даже пароходную компанию «Товарищество Ф. и Г. Каменские». Более сильные компании разоряли мелкие. Пароходство «Сорокин В.К. и Бр. Тупицыны» купил пермский купец Н.В. Мешков.

12 лет проработало пароходство Тупицыных в бассейне рек Волги, Камы, Чусовой, Сылвы, Белой, Стерли и Уфимки. Только смерть распорядителя товарищества В.К. Сорокина помешала дальнейшей успешной деятельности их предприятия.

1. ПЕВ. – 1899. – С. 141-154.
2. Отчет о деятельности Пермского дамского попечительства о бедных за 1886 год. – Пермь, 1888. – С. 51.
3. Отчет о деятельности Пермского Дамского попечительства о бедных за 1888 год. – Пермь, 1889. – С. 32.
4. Метрическая книга Пермской Рождество-Богородицкой церкви на 1903 г. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 993. Л. 171об.-172).
5. Метрическая книга Градо-Пермской Рождество-Богородицкой церкви за 1864 год. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 303. Л. 171об.-172).
6. *Баяндина Н.* Пермь купеческая. – Пермь, 1997. – С. 123.
7. Журнал Пермской городской думы за 1905 г. – Пермь, 1906. – (22 февраля).
8. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1903 г. – Пермь, 1902. – С. 138.
9. *Верхоланцев В.С.* Летопись г. Перми с 1890 по 1912 годы. – Пермь, 1913. – С. 31.
10. Журнал Пермского уездного земского собрания за 1903 г. 12-й созыв.
11. Метрическая книга Рождество-Богородицкой церкви на 1912 год. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1046. Л. 298об.-299).
12. *Лохтин В.* Значение водных путей и их нужды. – СПб., 1907. – С. 16.
13. Отчет Пермской городской управы за 1904 год. – Пермь, 1905. – С. 35.
14. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1905 г. – Пермь, 1904. – С. 99.
15. Русское судоходство. – СПб., 1909. – № 5 – С. 25.
16. То же. 1909. – № 8. – С. 175.
17. То же. 1909. – № 12. – С. 131, 132.
18. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1906 г. – Пермь, 1905. – С. 75.
19. Русское судоходство. – СПб., 1909. – № 6 – С. 177.
20. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1907 г. – С. 44.
21. То же на 1912 г. – Пермь, 1911. – С. 193.
22. Метрическая книга Рождество-Богородицкой церкви на 1911 г. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1038. Л. 140об.-141).

При работе над статьей большую помощь оказал мне Е.П. Субботин, за что ему огромная благодарность.

НОВОЕ ИМЯ В СЛОВНИКЕ «ПЕРМЬ. ЖИТЕЛИ И ГОСТИ. 1723—1924»: А.Г. ЛУКАНИН

В процессе дальнейшей работы над справочным изданием «Пермь. Жители и гости. 1723—1924» [1], в частности, над списком учащихся Пермской духовной семинарии, автору пришлось познакомиться с «Клировыми ведомостями Соликамского уезда Пермской епархии» [2]. Внимание привлекла фамилия А.Г. Луканина, бывшего ученика Пермской духовной семинарии, а впоследствии – певчего Архиерейского хора, учащегося Санкт-Петербургской консерватории, регента, псаломщика, общественного деятеля.

«Луканин Александр Георгиевич, исполняет обязанности штатного псаломщика, 36 лет; сын священника. Указ имеет. На содержание свое получает из братской кружки 181 руб. 00 коп. % с капитала в 520 руб. 1 руб. 64 коп. и сена с церковных лугов 150 пудов; сверх всего казенное жалование в размере (100) ста рублей.

Образование получил в Пермской Духовной Семинарии, но полного курса не окончил, а вышел из 4-го класса по собственному прошению (1898). Согласно прошению, определен на вакансию младшего псаломщика к Пермскому Кафедральному собору (23.08.1899). В следующем, 1900 г. по собственному прошению вышел за штат, оставаясь лишь певчим Архиерейского хора. В 1902 г. уехал в г. Петроград для получения музыкального вокального образования. Осенью того же (1902) года был принят в число учащихся Петроградской Императорской Консерватории. В том же (1902) году, в декабре месяце, согласно прошению по резолюции Его Высокопреосвященства, Преосвященнейшего Антония Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, был назначен и.д. псаломщика и регента к церкви Общины Сестер Княгини Барятинской, находящейся в Ведомстве вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Находился на этой должности в течение шести лет и оставил ее вследствие смерти жены. С 1909 г. по 1914 г. пел в различных Архиерейских хорах, а 16 сентября настоящего года, по резолюции Его Преосвященства, Преосвященнейшего Андроника, Епископа Пермского и Соликамского, назначен исправляющим должность псаломщика при Свято-Троицкой церкви села Лёнвы Соликамского уезда (16.09.1914). Вдов. Имеет в семействе: сына Евгения (р. 1.1.1903), 11 лет, обучается во 2-м классе Пермского духовного училища; дочь Екатерина, 10 лет, обучается в Петрограде, в Институте Великой Княгини Елены Павловны; и дочь Зинаида, 8 лет, находящаяся у родных».

Представим Преосвященнейшего Антония Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, покровительствовавшего Александру Луканину в Санкт-Петербурге:

«Митрополит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский). Родился 3(15) сентября 1846 г. в с. Царёвка (Гремячка) Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье священника Василия Иовлевича Вадковского. В 1848—1858 гг. семья проживала в селе Матчерка Моршанского уезда. Учился в Тамбовском духовном училище; затем окончил Тамбовскую духовную семинарию; в 1870 г. – Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при Академии в качестве доцента по кафедре Пастырского богословия и Гомилетики. 4 марта 1883 г. пострижен в монашество архиепископом Казанским Палладием (Раевым); 6 марта рукоположен во иеромонаха. 14 ноября возведён в сан архимандрита и назначен управляющим Казанским Иоанно-Предтеченским монастырем. С 8 ноября 1884 г. – инспектор Казанской Духовной Академии. В 1885 г., по протекции Константина Победоносцева, перемещён на аналогичную должность сначала в Московскую, а затем в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. С 15 апреля 1887 г. – ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. 3 мая 1887 г. хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. 24 октября 1892 г. возведён в сан архиепископа и назначен на новооткрытую Выборгско-Финляндскую кафедру. С 27 октября 1892 г. – присутствующий в Святейшем Синоде. 25 декабря 1898 г. возведён в сан митрополита и назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, священно-архимандритом Свято-Троицкой Александро-Невской лавры; пожалован белым клобуком и крестом из драгоценных камней; член Святейшего Синода. С 9 июня 1900 г. – первенствующий член Синода (по смерти митрополита Киевского Иоанникия (Руднева). 22 апреля 1906 г. избран членом Государственного совета; 27 июня освобождён по собственному прошению. Скончался 2 ноября 1912 г., его тело было перенесено в Троицкий собор Лавры. В отпевании 5 ноября участвовал 21 архиерей, присутствовали Председатель Совета министров В.Н. Кокцов, обер-прокурор В.К. Саблер и другие официальные лица. Похоронен на братском участке Никольского кладбища Лавры».

Удалось установить имя жены Александра Георгиевича и дату их бракосочетания [3]:

«№ 36. Сын священника Александр Георгиевич Луканин, православный первым браком, 22 лет. Невеста – города Славянска дочь гражданина Мария Андреева Гундина, православная, первым браком, 18 лет. Брак – 15 сентября 1900 г. Поручители: женихе: канцелярский служитель Владимир Анфимов Рыусков и Оханский мещанин Михаил Николаев Кузнецов; по невесте: потомственный почетный гражданин Петр Матвеев Курочкин и канцелярский служитель Павел Дмитриев Бажуков. Таинство совершил: протоиерей Иоанн Никитин с диаконом Григорием Порфирьевым».

Сведения о новом месте службы псаломщика Луканина Александра Георгиевича в Свято-Троицкой церкви с. Лёнва Соликамского уезда Пермской епархии, куда его определил 16 сентября 1914 г. Епископ Пермский и Соликамский Андроник [4]:

«Церковь построена в 1688 г. тщанием гостей: Василия, Григория и Никиты Феодоровых, детей Шустовых, по обещанию, как значится между прочим, в записи на плите, вложенной в стене внутри церковной паперти. Зданием церковь сия каменная, таковая же при ней и колокольня; покрыты они железом и довольно еще прочны. Вокруг церкви в 1902-м – 1904 году построена высокая каменная ограда, на которую в 1907-м г. поставлены железные решетки. Престолов в ней два: главный во имя Святыя-Троицы, а второй во имя Трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго. Придел, бывший на правой стороне храма, Крестовоздвиженский, во время пожара 1877 г. сгорел и по тесноте храма не возобновляется. Утварию и ризницею достаточны. По штату при ней положены: 2 штатных священника, штатный диакон и 2 штатных псаломщика. Жалования положено: с 1910 от казны 2-м псаломщикам, каждому в размере ста (100) рублей в год. Кружечных доходов за 1914 год получено: 1810 руб. Расстоянием сия церковь и консистория 188-ми верстах, и местного благочинного в селе Веретии в 5-ти верстах, и ж/д станции в 2-х верстах; почтовый адрес церкви: Свято-Троицкая Лёнвенская церковь близ станции «Солеварни» Пермской железной дороги. Ближайшие к сей церкви: с юго-запада церкви села Усолья, в 3-х верстах; запада – заштатного города Дедюхина в 2 верстах и с юго-востока – церковь села Веретии, в 5 верстах».

В дальнейшем имя Александра Луканина встречается в 1919 г. в газете «Свободная Пермь» [5], как участника музыкально-литературного вечера, посвященного памяти М.Ю. Лермонтова и М.И. Глинки, устроенного для взрослых в зале 1-й мужской гимназии 23 февраля 1919 г.:

«Вечер состоял из двух отделений, при участии г-ж: В.Н. Дальской, В. Теодориди, О.Н. Федоровской; г.г. Е.И. Бойдаренко, П.Ф. Григорьева, А.И. Досманова, М.А. Людмилова, А.Г. Луканина, В.Ф. Николаи и П.Л. Федоровского. Вступительное слово на вечере о предшественниках Лермонтова произнес профессор Ю.Н. Верховский и о творчестве Лермонтова профессор Б.А. Кржевский. Вступительное слово о Глинке – Б.М. Попов».

Публикуя эту статью, автор надеется, что кто-нибудь из потомков Александра Георгиевича Луканина откликнется и сообщит о его дальнейшей жизни, а также о судьбе его детей.

1. *Субботин Е.П., Серов М.И.* Пермь. Жители и гости: 1723—1924. – 2-х т. – Пермь: Арабеск, 2006. Словник содержит информационную базу о более 35 тыс. лиц, живших или посетивших город за 200 лет с его образования. Данная база постоянно пополняется, и к настоящему времени содержит информацию почти о 100 тыс. персоналий.

2. Клировые ведомости Свято-Троицкой церкви в селе Лёнве Соликамского уезда, 1914 год. ГАПК. Ф. 540. Оп. 1. Д. 40. Л. 67-88.

3. Метрическая книга Пермского Петропавловского собора 1900 год. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 896. Л. 143об.-144.

4. Клировые ведомости Свято-Троицкой церкви в селе Лёнве Соликамского уезда, 1914 год. ГАПК. Ф. 540. Оп. 1. Д. 40. Л. 67-88.

5. Свободная Пермь. – 1919. – 23 февр. (№ 34).

**ПЕРМСКИЕ ДОМА
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВИЧА ДМИТРИЕВА
(К 160-летию со дня рождения)**

Есть люди, которые на своих плечах несут на пользу родной страны, края, науки такой огромный труд, что пред ними невольно останавливаешься с удивлением, граничащим с благоговением; но удивление удесятеряется, если обратить внимание на то, что эти люди сошли со сцены жизни, мало знаемые своей страной или краем, не оцененные по своим громадным заслугам. Что виновато в этом? – та ли область, над которой трудился тот или иной человек, или некультурность края, страны, для которых он работал? Пожалуй, то и другое вместе.

Донской Д. Памяти местного историка А.А. Дмитриева.

Александр Алексеевич Дмитриев – историк, ученый, исследователь, один из инициаторов создания и активный член Пермской ученой архивной комиссии, положившей начало систематическому собиранию и изучению документов по истории Пермской губернии. Историк Ф.А. Андерсон писал: «На Урале видное место в деле изучения истории местного края занимали во второй половине XIX в. Н.К. Чупин и Д.Д. Смышляев. Их учеником и продолжателем был А.А. Дмитриев – самый крупный историк Урала конца XIX в.» [1].

До сих пор среди историков и краеведов Пермского края было принято считать, что с именем Александра Алексеевича Дмитриева и его семьей в Перми связан только один адрес: дом по улице Торговой (Советской), 9, купленный отцом летописца, Алексеем Матвеевичем Дмитриевым. Однако в ходе исследований удалось установить еще один адрес – дом № 36 по улице Большой Ямской, который принадлежал чиновнику Александру Алексеевичу Дмитриеву. Не буду подробно останавливаться на биографии А.А. Дмитриева, познакомиться с которой нетрудно. Обратимся к ранее не освещенным (или неполно освещенным) фактам из жизни этого замечательного человека.

22 февраля 1854 г. в семье советника казенного соляного правления г. Дедюхина Соликамского уезда, Алексея Матвеевича и Марии Павловны Дмитриевых, родился сын Александр. Известно,

что в 1865 г. Александр поступил в Пермскую мужскую гимназию. В 1866 г. Алексей Матвеевич купил полукаменный дом по улице Торговой в Перми, по одним сведениям – у мещанина А.Я. Урядникова [2], по другим – у мещанина Куренбина [3]. В этом доме прошла большая часть жизни Александра Алексеевича. Здесь были написаны большинство его научных работ, родились его дети. В 1872 г. Александр Дмитриев окончил Пермскую гимназию, а в 1876 г. – историко-филологический факультет Казанского университета. Отбыв положенный срок воинской службы, Александр Алексеевич вернулся в Пермь, и 10 января 1877 г. был принят на вакансию преподавателя словесности, русского языка, истории и географии в Пермскую Мариинскую женскую гимназию.

Так случилось, что в этом же 1877 году, 16 августа его отец, «коллежский асессор Алексей Матвеевич Дмитриев, 65 лет» умер и был похоронен «на градском кладбище» [4]. Алексей Матвеевич Дмитриев родился 4 февраля 1817 г. По желанию родных, на памятнике ему были написаны слова: «Дети твои до гроба будут питать чувство благодарности за твои отеческие заботы» [5].

С 18 августа 1879 г. по 16 июля 1880 г. Александр Алексеевич, по предложению попечителя Оренбургского учебного округа, служил преподавателем Екатеринбургской женской гимназии. 16 августа 1880 г. был переведен в Пермь на должность преподавателя истории и географии Пермской мужской гимназии. Одновременно те же предметы он преподавал в Мариинской женской гимназии.

5 июня 1888 г. 34-летний коллежский советник Александр Алексеевич Дмитриев женился на дочери частного землемера-таксатора Екатерине Николаевне Дружининой, 18 лет. Свидетелями по жениху выступили «личный почетный гражданин Николай Авраамов Рогов и потомственный почетный гражданин Константин Петров Шавкунов. По невесте – фельдшер Ильинской графа С.А. Строганова больницы Григорий Яковлев Шайдуров и ученый управитель Александр Александров Теплоухов». Венчание совершали в Пророко-Ильинской церкви с. Ильинского священник Иоанн Бирилов с псаломщиком Григорием Иноземцевым [6]. Из специальных средств гимназии 6 июня 1888 г., с разрешения попечителя Оренбургского учебного округа, преподавателю А. Дмитриеву было выдано пособие в размере 200 рублей [7].

Рогов Николай Абрамович известен нам, прежде всего, как автор первого и одного из наиболее полных словарей коми-пермяцкого языка. Известно, что в 1846 г. он окончил курс в Санкт-Петербургской лесной школе и был назначен таксатором в Пермское имение Строгановых, в Инвенский округ [8].

Приведем некоторые сведения о семье Дружининых, ставших родственниками А.А. Дмитриеву после женитьбы. В книге протоиерея Алексея Марченко читаем: «Дружинин Николай Александрович род. 7 марта 1843 г.» [9]. Действительно, 7 марта 1843 г. в с. Ильинском в семье служителя Александра Петровича Дружинина и его жены Елизаветы Ивановны родился сын Николай [10]. Нашлась запись о рождении в с. Ильинском 2 мая 1871 г. Зинаиды Александровны Дружининой. В ней указано, что родители ее – «приписанный к гостиной слободке г. Москвы таксатор Николай Александров Дружинин и законная жена его Мария Николаева». Восприемницей (крестной) значится «горного г. Дедюхина купеческая дочь, девица Александра Николаева Агеева» (возможно, сестра матери?) [11]. Любопытно, что через год после свадьбы А.А. Дмитриева, 2 июня 1889 г., в той же Пророко-Ильинской церкви с. Ильинского венчали брак преподавателя древних языков Пермской классической гимназии, дворянина Николая Яковлевича Леонова, 29 лет, и дочери «личного почетного гражданина Николая Александрова Дружинина» Зинаиды, 18 лет [12].

12 августа того же 1888 г. умерла мать Александра Алексеевича, «вдова чиновника Мария Павлова Димитриева, похоронена на градском кладбище» [13]. По данным, приведенным в том же «Пермском некрополе», Мария Павловна (урожденная Петрова) родилась 10 марта 1822 г.

8 апреля 1890 г. в семье Александра Алексеевича и Екатерины Николаевны Дмитриевых родилась дочь Ольга. Восприемниками (крестными родителями) стали «воспитанник Пермской гимназии Николай Николаев Дружинин и жена землемера-таксатора Мария Николаева Дружинина» [14]. А 4 октября 1894 г. родилась вторая их дочь, которую назвали Ниной. Восприемниками новорожденной выступили те же. В метрической книге рядом с этой записью о рождении стоит отметка: «Выслана 17 февраля 1939 г.» [15]. О том, куда выслана эта выписка из книги, данных в ЗАГСе, к сожалению, нет.

После смерти Марии Павловны Дмитриевой, владельцем дома по улице Торговой, 9, во всех печатных документах значится «чиновник Дмитриев Николай Алексеевич» [16]. Известно, что Николай Алексеевич Дмитриев окончил курс юридических наук в Московском Императорском университете в 1886 г. Служил в Перми помощником присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты Цезаря Адольфовича Ляндсберга [17] и Владимира Александровича Белоруссова [18]. 23 января 1888 г. Николай Алексеевич был избран Пермским губернским земским собранием на должность мирового судьи 1-го участка Ирбитского судебного мирового округа [19],

служил в Красноуфимске. С 1907 года, согласно «Адрес-календарям Пермской губернии», статский советник Н.А. Дмитриев состоит членом Пермского окружного суда [20]. С 1911 г. он состоял председателем Общества попечения о лицах, освобождаемых из мест заключения [21], а с 1914 г. – председателем попечительства при Рождество-Богородицкой церкви г. Перми [22]. В 1916 г. вместе с ним членом попечительства значится его племянница, Ольга Александровна Дмитриева [23]. В 1917 г. среди членов попечительства записана Евгения Степановна Дмитриева [24].

24 ноября 1915 г. в семье Дмитриевых случилось несчастье: умерла от скарлатины шестнадцатилетняя дочь Николая Алексеевича и Евгении Степановны, Евдокия [25]. Это горе подорвало его здоровье, статский советник Николай Алексеевич Дмитриев умер 2 апреля (по старому стилю) 1919 г. [26].

В Государственном архиве Пермского края сохранилось подробное описание дома Дмитриевых по сведениям на 17 апреля 1901 г. Владельцами его по документам значатся Дмитриев Николай Алексеевич и Дмитриева Анна Алексеевна.

В 1896 г. была отремонтирована крыша дома, на что потрачено 400 рублей. В 1900 г. выстроен тротуар. Застрахован дом 12 июля 1900 г. Страховка, в среднем за три года, составляет 21 руб. 50 коп. В описании стоит отметка: «Документы у Н.А. Дмитриева находятся в Красноуфимске». На усадьбе дом, кладовая, каретник, службы, курятник и баня. Недвижимое имение получено по наследству в 1888 г. в том же составе. Изменений не произошло. Участок 17,4 x 35,5 саж.=617,7 кв. саж. Под огород занято 15x17=255 кв. саж. Остальное – двор и под постройками. Место сухое. Часть нижнего этажа занимает хозяин, а остальное – квартиранты [27]. Дом выходит фасадом на улицу Торговую, двухэтажный. Фундамент кирпичный. Первый этаж кирпичный. Дом длиной 15 арш., шириной 24¼ арш. Высота от земли до крыши составляет 9 арш. Толщина каменных стен 1 арш. На первом этаже две квартиры.

Квартира № 1 – хозяина. Число лиц, живущих в квартире, 2. Комнат в квартире 2. Дверей внутренних 2, дверь наружная 1, 2 печи, 7 окон. Размер окон первого этажа: высота 28 вершков, ширина 20 верш. Кухня длиной 7,5 арш., шириной 5,5 арш., высотой 3,25 арш. прилегает к комнате хозяина. В кухне 2 окна. В квартире хозяина есть коридор длиной 7,5 арш., шириной 3,75 арш., высотой 3,25 арш.

Квартира № 2 на первом этаже сдается Никиф. (Никифорову?) Число лиц, живущих в квартире, 8. Квартира из 3-х комнат. Длина квартиры 4,75 арш., ширина 22,5 арш., высота 3,25 арш. Печь 1, окон в этой квартире 8.

Квартира № 3 располагалась на втором этаже. Число лиц, живущих в квартире, 4. Размеры квартиры: длина 13,5 арш., ширина 22,75 арш., высота 4 арш.. Комнат в квартире 8, печей 4, окон 18. Высота окон на втором этаже составляла: высотой 34 верш., шириной 18 верш. Крыльцо деревянное, крыша железная, длиной 3 арш., шириной 9,5 арш.

Пристрой (кладовая) одноэтажный, каменный, на каменном же фундаменте, состоит из одного помещения, длиной 8 арш., шириной 6 арш., высота от земли до крыши 2,25 арш.

Каретник одноэтажный, деревянный, длиной (параллельно улице) 12 арш., шириной 6 арш. Высота от земли до крыши 5 арш.

Службы одноэтажные, деревянные, два помещения длиной 28 арш., шириной 8,5 арш. Высота от земли до крыши 5 арш.

Конюшня деревянная, одноэтажная, одно помещение, длина 5,5 арш., ширина 6 арш., высота 3 арш. Возраст конюшни 40 лет. Ветхая.

Баня одноэтажная, деревянная, одно помещение, длина 9 арш., ширина 6 арш., высота 3 арш. Возраст постройки 40 лет. Очень ветхая. Уже 10 лет ею не пользуются. Здание прослужило 60 лет.

Ночной сторож оплачивается – 6 руб. в год. Очистка дымоходов и труб составляла 10 руб. Очистка нечистот и снега оплачивалась 90 руб. в год. Набивка ледников – 2 руб. в год [28].

В исповедных ведомостях Градо-Пермского Петропавловского собора за 1914 г. среди семей чиновников есть упоминание о бывшей на исповеди Анне Алексеевне Дмитриевой, 62 лет [29].

Известно, что в начале мая 1919 г. Евгения Степановна Дмитриева по предписанию врачей, вследствие болезни (тяжелой формы суставного ревматизма и неврастении), выехала из г. Перми на «Горькое озеро», Челябинского уезда, для лечения [30]. Объясняя свой вынужденный отъезд, она писала:

«Болезнь моя обострилась вследствие тяжелых семейных условий – в течение 2-х лет я перенесла смерть самых близких мне существ, один за другим – 16-ти летней дочери и мужа. Болезнь мужа продолжалась 2 года, в течение которых он был совершенно беспомощным, т.к. разбит был параличом и не владел совершенно ногами, почему мне приходилось быть при нем безотлучно сиделкой. Нанять же для ухода за ним постороннего человека, за неимением средств, я не могла. Таким образом, я должна была в одно и то же время и служить, и ухаживать за тяжелобольным мужем. 15 апреля (новый стиль – *Н.К.*) от кровоизлияния в мозг муж скончался» [31].

Вернуться в Пермь она смогла только в начале 1921 г.

На основании Декрета СНК от 28 марта 1921 г., дом по ул. Советской (бывш. Торговая), 9, был муниципализирован [32]. Однако по суду Евгения Степановна в своих правах была восстановлена. Суд признал, что «она не бежала с белыми, а уехала лечиться» [33]. Дом был без торгов, по договору с ЖАКТ № 141 им. Фрунзе от 6 мая 1922 г., сдан в аренду Е.С. Дмитриевой на три года по 5 копеек за 1 кв.саж. в месяц. За 38,5 саж. она платила 1 руб. 92 коп. в месяц. Срок аренды истек 6 мая 1925 г. [34].

По данным ЗАГС, Евгения Степановна Дмитриева, проживавшая по адресу ул. Советская, 9, кв. 1, умерла 20 декабря 1942 г.

В 1899 г. чиновник Дмитриев Александр Алексеевич значился владельцем дома в первой части г. Перми, в квартале 147, по улице Большой Ямской, 36 [35]. В 1898 г. этот дом принадлежал владельцу Невзорову Алексею Яковлевичу [36]. Любопытно, что Невзоров Алексей Яковлевич окончил курс в Московской земледельческой школе [37] (не там ли, где учился таксатор Н. Дружинин?) В 1850 г. он был управляющим Инвенского округа Пермского имения Строгановых [38]. В 1899 г. деревянный одноэтажный дом Дмитриевых был оценен в 651 рубль. Налог на это имущество был насчитан в размере 21 руб. 21 коп. Усадебной земли под недвижимым именем по этому адресу значилось мерою в длину по улице 10 сажень и поперек, во двор и огород, 35 сажень. В межах усадьба граничила: при входе во двор по правую сторону (Большая Ямская, 38) с усадьбой мещанки Ярославцевой Анны Васильевны, по левую сторону (Большая Ямская, 34) – с усадьбой священника Дмитрия Петровича Адрианова.

6 марта 1901 г. на общем годовичном собрании членов Пермской ученой архивной комиссии А.А. Дмитриев был избран почетным членом комиссии. Александр Дмитриевич писал по этому поводу: «Долгом считаю душевно благодарить членов за это лестное внимание к моим посильным трудам» [39].

В этом доме 10 января 1902 г. депутация от Ученой архивной комиссии, директор народных училищ А.П. Раменский, председатель Пермской уездной управы А.А. Маллеев и другие приветствовали почетного члена комиссии, историка и, как отмечали присутствующие, лучшего знатока местного края, Александра Алексеевича Дмитриева по поводу исполнившегося четвертьвекового юбилея его служебной деятельности. Газеты писали, что «скромное чествование это имело место в квартире юбиляра» [40].

В ответном слове юбиляр поделился с присутствующими своими чувствами и планами:

«История Пермского края есть та почва, на которой я всегда отдыхал душой среди служебных забот и волнений. Эта почва научная и потому нейтральная, где я и в будущем надеюсь найти для себя душевный покой и удовлетворение. К сожалению, я всегда работал на этой почве урывками, между делом служебным, поэтому все мною сделанное, носит характер поспешности и, так сказать, недоделанности. Я весьма тронут выражением чувств архивной комиссии, что она не взглянула слишком строго на мои научные труды и снисходительно отнеслась к ним. Я желаю одного, чтобы и в будущем, если позволит мое здоровье, также неустанно трудиться на пользу архивной комиссии уже при иных условиях, не будучи стесняем службой, но на досуге, пользуясь свободой и непринужденностью».

Того же 10 января 1902 г. инспектор народных училищ Пермского уезда Александр Алексеевич Дмитриев, согласно прошения, уволен за выслугою 25 лет [41]. Из формулярного списка видно, что за период своей службы он был награжден орденами святого Станислава 3-й и 2-й степеней, и орденом святой Анны 3-й степени [42].

19 февраля на очередном заседании Пермской ученой архивной комиссии в здании музея общественность отмечала 25-летие ученой и педагогической деятельности Александра Алексеевича. По этому поводу с речью выступил М.Я. Попов [43]. Чествование А.А. Дмитриева учителями было назначено на 11 часов утра 23 февраля в доме юбиляра. В начале торжества отслужен «молебен с провозглашением долголетия». От имени законоучителей священник Михаил Рыжков преподнес юбиляру икону Спасителя, народный учитель М.И. Титков прочел адрес, под которым стояло более 200 подписей, после чего, «в знак уважения и на память», был преподнесен Александру Алексеевичу серебряный письменный прибор, приобретенный на собранные деньги. О. Циммерман прочла «очень теплый адрес от бывших учениц по женской гимназии». Читались телеграммы и письма, «полученные во множестве». Закончилось торжество фотографированием всех присутствовавших с юбиляром [44]. Газеты отмечали, что «из телеграмм обращает на себя внимание ... из Ильинска, от Теплоухова», от учителей из Добрянского завода и из Верхотурья от «признательных учеников Мухлыниных» [45].

Из письма А.А. Дмитриева Ф.А. Теплоухову: «Утрами буду два месяца писать отчет о своих зимних и весенних осмотрах училищ, а вечерами работать ... Вечер и ночь опять будут мои» [46].

Несомненно, такая работа сказалась на его здоровье. Вскоре после выхода в отставку, 1 июня 1902 г. Александр Алексеевич Дмитриев умер.

Из «Метрической книги Пермского Петропавловского собора»:

«№ 47. Дмитриев Александр Алексеевич (? – 1.6.1902, Пермь; 48 лет, паралич), статский советник; на городском кладбище, протоиерей Иоанн Никитин и диакон Николай Наумов» [47].

На следующий день в «Пермских губернских ведомостях» появилось сообщение: «Александр Алексеевич Дмитриев после продолжительной и тяжелой болезни скончался 1 сего июня в 7 часов вечера, о чем родные и знакомые извещаются. Панихиды в 1 час дня и 7 часов вечера» [48].

Из статьи в «Пермских губернских ведомостях»:

«Схоронен Александр Алексеевич Дмитриев 3 июня на Старом кладбище, могила его недалеко от церкви (против нея).

На похоронах присутствовали: господин директор народных училищ, действительный статский советник А.П. Раменский, инспектор народных училищ Пермского уезда С.Г. Сироткин, представитель Пермского уездного земства, председатель Пермской уездной управы А.А. Маллеев, от научного музея П.Н. Серебренников, от ученой комиссии г. Малченко и прочие лица. Почти от каждой школы г. Перми было по несколько воспитанников, учебный же персонал городских школ г. Перми присутствовал в полном составе; были учителя и из уезда. На выносе тела присутствовали из духовных лиц почему то только о. И. Никитин (близкий друг покойного), о. П. Серебренников (законоучитель Ольгинского училище) и о. Евграф Кудрявцев (бывший законоучитель в Ольгинском училище). Законоучители других школ отсутствовали... Не может быть, чтобы они забыли, сколько добра делал им покойный... На трех подушках школяры несли ордена покойного. На могиле возложены венки от народных учителей, научно-промышленного музея, архивной комиссии, Пермского уездного земства и от родных.

...Александр Алексеевич был действительным членом Пермского губернского статистического комитета и Уральского общества любителей естествознания, членом-сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Рязанской ученой архивной комиссии, Ростовского музея церковных древностей, Санкт-Петербургского археологического института, Тобольского губернского музея, товарищем председателя, затем председателем (с января 1900 по март 1901 г.) и затем почетным членом и редактором «Трудов» Пермской ученой архивной комиссии, членом-корреспондентом финляндского Общества археологии в Гельсингфорсе. Уральское общество любителей естествознания наградило его большой серебряной медалью. Почти во все эти общества А.А. пожертвовал много драгоценных старинных рукописей, карт, нот и экземпляров своих изданий» [49].

Таким образом, А.А. Дмитриев был похоронен на Егошихинском кладбище неподалеку от Успенской церкви. К сожалению, могила его затерялась, значится в списке разыскиваемых [50].

Современник А.А. Дмитриева Д. Донской писал: «Чтобы видеть, что сделал А.А. для исторической науки, преимущественно своего родного края, стоит, хотя бегло, просмотреть список его печатных работ» [51].

Имя Александра Алексеевича Дмитриева не было забыто его коллегами-краеоведами.

В.С. Верхоланцев. Летопись моей жизни. Тетрадь № 25. (ГАПК. Ф. р-970. Оп. 1. Д. 6).

1928 г. 22 января. Записался в члены педагогического общества при университете. Днем у меня был П.С. Богословский и предложил сделать доклад в Кружке изучения Северного края при университете о Дмитриеве. (Л. 48об.).

1928 г. 5 февраля. В Кружке изучения Северного края делал доклад о Дмитриеве (историке). (Л. 49).

1929 г. 7 апреля. На докладе Савича о Дмитриеве. (Л. 53об.).

Его труды не потеряли своего значения и сегодня. Известный пермский ученый, профессор В.А. Оборин отмечал: «Его исследования ... были использованы многими советскими историками» [52]. Архивист С.С. Смородина составила хронику жизни и деятельности А.А. Дмитриева, подчеркнув во вступлении: «Наследие, которое оставил после себя А.А. Дмитриев, – это собрание редких и ценных рукописей и других документов и более 139 опубликованных трудов, наиболее значительными из которых являются 8 выпусков сборника «Пермская старина» и «Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года» [53].

К сожалению, до настоящего времени нет полной библиографии его трудов и литературы о нем. В свое время Александр Алексеевич одним из первых опубликовал список работ Д.Д. Смышляева, вскоре после его смерти. Современные библиографы должны, наконец, озаботиться изданием библиографического указателя, посвященного А.А. Дмитриеву. Это тем более важно потому, что имя его действительно не забыто, а труды постоянно используются исследователями Пермского края. В наши дни появилась даже монография, посвященная уральскому историку: В.Л. Семенов. Исторические взгляды А.А. Дмитриева (Пермь, 2002).

Екатерине Николаевне Дмитриевой с двумя несовершеннолетними дочерьми, Ольгой и Ниной, была назначена пенсия за 25-летнюю службу мужа и отца в размере: «Вдове половину оклада пенсии (900 рублей), производившейся покойному Дмитриеву в отставке – 450 рублей, и двум дочерям 2/3 другой половины того же оклада – 300 рублей, а всему семейству по 750 рублей... со дня смерти Дмитриева 1 июня 1902 г.» [54].

Е.Н. Дмитриева стала владелицей дома. Уже в июле 1902 г. она передала в дар Архивной комиссии рукописи, архивные материалы и библиотеку покойного мужа, за что ее в письме благодарил пермский губернатор Д.Г. Арсеньев [55]. И сегодня на книгах из фонда Пермского краеведческого музея можно увидеть отметку «Дар Е.Н. Дмитриевой».

29 мая 1904 г. Екатерина Николаевна передала архивной комиссии оставшиеся нераспроданными книги мужа и все права на них за 550 рублей [56].

В 1905 г. в доме вместе с Е.Н. Дмитриевой и ее дочерьми Ольгой и Ниной проживали ее родители: «Землемер-таксатор Николай Александрович Дружинин и жена его Мария Николаева» [57].

В Государственном архиве Пермского края сохранилась переписка Н.А. Дружинина (отец Е.Н. Дмитриевой – Н.К.) с Федором Александровичем Теплоуховым. Из нее известно, что в 1886 г. Николай Александрович Дружинин окончил курс Казанского земледельческого училища. По специальным предметам имел отметку «отлично» [58]. 2 февраля 1907 г. Н.А. Дружинин писал Теплоухову, приехавшему в Пермь по делам: «Покорнейше прошу Федора Александровича сегодня вечером пожаловать ко мне откушать чаю» [59].

Мария Николаевна Дружинина умерла 6 августа 1914 г. и была похоронена «на Всехсвятском кладбище» [60]. 11 февраля 1916 г. умер «частный землемер-таксатор Николай Александрович Дружинин». Похоронили его там же [61].

15 января 1915 г. старший нотариус Пермского окружного суда утвердил купчую крепость на деревянный дом и флигель со всеми надворными строениями по ул. Большой Ямской, 36, проданный вдовой статского советника Екатериной Николаевной Дмитриевой гражданскому инженеру Петру Кондратьевичу Гаврилову [62].

27 марта 1917 г. дом со всеми постройками за 28 тысяч 500 рублей приобрел инженер-механик Михаил Михайлович Гладышев. В 1921 г., согласно Декрету СНК от 28 марта, дом был муниципализирован [63]. 2 мая 1922 г. его сдали в аренду М.М. Гладышеву на три года. Арендная плата за месяц составляла 6 рублей 12 копеек [64].

В этом же деле сохранилось описание строений, находящихся по адресу ул. Зиновьева (бывшая Большая Ямская), 36. На площади в 350 кв. саж. находились три жилых дома:

«Жилой дом фасадом в улицу, одноэтажный, площадь основания 38 кв. саж., стены деревянные, крыша железная. Сени площадью основания 2,8 кв. саж. Жилой дом площадью основания 4,5 кв. саж., стены деревянные, крыша железная (бывший флигель? – Н.К.) Сени площадью основания 1,80 кв. саж. и площадью основания 1,28 кв. саж. Жилой дом фасадом во двор, одноэтажный, площадь основания 22,78 кв. саж., стены деревянные, крыша железная. Сени, площадью основания 1,72 кв. саж. Службы площадью 14,4 кв. саж. Баня площадью основания 4,34 кв. саж. Предбанник площадью 0,50 кв. саж.»

Позднее, по-видимому, в 1970-х гг., при строительстве корпуса Педагогического университета, находящегося сегодня по адресу Пушкина, 42, этот дом был снесен.

Дальнейшая судьба семьи А.А. Дмитриева неизвестна. Жена брата Александра Алексеевича, Николая Алексеевича Дмитриева, Евгения Степановна, упоминает в переписке в 1921 г. о своих родственниках в Ново-Николаевске (ныне Новосибирск), но кого конкретно она имела в виду, из переписки не ясно.

В одном из писем Федору Александровичу Теплоухову Александр Алексеевич Дмитриев посетовал: «У нас мертвому больше сочувствуют, чем живому» [65]. Хочется надеяться, что по прошествии более ста лет, пермское общество изменилось, научилось поддерживать своих замечательных современников при их жизни, и достойно хранить память о земляках. Закончу вновь словами Александра Алексеевича Дмитриева: «Остаюсь Ваш коллега по оружию» [66].

1. *Андерсон Ф.А.* Дмитриев как историк Урала // Ученые записки Молотовского государственного университета. – 1951. – Т. VI, вып. 4. – С. 25.
2. *Смородина С.С.* Основные даты жизни и деятельности А.А. Дмитриева // Страницы прошлого: избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. – Пермь, 1995. – С. 113.
3. *Спешилова Е.А.* Дом летописца // Вечерняя Пермь. – 1990. – 21 дек.
4. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 321. Л. 88об.-89.
5. *Голубцов В.В.* Пермский некрополь. – Пермь, 2002. – С. 53.
6. ГАПК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 610. Л. 190об.-191.
7. ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 326. Л. 53об.-54.
8. ИРКМ. Д. 2003. Л. 78.
9. *Марченко А.Н.*, протоиерей. Летопись православных храмов на Егосихинском кладбище города Перми. – Пермь, 2007. – С. 186.
10. ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 132. Л. 8.
11. Там же. Оп. 6. Д. 14. Л. 150об.-151.
12. Там же. Ф. 719. Оп. 1. Д. 610. Л. 305об.-306.
13. Там же. Ф. 37. Оп. 6. Д. 336. Л. 145об.-146.
14. Там же. Д. 339. Л. 18.
15. Там же. Д. 344. Л. 95.
16. Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми. – Пермь, 1898. – С. 12.
17. ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 1об.
18. Там же. Л. 9.
19. Там же. Л. 11.
20. Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1907 г. – Пермь, 1907. – С. 192.
21. То же на 1911 г. – Пермь, 1911. – С. 220.
22. То же на 1914 г. – Пермь, 1914. – С. 25.
23. То же на 1916 г. – Пермь, 1916. – С. 29.
24. То же на 1917 г. – Пермь, 1917. – С. 35.
25. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 907. Л. 145.
26. Там же. Д. 1091. Л. 235об.-236.
27. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 160. Л. 60.
28. Там же. Л. 60об.-61.
29. Там же. Ф. 191. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
30. Там же. Ф. р-391. Оп. 1. Д. 1086. Л. 3.
31. Там же. Л. 7об.
32. Список муниципализированных домов г. Перми // Жилищный вопрос. – Пермь, 1923. – С. 35.

33. ГАПК. ф. р-391, оп.1, д. 1086. Л. 23-23 об.
34. Там же. Ф. р-423. Оп.1. Д.1571. Л.7.
35. Раскладка налогов с недвижимых имуществ жителей г. Перми на 1899 г. – Пермь, 1899. – С.34.
36. Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми. – Пермь, 1898. – С.12.
37. ГАПК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 111. Л. 40об.-41.
38. ИРКМ. Д. 1965. Л. 314.
39. ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 45. Л. 10.
40. Хроника. Чествование 25-летия деятельности А.А. Дмитриева // ПГВ. – 1902. – 17 янв. (№ 14). – С. 2.
41. Хроника // ПГВ. – 1902. – 11 янв. (№ 9). – С. 2.
42. ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 326. Л. 52об.-57.
43. Хроника // ПГВ. – 1902. – 19 февр. (№ 41). – С. 2.
44. Юбилей А.А. Дмитриева: (25-летие педагогической и ученой деятельности) // ПГВ. – 1902. – 27 февр. (№ 46). – С. 2.
45. Еще о юбилейном чествовании А.А. Дмитриева // ПГВ. – 1902. – 28 февр. (№ 47). – С. 2.
46. ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 434. Л. 8.
47. Там же. Ф. 37. Оп. 6. Д. 899. Л. 188.
48. ПГВ. – 1902. – 2 июня (№ 117).
49. *С.И.* Александр Алексеевич Дмитриев // ПГВ. – 12 июня (№ 124). – С. 2. Подпись «С.И.» – возможно, С.А. Ильин?
50. См.: Некрополи Перми: справочник. – Пермь: Ладонь, 2009. – С. 52.
51. *Донской Д.* Памяти местного историка А.А. Дмитриева // ПГВ. – 1903. – 1 июня (№ 116). – С. 2-3.
52. *Оборин В.А.* Археографическая деятельность А.А. Дмитриева // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. – Пермь, 1970. – С. 181.
53. *Смородина С.С.* Основные даты жизни и деятельности А.А. Дмитриева // Страницы прошлого: избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. – Пермь, 1995. – С. 113.
54. ГАПК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 326. Л. 76.
55. Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
56. Там же. Д. 44. Л. 7.
57. Там же. Ф. 415. Оп. 1. Д. 18. Л. 115об.
58. Там же. Ф. 613. Оп. 2. Д. 205. Л. 4об.
59. Там же. Л. 6-6об.
60. Там же. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1055. Л. 153.
61. Там же. Д. 1069. Л. 142об.-143.
62. Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 51. Л. 105.
63. Список муниципализированных домов г. Перми // Жилищный вопрос. – Пермь, 1923. – С. 58.
64. ГАПК. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 1737. Л. 18.
65. Там же. Ф. 613. Оп. 2. Д. 434. Л. 7об.
66. Там же. Л. 14.

АДРЕСНЫЙ СТОЛ ГОРОДА ПЕРМИ. 1919 ГОД

В Государственном архиве Пермского края хранится «Дело о деятельности Пермского адресного стола. 1 января – 31 мая 1919 г.»¹ Дело включает переписку и цифровые данные о деятельности Пермского адресного стола, а также о количестве и движении народонаселения в г. Перми и его пригородах в 1-й половине 1919 года, в период нахождения в Перми войск Временного Сибирского правительства России.

Из рапортов начальника Пермского адресного стола Михаила Васильевича Шолохова (до 1 июля 1918 г. – служащий Пермской железной дороги) в Городскую управу 1 января 1919 г. за № 2988 и 14 марта 1919 г. за № 4001 с предоставлением доклада о деятельности его в качестве начальника Пермского адресного стола следует:

«В дореволюционное время ... Адресный Стол, являясь по существу своему фамильным отделением Полицейского Управления, обслуживал интересы Полицейского сыска, совершенно игнорируя интересы населения граждан. С 1 марта 1917 по 1 июля 1918 г. по Адресному столу улучшений и изменений установить не представляется возможным, т.к. в этот период времени сменилось и.о. Начальника Адресного стола – 8 человек. При вступлении меня на должность Начальника Адресного стола в июле прошлого 1918 г. последний был в крайне запущенном виде². ... При поступлении меня на службу Начальника Адресного стола 1 июля 1918 г., после ряда сменившихся исполняющих обязанности начальника, последний был принят мной от комиссара Ануфриева в крайне запущенном виде: учета адресных листов и книг совершенно не велось, отчетов в израсходовании их, и остаток никуда не представлялся и никем не контролировался, регистрация и учет народонаселения совершенно отсутствовали, денежные суммы, вырученные от продажи бланков, вписывались в приходо-расходную книгу, но остатки в Финотдел не сдавались³. ... Громадных усилий потребовали от меня восстановление совершенно развалившегося учреждения и постановка его на должную высоту».

В присутствии представителя Финотдела был составлен Акт и произведена регистрация наличия домовых книг и адресных листов, которые оказались совершенно нигде не заприходованы.

«В целях пресечения мер скрывавшегося преступного элемента на окраинах г. Перми 10 июля 1918 г., – сообщал М.В. Шолохов, – мной были учреждены участковые адресные столы: за р. Камой, на зав. Балашовой и принят на учет существующий адресный стол в зав. Мотовилиха. с представлением суточных ведомостей прибывших и убывших в г. Пермь и его пригороды в Центральный Адресный стол, где производился общий учет всего населения с предоставлением сведений в отделы продовольствен-

ный, управления, статистики и др. общественные организации. Согласно обязательному постановлению Исполкома Пермского Горсовета от 10 июля 1918 г. все граждане при прописке и выписке в участках уплачивали в доход Городского Совета сбор по 50 коп. ... Этот прописочный сбор со стороны граждан вызывал критику и отрицательное отношение к регистрации об отмене, каковой я возбудил ходатайство перед Горисполкомом 18 сентября 1918 г. и 5 декабря 1918 г. ...»⁴.

Перед бегством большевиков по распоряжению Чрезвычайной комиссии в Центральном адресном столе с 13 декабря 1918 г. было введено ночное дежурство, и по распоряжению Исполнительного комитета 21 и 22 декабря все участковые районные столы за р. Камой, на зав. Балашовой и в зав. Мотовилиха были сожжены. Лишь Центральный адресный стол, несмотря на категорическое указание об эвакуации его и уничтожении адресов всего населения, удалось сохранить в целости и полной исправности. Штат служащих Пермского адресного стола на 1 января 1919 г.: начальник, помощник, 5 старших, 5 младших, посыльный и сторож⁵.

По приказу начальника Пермского гарнизона от 2 января 1919 г. полковника Николаева за № 6 о производстве в 20-дневный срок перерегистрации населения г. Перми с представлением адресных листов в 2-х экземплярах, с целью создания адресных столов при участках милиции, где до этого существовали прописочно-регистрационные столы, началась регистрация населения в Перми, в заводах Мотовилиха, Балашовой и за р. Камой, с представлением 1-го экземпляра в Пермский центральный Адресный Стол. В конце февраля – в начале марта 1919 г. Центральный адресный стол г. Перми был вновь реорганизован: учреждены участковые адресные столы при 1, 2, 3 и 4 городских участках милиции и районные при зав. Мотовилиха, Балашовой и за Камой в целях пресечения преступного элемента, ютившегося на окраинах города.

Таким образом, участковые и районные адресные столы, работая в тесном контакте и под фактическим руководством начальника Центрального адресного стола, вели учет и регистрацию всего населения г. Перми и его пригородов⁶.

На 1 февраля 1919 г. Пермский адресный стол зарегистрировал в г. Перми с 14-летнего возраста обоого пола по четырем участкам – 60653 человек, из них в 1-м участке прибывших 17394, выбывших 2338; во 2-м участке – прибывших 11920, выбывших 2979; в 3-м участке – прибывших 13605, выбывших 1500; в 4-м участке – прибывших 9361, выбывших 1556. Итого прибывших – 52280 и выбывших 8373. Всего по 1 февраля в 4-х участках г. Перми состоит, кроме войск, монастырей, приютов и проч. – 52280 человек. Для сравнения были сообщены сведения по численности населения г. Перми на 1 декабря 1918 г.: в 7-ми участках г. Перми состояло 121807 человек⁷.

На 1 марта 1919 г. Пермский адресный стол зарегистрировал в г. Перми населения с 14-ти летнего возраста обоого пола – 74536 человек. Из них в 1-м участке прибывших 19813, выбывших 4001; во 2-м участке – прибывших 14764, выбывших 4762; в 3-м участке – прибывших 15804, выбывших 3000; в 4-м участке – прибывших 10365, выбывших 2117; итого прибывших – 52280 и выбывших 8373. А всего по 1 марта в четырех участках г. Перми состоит, кроме войск, монастырей, приютов и проч. – прибывших 60764 и выбывших 13790 человек⁸.

В связи с вышеизложенным, М.В. Шолохов просил Городскую управу утвердить его в должности начальника Пермского адресного стола с 1 июля 1918 г.⁹

В деле сохранился также не датированный и никем не подписанный доклад (записка) о деятельности и предстоящих задачах Пермского адресного стола¹⁰. Анонимный автор записки (вероятно, помощник начальника адресного стола) сообщал в Городскую управу: «Адресный стол сохранился, к сожалению, не в целом ... Ставленнику или сотруднику большевиков, железнодорожному технику, занимающему должность начальника адресного стола ... очевидно, под угрозой строгой расправы в отсутствие служащих, пришлось сжечь адресных листов на букву “Е”, т.е. приблизительно около 9 тыс. адресов...»

Автор записки сообщил, что для осуществления более точной и успешной регистрации жителей, производить новую перерегистрацию и вдобавок с учреждением в г. Перми ненужных участков адресных столов не следует, ибо без сомнения таковая произойдет более медленно и не безболезненно. Такая перерегистрация будет совершенно излишним «обременением домовладельцев, держателей номеров и заведующих лечебными учреждениями, писанием лишних адресных листов и тратой колоссального количества бумаги, недостаток которой может погубить Центральный адресный стол». По мнению анонимного автора записки, «необходимость в участковых адресных столах встречается лишь в городах, разделенных на 10-15 участков... надобность в участковых адресных столах для Перми не настолько важна ... и вообще не настолько улучшает положение дела Центрального адресного стола, насколько ухудшает... так как в городах, где имеются участковые адресные столы, номерные и домовые книги ведутся не безграмотными швейцарами или дворниками, как в Перми, а специальными на то лицами...». Подобная перерегистрация потерпит крах, благодаря отсутствию нормальной постановки дела по приему в участках адресных листов, и незнанию начальником адресного стола своих обязанностей. Для проведения ее необходимо всего лишь обязать домовладельцев под их личную ответственность:

1) В 3-дневный срок сверить свои домовые книги с наличностью жильцов, и лиц, оказавшихся не вписанными, немедленно вписать, а не выписанных – выписать, и в то же срок доставить на них соответствующие адресные листки.

2) Если из числа жильцов окажутся лица с фамилиями на букву “Е”, то на последних также доставить адресные листки, независимо от того, были они поданы ранее или нет.

После этого адресному столу предстояло бы лишь приступить к сверке домовых книг со сведениями адресного стола и ввести строгое и неуклонное наблюдение за дальнейшим правильным ведением домовладельцами домовых книг и своевременным доставлением адресных сведений. Таким путем гораздо скорее можно было бы получить более точную регистрацию и пополнить все недочеты адресного стола, и всякие упущения домовладельцев в домовых книгах.

Автор записки полагал, что для улучшения постановки дела адресного стола, в связи с переходом милиции в ведение Министерства Внутренних дел, необходимо изменить правила об адресном столе и существующую для него инструкцию, имея в виду, что милиция вне зависимости от Городского самоуправления ... будет иметь свои участковые адресные столы, и едва ли можно будет рассчитывать, чтобы она стала содействовать Центральному адресному столу и аккуратно выполнять на местах его несложные, но неотложные поручения.

В связи с этим он предложил сократить штат служащих Пермского адресного стола до 4-5 человек, а вместо уволенных принять 3-4 человек в качестве агентов, специально для выполнения неотложных поручений адресного стола, например, для сверки домовых книг с наличностью жильцов, для устранения на местах упущений и прочих дефектов, и эти агенты должны быть в непосредственном распоряжении Центрального адресного стола.

Кроме того, продажа бланков адресных листов и домовых книг, а также выдача платных справок должна была производиться под строгой ответственностью, поскольку в настоящее время таковая поставлена скверно, и делается чисто по-большевистски.

27 января 1919 г., согласно рапорту начальника, Пермский адресный стол обслуживал бесплатно, давая справок как лично, письменно или по телефону во все военные, казенные общественные учреждения, по приблизительно подсчету до 8550 штук, всего на сумму 25.650 руб. в год. В связи с этим было предложено взимать за выдачу справок с учреждений по 25 коп. за каждую справку, а где это не представляется возможным – давать сведения о числе выданных справок.

На проект начальника адресного стола об установлении платы за выдачу справок была наложена резолюция управы, подписанная В. Трапезниковым, о представлении в управу сведений о числе выдаваемых справок с постепенной заменой их сведениями о количестве сумм, могущих поступить от введения указанной меры¹¹.

Жизнеспособность адресного стола, как чисто городского учреждения, в условиях существования Перми как прифронтового города, была понятием чисто номинальным.

16 марта 1919 г. была составлена справка Городской управы за № 2801 по отношению начальника Пермской городской милиции «об отпуске ему ежемесячно из сумм адресного стола по 3000 руб. на содержание 8-ми приемщиц адресных листов при 4-х участках милиции гор. Перми». Из справки видно следующее.

До революции, когда существовал полицейский адресный стол, адресные листки сдавались через полицейские части. После революции, когда и милиция и адресный стол стали городскими учреждениями, состоящими в ведении Городской управы, адресные листки сдавались в участки милиции, которые принимали и передавали их в адресный стол бесплатно, и вопроса об ассигновании кредита на содержание приемщиц не могло возникнуть, так как милиция и адресный стол были учреждениями городскими. С переводом милиции в ведение Министерства внутренних дел возник вопрос об оплате приемщиц адресных листов за счет адресного стола или об освобождении участков милиции от работы в интересах адресного стола. Прием и регистрация адресных листов именно в участках милиции установлены приказом коменданта о производстве перерегистрации всего населения города¹². В связи с этим решено было установить прием адресных листов в помещении адресного стола служащими стола. После этого вновь прибывшие в город должны будут предъявлять паспорта в милицию, а при переходе с квартиры на квартиру не нужно будет визировать паспорта¹³.

23 апреля 1919 г. начальник адресного стола М.В. Шолохов сообщил в Городскую управу, что согласно предписанию командира Среднесибирского корпуса от 2 апреля 1919 г. он призван на действительную военную службу, и в должность начальника адресного стола с 20 апреля вступил назначенный Городской управой А.А. Данцигер¹⁴.

20 апреля 1919 г. по Акту о приеме и передаче имущества М.В. Шолохов сдал Андрею Андреевичу Данцигеру по описи все дела, денежные суммы, бланки и инвентарь Пермского адресного стола¹⁵.

Дело о деятельности Пермского адресного стола заканчивается документом, датированном 13 мая 1919 г. — отношением Пермского адресного стола в Городскую управу о заказе в типографии адресных листов о выбывших в количестве 30000 штук¹⁶.

¹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 427. 26 л.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 23-24об.

⁵ Там же. Л. 17-17об., 24.

⁶ Там же. Л. 24-24об.

⁷ Там же. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ Там же. Л. 25-26.

¹¹ Там же. Л. 21-21об.

¹² Там же. Л. 2-4об.

¹³ Там же. Л. 4об.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 1.

Приложение.

АДРЕСНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

Краткая историческая справка

Высочайшим Указом от 15 октября 1809 г. в обеих столицах Российской империи в составе городской полиции были созданы Конторы адресов, с 1839 г. преобразованные в Адресные экспедиции (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. — Т. XXX: 1808—1809. — СПб., 1830).

В указе от 15 октября предполагалось, что штат конторы будет состоять из двух правителей — одного русского, а другого иностранца или русского, владеющего французским, немецким, английским и итальянским языками, двух секретарей, двух переводчиков, казначея и четырех писарей. Контора адресов выполняла две важные функции: финансовую и полицейскую. Желающие устроиться на службу в столицах оставляли в конторе адресов паспорт и вместо него за плату получали билет на жительство.

В 1839 г. Контору адресов преобразовали в Адресную экспедицию, а при ней открыли адресный стол: «для доставления всем и каждому из желающих нужных сведений о месте жительства пребывающего в столице». Такой же адресный стол появился в Москве только в 1861 году, «по примеру Санкт-Петербурга». Адресные конторы в Петербурге и Москве просуществовали до 1888 года.

В 1903 г. был принят «Устав о паспортах». Он стал главным документом, который регламентировал процедуру паспортизации населения.

Второе рождение адресные подразделения получили после Октябрьской революции 1917 года. 4 мая 1923 г. НКВД РСФСР утвердил положение «Об адресных бюро и адресных столах в РСФСР». В положении указано, что означенные организации учреждаются при городских управлениях милиции для ведения точной регистрации и учета населения в городах, а также для выдачи адресных справок как учреждениям, так и частным лицам. В адресных бюро велся точный и скрупулезный учет населения, а в адресных столах выдавались справки о месте проживания того или иного человека.

После введения прописки населения еще более расширились возможности адресно-справочной работы. В связи с этим циркуляром НКВД от 11 ноября 1926 г. было объявлено новое Положение об адресных бюро и адресных столах в РСФСР. С его принятием становление адресных бюро, в основном, завершилось.

В годы Великой Отечественной войны очень многие люди пропадали без вести, терялись дети. В связи с этим 23 января 1942 г. был образован Центральный детский адресный стол, который располагался в Оренбургской области. На местах были созданы соответствующие подразделения.

Очень важной работой было также установление местожительства граждан, эвакуированных из своих городов и поселков. В марте 1942 г. было создано Центральное справочное бюро. Аналогичные бюро были созданы и при паспортных отделах управлений милиции республик, краев и областей. Работниками этих бюро были установлены сведения о более двух миллионов разыскиваемых.

После окончания войны в стране велась активная паспортная работа. Сотрудникам паспортных аппаратов необходимо было наладить учет населения городов и рабочих поселков. Кроме этого, они выдавали гражданам большое количество различного рода справок о людях, связь с которыми была потеряна во время войны.

Современная адресно-справочная служба широко использует в своей работе автоматизированные информационные системы. Именно они позволяют в короткие сроки находить нужную информацию о человеке на любую заданную дату в пределах 25-летнего периода времени от текущей даты, а на субъект адресно-справочной информации, изменивший фамилию, имя, отчество, пол, дату и место рождения, – в пределах 50-летнего периода времени от текущей даты. Для получения интересующих сведений, а также для розыска потерявшихся родственников, друзей, знакомых необходимо обратиться в отдел адресно-справочной работы с письменным заявлением. Сделать это гражданин может лично или по почте. В соответствии с федеральным законодательством, адресная информация в отношении других лиц не подлежит распространению без их согласия.

Такое положение продолжалось до конца 1990-х гг. Затем при управлениях МВД были созданы отделы адресно-справочной работы. Эти структуры занимаются формированием учета проживания граждан и расположения предприятий и компаний на подведомственной территории. Эта же служба занимается предоставлением информации населению, в основном, о местоположении предприятий. Местожительство граждан является тайной.

До последнего времени адресные бюро являлись подразделениями МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, УВД крупных муниципальных образований. При реорганизации Федеральной миграционной службы в составе ее территориальных подразделений были образованы отделы адресно-справочной работы, ставшие правопреемниками адресных бюро. Основной функцией отделов является организация и осуществление работы по выполнению административных процедур формирования, хранения, использования и предоставления адресно-справочной информации.

<http://www.dv4.me/news/322-oktyabrya-den-obrazovaniya-adresno-spravocnyh-podrazdelenij-federalnoj-migratsionnoj-sluzhby-rossijskoj>

Артиллерийский приёмщик А.Г. Стрижев. Судьба его семьи и домовладений в Перми

Стрижев Алексей Григорьевич родился 17 марта 1846 г. Православный. Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. В службу вступил 19 сентября 1865 г. После окончания училища был произведен в подпоручики с 8 августа 1866 г. во 2-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. Поручик с 23 октября 1868 г., штабс-капитан с 31 октября 1871 г., капитан с 25 октября 1875 г., подполковник за отличие с 30 августа 1893 г., генерал-майор за отличие с 6 декабря 1904 г. Занимал должности младшего приемщика при Главном Артиллерийском Управлении с 27 января 1880 г. по 6 февраля 1886 г., затем старшего приемщика. Был награжден орденами: Св. Станислава 2-й степени (1889), Св. Анны 2-й степени (1897), Св. Владимира 3-й степени (1907) [1].

В Перми полковник А.Г. Стрижев был известен также как страстный коллекционер живописи, об этом говорит выставка 1902 года, на которую он представил «коллекцию старых мастеров фламандской и итальянских школ» [2], а также картины: «Портрет Петра», «Деревенский пир», «Портрет неизвестного», «Портрет Катениной» (урожденной графини Левашовой) и др.» [3].

А.Г. Стрижев имел два дома в Перми, которые были записаны на имя его жены – Александры Павловны: дом на углу улиц Вознесенской и Кунгурской, 69/31, и второй – по адресу Вознесенская ул., 71 (между Кунгурской и Красноуфимской улицами), квартал № 137, оцененный в 1912 г. в сумму 1680 руб.

Дом А.П. Стрижевой на углу Вознесенской и Кунгурской, улиц, 69/31, оценивался в 1917 г. в сумму 7050 руб. [4].

В этом же году Алексей Григорьевич Стрижев скончался, о чем есть запись в метрической книге:

«СТРИЖЕВ Алексей Григорьевич, Генерал-лейтенант артиллерии. Скончался – 1 (погребение – 3) июня 1917 года, 71 лет, от слабости сердца. Погребение – Успенское кладбище» [5].

С приходом Советской власти, все дома Александры Павловны Стрижевой были муниципализованы, и она предприняла попытку вернуть их [6]:

«Председателю Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР Товарищу Михаилу Ивановичу Калинин
Вдовы Артиллерийского приемщика
Александры Павловны Стрижевой, 78 лет;
живущей в г. Перми уг. Садовой и Оханской, д. 30.

Прошение.

Стрижева, имела с 1894 г. в г. Перми каменный дом уг. ул. Луначарской и Красного проспекта (бывш. Вознесенская и Кунгурская, № 69/31, и по Красному проспекту, 31, деревянный одноэтажный флигель с отдельными воротами. Жилая площадь флигеля всего 11,05 кв. саж. и оценена Перм. Мест. хоз. в 1697 р. 87 к.

Муниципализация каменного дома была утверждена Главн. Управл. Коммунального Хозяйства в апреле 1923 г. за № 807.

Муниципализация флигеля, находящего по Красному проспекту № 31, не оформлена, но он значится в дополнительном списке муниципализированного фонда за № 1139. (Это справки Пермского местн. хоз. от 9 июля 1926 г. за № 8331).

Я подавала заявление в ПМХ и Гор Совет о возврате мне флигеля (площадь жилая всего 11,05 кв. саж.) с 1923 г. входящий № 10610, 1875 и 17 октября 1924 г. за входящим № 641, и получила отказ. Хотя муниципализация моего флигеля не оформлена и на 9 июля 1926 г., его назначили к продаже.

Прошу Вашего разрешения возвратить мне деревянный флигель по Красному проспекту, № 31, в виду моего бедственного положения. Пенсию я не получаю. Мне 78 лет, я вдова артиллерийского приемщика, который служил 45 лет на Уральских заводах, и 30 лет на заводе Мотовилиха. В боях не участвовал, и умер до революции 1 июня 1917 г.

С 1923 г. я живу в Перми в одной комнате с двумя дочерьми: с нетрудоспособной 43 лет, и 37 лет – машинисткой 169 стрелкового полка, получает 20 р. в месяц. Состоит членом профессионального Союза Советорг служащих №1 1114.

Имею в Перми сына, инвалида труда, Сергея Алексеевича Стрижева, без ноги и получающего пенсию. В Гражданской войне он не участвовал и с 1911 до 1924 жил в Москве.

Очень прошу Вас не отказать мне в моей просьбе и возвратить мне флигель, ввиду моих преклонных 78 лет и бедственного положения.

Дом и флигель принадлежали мне с 1894 года, а не мужу. Флигель я строила из старого сарая.

Прилагаю при сем:

I. Страховую квитанцию за № 5998 Пермского Губернского земского от огня страхования, что действительно дом и флигель принадлежали мне, Александре Павловне Стрижевой, 31 января 1919 г.

II. Справку от Артиллерийской приемной при Пермском Орудийном заводе о службе моего мужа.

Вдова Александра Павлова Стрижева.

17 июня 1926 г.

г. Пермь, Новая Слободка, угол Садовой и Оханской, дом № 30.

СПРАВКА.

Дана сия от Артиллерийской приемной при Пермском Орудийном заводе вдове артиллерийского приемщика Александре Павловне Стрижевой в том, что ее муж, Алексей Григорьевич Стрижев, умерший в городе Перми 1-го июня 1917 года, действительно служил в Артиллерийской приемной при Пермском Орудийном заводе с 9-го марта 1883 года по 31 декабря 1913 года.

В строю не служил, а до службы артиллерийском приемщиком на Пермском Орудийном заводе служил артиллерийским приемщиком на Уральских заводах с 14 сентября 1868 г. до 9 марта 1883 года.

Все означенные сведения взяты из документов: послужного списка от Главного Артиллерийского Управления за № 10776 от 28/II 1914 года и из дел Артиллерийской приемной при Пермском Орудийном заводе за периоды с 1883 г. по 1913 год включительно.

В войсковых частях не служил, в военных действиях, как нестроевой, не участвовал, войсковыми частями не командовал.

Артиллерийский приемщик

Главного Артиллерийского Управления

Р.К.К. Армии при Пермском Орудийном заводе *А.Васильев*.

Г. Пермь 15 марта 1926 года.

Печать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1). Домовладение СТРИЖЕВОЙ, находящееся на углу улиц Луначарского и Красного Проспекта № 61/31 муниципализировано на основании п. 2 Декрета ВЦИК от 20/VIII-18г. (С.У.-18 г. № 62 ст. 674) и с указанного времени фактически изъято от домовладелицы.

На основании п. 1 и 4 разъяснения Президиума НКЮ и НКВД № 269 от 25/VIII-25 г. (ЕСЮ-23 г. № 35) строение является муниципализированным, и в силу прим. I к ст. 59 Гражданского Кодекса возврату бывшему собственнику не подлежит.

2). Домовладение СТРИЖЕВОЙ, находящееся по Красному Проспекту № 31 конфисковано на основании декрета СНК от 28/III-21 г. (С.У.-21 г. № 21 ст. 134), и с указанного времени фактически изъято от домовладелицы.

На основании п. 3. разъяснения Президиума ВЦИК от 14/V-23 г. (С.У.-23 г. № 465) и циркуляра НКЮ и НКВД № 269 от 25/VIII-23 г. (ЕСЮ-23 г. № 35) строение является муниципализированным, и в силу прим. I к ст. 59. Гражданского Кодекса возврату бывшему собственнику не подлежит.

На основании изложенного полагаю заявление СТРИЖЕВОЙ о возврате домовладения, оставить без последствий, как не имеющее законных оснований.

Штамп:

«Рассмотрено на заседании Президиума

Горсовета, протокол № 16 § 156

от 30/X-1926 года».

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ СЕМЬИ ГЕНЕРАЛА А.Г. СТРИЖЕВА

[7]: (70). Военный Генерал Стрижев Алексей Григорьевич, 66 лет. Жена его Александра Павловна 63 лет.

Дети их: Михаил (33 лет), Сергей (32 лет), Григорий (30 лет), Петр (19 лет), Вера (28 лет), Елизавета (22 лет).

Сестра Алексея Григорьевича – Анна (68 лет).

«Артиллерийский приемщик, подполковник Алексей Григорьев Стрижев, жена Александра Павлова; родилась 30 июня (крещение – 10 июля) 1884 г. дочь Мария. Восприемники: сын означенного подполковника Стрижева Михаил и вдова кол. асессора Елизавета Васильева Стрижева» [8], которая «скончалась 11 (погребение – 12) ноября 1889 г., 5 лет, от скарлатины» [9].

«Старший артиллерийский приемщик подполковник Алексей Григорьев Стрижев, жена Александра Павлова; родился 6 (крещение – 13) февраля 1887 г., сын Алексей. Восприемники: означенного Стрижева сын Сергей и вдова кол. асессора Елизавета Васильева Стрижева» [10].

«Старший артиллерийский приемщик при главном Артиллерийском Управлении подполковник Алексей Григорьев Стрижев и законная жена его Александра Павловна, оба православного вероисповедания; родился 17 (крещение – 26) апреля 1892 года сын Петр. Восприемники: отставного подполковника Стрижева сын Григорий и вдова коллеж. асессора Елизавета Васильевна Стрижева» [11].

Сведения о погребении Елизаветы Васильевны Стрижевой, матери генерала Алексея Григорьевича, которая была восприемницей его детей – Марии, Алексея и Петра:

Стрижева Елизавета Васильевна (13.8.1821 — 17.5.1897), железная ограда [12].

В 2013 г. на Успенском Егошихинском кладбище, рядом с памятником Елизавете Васильевне Стрижевой, в одной оградке, появилась мраморная плита:

«СТРИЖЕВ
АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
1846—1917
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ВОЕНПРЕД ПУШЕЧНОГО
ЗАВОДА МОТОВИЛИХИ.
СТРИЖЕВА
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА
УРОЖДЕННАЯ РИХТЕР
1848—1933»

Так потомки Стрижевых чтят память о своем роде. Источник – фотография, сделанная автором статьи на Егошихинском кладбище. 2014 год.

СУДЬБА СЫНОВЕЙ А.Г. СТРИЖЕВА – МИХАИЛА, СЕРГЕЯ И ГРИГОРИЯ

Стрижев Михаил Алексеевич.

Родился в 1878 году; г. Минусинск; русский; образование: Московский кадетский корпус и Павловское военное училище; военрук военкомата. Проживал: г. Минусинск.

Арестован 16 апреля 1920 г. Приговорен: Иркутская ГубЧК 24 сентября 1920 года, по обвинению в службе в белой армии.

Приговор: дело передано в Особый отдел ВЧК Сибири, приговорен к высшей мере наказания.

Расстрелян 6 ноября 1920 г.

Реабилитирован 5 ноября 1993 г. прокуратурой Омской области на основании Закона РФ [13].

Стрижев Сергей Алексеевич.

Родился в 1879 году; г. Златоуст, Челябинская обл.; русский; проживал: г. Пермь.

Арестован 15 января 1938 г.

Приговорен: 14 марта 1938 г., обвинение: контрреволюционная повстанческая организация.

Приговор: высшая мера наказания, конфискация имущества. Расстрелян 22 марта 1938 г. [14].

Стрижев Григорий Алексеевич.

Сын офицера, 17 лет; выпускник Пермской гимназии 1898 года [15]; 1913, член ПУАК (живет вне Перми) [16].

«Так Кунгурская ЧК в конце июня 1918 г. арестовала Г.А. Стрижева и С.С. Гайля как заложников, хотя они признали Советскую власть и являлись общественными защитниками при Пермском губернском юридическом отделе. Стрижев был до революции поверенным и редактором газеты «Кунгурская жизнь» (орган кадетов), а Гайль – судебным следователем. Оба расстреляны в сентябре этого же года» [17].

«С 1 июля Гайль и Стрижев сидели в тюрьме до глубокой осени. Когда у нас начались массовые расстрелы и аресты (5-8 сентября), лица, которым удалось избежать расправы, видели Гайля и Стрижева заключенными. Они рассказывали, как вместе переживали скорбные дни, как вместе провожали из тюрьмы на Голгофу людей и вместе ждали для себя того же пути, пути на Голгофу. Но Стрижева и Гайля томили еще и еще. Их убили только 6 октября. Вскоре после занятия города правительственными войсками масса убитых была найдена, но Гайля и Стрижева среди них не оказалось. Лишь только 4 мая в глубокой яме, в расстоянии приблизительно версты от ст. Кунгур была найдена могила, в которой оказались Гайль и Стрижев. ... Григория Алексеевича шестого мая похоронили в ограде Успенской церкви, рядом с братской могилой (убитых большевиками прихожан этой церкви)...» [18].

1. Список генералов по старшинству, составлен по 1 июня 1911 года. СПб., 1911; *Лобанов Д.А.* Артиллерийские приемщики при Пермских пушечных заводах в конце XIX – начале XX века // Мотовилиха: открывающая новые страницы: тез. докл. науч.-практ. конф. – Пермь: Пушка, 2011. – С. 116-119.

2. ПГВ. – 1902. – 4 апр. (№ 76). – С. 2.

3. Каталог картин художественной выставки Пермского библиотечного общества имени Д.Д. Смышляева. – Пермь, 1902.

4. Список лиц и учреждений, имеющих, на основании ст. 24. Городового положения, право участия в городском избирательном собрании для выборов гласных Пермской городской думы на четырехлетний срок с 1917 г. – Б.м., б.г. – С. 52.

5. Метрическая книга Рождество-Богородицкой церкви на 1917 год. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1077. Л. 123об.-124.

6. Президиум Пермского городского Совета. Материалы к протоколам заседаний Рабочей Тройки. 1926. ГАПК. Ф. р-176. Оп. 1. Д. 34. Л. 114-119.

7. Исповедные ведомости Рождество-Богородицкой церкви за 1911 г. ГАПК. Ф. 271. Оп. 1. Д. 7.

8. Метрическая книга Пермской Рождество-Богородицкой церкви на 1884 год. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 330. Л. 158об.-159.

9. Метрическая книга Градо-Пермского Петропавловского собора за 1889 год. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 337. Л. 176об.-177.

10. Метрическая книга Градо-Пермской Рождество-Богородицкой церкви на 1887 год. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 334. Л. 165об.-166.

11. Метрическая книга Пермской Рождество-Богородицкой церкви за 1892 год. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 341. Л. 281об.-282.

12. Егошихинское кладбище, погребение за Успенской церковью; 9.10.2006.

13. Книга памяти Омской области. Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. – СПб., 1909. – С. 680. (На 1.01.1909 г. – штабс-капитан 12-го Мортирного артиллерийского дивизиона. Коломна).

14. Книга памяти Пермской области. Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. – СПб., 1909. – С. 724. (На 1.01.1909 г. – штабс-капитан крепостного батальона Новогеоргиевского управления).

15. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение в г. Перми: к столетию Пермской мужской гимназии (1808—1908). – Пермь, 1908. – С. 174.

16. Труды ПГУАК. – 1913. – Вып. X. – С. 241.

17. *Кобелева Е.* Становление новой бюрократии в Прикамье // Федеральны вестник Прикамья. – 2007. – № 1 (37), январь. – С. 35-36.

18. Памяти С.С. Гайля и Г.А. Стрижева // Современная Пермь. – 1919. – 31 мая. – Подпись: Кунгурский.

ЮМАНОВЫ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

В шестом выпуске издаваемого Пушкинской библиотекой «Смышляевского сборника» опубликована статья «Юмановы. История музыкального производства в Перми 2-й половины XIX – начала XX веков», где рассказывалось о Дмитрие Ивановиче Юманове – российском предпринимателе, создателе Первой Русско-Уральской фабрики роялей, пианино, фисгармоний и других музыкальных инструментов, которая существовала в Перми с 1886 по 1898 гг.

Существенным дополнением к ней являются семейные фотографии, сохранившиеся у внучки Дмитрия Ивановича и Елизаветы Алексеевны Юмановых – Людмилы Петровны Солинцевой.

Сведения о Д.И. Юманове и его семье ранее не публиковались. В сборнике впервые представлены фотографии Дмитрия Ивановича периода 1880-х гг. – начала создания музыкальной мастерской, которая впоследствии называлась «фабрикой», и 1890-х гг. – уже известного мастера музыкального производства, рояли, пианино и фисгармонии которого неоднократно отмечались высшими наградами на престижных Всероссийских выставках. На Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 года, где были представлены рояль и фисгармония, Д.И. Юманов награжден Малой серебряной медалью Министерства Финансов «За трудолюбие и искусство» – «за введение производства роялей и за удешевление их, и за очень хорошее исполнение фисгармоники»¹.

На Казанской научно-промышленной выставке в 1890 г. Дмитрий Иванович Юманов получил Золотую медаль «за весьма хорошее качество роялей и пианино, с выдающейся мягкостью и звучностью тона»². На шестнадцатой Всероссийской Промышленной и Художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде Д.И. Юманов был награжден Серебряной медалью «за звучный, приятный тон, хорошее туше и отделку роялей, пианино и фисгармонии»³.

Помимо музыкальной фабрики с производством, реставрацией и ремонтом музыкальных инструментов, начиная с 1890-го и до 1917 гг. в Перми существовали магазины Юмановых по продаже музыкальных инструментов и нотной литературы. Реклама о фабрике и продукции, изготовляемой и собранной на ней, а это, помимо роялей, пианино и фисгармоний – усовершенствованные народные цитры и народные гармонифлюты, а также реклама о ма-

газинах по продаже музыкальных инструментов и нотной литературы, публиковалась в периодических изданиях, таких как газета «Пермские губернские ведомости», «Адрес-календари Пермской губернии» и «Адрес-календари Пермской епархии». С 1890 по 1894 гг. фабрика и музыкальный магазин Д.И. Юманова находились в доме Стуковых, в 1896—1897 гг. магазин располагался на Сибирской улице, 43, в доме купцов Рязанцевых, первые этажи которого сдавались в аренду под магазины.

Несмотря на то, что «открытая торговля вскоре приобрела хорошую репутацию и стала быстро развиваться», пользовалась вниманием у покупателей и удовлетворяла «всяким требованиям г.г. покупателей и заказчиков»⁴, выстоять в конкуренции на рынке сбыта «музыкального» товара было очень трудно. В Перми, помимо музыкального магазина Юманова, процветали музыкальные магазины М.С. Симонович, музыкальный магазин И.М. Журавлёва, склад роялей и пианино Санкт-Петербургской фабрики Шрёдера у Э.С. Кабелла. В «Пермских губернских ведомостях» от 18 декабря 1896 г. появляется сообщение: «Конкурсное управление по делам несостоятельного должника Д.И. Юманова сим объявляет, что в пермском музыкальном магазине Юманова, на Сибирской улице, в доме Рязанцевых, с 17-го сего декабря, ежедневно, с 12-ти до 5-ти часов, будет производиться торговля нотами, музыкальными инструментами и всеми принадлежностями оных, причем цены на товары значительно понижены против прейскуранта».

После внезапной кончины Д.И. Юманова в 1898 году его жена, Елизавета Алексеевна Юманова, взяла производство музыкальных инструментов и всю торговлю «под свое наблюдение и сотрудников покойного мужа Д.И. Юманова»⁵. Впоследствии ей помогала работать в магазинах дочь Ольга (из воспоминаний внучки Юмановых Людмилы Петровны Солынцевой).

С 1899 г. музыкальные мастерские находилась в Разгуляе, в доме наследников Федотовых⁶. До 1917 года Е.А. Юманова содержала два магазина нотных и музыкальных инструментов: в историческом центре города Разгуляе, где в доме Федотовых они с дочерью снимали квартиру (квартал № 83, д. 4) (до нашего времени этот дом не сохранился); и другой – в доме купца Шитова, по Торговой улице, 53⁷.

Во время погрома в Перми в ночь на 4 ноября 1917 г. пострадали и магазины Юмановых, из них забрали всё, были конфискованы все инструменты. Магазины были закрыты.

Из воспоминаний внучки Д.И. и Е.А. Юмановых Людмилы Павловны Лажинцевой-Солынцевой: «По словам бабушки, магазин находился именно в той части дома, где сейчас находится ЗАГС, на первом этаже. Помещение магазина снимали. Флигель снесли уже после войны, в 1949 году».

¹ Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. Уральского Общества Любителей Естествознания в г. Екатеринбурге. – Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской Недели», 1887. – 16 с.

² Красноплёров Е.И. Кустарные промыслы и ремесла на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. / работы стат. бюро, учрежденного при Пермской губ. земской управе.– Пермь: Тип. губ. земской управы, 1891. – С. 72.

³ Альбом участников Всероссийской Промышленной и Художественной Выставки в Нижнем Новгороде. 1896 г. – СПб.: Изд. А.С. Шустова, 1896. – Ч. 3. – С. 161.

⁴ Полный иллюстрированный прейскурант Д.И. Юманова в Перми. – Пермь: Типо-литография Заозерского, 1893. – С. 1.

⁵ ПГВ. – 1899. – 29 июня.

⁶ Там же.

⁷ Слешилова Е.А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723—1917. – Пермь: Курсив, 1999. – С. 113-114.

ЮНГОРОДКИ В ПЕРМИ

От юнгородков, которые существовали в годы Великой Отечественной войны в нашем городе, практически не осталось следа. А вот в других российских городах о них помнят. Так, самарский метрополитен имеет станцию «Юнгородок» (свое наименование станция получила от названия жилого района, на территории которого она находится). Здесь же, рядом со станцией «Юнгородок», находится и трамвайная остановка с аналогичным названием. Есть трамвайная остановка «Юнгородок» и в Омске.

Вот что написала об юнгородках в своей книге о Свердловском районе города Перми Т.И. Силина:

«Заводы, получая в 1944 г. все возрастающие задания ГКО, требовали от Москвы дополнительных ресурсов. И центр направлял тысячи ремесленников, учеников школ ФЗО, ставя единственное условие: если заводы не сумеют удержать у себя молодежь, новых людей не будет, их просто нет. Понимание этой ситуации привело к созданию на поселках Леваневского, Западном, Крохалева пяти юношеских городков. Компактные, с минимумом благоустройства и коммунальных удобств, они все же решали вопросы воспитания, обучения, развития культуры и спорта. Именно здесь впервые были отработаны индустриальные способы строительства.

На возведение таких городков отводилось, как правило, мало времени, и тресту № 12 пришлось искать способы ускорения строительства. За основу был взят проект сборного дома из гипсолитовых щитов. Варьируя количеством секций, можно было возводить как одно- и двухквартирные дома, так называемые «финские домики», так и общежития на 80-90 человек. Целые улицы таких домов были возведены в середине 1940-х гг. в заводских поселках района» (1).

По прошествии более семи десятков лет, трудно восстановить подробности жизни в юнгородках и их точное местоположение. Помогают в этом воспоминания современников и архивные документы.

Бывший заместитель генерального директора завода им. М.И. Калинина Н.С. Димченко вспоминал о самом первом юнгородке:

«В первые годы существования поселка Крохалева улиц не было. Существовал поселок и бараки, каждый из которых имел свой номер... В конце войны бараки, где жили ремесленники, загородили, обустроили территорию и сделали «юнгородок». Это был первый «юнгородок» на поселке. В этом «юнгородке» в одной секции сделали танцплощадку» (2). ... «В 1947 г. был построен новый «юнгородок» – для молодых рабочих завода (позднее завод им. Калинина). Этот «юнгородок» располагался близко от завода, недалеко от современной улицы Куйбышева, сразу за ней. По тем временам это было современное жилье. Дома были

щитовые, общий коридор, комнаты на 4 человека. В этих домах были кухни, туалеты, отопление, вода холодная. Современные границы этого юнгородка: за домами № 149, № 151 по ул. Куйбышева. Если встать лицом в сторону станции Бахаревка, то за этими домами вправо» (3).

Юнгородки в Свердловском районе имели номера: 1, 2, 3, 4, 5. Вот что сообщает о юнгородках № 1 и № 2, расположенных параллельно Сибирскому тракту в пос. Леваневского, Т.И. Силина: «В 1943 г. из части бараков жильцов выселили, и после косметического ремонта в них были организованы первые юношеские городки. Женский получил № 1, а мужской – № 2» (4).

В документах за 1946 г. исполкома Сталинского районного Совета депутатов трудящихся автору статьи удалось найти упоминание о юнгородке № 1 в пос. Леваневского (5). Напомним, что совсем недавно на улице Ижевской можно было видеть единственный барак, оставшийся от поселка (старинное здание снесено в 2012 г.) Здесь же – филиал Автовокзала – автостанция «Южная». Рядом автобусная остановка. В 1990-е гг. эта остановка маршрута № 30 носила имя: «Поселок Леваневского».

Юнгородки № 3 и № 5 находились в микрорайоне Краснова (тогда – пос. Западный). Он был построен на полторы тысячи человек в 1944 г. Т.И. Силина пишет:

При его возведении «трест № 12 впервые применил скоростной способ строительства. 21 июня 1944 г. началась подготовка фундаментов, спустя три дня забиты сваи и уложен каркас, а ровно через три месяца десятки домов были готовы принять жильцов. Столь короткие сроки строительства стали возможны благодаря впервые примененному новому способу строительства. При возведении городка, получившего № 3, применили метод поточной сборки стен из готовых гипсолитовых щитов и блоков. ... Юнгородок был обнесен забором. Вход на его территорию осуществлялся через проходную по пропускам. В июле 1945 г. неподалеку трест № 12 построил еще один городок, получивший № 5, – на тысячу человек» (6).

В документах, хранящихся в краевом архиве местоположение юношеских городков указано так: «пос. БИС, юнгородки № 3 и № 5» (7). Что касается поселка БИС (БИС 33), то его строили для работников завода № 33-бис (позднее АО «Инкар»). Сам же поселок располагался между улицами Куйбышева (район остановок «Обвинская» и «Моторостроителей») и Героев Хасана (остановка «ЖБК»).

Юнгородок № 4 из десяти щитовых домиков и столовой был построен Моторостроительным заводом в пос. им. Крохалева (8). Молодые рабочие завода в нем жили в 1946—1950 гг. (9)

Про новый юнгородок, который также существовал в пос. им. Крохалева в период с 1947 по 1950 гг., известно, что общежитий в нем было 12 (10).

Были юнгородки и в других уголках города. Так, в 1950 г. на Старом Плоском, согласно архивным материалам, существовал юнгородок с домами № 3, 4а, 27, 27а, 29, 29а (11).

Пермскими юнгородками интересовались даже столичные журналисты, например, Юрий Гейко. От него мы знаем, что воспитатели юнгородков ходили по ночам вдоль длинных рядов коек и меняли у мальчишек развалившиеся ботинки на новые. Он писал в статье «Банка варенья»:

«В 1983 году я работал в “Комсомольской правде” и летал в Пермь по заданию редакции. Еще были живы многие, сидящие за этим столом. Нина Котлячкова (Федосеева) рассказывала: Где бы мы тогда купили такое богатство? Содержимое банок съедалось в юнгородке, делили на всех. Каждому пришлось всего по несколько ложек. Но даже с них мы были, как пьяные.

Все, с кем мне довелось встретиться, вспоминали, что варенье было очень сладкое. Но я выяснил, что это было не варенье, а американский компот – кислый и совсем без сахара. Но переубедить их, детей военного времени, маленьких рабочих Победы, было невозможно. Да и нужно ли?» (12).

В заключение хочу предложить следующее. Есть в Перми трамвайная остановка «Обвинская», которая существует с 1942 года. Первое время она называлась «Бис», а после образования в поселке улиц – «Обвинская» (1948), по имени улицы, оканчивающейся прямо напротив ее. Поскольку здесь в 1940-х – 1950-х гг. был юнгородок, хорошо бы переименовать эту остановку, и назвать ее – «Юнгородок». Остановка являлась бы памятником тем мальчишкам и девочкам, кто ковал Победу в тылу в годы войны.

1. Силина Т.И. Свердловский район. Время, события, люди. – Пермь, 2001. – С. 33-34.

2. Воспоминания Н.С. Димченко, записанные с его слов С.Г. Безматерных 4 марта 2001 г. Рукопись. С. 4. Личный архив В.В. Семяникова.

3. То же. С. 6.

4. Силина Т.И. Свердловский район... – С. 225.

5. ГАПК. Ф. р-1047. Оп. 1. Д. 6. Л. 281.

6. Силина Т.И. Свердловский район.... – С. 215.

7. ГАПК. Ф. р-1047. Оп. 1. Д. 6. Л. 281.

8. Там же.

9. Там же. Д. 6. Л. 278; Д. 26. Л. 68.

10. Там же. Д. 26. Л. 65.

11. ГАПК. Ф. р-1078. Оп. 1. Д. 34. Л. 544.

12. Гейко Ю. Банка варенья // Российская газета. Неделя. – 2010. – 4 февр.

СУДЬБА МОЯ – ЮНГОРОДОК

Помню, в детстве братья водили меня, дошкольницу, в небольшой кинотеатр «Ударник». А за ним, вдоль зеленой аллеи, шли ряды одноэтажных бараков. Небольшой заводской поселок, от него до проходных Пермского авиамоторного завода было несколько минут ходьбы. Только став взрослым человеком, я узнала, что в годы войны этот поселок назывался неофициально «юнгородком» (таких было несколько в городе), и жили в нем парни и девчата из разных регионов Советского Союза. И так получилось, что с некоторыми из них я познакомилась в начале 2000-х гг., когда пригласила их к себе домой для записи радиопередачи. Я жила в том же поселке, только он теперь носил имя Героя Советского Союза Николая Краснова. Легендарный летчик побывал в Перми в 1944 году. Он погиб, не дожив до Победы трех месяцев.

Среди моих гостей была Александра Георгиевна Первушина, в девичестве Смирнова. Вот как она вспоминала о заводе военной поры.

– Многие рабочие ушли на фронт. Авиамотормому заводу остро нужны были новые кадры. Вот и присылали из разных городов СССР ребят, окончивших фабрично-заводские училища (ФЗУ). Я приехала из Марийской республики, была, в общем-то, домашним ребенком. Представьте себе наши чувства: 15–16-летние подростки приехали в неизвестный город, где предстояло жить и работать самостоятельно, вдали от пап и мам. Пермь встретила ребят как родных. К каждому вагону подошли представители от завода. Я попала в строительно-монтажный цех. Юнгородок тогда уже выстроили, но он еще не был заселен. Пятнадцать одноэтажных бараков, расселяли по 80 человек в каждом.

– Как вы себя чувствовали вдали от родителей?

– Почему-то не ревели. Обстановка такая была, что мы быстро повзрослели. Очень ждали, когда закончится война. А ребята были из Горького, из Казани много, из Стерлитамака, Уфы, Рыбинска и других городов России. У нас была воспитательница – Аля. Быт был организован хорошо, чистота в нашем бараке соблюдалась идеальная. Как питались? В то время была введена карточная система, рабочим давали хлеб по 700 граммов в сутки.

– А работать как приходилось?

– По 12 часов. Цеха были новые, необорудованные, крыши плохие, снег падал на голову. Было очень холодно. Хорошо, что был установлен калорифер. По очереди ходили греться. Эмульсия замерзала в станках. Ее отогреют, часа два работаем, а она снова замерзает.

– Какую одежду выдавали, какую обувь?

– Обувь брезентовую, она быстро изнашивалась. По стружке же ходили, потому и вся обувь была изрезанная. Деньги получу, иду на рынок, что-нибудь из обуви покрепче куплю. А халаты давали раз в год.

– Будущего мужа на заводе встретили?

– Даже в одном цехе. Его звали Виктор Тимофеевич Первушин, а я была тогда Смирнова.

– Трудное военное время, а все-таки молодость берет свое, наверное, хотелось и повеселиться?

– У нас был спортклуб, работал кинотеатр «Ударник», там организовывали танцы перед фильмом. У нас была художественная самодеятельность, спортивные кружки, в т.ч. акробатика. А я пела в хоре.

– Объясните мне, как так – по 12 часов работали, были полуголодные, но при этом еще и спортом занимались, и пели в хоре?

– Придешь в общежитие после работы – чем-то надо же заниматься. Тогда были молодые, здоровье позволяло. Но в то время было много и беспризорников, из тех же присланных на завод ребят. Вот они бедствовали, спали в штольнях, голодные, холодные. По вечерам заводчане делали облавы. Тогда директором нашего завода им. Сталина был очень хороший человек – Анатолий Григорьевич Солдатов. Он жалел этих ребят, оставшихся без родительской опеки. По его приказу их направляли в баню, кормили. Все были оборванные, им выдавали одежду, обувь, но никого не наказывали.

В 1942 году, когда директором завода стал А.Г. Солдатов, перед коллективом стояли сложнейшие задачи по освоению новых двигателей для истребителей и бомбардировщиков. Новый директор сразу показал себя строгим, но справедливым руководителем.

Это отмечает и Борис Георгиевич Изгагин, бывший позднее также директором авиамоторного завода, а в годы войны работавший начальником сборочного цеха. Время было тяжелое, вместо ушедших на фронт рабочих к станкам пришли женщины и дети, от них нельзя было сразу ожидать высокого качества выпускаемой продукции. Борис Георгиевич спрашивает меня:

– Вы застали юнгородки, один из них был на Обвинской?

– Да, помню.

– Так вот, директор завода Анатолий Григорьевич Солдатов раз в неделю их объезжал. Все для ребят сделали: и стадион, и клуб. А первое, что велел построить директор – это баню, чтобы вши не заводились. В каждом цехе открыли столовую, работали парикмахерские. Питались в войну по карточкам. Молодые рабочие их подделывали, и за первую декаду месяца съедали весь хлеб. Тогда мы выбрали взрослых рабочих-наставников, чтобы они контролировали ежедневное питание ребят. А нормы были у рабочих – 2 кг 200 г мяса, 1 кг масла, 1 кг сахара и крупа на месяц, 700 г хлеба на день. Но все равно было тяжело. К 1942 году вся пустующая земля вокруг завода была засажена картошкой. Свое подсобное хозяйство развивали.

– Говорят, обувь деревянную делали на заводе.

– Делали, и посуду, и кровати, и бритвенные приборы выпускали. У меня до их пор сохранился такой прибор. Одежду шили.

А как у нас молодежь работала! Фронтные бригады соревновались. Одну из них возглавлял Геннадий Семенов, наш поэт. Они шефствовали и над юнгородком. Ходили, проверяли, как организован у ребят быт, отдых. За чистотой следили. А лучшие рабочие ездили в командировку в войсковые части, и фронтовики приезжали на наш завод. Армию у нас любили, армию уважали. С каким восхищением смотрели ребята на бойцов с фронта! Не зря юнгородок на Обвинской называли именем Героя Советского Союза, отважного летчика Николая Краснова!

В заводских цехах молодые рабочие трудились как на фронте. Если надо было, оставались и на вторую смену. Главное – помочь фронту побыстрее разбить врага. И вот наступил долгожданный день Победы! Александра Георгиевна Первушина с волнением вспоминает:

– В 6 часов утра воспитательница нашего барака Аля зашла к нам и радостно сообщает: «Девчонки, вставайте, война закончилась!»

Мы вскочили, ведем себя, как очумелые, – прыгаем на своих пружинных койках, кричим, ревим, обнимаемся! А воспитательница говорит: «Девочки, успокойтесь, одевайтесь, пойдём на парад».

У нас была форма выходная: красный берет, ботинки хромовые, мы их называли штиблетами, ремень, на котором написано «РУ». Оделись и строем пошли через юнгородок на парад, к заводоуправлению. На митинге директор завода А.Г. Солдатов торжественно объявил о победоносном завершении войны. Что тут было: слезы, радостные крики, мы обнимались, поздравляли друг друга с великим праздником! Зазвучала музыка, начались танцы – вальс, танго. Это был самый счастливый день в жизни!

После войны многие ребята из юнгородка остались в Перми, и всю жизнь проработали на авиамоторном заводе. Он стал для них родным, и, выйдя на пенсию, они продолжают следить за его судьбой, переживая за его успехи и трудности. А сейчас уже их дети и внуки собирают авиамоторные и ракетные двигатели.

И когда Совет ветеранов войны и труда приглашает в Дни воинской славы бывших работников завода, нельзя без волнения слушать их воспоминания о военной юности. Сейчас у Совета ветеранов микрорайона имени Николая Краснова есть хорошая задумка: к 70-летию Великой Победы создать Сквер ветеранов, а в будущем общественном центре открыть экспозицию истории юнгородка.

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ КАМЕНСКИЕ

Успенский женский монастырь, построенный на средства купцов Каменских, являлся одной из жемчужин Перми [1]. О нем много писали в последние 20 лет, т.к. с ним связаны имена таких художников, как Рерих и Нестеров. Но немногие знают, что сын Григория Каменского Иван Григорьевич и его жена Лидия Николаевна собрали великолепную коллекцию картин русских художников, которая пропала в годы гражданской войны.

Первые упоминания о коллекции Лидии Николаевны Каменской, появились в монографии И. Грабаря о жизни и творчестве художника В.А. Серова. Вместе с тем в основанном Каменскими Успенском женском монастыре были сосредоточены работы не менее ценные, чем в коллекции. Их известность до революции была необычайной. Монастырь стремились посетить не только жители Пермской губернии, но и знатные гости губернского города.

Известный общественный деятель Иван Григорьевич Каменский родился в Перми в 1857 г. Одиннадцатилетним мальчиком он был отправлен в Москву на учебу. В июне 1876 г. Каменский окончил курс наук в Московской Практической Академии Коммерческих наук с золотой медалью и имел право носить в петлице на Аннинской ленте малую золотую медаль. Желая пополнить свое образование, он вскоре уехал за границу, в Германию, и поступил в Боннский университет, где основательно изучал химию и, защитив диссертацию, получил степень доктора химии [2].

После возвращения на родину, 30 октября 1885 г. Иван Григорьевич женился на Лидии Николаевне Ильиной, родственнице Строгановых.

Его супруга училась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где с 1897 г. преподавал великий русский художник В.А. Серов [3, с. 272]. Лидия Николаевна стала ученицей Серова, брала у него уроки, являясь вольноприходящей. Когда в 1909 г. Серов ушел из училища, ученики послали ему телеграмму, в которой просили не оставлять училище. Телеграмму в числе 141 учеников подписала и Л.Н. Каменская [4, с. 161]. Их знакомство возобновилось после переезда Каменских в Санкт-Петербург, когда в 1906 г. И.Г. Каменского избрали от Пермского губернского земства в Государственный совет. Каменские жили в Петербурге по адресу: ул. Большая Конюшенная, 19.

Лидия Николаевна приобрела у своего учителя три его работы: «Лунная ночь», «Конный двор в Домотканово» и рисунок «Новобранец». Они были написаны Серовым в феврале – марте 1904 г. в

усадьбе Домотканово. В том же году картина «Лунная ночь» была выставлена на 2-й выставке русских художников в Санкт-Петербурге. В каталоге помещено ее описание: «Уголок провинциального города, видный сверху. На первом плане деревья, на втором плане справа каменный 2-х этажный дом, на третьем – освещенная луной белокаменная церковь» [5, с. 425]. В настоящее время эта картина находится в Пермской государственной художественной галерее, куда она поступила в 1947 г. одновременно с картиной «Конный двор в Домотканово» [6, л. 1]. Она воспроизводилась в книге «Пермская государственная художественная галерея» в 1976 году. Рисунок «Новобранец» еще до революции перешел в коллекцию Быховского, и был опубликован в цвете в юбилейном альбоме Серова в 1913 г. и в черно-белом исполнении в книге Н. Соколовой «В.А. Серов» в 1935 г. В этом рисунке отразилось отношение художника к русско-японской войне: «Загулявший новобранец, нескладный парень, едва волочит ноги на призывной пункт. На нем повисли две воюющие провожающие бабы» [7, с. 90].

В коллекции имелся также «Портрет неизвестной» работы В.А. Серова [8, с. 9], картина находится сейчас в Омском музее изобразительных искусств.

В 1910 г. Лидия Николаевна заказала Серову свой портрет. В это время великий художник редко берет такие заказы, только в том случае, когда клиент ему чем-то интересен [3, с. 447]. Серов начал работать над портретом, но в мае 1910 г. Лидия Николаевна просит перенести работу на осень [4, с. 215]. В ноябре 1910 г. Серов возвращается из Парижа для того, чтобы продолжить работу над портретами Орловой и Каменской [4, с. 248], но в январе 1911 г. он еще не приступил к работе над портретом Каменской [4, с. 260]. Портрет так и остался неоконченным, поскольку 22 ноября 1911 г. В.А. Серов скончался. Неоконченный портрет Лидии Николаевны был выкуплен Каменскими и хранился в их коллекции. Сейчас местонахождение его неизвестно. Известно, что он был выполнен маслом [9, с. 356].

В начале века Каменские познакомились с Н.К. Рерихом, который мечтал работать над оформлением церковных интерьеров. В 1904 г. художник получил от них заказ на проект храма в честь Казанской Иконы Божией Матери (Казанская церковь) и роспись иконостаса для нее [10, с. 179]. Храм закладывался в Успенском женском монастыре в Перми, в родовой усыпальнице Каменских. В письме от 1909 г. Рерих сообщал, что выполняет работы для Успенского женского монастыря в г. Перми. Художник был неординарной личностью: одни его боготворили, другие не желали с ним даже участвовать в одной выставке.

В Санкт-Петербурге Лидия Николаевна брала уроки живописи у Рериха в Художественном училище общества поощрения художеств. В доме Каменских бывали многие архитекторы, художники, люди искусства. Они хорошо были знакомы с В.А. Серовым, Н.К. Рерихом, В.М. Васнецовым, М.В. Нестеровым. Иван Григорьевич даже предложил некоторым из них принять участие в проектировании и оформлении нового каменного здания церкви Казанской Божьей Матери.

Согласно списку А. Гидони, опубликованному в журнале «Аполлон» за 1915 год, Каменские в 1910 г. приобрели у Рериха три станковых произведения («Идолы», «За морями земли великие», «У дивьего камня неведомый старик поселился») [11, с. 38]. В Париже Н.К. Рерих долго работал над картиной «Идолы». Известны пять вариантов этой картины. Один из них находится в Государственном Русском музее, другой в Государственном музее Востока в Москве, третий в Башкирском республиканском художественном музее им. М.В. Нестерова в г. Уфе, а нахождение двух других пока неизвестно. Он исполнил два варианта этой картины [12, с. 8]. В Государственном Русском музее находится один из вариантов, второй же, переписанный художником в 1910 году, приобрели Каменские. Сейчас картина находится в США.

Вторая картина, приобретенная Каменскими у Рериха, также имеет несколько вариантов. На выставке к 100-летию со дня рождения художника в 1974 г. экспонировался вариант, находящийся в Историко-художественном музее Новгорода [13, с. 50]. Известно еще два варианта этой картины. Один из них, принадлежащий Каменским, воспроизводился в 1910—1915 гг. в журналах «Аполлон», «Солнце России» и «Искры». Местонахождение обоих вариантов неизвестно. Община св. Евгении выпустила цветную открытку картины «За морями земли великие» [14]. Менее известна картина «У дивьего камня неведомый старик поселился», которая воспроизводилась только в журнале «Аполлон» № 2 за 1911 год. Местонахождение ее сейчас также неизвестно.

В 1908 г. на средства И.Г. Каменского на территории Успенского женского монастыря был возведен небольшой храм в честь иконы Казанской Божией матери. Храм был построен в русско-византийском стиле по проекту Н.К. Рериха. Внутреннее убранство Казанской церкви было очень богатым, даже роскошным. Деревянный одноярусный иконостас обит бронзовой золоченой басмой. Исполнен он по рисунку известного в России художника-декоратора С.И. Васкова в стиле древненовгородских церквей. Особую ценность представляли 15 икон в иконостасе («Царские врата», «Два архангела», «Праздники», «Предстоящие» и др.), написанных Н.К. Рерихом в древне-

христианском духе особым декоративным способом. Авторство Н.К. Рериха подтверждено его подписью [15, с. 90]. После закрытия монастыря в 1920 г. иконостас находился в Пермском Научно-промышленном музее. В 1922 г. его передали в Пермскую художественную галерею, где он и сейчас находится в запасниках.

Сейчас в Успенском женском монастыре находится икона архангела Михаила, также выполненная Рерихом. По его эскизам храм был украшен замечательным майоликовым панно.

В храме имелись восемь больших древних икон, приобретенных Каменскими. Одна из них – аналойная икона Казанской Божией Матери московского письма XVII века в серебряном чеканном окладе. Другая – выносная икона Иверской Божией Матери ушаковской школы XVII века. В 1908 г. на склепе одного из Каменских в пещерном храме Успенской соборной церкви появилась новая икона «Распятие», принадлежавшая кисти Михаила Васильевича Нестерова. Выполнена она была на меди, размером 42 см на 106 см. Икона помещена в деревянный, окрашенный белой лаковой краской с золоченой резьбой киот.

Заказ этой иконы связан со знаменитой выставкой работ М.В. Нестерова, открывшейся 5 января 1907 г. в Петербурге, в Екатерининском концертном зале на Малой Конюшенной, в доме № 3 (Каменские жили также на Большой Конюшенной). Было выставлено более 80 произведений, половина из которых – церковные эскизы для Абастумана и Новой Чартории (1900—1906 гг.) [16, с. 109]. Выставка имела огромный успех. Художник принимал любого посетителя, который пожелал поговорить с автором. Возможно, на этой выставке Каменские и заказали икону для Успенской церкви. Художник работал над ней в конце 1907 – начале 1908 гг. в Киеве. В своем дневнике он записал: «Вернувшись в Киев, я стал заканчивать портрет Толстого, затем принялся за образ «Распятие» – Каменским в Пермь» [17, с. 285]. Предварительно он в 1907 г. пишет эскиз к «Распятию», который Каменские также приобретают. Сейчас эскиз хранится в Пермской галерее, но редко экспонируется. В 1920 г. при передаче иконы из церкви в Пермский Научно-промышленный музей этот шедевр Нестерова был оценен в 10 тыс. рублей по ценам 1914 г. В 1922 г. музей передал икону в Пермскую художественную галерею.

В коллекции Каменских находилась картина известного русского художника-самоучки XIX века Николая Егоровича Сверчкова (1817—1898) «Встреча детей с волком». Сверчкова называли певцом русской дороги, охоты и лошадей, неважно, холеные ли это скакуны или неказистые крестьянские лошаденки. Недаром много его картин хранится в музее коневодства Тимирязевской

сельскохозяйственной академии. Пик его популярности приходится на 1860-е гг., когда картины экспонировались на выставках в Лондоне, Париже и Брюсселе [18, с. 48]. Картина, принадлежащая Каменским, посвящена трагическому событию, нападению волка на детей, но она вписывается в его тематику.

Не обошли своим вниманием Каменские модного русского пейзажиста Юлия Юльевича Клевера (1850—1924), пользующегося в начале XX века большой популярностью [19, с. 337]. Спрос на его пейзажи был так велик, что он разработал особый способ для тиражирования своих картин и мог выполнить заказ за одни сутки. В коллекции Каменских значилась его картина «Лес зимой». Они имели также картину И.К. Айвазовского, но как она называлась, неизвестно, так как от неё при описи в 1918 г. осталась только рамка.

Среди других картин в коллекции были: «Рождество Христа», «Голгофа», «Рождество Христово», «Вознесение Господне», «Первые люди в раю», «Девушка в лесу», «Малороссийский хутор», «Оттепель», «Лес», «На берегу реки», и портреты – ребенка, женщины, мужчин (две штуки). Там же были и «две картины в золотых багетах» [15, с. 90]. Все картины неизвестных авторов. В Суксунском музее экспонировался «Портрет неизвестной» из коллекции Л.Н. Каменской. Автор работы пока неизвестен.

Членом Государственного Совета И.Г. Каменский оставался вплоть до 1917 года, не порывая связи со своим родным краем. Каждое лето Каменские отдыхали на своей даче в Суксуне [20]. После февральской революции Каменский отошел от общественной жизни и жил с женой в собственном доме в Перми, а коллекция картин хранилась в Суксуне.

В апреле 1918 г. решением Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были национализированы имущество Каменского, механический завод, мастерские самоварных фабрик. Опись конфискованного имущества насчитывала до 1730 наименований.

По описанию очевидцев, дом в Суксуне имел богатое убранство, в нем была большая библиотека, оружейная комната, много ценных вещей, картины русских и зарубежных художников. Во время гражданской войны дом охранялся караулами красноармейских частей, но в дни безвластия (до прихода белых) происходило «хищение и уничтожение ценностей в доме местными жителями» [1, с. 40]. Новые порядки коснулись не только имущества, но и самих хозяев.

14 марта 1919 г. после тяжелой и продолжительной болезни Иван Григорьевич Каменский скончался. Он был спокойно, с почестями похоронен в родовой усыпальнице, т.к. в это время Пермь была в руках белых войск.

19 марта 1919 г. в газете «Свободная Пермь» появился некролог:

Памяти Ивана Григорьевича Каменского

Жертвы большевистских преступных экспериментов с каждым днем все пребывают. Много их, бесчисленное множество этих жертв, а они все растут и растут!

«После долгой и тяжелой болезни скончался 14 марта в 2 часа дня Иван Григорьевич Каменский», – говорит извещение. Судя по извещению, все обстояло так просто, как обыкновенно: человек долго и тяжело болел и умер. А между тем эта смерть полна трагизма.

Покойный был пермским аборигеном, настоящим сыном народа, как по происхождению (происходил из крестьянской семьи Пермской губернии), так и по убеждению. Проявляя с раннего детства стремление к знанию, образованию, покойный в этом отношении достиг своего: окончив курс в Московской Коммерческой Академии практических наук, он затем поступает в Боннский Университет, в котором и кончает курс с званием магистра химии.

Закончив образование, Иван Григорьевич вместо того, чтобы посвятить себя устройению собственного благополучия, для чего были все данные, весь уходит в общественную работу – на пользу того самого крестьянства, из среды которого он вышел сам. А так как в дни самодержавия отдать себя служению народу можно только в Земстве и через Земство, то покойный и посвящает свои силы и знания земскому делу, о чем свидетельствует его состояние в течение многих 3-летних гласным Красноуфимского Уездного Земства и гласным Пермского Губернского Земства.

Когда явилась возможность населению принимать непосредственное участие в деле Государственного Управления, оно, чрез Губернское Земство, избрало Ивана Григорьевича членом Государственного Совета, звание которого он с честью нес 12 лет. Но и на этом высоком посту Иван Григорьевич остался до конца верным себе: состоя в левом крыле Академической группы Совета, он все время был защитником интересов крестьянских масс. Чтобы не останавливаться на этом долго, достаточно указать на один факт. Когда однажды в Государственном Совете обсуждался вопрос о воинской повинности, Иван Григорьевич заявил, что повинности всей своей тяжестью ложатся, главным образом, на крестьянство, а повинность воинская – в особенности. При этом он внес предложение обратиться чрез военного министра к царю с просьбой о сокращении призыва новобранцев в войска гвардии, мотивируя свое предложение тем, что гвардия не служит опорой защиты Государства от внешнего врага, а существует для парадов, для обстановки и т. п. Это предложение вызвало бурю негодования со стороны членов Государственного Совета по назначению, дошло до царя, и Иван Григорьевич попал в разряд опальных членов Совета.

Как человек, покойный имел чуткое, отзывчивое сердце на всякое горе своего ближнего, и старался, по мере сил и возможности, облегчать эти страдания. Зная, как тяжело простому темному человеку прохо-

дять жизненный путь, почивший немало сделал в области народного образования, содержа на свои средства учащихся в учебных заведениях. При Пермском Государственном Университете им учреждены стипендии для беднейших студентов.

В дни революции он на время сошел с арены общественной деятельности и скромно жил в Перми. Но вот пришли «товарищи-коммунисты» и начали сметать в Перми, как и по всему лицу земли Русской, все честное, все работоспособное, жизненное, любящее народ и Родину. В своем «победном» шествии против всего, что противоречило их разрушительным опытам, они не могли, конечно, не заметить такой крупной величины, как Иван Григорьевич. Начав с отнятия всего недвижимого имущества покойного, эти «социалисты» разграбили все его движимое состояние и, выгнав из собственного дома, поселили в угол одного из домов терпимости на так называемом пермском Сахалине. Комната, в угол которой был вселен покойный с женой, представляла собой нечто до невозможности отвратительное: заплывающие, загаженные стены, испещренные карандашными пометками самого похабного содержания ... клопы ... грязь...

Все покойный выносил стоически – все лишения, но последнего выдержать не мог, и после некоторого своего пребывания в притоне разврата, очутился в больнице, а затем и ... в могиле.

Покойный погребен 16 марта в фамильном склепе, находящемся в стенах Пермского женского монастыря. Чин погребения совершал Преподобный Борис, Епископ Пермский и Кунгурский. В своем надгробном слове Архипастырь отметил особенности почившего и как человека, и как общественного и государственного деятеля.

Пусть же спит спокойно вечным сном незабвенный Иван Григорьевич, и да будет легка ему земля уже по одному тому, что он слишком много претерпел, а претерпел так много горького потому, что возлюбил много. **Д. Бронин** [2].

Почетный потомственный гражданин г. Перми Иван Григорьевич Каменский, 63 лет, умер 14 (пог. – 16) марта 1919 г. Кладбище Успенского женского монастыря. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 909. Л. 167об.).

Судьба жены Каменского, Лидии Николаевны, и других их родственников пока остается неизвестной. Известно только, что Лидия Николаевна продала Суксунское имение Пермскому губернскому земству в начале июня 1919 г. [21]

8 октября 1918 г. большевики решили вывезти имущество Каменских из Суксуна, т.к. к этим местам подходили войска адмирала Колчака. Перед вывозом они произвели его опись [15, с. 90]. Как видно из списка, картин Серова, Рериха и Нестерова здесь уже нет. Видимо, после прихода большевиков к власти Каменские раздали наиболее ценные вещи родственникам. Таким образом могли попасть

картины Серова к Бажановой Анне Михайловне, которая являлась двоюродной сестрой Иван Григорьевича, они были одногодками, а от нее уже к ее дочери, Вере Михайловне Бажановой.

Вскоре по распоряжению большевистских властей все имущество повезли в Кунгур, но не довезли. Следы обоза потерялись где-то у станции Усть-Кишерть. На этом направлении вела наступление на Кунгур 2-я Чехословацкая дивизия армии адмирала Колчака. Чехи вполне могли захватить обоз с картинами, и тогда их нужно искать в Чехии или Словакии. Но возможен и другой вариант. В 1918 г. чехи еще не занимались повальным мародерством, поэтому могли отправить обоз в Красноуфимск, в штаб 3-й Иркутской дивизии полковника Гривина. Тогда картины нужно искать в Иркутске.

Когда белые захватили Пермь и восстановили органы самоуправления, то сразу же приступили к денационализации имущества. Следователи искали имущество Каменских, вызывая на допросы не только бывших служащих советских учреждений, оставшихся на месте и вернувшихся из эвакуации, но и свидетелей из уездного города Красноуфимска. Усилия их не увенчались успехом.

О дальнейшей судьбе имущества Каменских существует много легенд. Так, известный пермский историк-архивист Л.С. Кашихин предполагал, что упакованное к отправке имущество Каменских находилось в здании волостного управления, которое было взорвано в сентябре 1918 года [1, с. 40].

В июле 1919 г. власть вновь перешла в руки большевиков. Оставшиеся мебель и убранство дома Каменских были растащены. Кое-что передали в Народный дом, кое-что – для оборудования помещения местной комсомольской ячейке. По воспоминаниям бывшего комсомольца А. Тюрюкова: «Осенью 1919 года ревком разрешил воспользоваться союзу молодежи некоторыми ценностями этого дома: парой электрических люстр, статуэтками и несколькими картинами» [22]. Из воспоминаний следует, что несколько картин из имущества Каменских сохранилось. И действительно, одна картина найдена работниками Суксунского музея – это портрет неизвестной, который экспонируется в музее. В 1937 г. по указанию художника Михаила Маркеловича Гужавина Пермская художественная галерея начала поиски картин, которые находились в Суксунском заводе у Каменского. Гужавин хорошо знал Каменских, т.к. на их деньги получил воспитание и образование. В результате была найдена в доме крестьянина картина известного русского художника В.Е. Маковского «Шарманщик» [23], но относится ли она к этой коллекции, неизвестно. Значит, есть надежда на следующие находки.

Таким образом, в коллекции Каменских было по крайней мере более тридцати полотен русских художников, пять работ неизвестных авторов. Возможно, они являлись вариантами оформления интерьера женского Успенского монастыря, т.е. они могли принадлежать кисти Нестерова или Рериха. Известные картины были приобретены во время жизни Каменских в Петербурге с 1906 по 1917 гг. Полотен зарубежных художников пока не обнаружено, хотя упоминания об этом есть.

1. Православные монастыри и храмы Перми / сост. и ред.: Марченко А.Н., протоиерей, Перескоков Л.В., Королева В.В., Чернявская Т.А. – Пермь: ООО «Медийные технологии Пермь, 2013. – С. 151-161.
2. Свободная Пермь. – 1919. – 19 марта (№ 51).
3. Валентин Серов в воспоминаниях, в дневниках и переписке современников. – Т. 1. – М., 1971. – С. 272.
4. Валентин Серов в переписке, документах и интервью. – Т. 2. – Л., 1985. – С. 161.
5. *Грабарь И.Э.* В.А. Серов. Жизнь и творчество. 1865—1911 гг. – М., 1965. – С. 425.
6. ГАПК. Ф. р-1331. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.
7. *Соколова Н.* В.А. Серов. – М., 1935. – С. 96.
8. Омский музей изобразительных искусств. – М., 1980. – С. 9.
9. В. Серов. Живопись, графика и театрально-декоративное искусство. – Л., 1982. – С. 356.
10. *Полякова Е.* Н. Рерих. – М., 1972. – С. 179.
11. *Гидони А.* Список // Аполлон. – 1915. – № 4, 5. – С. 38.
12. *Князева В.П.* Н. Рерих. – М., 1968. – С. 8.
13. Н.К. Рерих. Выставка произведений: каталог. – М., 1974. – С. 50.
14. Местное время. – Культура, Пермь. – 1999. – № 8.
15. *Верхоланцев В.С.* Город Пермь: прошлое и настоящее. – Пермь, 1999. – С. 90.
16. *Никонова И.* М.В. Нестеров. – М., 1984. – С. 109.
17. *Нестеров М.В.* Воспоминания. – М., 1985. – С. 285.
18. *Черковская И.* Живой талант // Огонек. – 1988. – № 3. – С. 48.
19. *Минченков Я.Д.* Воспоминания о передвижниках. – Л., 1964. – С. 337.
20. Новая жизнь, Суксун. – 1997. – 17 мая.
21. Освобождение России, Пермь. – 1919. – 13 июня.
22. Новая жизнь, Суксун. – 1988. – 13, 15, 17 сент.
23. Звезда. – 1937. – 27 марта.

ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО Случай из музейной практики

В каждом музее существует план комплектования коллекций. Хранители стараются постоянно пополнять коллекции предметами музейного значения. Их часто приносят прямо в музей, а иногда музейные работники выезжают по приглашению жителей на дом. Экспонаты собираются также в результате специальных экспедиций по городам и селам Прикамья. Кроме того, образцы своей продукции передают в музей предприятия. Время от времени они поступают из различных организаций. Иногда музей покупает редкие предметы для своих коллекций. Факт приемки предметов в коллекции музея оформляется специальной документацией.

Бывает и так, что в музей поступают предметы, принадлежавшие умершему человеку, не оставившему после себя никаких наследников, так называемое – выморочное имущество, переходящее согласно гражданскому праву в собственность государства. В этом случае предметы, имеющие историческую и культурную ценность, после проведения специальной экспертизы безвозмездно передаются в ведение музеев, библиотек и иных учреждений.

Так, 14 мая 1986 г. в Пермский краеведческий музей позвонили из нотариальной конторы одного из районов города с предложением осмотреть старинные монеты, обнаруженные в квартире умершей и не имеющей родственников Елены Андреевны Рязановой. Мы приняли предложение и вскоре вместе с представителями конторы и соседкой умершей (в качестве понятой) вошли в опечатанную однокомнатную квартирку. Странное зрелище открылось нашему взору: содержимое шкафов, полки, кладовки было выброшено на пол.

Женщины-нотариусы, привыкшие к подобной практике в их ведомстве, занялись своими делами. Нам показали горсть медных монет начала XX века, но они не представляли интереса для музейной коллекции. Однако профессиональное чутье собирателей взяло верх над эмоциями и заставило порыться в кучах вещей на полу, где мы обнаружили предметы гораздо более ценные, которыми совершенно пренебрегли нотариусы. Согласно их правилам в сторону откладывалось лишь то, что можно продать в комиссионном или букинистическом магазине. Остальное шло в мусор. Можно себе представить, сколько музейных редкостей увозится на свалку в таких случаях!

Под круглым столом, за которым составляли списки нотариусы, мусор был завязан в прекрасное шелковое зеленое платье (под кринолин) второй половины XIX века. Бывшая со мной хранительница коллекции тканей Маргарита Морозова, просто задохнулась от негодования, видя такое варварское обращение с несомненным раритетом. Наши же новые знакомые, изнывая от скуки, согласно последнему предписанию московского начальства, переписывали в акт поштучно обнаруженную в квартире коллекцию марок.

Роясь дальше, мы нашли две чудесные старинные куколки-игрушки с фарфоровыми головками, пришитыми к тряпичным телам. Такими куклами играли еще наши бабушки! В рваных чулках запутались предметы домашнего обихода и женского рукоделия, щипцы для колки сахара, термометр Реомюра, коробка с карточной игрой «Вист», стеклянные именные печатки, набор миниатюрного слесарного инструмента начала XX века.

В одном ящике комода лежали различные коробочки: для граммофонных игл, пастилы и леденцов «Монпансье», мыло фабрики ТЭЖЭ, Москва. Заинтересовали нас также приемник «ВЭФСУПЕР» середины XX века и электропроигрыватель 1960-х годов.

В куче периодических изданий, среди популярных журналов «Здоровье» и «Наука и жизнь» попались номера журнала «Мир женщины» за 1915 год и «Модели сезона» за 1939 год. Невзрачный пакет порадовал подборкой лотерейных билетов, среди которых были редкие: благотворительная лотерея 1914 года, лотерея дорожного комитета и Красного Креста Пермской железной дороги 1920-х гг., и другие. В потертых альбомах мы обнаружили две сотни прекрасных пасхальных открыток и видов городов России начала XX века. В другом ящике комода оказалась семейная переписка, из которой запомнились наивные письма невесты к своему жениху перед свадьбой в 1868 году, очевидно, дальней родни Рязановых. Взяли мы также столик для рукоделия, которому позавидует любая хозяйка и в наши дни: небольшой, на резных ножках, под откидной крышкой-столешницей целый лабиринт отделений.

По музейным правилам необходимо было знать историю происхождения и принадлежности всех этих вещей. Но ни соседка, ни нотариусы ничего не могли сказать нам о Рязановой. Порывшись еще, мы обнаружили пачку документов, грамот и фотографий, а также сверток каких-то чертежей. Просматривать их на месте времени уже не было. Мы вызвали музейный автобус и, составив акт приемки, увезли все собранное, договорившись с нотариусами, что и впредь они будут вызывать нас по подобным делам.

На следующий день я, как хранитель в том числе и документального фонда, приступил в выяснению биографии Рязановой и ее родни по имеющимся материалам. Это очень интересная творческая работа. Предварительно систематизировав документы по годам, выписываю из них все сведения об «архивообразователе», и получаю почти полную биографию человека.

Е.А. Рязанова, как оказалось, по профессии была техником-строителем. Она много лет работала в строительномонтажных управлениях Перми, имела грамоты и поощрения. По письмам и открыткам удалось определить место жительства, должности и социальное положение ее родни: Машаровых, Мазиновых, Рожковых, Жуковых, начиная с конца XIX века. Не менее интересными оказались документы ее отца – Андрея Рязанова. Выпускник Кунгурского училища Губкина, он работал на Пашийском заводе Пермской губернии. Меня поразили чертежи, выполненные им тушью на кальке. Ведь судя по его дневниковым записям, по этим чертежам на заводе сразу собирали мосты, краны и прочее оборудование. Выпускник технического училища, таким образом, приравнивался к инженеру!

На эту работу ушла целая неделя. После тщательного изучения документов, я начал писать карточки на вещи, а Рита Морозова – на предметы одежды. Затем мы свели все в одну коллекционную опись и представили собранные материалы членам ФЗК (фондово-закупочной комиссии), предварительно разложив все на стеллажах. Коллеги были в восторге от нашего приобретения. После этого, получив в секторе учета номер, мы промаркировали каждую вещь, каждую бумажку из 244 единиц привезенных материалов, а также соответствующие им учетные карточки. На этом первичная обработка коллекции закончилась. Вещи были разобраны по хранениям, а я приступил к фондированию документальных материалов Рязановой, т.е. к их описанию для ввода в научный оборот. Для этого, по специальной инструкции, все материалы архивообразователя раскладываются по десяти разделам: биографический, трудовая деятельность, творческие материалы, переписка, материалы родственников и т.д. Далее все записывается в так называемую пофондовую опись, которой впоследствии будут пользоваться исследователи и экспозиционеры, сотрудники музея. Данные по коллекции вносились также еще в три картотеки: поступлений, алфавитно-поисковую и научную. Можно представить себе, сколько писанины!

В настоящее время часть предметов из коллекции Е.А. Рязановой уже вошла во многие действующие экспозиции музея.

НАЗВАНИЯ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ В ПЕРМИ

Пермяки уже заметили появление в городе жилых комплексов с запоминающимися, но порой непонятно откуда взявшимися названиями: «Солдатская слободка», «Акварели», «Симфония», «Альпийская горка», «Авиатор», «Турчаниновский квартал», «Грибоедовский»...

Современные застройщики уделяют неймингу* особое внимание. Это целый комплекс работ, связанных с созданием звучных, запоминающихся и точных названий для предприятий, проектов, товаров. Е. Исупова в журнале «Метражи» пишет: «Мы решили узнать: какими принципами руководствуются пермские девелоперы**, конструируя названия для своих новостроек? Каким должен быть удачный бренд? И обязательно ли придумывать для ЖК звучное имя? Неймингом в строительстве занимаются как рекламные агентства, так и сами девелоперы. Механизмов создания подходящей номинации несколько: чаще всего её связывают с архитектурным решением объекта, классом строительства, стилем жизни потенциальных клиентов или географическим положением жилого комплекса» (1).

Архитектурное решение объекта ЖК «Альпийская горка» было разработано пермским архитектурным бюро М. Футлика в едином стилистическом ключе. Это пять 25-ти этажных жилых дома-соцветия на улице Чернышевского: «Крокус» (№ 15а), «Ирис» (№ 15в), «Тюльпан» (№ 17а), «Эдельвейс» (№ 15б), «Ландыш» (№ 15г). Здания в комплексе двух видов постройки – в форме «трилистника» и «круглые» (2).

Пример названия, раскрывающего стиль жизни потенциальных клиентов – жилой комплекс «Боровики» ОАО «Камская долина»: подчеркнута его близость к природе (находится по соседству с лесным массивом), и одновременно доступность и демократичность. Слоган ЖК «Боровики» – «Сосны, воздух и дома!» (3)

Ещё один подобный пример – новый дом «Вместе» по ул. Подлесной, 43а. Над маркетинговой стратегией этого объекта работали больше полугода.

«Слово «Вместе» здесь – продолжение позиционирования, – объясняет Ольга Фаст. – Получается, мы не хвалим дом, как это происходит обычно, не называем его каким-то уникальным словом,

*Нейминг – разработка названий торговых и сервисных марок.

**Девелопер – предприниматель, занимающийся созданием объектов недвижимости и организацией соответствующих процессов, от англ. develop – развивать, разрабатывать, создавать.

а предлагаем идею, уникальную саму по себе, отличающую этот проект от всех остальных. На протяжении всего строительства мы привлекаем к обсуждению самых значимых вопросов будущих жителей и на основании мнения большинства будем принимать решения при строительстве дома. Например, уже в этом месяце мы вместе выберем вариант дизайна отделки холлов на первом этаже. «Вместе» – это первый дом, задуманный, построенный и улучшенный совместно с жильцами» (4).

Для краеведов особенно интересны названия жилых комплексов связанных с географическим положением или историческим местом. Так, например, компания «Горизонт-инвест», выбирая имена для двух строящихся объектов – «Дома на Малой» и «Дома на Левченко», – руководствовалась именно этим принципом.

По ул. Николая Островского, 29 в 2012 г. Пермский завод силикатных панелей построил монолитно-каркасный жилой комплекс «Турчаниновский квартал» (арх. С. Шамарин, Д. Лапшин). От самого высокого в квартале дома – 17-этажной «свечки» – высота построек снижается по мере приближения к старинному особняку по ул. Луначарского, 11.

Почему решили назвать квартал «Турчаниновским»? «Напомнить всей Перми о Турчаниновых, об их делах и их наследии взялся Пермский завод силикатных панелей (ПЗСП) и его генеральный директор Николай Демкин, – пишет журналист Юлия Баталина. – Казалось бы, какая тут взаимосвязь? А дело в том, что заводу, давно практикующему строительство жилых и офисных зданий с использованием собственных качественных стройматериалов и новейших технологий, администрация Перми поручила заняться застройкой так называемого 142-го квартала, расположенного между улицами Пушкина, Луначарского, Островского и Горького» (5).

Прежде чем разрабатывать архитектурный план застройки в историческом центре города, руководство завода решило выяснить, какие исторические смыслы несет в себе этот квартал, что в нем есть ценного и как это ценное вписать в новую застройку. А поскольку усадьба Турчаниновых находится как раз напротив квартала № 142, то руководство завода и решило назвать его «Турчаниновским».

Удачными кажутся названия ЖК «Красная горка» по ул. Фрезеровщиков, 82, 86 и «Слудская горка» по ул. Хохрякова, 2. В Перми горок действительно много. Недаром краеведы-старожилы любят подчеркивать, что Пермь, как и Рим, стоит на семи холмах.

Жилой комплекс «Солдатская слободка» – это дома по ул. Н. Островского, 40, и ул. Пушкина, 6, 8, 10. Если название «Турчаниновского квартала» оправдано (усадьба Турчаниновых находится

напротив), то название комплекса «Солдатская слободка» вызывает вопросы. Солдатская слободка появилась в этих краях за городской чертой, на месте старых кирпичных сараев в начале 1880-х гг. В те годы границами Солдатской слободы был участок земли между улицами Соликамской (М. Горького) и Сибирской, от ул. Безымянной (Малышева) до ул. Солдатской (1-я Красноармейская). К началу XX века Солдатская слободка стала называться Старой слободкой (6). Получается, что от ул. Пушкина до ул. Малышева все-таки два квартала, поэтому это название не очень уместно.

Как сказано выше, названия жилых комплексов придумывают, прежде всего, застройщики. А вот название ЖК «Лазурный» придумали сами покупатели. Возведением этого большого жилого комплекса по ул. Целинной, 55, в микрорайоне Вышка-2 занимается ОАО «ПЗСП» (6).

По словам председателя общества «Пермский краевед» и члена Союза писателей России В.Ф. Гладышева, однажды к его совету обращались по названию ЖК «Турчаниновский квартал». Думается, краеведы в этом вопросе могли бы действительно стать квалифицированными консультантами.

1. *Исупова Е.* Что в имени тебе моём? // Метражи. – 2014. – № 4, апрель. – С. 46.

2. *Дмитриев А.* Выше – только небо // Новый компаньон. – 2009. – 9 июня.

3. *Исупова Е.* Что в имени тебе моём? // Метражи. – 2014. – № 4, апрель. – С. 47.

4. То же. С. 48-49.

5. *Баталина Ю.* История Прикамья в судьбе новостройки // Деловое Прикамье. – 2006. – 28 апр.

6. Полный адрес домовладельцев губернского города Перми, с приложением подробного городского плана / сост. Г.И. Минеев. – Пермь, 1886. – С. 63-68; *Спешилова Е.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723—1917. – Пермь, 2003. – С. 24-25.

7. *Арсеньев А.* Умные пошли в гору // Пятница. – 2014. – 8 авг.

СПИСОК ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ В Г. ПЕРМИ

Название	Адрес	Микрорайон	Район города
Авиатор	ул. Запорожская, 1, 1/1 ул. Самаркандская, 141, 143, 145, 147 ул. Холмогорская, 2в, 2г, 2д, 2е, 4б, 4в, 4г	Юбилейный	Свердловский
Аврора	ул. Крупской, 67	Горки (Городские Горки)	Мотовилихинский
Акварели	ул. Вильвенская, 6	Данилиха	Дзержинский
Альпийская горка	ул. Чернышевского, 15а, 15б, 15в, 15г, 17а, 17г, 17д	Островского	Свердловский
Астра	Тополевый пер., 5	Центр	Ленинский
Аэлита	ул. Беляева, 40б, 40в, 40г, 40д	Нагорный	Индустриальный
Байкал	ул. Калинина, 64	Нижняя Курья	Кировский
Березовая роща	ул. Сигаева, 37	Вышка II	Мотовилихинский
Боровики	Ул. Вагонная, 23, 25, 27, 29 Ул. Красноводская, 15, 17, 19, 23, 25, 27 ул. Хабаровская, 54, 54а, 56, 56а, 60, 62, 64, 66, 68	Акулова	Дзержинский
Вариант	ул. Автозаводская, 30	Закамск	Кировский
Великан	ул. Ипподромная, 5	Балатово	Индустриальный
Вербa	ул. Окулова, 61, 62	Центр	Ленинский
Весна	ул. Гатчинская, 18, 20 ул. Переселенческая, 98, 100, 102, 104 ул. Углеуральская, 25, 27	Железнодорожный	Дзержинский
Виктория	ул. Революции, 21	Островского	Свердловский
Владимирский	ул. Кустовая, 2а	Владимирский	Свердловский
Вместе	ул. Подлесная, 43а	Парковый	Дзержинский
Времена года	ул. Докучаева, 42, 42а	Пролетарский	Дзержинский
Галактика	Шоссе Космонавтов, 116, 118, 120	Железнодорожный	Дзержинский
Гвардейский	ул. Барамзиной, 54	Железнодорожный	Дзержинский
Грибоедовский	ул. Уинская, 29, 31, 33, 35, 37	Ива	Мотовилихинский
Дом на Вознесенской	ул. Луначарского, 32а	Центр	Ленинский
Дом на Левченко	ул. Левченко, 17	Новоплоский	Индустриальный

Дом на Малой	ул. Малая, 1	Новоплоский	Индустриальный
Инкар	ул. Новосибирская, 13	Крохалева	Дзержинский
Искра	ул. А. Веденева, 52	Молодежный	Орджоникид-зевский
Капитан	ул. Танцорова, 37	Нижняя Курья	Кировский
Карпинский	ул. Веры Засулич, 42	Ераничи	Индустриальный
Квартал на Механошина	Ул. Камчатовская, 18, 20 ул. Краснофлотская, 11, 11/2 ул. Механошина, 15, 17	Громова	Свердловский
Квартет	ул. Юрша, 80, 82, 84, 86	Садовый	Мотовилихинский
КОСМОС	Шоссе Космонавтов, 86а	Данилиха	Дзержинский
Красавинский	ул. Маяковского, 45, 47, 51, 53	Заостровка	Дзержинский
Красная горка	ул. Фрезеровщиков, 82, 86	Горки (Городские Горки)	Мотовилихинский
Крылья	ул. Сибирская, 46	Свердлова-Центр	Свердловский
Купеческий	ул. Мильчакова, 28а	Данилиха	Дзержинский
Лазурные купола	ул. Советская, 3	Разгуляй	Ленинский
Лазурный	ул. Целинная, 55	Вышка II	Мотовилихинский
Меридиан	ул. Ленина, 33-35	Центр	Ленинский
Никитинский	ул. Екатерининская, 175, 175/1, 175/2, 175/3	Центр	Дзержинский
Новый Вавилон	ул. Семченко, 6	Балатово	Индустриальный
Новый город	ул. Делегатская, 39А, 39Б, 41, 45 ул. Цимлянская, 17	Лёвшино	Орджоникид-зевский
Новый центр	Ул. 25-го Октября, 59	Свердлова-Центр	Свердловский
Олимп	ул. Лебедева, 34	Рабочий посёлок	Мотовилихинский
Олимпия	ул. Уральская, 95	Рабочий посёлок	Мотовилихинский
Панорама	ул. Карбышева, 47а	Гайва	Орджоникид-зевский
Парковый	ул. Подлесная, 43	Парковый	Дзержинский
Паруса над Камой	ул. Красновишерская, 35, 37, 39	Горки (Городские Горки)	Мотовилихинский
Пермские дворики	ул. Желябова, 16	Парковый	Дзержинский
Пермские медведи	ул. Рабочая, 9а («Полярный медведь»),	Железнодорожный	Дзержинский

Петропавловский	ул. Толмачева, 15	Центр	Дзержинский
Полёт	ул. Мира, 136 Шоссе Космонавтов, 213, 215, 217	Балатово	Индустриальный
Порт-сити	ул. Решетниковский спуск, 1	Центр	Дзержинский
Пушкарский	ул. Пушкарская, 142	Садовый	Мотовилихинский
Радуга	ул. Макаренко, 19	Горки (Городские Горки)	Мотовилихинский
Самоцветы	ул. Веры Засулич, 44, 46, 46а, 48, 50, 50а, 52, 54, 54а	Балатово	Индустриальный
Сапфир	Ул. Окулова, 18	Центр	Ленинский
Светлый	ул. Малкова, 24а	Железнодорожный	Дзержинский
Сибиря Парк	ул. 25-го Октября, 77	Островского	Свердловский
Симфония	ул. Советская, 30	Центр	Ленинский
Сирень	ул. Макаренко, 10а, 12а, 14а, 16а, 18 ул. Тургенева, 33а, 35а, 35б	Горки (Городские Горки)	Мотовилихинский
Слудская Горка	ул. Хохрякова, 2	Центр	Дзержинский
Солдатская слободка	ул. Н. Островского, 40 ул. Пушкина, 6, 8, 10	Островского	Свердловский
Солнечный	ул. Ив. Франко, 38, 42, 44, 46	Вышка II	Мотовилихинский
Солнечный город	ул. Белинского, 31	Островского	Свердловский
Солнечный каскад	ул. 25 Октября, 17	Центр	Ленинский
Спарта	ул. Рабочая, 7	Железнодорожный	Дзержинский
Столичный	пр. Декабристов, 97	Ераничи	Индустриальный
Стрижи	ул. Камышловская, 21 (ул. Карпинского, 120а)	Авиагородок	Индустриальный
Театральный	ул. Петропавловская, 29	Центр	Ленинский
Тихая заводь	ул. Крайпрудская, 44	Запруд	Мотовилихинский
Трио	ул. Янаульская 34, 36, 38	Гайва	Орджоникид-зевский
Триумф. Квартал 1	ул. Советской Армии, 50, 72	Ераничи	Индустриальный
Триумф. Квартал 2	ул. Карпинского, 108	Ераничи	Индустриальный

Турчаниновский квартал	ул. Н. Островского, 29	Островского	Свердловский
Ух! Подсолнух	ул. Адмирала Макарова, 23	Нижняя Курья	Кировский
Фаворит	ул. Крисанова, 73а	Данилиха	Дзержинский
Флагман	ул. Н. Островского, 119	Островского	Свердловский
Хорошее место	ул. Теплогорская, 22	Балатово	Индустриальный
Цветы Прикамья	ул. Кронштадтская, 29, 31, 33, 37, 43, 45, 47, 51, 53	Данилиха	Дзержинский
Черняховский квартал	ул. Черняховского, 45, 45а, 49 ул. Бушмакина, 94, 96	Кислотные Дачи	Орджоникидзевский
Щербаковский	ул. А. Щербакова, 43, 43/1, 43/2, 43/3	Домостроительный	Орджоникидзевский
Экипаж	ул. Танкистов, 9	Балатово	Индустриальный
Forma	ул. Н. Островского, 67	Островского	Свердловский
Zerrelin	ул. Пермская, 33	Разгуляй	Ленинский

ХОСТЕЛЫ В ПЕРМИ

Вот что пишет о хостелах А. Золотарёва в журнале «Метражи»: «Во времена «культурной революции» в Перми появились яркие арт-объекты и международные фестивали. Вслед за ними стал формироваться новый бюджетный сектор гостиничного бизнеса. Сегодня в городе насчитывается уже восемь хостелов, где гостям предлагают отдохнуть за вполне разумные деньги. Hostel в переводе с английского означает «общежитие». Это европейские бюджетные гостиницы, предлагающие своим постояльцам дешёвый ночлег с минимальным набором дополнительных опций» (1).

Впервые подобные общежития появились более 100 лет назад в Германии, а потом быстро распространились по всей Европе. В настоящее время почти в 60 странах насчитывается около 4,5 тысячи хостелов.

Развитию хостелов способствовали хиппи, склонные к постоянной смене места жительства, и молодые туристы, не имеющие лишних средств на дорогие гостиничные номера. Помимо ночлега и необходимого минимума удобств таких постояльцев интересует еще и общение.

Хостел представляет собой гостиницу с недорогими 8-16 номерами, в каждом из которых жильцы получают минимальное количество услуг. Наиболее заселяемые номера, как правило, оснащаются двухуровневыми кроватями для экономии места. Отдельно располагаются зона питания и зона отдыха. Так что основным отличием хостелов от гостиниц является принципиально другой формат и доступная цена. Такие дешёвые общежития очень популярны среди молодых туристов и студентов, активно путешествующих в свободное от учёбы время. Стоимость проживания в таком отеле напрямую зависит от количества соседей – чем больше мест в комнате, тем дешевле.

Малый гостиничный бизнес не подлежит лицензированию, им проще управлять. Именно поэтому открытие хостела – это один из самых дешёвых и легальных способов начать свой гостиничный бизнес, считают эксперты.

В Перми, как и в России в целом, еще только идёт формирование рынка и культуры хостельного размещения. Для нашей страны это пока непривычный формат. Несмотря на то, что за последние два года в Перми открылось уже несколько новых хостелов, город пока значительно отстаёт от соседних регионов.

В чем отличие наших хостелов от европейских? Исполнительный директор арт-хостела «CalmInn» Константин Барг считает, что «они минимальны, при условии, что хостельер добросовестно организует бизнес. У каждого хостела свой характер, который формируют сами постояльцы. Задача хостельера – чтобы постояльцы к нему возвращались» (2).

Для активных путешественников удобны сетевые гостиницы. Там можно забронировать место в той же сети в другом городе по ходу своего маршрута, где работают по общим стандартам. У нас в городе теперь тоже есть хостел крупной сети с говорящим названием – «LikeHostels».

«В Перми открытие хостела произошло в начале 2014 года, а сама сеть существует с 2013 года, и практически за один год под этой маркой начали работать более 60 хостелов в России и СНГ. Это большой плюс для каждого отдельного города, так как, побывав в одном из наших хостелов, при последующей поездке в другой город люди в первую очередь узнают, есть ли там «Like хостел», и с большим желанием его выбирают. Каждый хостел индивидуален, у нас своя собственная терраса с видом на Комсомольский проспект, отличный ремонт. WiFi, чай, кофе и печенье – это всё входит в стоимость проживания», – рассказывает Денис Шитов (3).

Хостел «Метро», недавно открытый, предлагает своим гостям комфортные условия проживания, чистые просторные номера и удобное расположение за небольшую плату. «Хостел «МЕТРО» – дешёвая гостиница Перми. Но это не делает её жильём второго сорта. Гибкая ценовая политика, тщательно разработанные и удобные тарифные планы, скидки и бонусы, привлекающие клиентов, и небольшое количество мест (38 человек) позволяют нам предоставлять высококачественный сервис нашим постояльцам, обеспечивать комфортные условия проживания. Недорогие и вкусные завтраки, обеды и ужины в нашем буфете, домашняя обстановка и доброжелательный персонал делают пребывание в хостеле уютным, простым, а сервис – качественным», – говорит директор хостела «Метро» Лариса Ващенко (4).

Первый «Хостел П» появился у нас в Перми на ул. Ленина, 67, не так давно: 13 июля 2012 г. В августе 2013 г. открылся хостел «Молодёжный» (ул. Борчанинова, 3), а осенью на Центральном рынке – CentralHostelPerm (шоссе Космонавтов, 13). В январе 2014 г. открылся хостел «Метро» (бульвар Гагарина, 58г), в феврале в Перми начал работать хостел крупнейшей в России сети LikeHostels, а в апреле открылся новый хостел «CalmInn» («Спокойная гостиница», ул. Куйбышева, 1).

Летом этого года я побывал в первом открывшемся в Перми хостеле – «Хостел П» на ул. Ленина, 67 (кирпичная четырехэтажка, 1952 г. постройки). Здесь первыми гостями стали британские путешественники. Журналистам в информационно-туристическом центре сообщили: «Пока иностранцы довольны условиями проживания» (5).

Старший администратор «Хостел П» В. Тютюнник поделился наблюдениями о клиентах: «Основной контингент проживающих – бэкпекеры (от англ. backpack – рюкзак; турист, путешествующий самостоятельно по спланированному им самим маршруту), иностранцы, иногородние студенты, посетители и участники всевозможных фестивалей, соревнований, конкурсов и других мероприятий, а также пермяки» (6). К примеру, значительная часть аудитории «Хостела П» – это посетители экстрим-парка: «Для того чтобы покататься в нём, приезжают из соседних городов. Что касается иностранцев, только за 2013 год в «Хостеле П» останавливались порядка 600 иностранцев из 40 стран мира. В этом году иностранных гостей ожидается на порядок больше. При этом по итогам фестиваля «Белые ночи» в 2013 году нам не удалось выделить какого-либо заметного притока клиентов, за исключением дня открытия. Надеемся, что в этом году ситуация будет иной» (7).

Еще в начале своей деятельности «Хостел П» сменил свою направленность: из строгого стиля в «арт». Этот хостел по-прежнему остаётся самым крупным в городе. В нем одновременно могут разместиться до 68 человек. Хостел представляет собой гостиницу с недорогими 6-8-16-местными номерами за 400–600 рублей (правда, имеет еще один двухместный номер со стоимостью в 1500 руб.).

Экскурсию по этому хостелу для меня организовал дежурный администратор. Мне удалось увидеть и сфотографировать тех, кто там проживает, почти все помещения, почитать отзывы постояльцев. Многие гости Перми приезжают сюда уже не в первый раз. Среди них есть спортсмены, музыканты, художники и другие представители творческой молодежи. Летом загруженность этого молодёжного приюта составляет около 80%.

У администратора имеются буклеты о достопримечательностях города Перми и Пермского края. Можно пользоваться интернетом. Курение и алкоголь запрещены. Есть кухня, где можно приготовить себе завтрак. Если приезжают группой – можно нанять повара. Приезжим выдается комплект постельного белья. Имеются душевые, есть стиральные машины, в общей гостевой комнате – телевизор.

Иностранцы предъявляют вид на жительство. Кроме того, если требуется, осуществляется миграционный учёт гостей, они регистрируются. Есть «черный список» тех, кого следующий раз уже не примут сюда из-за неподобающего поведения или по другим причинам.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

А.В. Шилов

ПЕРМСКИЕ КУПЦЫ КРОТОВ И ЕВРЕИНОВ, И ИСТОРИЯ «ДОМА ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА» (ул. Торговая – Советская, 65)

Хостелы отличаются особой дружеской атмосферой. Здесь приятно заводить новые знакомства. «Мы стараемся сделать так, чтобы в хостеле кипела жизнь, чтобы людям было интересно к нам приезжать и не хотелось уезжать», – отмечает администратор Вадим. Он помнит, как для пожилого австралийского гостя они устроили однажды прием: нарядили его в национальную русскую рубаху, наварили пельмени, а потом пели песни и вели задушевную беседу.

Коридоры в хостеле на улице Ленина оформлены в стиле «арт», есть граффити, есть портреты знаменитых в прошлом пермяков.

Я попросил показать «книгу жалоб, предложений и отзывов»:

«Уютно. Удобно. Мягко. Чисто. Ни жарко, ни холодно. Вкусный кофе. Приветливые иностранцы. Добрые, милые, вежливые администраторы. Близко ко всему, просто в центре событий. Спасибо. З. Стася, студентка из меда (Екатеринбург и Каменск-Уральский), приехала в парк кататься на втх».

«Спасибо «Хостелу П» за теплый прием, чистые удобные кровати, кухню «лучше, чем дома», лучшее обслуживание, крутые туалеты и многое другое. Самое главное, что мы почувствовали себя как дома (и даже малость расслабились, извините за детский смех!) СПАСИБО! Не без последствий. СRe. 8 – 9 – 10 июня 2013 г.»

«Пермский гостиничный рынок станет развиваться именно в эконом-сегменте, который предполагает создание мини-отелей, где стоимость проживания не превысит одной тысячи рублей в сутки. Правда, всё это произойдет только при благоприятных экономических условиях, когда риски инвестиций в коммерческую недвижимость смогут быть умеренными. Важным фактором, способным позитивно повлиять на развитие гостиничного рынка Перми, является строительство нового терминала аэропорта Большое Савино. Появление нового аэропорта позволит увеличить пассажиропоток с 500 тысяч до 2 миллионов человек в год, и привлечь новые авиакомпании, открыв новые направления въездного туризма», – отмечает исполнительный директор компании «Р-Консалтинг» О. Козырева (8).

1. Золотарёва А. Хостел – стиль жизни или реальный бизнес // Метражи. – 2014. – № 6, июнь. – С. 66.

2. То же. С. 68.

3. То же.

4. То же.

5. В Перми открылся первый хостел // BUSINESS CLASS. – 2012. – 16 июля.

6. Золотарёва А. Хостел – стиль жизни или реальный бизнес // Метражи. – 2014. – № 6, июнь. – С. 68.

7. То же. С. 69.

8. То же.

История домовладения в Перми представляет собой тему, которая еще недостаточно разработана в региональных исследованиях. Между тем она является составной частью истории города, тесно связанной с прошлым его улиц, домов, а также с историей людей, живших в них. Материалы о домовладении содержат ценные сведения о постройках и перестройках домов, их архитектуре, планировке земельных участков, отведенных под усадьбы. Прослеживая процесс передачи и продажи домов, перехода в руки новых собственников, можно выявить любопытные сведения об их владельцах, раскрыть прежде неизвестные сюжеты по истории конкретных строений.

Значительный интерес представляет, например, история так называемого «Дома городского общества» (ул. Советская, 65). Примечательно его местоположение: дом примыкает с западной стороны к скверу Уральских добровольцев (до революции – территория Черного рынка). Это трехэтажное «Г»-образное кирпичное здание с подвалом и двухэтажным пристроем, возведенное, по сведениям, содержащимся в современной справочной литературе, во второй половине XIX в.¹ Здание взято на учет как памятник градостроительства и архитектуры, что было подтверждено распоряжением губернатора Пермской области № 713-р от 5 декабря 2000 года². С 1950-х гг. в здании помещалось областное базовое медицинское училище, переименованное в 1992 г. в Пермский базовый медицинский колледж.

Обращаясь к предыстории «Дома городского общества», отметим, что в 1860—1870-е гг. на этом месте находилась усадьба Василия Алексеевича Кротова – личности в то время достаточно известной в пермских деловых и общественных кругах. В 1860-е гг. В.А. Кротов сумел успешно подняться по социальной лестнице: стал купцом первой гильдии. Основной сферой его предпринимательских интересов была торговля; известно также, что он арендовал у города в районе пермских пристаней береговой участок, приносивший ему определенный доход.

Помимо этого, Кротов активно участвовал в общественной деятельности. В 1871 – первой половине 1877 г. он являлся гласным Пермской городской думы, в 1876 г. выдвигался на должность городско-

го головы, но отказался баллотироваться³. В качестве гласного думы он принимал участие в дискуссиях по поводу состояния городского хозяйства губернского центра, по бюджету города и др. В то же время работал в составе думских комиссий при обсуждении таких спорных вопросов, как возможности кредитования владельцев недвижимых имуществ Перми; компенсация собственникам за земли, отчуждаемые в черте города под горнозаводскую железную дорогу; использование городским обществом выгонных земель и проч.⁴

В 1864—1876 гг. В.А. Кротов был главным распорядителем правления Пермского городского общества взаимного страхования имущества от огня. В 1875 г., учитывая его «долголетнее успешное заведование» делами этой организации, городское общество, поддержанное, в свою очередь, думой, ходатайствовало перед пермским губернатором о награждении Кротова «орденом или званием почетного гражданина»⁵. В заслугу распорядителю ставилось и то, что в течение одиннадцати лет деятельности общества правление последнего помещалось «безвозмездно» в доме В.А. Кротова⁶.

Однако ожидаемой награды не последовало, поскольку дальнейшие события приобрели для Кротова совершенно иной характер. Во-первых, вскоре выяснилось, что купец-распорядитель оказался не вполне добропорядочным в решении финансовых вопросов. Испытывая серьезные денежные затруднения, он, в стремлении погасить собственные долги, «совершил растрату капиталов общества» на сумму, превышавшую 16 тыс. рублей⁷. Во-вторых, вследствие неудачных коммерческих операций и невозможности вернуть ссуду, взятую под залог своего недвижимого имущества в Пермском Марьинском общественном банке, Кротов был объявлен несостоятельным должником и по этой причине в августе 1877 г. исключен из списка гласных городской думы⁸.

Из архивных материалов, связанных с продажей недвижимости, принадлежавшей прежде Кротову, выясняется, что владение разорившегося купца, находившееся во второй части Перми по Торговой улице «на углу Торговой (Базарной) площади», включало ряд строений: двухэтажный каменный и одноэтажный деревянный дома, деревянные двухэтажные службы, три деревянные конюшни, а также построенные из того же материала баня, колодец, погреб, несколько торговых лавок, примыкавших к рынку. Общая площадь усадьбы Кротова, учитывая землю под строениями и огородом, составляла 625 кв. сажен (2843,7 кв.м)⁹.

Для того, чтобы расплатиться с кредиторами, среди которых основную роль играл Марьинский банк, было образовано конкурсное управление по делам несостоятельного должника, члены которого сочли за лучшее продать имущество обанкротившегося владельца.

22 мая 1878 г. состоялись публичные торги бывшей собственности В.А. Кротова. В тот же день ее приобрел пермский купец первой гильдии Владимир Александрович Евреинов, внося в кассу губернского казначейства за купленную недвижимость 20 тыс. рублей¹⁰. Сверх того, им была уплачена в казначейство пошлина в круглую сумму 800 руб. сер. 13 июня того же года сведения о покупке Евреиновым недвижимого имущества по улице Торговой были занесены пермским нотариусом И.Ф. Казакевичем в актовую книгу, с выдачей новому владельцу выписи на гербовой бумаге для ее «внесения в реестр крепостных дел» Пермского окружного суда¹¹.

С этого времени и до осени 1883 г. бывшая усадьба Кротова принадлежала В.А. Евреинову. Обращаясь к биографии владельца, следует заметить, что сам Евреинов не имел купеческой родословной, а был выходцем из ремесленно-мещанской среды. По сведениям обывательской книги Перми 1854 г. Евреинов, тогда 18-летний молодой человек, жил в семье мачехи, мещанской вдовы Александры Сергеевны. В графе, — «какого промысла гражданин и чем занимается» — в отношении него записано: «обучается часовому делу»¹². В 1862—1863 гг. Евреинов — пермский мещанин, упоминается в источниках как часовщик¹³. Все эти факты позволяют усомниться в бытующей в краеведческой литературе версии об его якобы родстве с ассессором палаты уголовного суда А. Евреиновым, служившим в Перми в конце XVIII — начале XIX в.¹⁴ Слишком разные социальные ниши они занимали.

В.А. Евреинов (1836 или 1837 г. рождения), по происхождению принадлежал, таким образом, к низшему разряду городских обывателей. Но благодаря предприимчивости, личным и деловым связям, в относительно короткое время он сумел войти в круг видных представителей торгово-промышленного мира Прикамья. В документах, относящихся ко второй половине 1860-х гг., Евреинов выступает уже в качестве купца второй гильдии, а к середине 1870-х гг. — первой¹⁵.

Мы располагаем также некоторыми сведениями о семье Владимира Александровича. Первым браком он был женат на некоей Марии Трофимовне, умершей 1 сентября 1863 г. от горячки в возрасте 30 лет¹⁶. Детей у супружеской пары не было. Вторым браком был заключен 16 октября 1868 г. с дочерью коллежского секретаря А.Г. Костарева, Александрой, которой на тот момент исполнился 21 год¹⁷. За невестой Евреинов получил неплохое приданое, к тому же, после смерти тестя, ему было доверено распоряжение частью капитала Костарева, использованного впоследствии при покупке усадьбы В.А. Кротова. В этой связи обратим внимание еще на один момент. При заключении брака Евреинова с Александрой Александровной поручителем со стороны жениха выступил надворный советник Н.Г. Костарев¹⁸, ставший в 1875—1876 гг. пермским городским головой. Зна-

комство и родство через жену с этим известным в городе деятелем содействовало упрочению позиций Евреина в предпринимательских и общественных кругах Перми.

В семье В.А. и А.А. Евреиновых было трое детей: сын Павел и дочери Екатерина и Лидия. Сведений о Павле найти не удалось, за исключением упоминания его имени в качестве воспитанника при крещении младшей сестры Павла, Лидии¹⁹. Что же касается старшей дочери Евреиновых, Екатерины, то она родилась в 1872 г., 2 октября 1896 г. вышла замуж за канцелярского служителя К.Д. Кузовникова²⁰. Лидия, поздний ребенок, родилась 8 мая 1884 г., спустя семь месяцев после смерти отца²¹.

Сам В.А. Евреинов в 70-е гг. XIX в. был преуспевающим купцом. В 1877—1878 гг. им были возведены на Черном рынке два торговых корпуса, в каждом из которых имелось по четыре лавки для «продажи разных товаров». Половина лавок была передана затем Евреиновым городу, и отдавалась городской управой «по конкурсу» желающим в них торговать в арендное содержание²². Помимо того, Евреинов вкладывал капиталы в виноторговлю: имел питейные заведения в Перми на собственной усадьбе, в Солдатской слободке, а в губернии – в поселке Добрянского завода, в селе Перемском Пермского уезда²³. В 1877 г. им был арендован у Пермской управы за 550 руб. в год обширный участок земли, расположенный на городском выгоне, где он построил кирпичный завод²⁴.

В деловой и общественной жизни Евреинов во многом повторил путь и судьбу своего предшественника по усадьбе В.А. Кротова. Как и Кротов, он принимал активное участие в деятельности Пермской городской думы, с 1878 г. и вплоть до своей смерти в 1883 г. состоял ее гласным. В декабре 1878 г. Евреинов в числе нескольких членов думы баллотировался на пост городского головы²⁵, однако избран не был.

В качестве гласного городской думы В.А. Евреинов принимал участие в работе комиссий по подготовке к празднованию столетия Перми, решению вопроса об устройстве общественного сада на Театральной площади и т.д. На рубеже 1870—1880-х гг. он выполнял многие другие общественные обязанности: являлся председателем правления Общества взаимного кредита, почетным членом Губернского попечительства детских приютов ведомства императрицы Марии Федоровны, членом Губернского комитета общества попечения о тюрьмах, почетным мировым судьей Пермского уезда²⁶.

К сожалению, ни архивные, ни опубликованные источники не раскрывают эту сторону деятельности В.А. Евреина. В то же время имеются некоторые, правда, разрозненные, сведения о вкладе Евреина в дело благотворения в губернском городе (хотя уже одно членство в органах попечительства подразумевало участие в благо-

творительности). Так, он был крупным жертвователем на постройку каменного театра в Перми. В 1876—1879 гг. внес на строительство театра 3,7 тыс. рублей, уступая по сумме пожертвований на это благое дело только таким видным представителям местной деловой элиты как И.И. Любимов (пожертвовал 14,4 тыс. рублей), П.И. Губонин (7,5 тыс.), И.Н. Суслин (5,9 тыс.), П.Д. Дягилев (4,3 тыс.)²⁷. Проявлением заботы Евреина о благоустройстве Перми можно считать «обстройку» и расчистку на средства купца (затрачено не менее 500 рублей) родника в «Егошинской горе» близ Соликамского тракта и проведение к нему подъездной дороги, переданных устройтелем безвозмездно городскому обществу²⁸.

Объектом же наибольшего попечения Евреина являлось, несомненно, принадлежавшее ему подворье в районе Черного рынка. С момента покупки усадьбы Кротова, новый владелец предпринял ряд шагов по постройке и перестройке находившихся на участке объектов недвижимости, вложив в это немалые деньги. 11 августа 1878 г. он подал в городскую управу прошение, содержание которого сводилось к тому, чтобы «взамен деревянных» построить на усадьбе «каменные двухэтажные с жилым помещением» лавки и возвести «надворное каменное строение» для установки в нем «аппарата для очистки спирта и вина»²⁹. В реальности же оказалось, что Евреинов намеревался построить два каменных здания – одноэтажное (в нем действительно после введения в строй проводилась очистка спирта и вина) и жилое двухэтажное. Это нашло отражение в резолюции городской управы от 19 августа, последовавшей в ответ на прошение: «Разрешить пермскому 1-й гильдии купцу Владимиру Александровичу Евреинову постройку каменного двухэтажного с подвалами дома под литерой А и одноэтажного» под литерой Б³⁰.

В деле 24, хранящемся в фонде 35 (Пермская городская управа) краевого госархива, наряду с прошением Евреина, отложился ряд интересных документов, связанных с оформлением заявки на постройку домов. А именно: «изъяснение» плана усадьбы заявителя с находившимися на ней и предполагаемыми к возведению строениями; эскиз фасада предназначенного к строению двухэтажного дома; план верхнего этажа здания «с надстроем» (последнее слово хотелось бы подчеркнуть особо); план первого этажа и, наконец, план части города Перми «с показанием места [усадьбы] купца Евреина»³¹.

Ознакомление с этими и некоторыми другими материалами, сравнение изображения восточного фасада дома, имеющегося в деле за 1878 г. с подобным «начертанием» фасада «Дома городского общества» за начало XX в.³², которые по ряду параметров тождественны, позволяет, на наш взгляд, уточнить время постройки дома по улице Торговой, 65, и отнести его к 1878 г. или к 1878—1879 гг. Мож-

но также высказать осторожное предположение, которое лучше сформулировать в форме вопроса: не является ли автором проекта дома Евреинова, впоследствии «Дома городского общества», В.В. Попатенко, ставший весной 1878 г. городским архитектором Перми? Впрочем, для получения аргументированного ответа на этот вопрос лучше обратиться к специалистам.

Между тем в начале 1880-х гг. финансовое и материальное положение В.А. Евреинова заметно ухудшилось. Компенсировать понесенные затраты на устройство подворья, в том числе за счет торговых операций, оказалось для него делом затруднительным. Не оправдались надежды Евреинова и на возможность сдачи своего обширного здания в долговременную выгодную для владельца аренду. Очевидно, например, что деятельность открытого в его доме в декабре 1878 г. «общества семейных вечеров», оцениваемого в трудах по истории Перми как клуб чиновников³³, носила скорее культурно-просветительный, нежели коммерческий характер. В 1881 г. Евреинов предпринял попытку передать свой дом на условиях аренды под открываемую в городе четырехклассную женскую прогимназию, но его предложение встретило возражения со стороны оппонентов, посчитавших, что местонахождение здания не подходит для устройства в нем учебного заведения («стоит на рынке», окружено питейными заведениями)³⁴. По-видимому, аналогичные причины привели в 1882 г. к отказу арендовать «еврейский» дом под управление размещенной в Перми воинской бригады³⁵.

Из-за больших долгов первогильдийский купец вынужден был заложить каменный дом на Черном рынке Марьинскому банку за 42,5 тыс. рублей при официальной его оценке в 60 тысяч³⁶. Имелись у него долги и другим кредитным учреждениям, и некоторым частным лицам. Трудно сказать, смог бы он с течением времени их погасить, но неожиданно умер 7 октября 1883 г. от апоплексического удара (инсульта) в возрасте 46 лет³⁷, и был похоронен на Всехсвятском кладбище в Перми.

После смерти Евреинова, учитывая требования кредиторов, началась распродажа имущества. Дошла очередь и до домов в районе Черного рынка. 16 декабря 1885 г. состоялись первые по времени публичные торги имения по Торговой улице. Предварительно в «Пермских губернских ведомостях» появилась информация следующего содержания: «От Правления Пермского общественного Марьинского Банка объявляется, что за неплатеж Банку взносов, в Правлении Банка будут продаваться с публичного торга следующие недвижимые имения в городе Перми. Владелец имения Евреинов Владимир Александрович, пермский купец. Название имения: Два каменных и один деревянный дома с надворным строением и землей 629 кв. саж. во 2-ой части по Торговой улице. Долг Банку 48110 руб. 36 коп.»³⁸ Далее пе-

речислялись еще четыре домовладения других должников, предназначенные к торгам. Не знаем, можно ли считать это исключительным случаем или нет, но несколько таких объявлений о продаже недвижимости разорившегося купца в январе 1886 г. было опубликовано в столичной прессе – в газете «Правительственный вестник»³⁹.

И все же попытки найти покупателей на заложенные в банк строения не увенчались успехом, скорее всего, из-за их неподъемной стоимости. В 1886 г. вследствие «безуспешности торгов» бывшая недвижимость Евреинова, включая интересующий нас дом, поступила в собственность Марьинского банка⁴⁰.

Несмотря на такой исход дела, правление банка в течение конца 1886 – 1892 гг. с завидным постоянством публиковало на страницах губернских ведомостей объявления о продаже бывшего еврейновского подворья. Так, в номере газеты за 3 июня 1892 г. сообщалось, что правление Марьинского общественного банка продает свое (подчеркнем!) недвижимое имение на Черном рынке, состоящее из двух каменных двухэтажных домов с деревянным флигелем, каменных служб и складов⁴¹. Во второй половине 1880-х – 1890-е гг. дом на Торговой, 65, сдавался банком внаем под квартиры⁴², а на первом его этаже до весны 1887 г. находился магазин кунгурского купца-миллионщика М.И. Грибушина по торговле чаем и сахаром, переведенный затем в дом С.А. Нечаева по улице Торговой, 51⁴³.

В начале 1894 г. правление Марьинского банка вынуждено было констатировать, что оно не в состоянии эффективно управлять приобретенным имуществом, поскольку «не имеет для этого на службе подходящих специальных лиц». Выход из ситуации правление увидело в передаче бывшей недвижимости Евреинова в ведение города, при сохранении права собственности на нее за банком. 9 февраля 1894 г. соответствующее предложение правления было рассмотрено на заседании городской думы, принявшей неординарное решение: «Дома передать в хозяйственное заведование Городской Управы как имеющей в этом деле достаточную опытность и специальный состав служащих, с тем, чтобы чистый доход от имущества передавался в распоряжение Банка»⁴⁴.

В январе 1895 г. страховыми органами были составлены опись и оценка «частей строений, принадлежащих Правлению Пермского Марьинского общественного банка, бывших купца В.А. Евреинова» (в заголовок дела была внесена одновременно и другая формулировка – «принадлежащих Пермскому Городскому Обществу») ⁴⁵. Примечательно, что в этих документах здание, названное в дальнейшем «Домом городского общества», впервые упомянуто как трехэтажное⁴⁶.

При объяснении происшедшей с домом метаморфозы выскажем две предварительные версии. Во-первых, здание могло быть дост-

роено третьим этажом в конце 1892—1894 гг. на средства Марьинского банка или в 1894 г. — «на счет» городской управы. Сведений о его перестройке в эти годы пока обнаружить не удалось. Во-вторых, ранее уже было обращено внимание на то, что в 1878 г., когда Евреиновым были представлены в городскую думу документы на строительство «главного» здания, второй этаж планировалось возвести «с надстройкой»⁴⁷. Не мог ли этот «надстрой» каким-то образом «преобразиться» в третий этаж? Хотя в последнем случае следует ожидать резонных возражений: чем объяснить, что на протяжении более пятнадцати лет дом фигурировал в источниках как двухэтажный?

В описи 1895 г. содержатся сведения о восьми строениях на бывшем подворье Евреинова⁴⁸. Поскольку они интересны и в более широком плане — для истории пермского купечества и купеческих усадеб — приведем информацию, представленную в описи, в следующем виде.

На подворье находились:

1. Трехэтажный каменный дом, длиной 19 сажень, при ширине, доходившей до 10,5 сажень. Под домом устроены подвалы, перекрытые кирпичными сводами. «При лицевом фасаде имеются железные легкие навесы, окрашенные, на железных кронштейнах».

2. Двухэтажный каменный дом с мезонином, длиной 9, шириной 5,3 и высотой 4 сажени. К нему пристроено каменное двухэтажное крыльцо, где помещаются две жилые комнаты и два чулана.

3. Одноэтажное каменное здание с мезонином для склада и очистки вина (завод, склад и лавка), длиной 18, шириной 3,5 и 2,5 и высотой 4,5 сажени.

4. Полукаменный двухэтажный дом, длиной 8, шириной 4,5 сажени и высотой 6,5 аршина. Снаружи обшит тесом и окрашен. При доме имеются два крыльца, одно из них полукаменное, другое — деревянное.

5. Двухэтажное каменное строение с частью подвального нежилого помещения, построенное на один скат длиной 10,6 сажени, шириной 3 сажени 9 вершков, высотой передней стены 3 сажени 9 вершков и задней 2 сажени 2 аршина. Внутренняя поперечная стена, как в верхнем, так и в нижнем этаже одна. При верхнем этаже во всю длину строения находится галерея шириной 2,25 аршина с перилами и входной лестницей. Нижний этаж строения занят каретниками и погребями, а верхний — кладовыми. Стены выложены: передние — в два, а задняя и другие — в 1,5 кирпича.

6. Конюшня, одну из стен которой составляет брандмауэр, другую — стена каменного одноэтажного здания. Конюшня с внутренним деревянным устройством на 7 стойл, крытая железом на два ската, длиной 8 сажень, шириной 3 и высотой 2 сажени. В каждое стойло ведет дверь с надворной световой рамой, стойла с деревян-

ными полами и потолком. В конюшне, в части передней стены ее, смежной с баней, находится двустворчатая дверь со световой рамой, ведущая из коридора конюшни в баню.

7. Баня каменная на один скат, внутренняя поперечная стена одна длиной 3,3 сажени и высотой 2 сажени, все стены выложены в 1,5 кирпича.

8. Навес железный на деревянных столбах.

На плане строений, находившихся на бывшей усадьбе Евреинова, составленном в том же 1895 г., трехэтажный дом показан на углу Торговой улицы и площади Черного рынка. Через большое высокое крыльцо он соединялся с двухэтажным каменным домом, составляя с ним, по существу, единый комплекс. На противоположной западной стороне усадьбы располагались каменное одноэтажное здание, предназначенное для очистки спирта и вина, далее — двухэтажное строение, занятое кладовыми и погребями, к которому примыкали конюшня и баня. План фиксировал также, что трехэтажный дом городского общества имел два главных фасада: один, северный, выходил на Торговую улицу, другой, восточный, на площадь Черного рынка. На Торговую улицу был обращен фасадом и полукаменный двухэтажный дом⁴⁹.

В конце XIX — начале XX в. помещения «Дома городского общества» сдавались в аренду частным лицам, в нижнем этаже здания размещались торговые заведения. В 1896—1900 гг. в числе таких арендаторов были Н.Т. Федоров, М.Г. Гизатуллин, Ибрагимов, Галимов, имевшие на первом этаже лавки, и платившие за наем помещений от 420 до 750 рублей в год⁵⁰. С 1897 г. крепили позиции предпринимателя из пермских мещан И.С. Вылежанина, получившего разрешение городской думы на открытие в этом доме вначале пивной лавки, затем трактира, а в 1903—1911 гг. содержавшего в нем ресторан и гостиницу с громким названием «Москва»⁵¹. В доме городского общества в разные годы снимали помещения также С. Рахматулин — владелец лавки по торговле бакалейными и колониальными товарами, С.А. Микульский — содержатель пекарни и булочной-кондитерской, А.А. Михайлов — содержатель столовой «с горячей пищей» и некоторые другие лица из местных торгово-предпринимательских кругов⁵².

Важным событием, повлиявшим на повседневную жизнь дома по Торговой, 65, стало открытие в нем частного учебного заведения II разряда с программой мужских прогимназий, последовавшее 29 августа 1909 г. Предыстория появления этого учебного заведения такова. С 1908 г., а фактически ранее, городские управа и дума будировали перед руководством Оренбургского учебного округа вопрос об организации в Перми мужской четырехклассной прогимназии. Поло-

жительному решению помешала тогда невозможность в короткие сроки получить казенную субсидию на ее открытие и деятельность. В поисках выхода из создавшегося положения органы местного самоуправления сочли за лучшее учредить в 1909 г. вначале частное учебное заведение, «с тем, чтобы с 1910–1911 учебного года развить ее в прогимназию»⁵³. Предметом обсуждения в думе стала и проблема выбора места для реализации проекта: строить под него новое здание или же «приискать» подходящее из числа прежде построенных. В конечном итоге, чаша весов склонилась в пользу дома городского общества. Дума в ходе дискуссии 22 июня 1909 г. приняла решение «предоставить помещение для означенного учебного заведения II разряда бесплатно в городском доме на углу Торговой улицы и рыночной площади»⁵⁴. Дом передавался под учебные нужды на временный срок, считалось, что для прогимназии в ближайшем будущем построят специальное здание. Городской управой были произведены подсчеты расходов на содержание училища на 1909–1910 учебный год. Они составили сумму 8,4 тыс. рублей. Кроме того, на «приспособление» здания на Торговой под учебное заведение и приобретение «первоначального оборудования» за счет разных источников поступлений предусматривалось израсходовать 2 тыс. рублей⁵⁵.

Тем не менее, когда к осени 1910 г. на базе частного учебного заведения была открыта мужская четырехклассная прогимназия, речь о строительстве для нее специального здания по существу уже не шла, и прогимназия оставалась в доме городского общества. Ее первым заведующим был назначен И.Ф. Макаренков, в августе 1913 г. на этом посту его сменил статский советник Г.А. Орлов.

В 1913 г. мужская четырехклассная прогимназия стала шестиклассной. Затем последовала еще одна перемена: 1 июля 1914 г. прогимназия была преобразована в Пермскую вторую мужскую государственную гимназию⁵⁶. В Госархиве Пермского края сохранились отчеты о состоянии учебного заведения за 1913—1915 гг. Так, в отчете за 1913 г., в разделе «Название учебного заведения и его помещения» сообщалось следующее: «Пермская шестиклассная прогимназия помещается в предоставленном ей Пермским городским управлением каменном здании, приспособленном для учебного заведения. Здание состоит из трех этажей, из которых нижний этаж занят торговыми помещениями, а второй и третий предоставлены прогимназии. В третьем этаже помещаются четыре класса, рекреационный зал и докторская комната; во втором – один класс, шинельная и учительская комната, кабинет директора, канцелярия, приемная классовых наставников и квартиры помощника классовых наставников и низших служащих»⁵⁷. При учебном заведении имелись фундаментальная и ученическая библиотеки.

В этом же отчете приводились сведения о численности преподавательского коллектива и учащихся прогимназии. Учебно-воспитательный персонал, не считая низших служащих, состоял из 13 человек, из них 8 с высшим и 5 со средним образованием. В прогимназии обучались 138 учащихся: 44 – дети дворян и чиновников, 3 – духовенства, 15 – почетных граждан и купцов, 37 – мещан и цеховых, 36 – крестьян и 3 – дети иностранцев⁵⁸.

Любопытную информацию о состоянии гимназии и, следовательно, дома городского общества, дают материалы отчета за 1915 г., подписанные ее директором Г.А. Орловым. В отложившемся в архиве материале акцент сделан на «неудобства» дома для обучения школьников. В отчете, в частности, отмечено: «Здание гимназии, как вообще не предполагавшееся при постройке для учебного заведения, далеко не удовлетворяет многим требованиям. К достоинству его следует отнести сухость и теплоту помещений и достаточную высоту (до 6 аршин) главной части здания (3-й этаж). Из неудобств следует отметить: 1) положение здания под рынком около рыбных и мясных рядов, среди зданий, отапливаемых каменным углем, так что получаемый извне воздух является нередко совершенно испорченным; 2) полное отсутствие двора или сада для игр на свежем воздухе; 3) узкие коридоры с недостаточным освещением; 4) недостаток в классных помещениях». В то же время сообщалось, что предпринимаются меры для улучшения состояния учебных помещений: «Для занятия в темное время (занятия идут с 8 час. утра) и в пасмурные дни в классах проведено электричество»⁵⁹.

В результате радикальных преобразований конца 1917—1918 гг. и коренного реформирования системы школьного образования гимназии были упразднены, та же участь постигла, естественно, и пермские гимназии. 1920—1950-е гг. в истории бывшего дома городского общества – время частых перемен, реорганизаций, смены вывесок обретающих в нем учреждений. И все же занимали его преимущественно учебные заведения. В 1919—1920 гг. в здании по ул. Торговой (Советской), 65, действовал Мусульманский клуб⁶⁰, в 1924—1925 гг. татаро-башкирская школа первой ступени № 19. Заведующий школой В. Рязанов в годовом отчете, составленном 1 июня 1925 г., писал: «В школе сосредоточена культурно-просветительная работа среди татаро-башкирского населения и детских учреждений г. Перми». Совместно с татаро-башкирским бюро РКП(б), ячейкой РЛКСМ, татаро-башкирской школой-семилеткой и библиотекой «проводятся всевозможные компании..., детские конференции, доклады, отчетные собрания, концерты и спектакли»⁶¹.

По материалам «Справочника по гор. Перми», «Списков абонентов Пермской (Молотовской) АТС», сведениям, приведенным в книге Е.А. Спешиловой «Старая Пермь», становится известно, что в быв-

шем доме городского общества в 1933 г. находился судостроительный техникум, в 1934 г., недолгое время, – детский дом, в 1939 г. – Музпром, реорганизованный в 1940 или 1941 г. в фабрику клавишных инструментов⁶².

По данным Е.А. Спешиловой, в 1937—1961 гг. на втором этаже этого здания помещался библиотечный техникум⁶³, в 1950-е гг. часть помещений передана Молотовскому (Пермскому) областному базовому медицинскому училищу. Были открыты, помимо дневного, заочное и вечернее медсестринские отделения, в 1962 г. – зуботехническое отделение. В 1950—1970-е гг. первый этаж здания занимал продовольственный магазин № 2 Ленинского (Центрального) райпищеторга.

В 1992 г. медицинское училище было переименовано в Пермский базовый медицинский колледж. Колледж, наряду с традиционными формами работы, приступил к подготовке специалистов повышенного уровня – медсестер общей практики с трехлетним сроком обучения, фельдшеров с четырехлетним обучением, медсестер-организаторов здравоохранения. Подготовка специалистов стала осуществляться только на базе 11 классов⁶⁴.

В настоящее время это учебное заведение носит название «Краевое государственное автономное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Пермский базовый медицинский колледж». В здании по Советской, 65, находятся администрация колледжа и учебный корпус № 1. Учебный корпус № 2 занимает современное типовое четырехэтажное здание на улице Баумана, 24.

Здание колледжа – бывший «Дом городского общества» относится к числу ярких и своеобразных памятников архитектуры г. Перми второй половины XIX – начала XX в. Его отличают богатый кирпичный декор фасадов, наличие оригинальных рельефных рустованных стен с веерным преломлением над оконными и дверными проемами. Первый этаж здания оформлен в виде аркады, состоящей из дверных проемов торговых помещений, второй – выполнен на фасаде в форме антресольного – с оконными проемами меньшего размера, третий этаж имеет профилированные наличники арочных оконных проемов с имитацией замкового камня. В интерьерах дома сохранились парадная лестница с каменными ступенями, площадки – кирпичные сводики по металлическим балкам, чугунные литые ограждения, профилированные потолочные карнизы и проч.⁶⁵

Бывший дом Евреинова – Дом городского общества – здание базового медицинского колледжа продолжает выполнять свою миссию служения пермякам и Перми.

¹ Историко-архитектурное наследие Пермского края: каталог-справочник. – Пермь, 2011. – С. 471.

² Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2000. – С. 4, 144.

³ Журналы Пермской городской думы за 1876 год. – Пермь, 1877. – С. 17. В дальнейшем: Журналы ПГД.

⁴ Журналы ПГД за 1874 год. – Пермь, 1875. – С. 2; То же за 1875 год. – Пермь, 1876. – С. 11, 12, 53, 85 и др.

⁵ То же за 1875 год. – Пермь, 1876. – С. 2, 90-91.

⁶ Там же. – С. 91.

⁷ Пятидесятилетний очерк Пермского городского общества взаимного страхования от огня имуществ / сост. И.М. Белоусов. – Пермь, 1914. – С. 42, 43.

⁸ Журнал ПГД, 4 августа 1877 г. – Пермь, 1877. – С. 1.

⁹ ГАПК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 6об., 7.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же.

¹² ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 442. Л. 206об., 207.

¹³ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 302. Л. 94об.; Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. – Пермь, 1862. – Приложение. – С. 100.

¹⁴ Спешилова Е.А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723—1917. – Изд. 2-е. – Пермь, 2003. – С. 337. Кстати, в формулярных списках чиновников г. Перми и Пермской губернии за 1798 г. имя А. Евреинова отсутствует. См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 41. Л. 1-130об.

¹⁵ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 311. Л. 78об.; Журналы ПГД за 1875 год. – Пермь, 1876. – С. 115.

¹⁶ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 302. Л. 94об. Здесь и в дальнейшем сведения из метрических книг Пермского Петропавловского собора о членах семьи В.А. Евреинова получены от Е.П. Субботина, за что автор ему искренне признателен.

¹⁷ Там же. Д. 311. Л. 78об.

¹⁸ Там же. Л. 79.

¹⁹ Там же. Д. 330. Л. 19.

²⁰ Там же. Д. 348. Л. 153об.

²¹ Там же. Д. 330. Л. 18об., 19.

²² Журналы ПГД за 1885 год. – Пермь, 1886. – С. 68, 71.

²³ ГАПК. Ф. 186. Оп. 1. Д. 2545. Л. 1, 5.

²⁴ Смета расходов города Перми на 1877 год. – Пермь, 1877. – С. 5, 7; Журналы ПГД за 1883 год. – Пермь, 1884. – С. 193.

²⁵ Журналы ПГД за 1879 год. – Пермь, 1880. – С. 5.

²⁶ Памятная книжка Пермской губернии на 1880 год. – Пермь, 1880. – С. 14, 25, 62, 66; Адрес-календарь Пермской губернии на 1881 год. – Пермь, 1881. – С. 4, 29, 34, 36.

²⁷ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16а. Л. 290об.-293об.

²⁸ Журналы ПГД за 1875 год. – Пермь, 1876. – С. 115.

²⁹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 24. Л. 102.

³⁰ Там же. Л. 102об.

³¹ Там же. Л. 103. Отметим, что все эти документы уместились на одном большом сложенном в «гармошку» листе.

³² Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

³³ Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. – Пермь, 1889. – С. 311; *Верхоланцев В.С.* Город

Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1913. – С. 13.

³⁴ Журналы ПГД за 1881 год. – Пермь, 1882. – С. 41, 43.

³⁵ То же за 1882 год. – Пермь, 1883. – С. 9, 96.

³⁶ То же за 1883 год. – Пермь, 1884. – С. 190.

³⁷ ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 504. Л. 103об., 104. В работах о пермском некрополе, где упоминается Евреинов, датой его смерти называется 7 октября 1884 г., что следует признать, скорее всего, опечаткой. См., например: *Голубцов В.В.* Пермский некрополь. – Пермь, 2002. – С. 55 и др.

³⁸ ПГВ. – 1885. – 2 нояб. (№ 88).

³⁹ Правительственный вестник. – 1886. – 9 янв. – № 6; 11 янв. – № 8 и др. См. также: ГАПК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 151. Л. 5, 6.

⁴⁰ ГАПК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 130. Л. 16.

⁴¹ ПГВ. – 1892. – 3 июня. – № 45.

⁴² ГАПК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 9. Л. 47, 48.

⁴³ ПГВ. – 1887. – 16 мая. (№ 39).

⁴⁴ Журналы ПГД за 1894 год. – Пермь, 1895. – С. 11.

⁴⁵ ГАПК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Л. 1об., 5об.

⁴⁷ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 24. Л. 103.

⁴⁸ Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 219. Л. 1об., 2об.

⁴⁹ Там же. Л. 1.

⁵⁰ Журналы ПГД за 1896 год. – Пермь, 1897. – С. 9, 10.

⁵¹ Там же. – С. 312; Весь город Пермь. Адрес-календарь на 1904 год. – Пермь, 1903. – С. 377; Справочная книга «Вся Пермь» на 1911 год. – Пермь, 1911. С. 130, 134. Надо заметить, что в источниках встречается разное написание фамилии ресторатора: не только Вылежанин, но и Вылегжанин, Велюжанин, Вилюжанин, Вылюжанин.

⁵² Журналы ПГД за 1901 год. – Пермь, 1902. – С. 313; Весь город Пермь: адрес-календарь на 1904 год. – Пермь, 1903. – С. 466, 469, 510; Проекты и сметы, касающиеся коммунального хозяйства Перми, представленные в городскую управу. – Пермь, 1912. – Приложение. – С. 48.

⁵³ Журналы ПГД за 1909 год. – Пермь, 1910. – С. 245.

⁵⁴ Там же. – С. 246.

⁵⁵ Там же. – С. 306, 307.

⁵⁶ ГАПК. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

⁵⁷ Там же. Д. 3. Л. 31.

⁵⁸ Там же. Л. 31об., 32.

⁵⁹ Там же. Д. 6. Л. 11, 11об.

⁶⁰ Там же. Ф. р.-4. Оп. 1. Д. 309. Л. 8.

⁶¹ Там же. Ф. р.-118. Оп. 1. Д. 508. Л. 16.

⁶² Справочник по гор. Перми. – Пермь, 1933. – С. 38; Список абонентов Пермской АТС. – Пермь, 1939. – С. 27; Список абонентов Молотовской АТС на 1941 год. – Молотов, 1941. – С. 52; *Спешилова Е.А.* Указ. соч. – С. 449.

⁶³ *Спешилова Е.А.* Указ. соч. – С. 449.

⁶⁴ ГАПК. Ф. р.-1069. Историческая справка к фонду р.-1069 «Пермский базовый медицинский колледж». – С. 3.

⁶⁵ Архив ГК БУК «КЦОП». Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Сведения об объекте культурного наследия «Дом городского общества». Л. 1.

ИМЕНИНЫ В ИНТЕРЬЕРЕ ИЛИ ЧИСТО УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

«Однажды в воскресный день после обеда, когда “благородные” обыватели богоспасаемого града Рожнова, приложась ко кресту, поздравляли друг друга с праздником, уездный стряпчий Иван Семеныч Хоринский подошел ко мне.

– Сделайте такое одолжение, – говорил он с какими-то торжественными ужимками, – удостойте чести мой пирожок; Антон Михайлыч будут, Степан Васильич, Михайла Сергееич. Сделайте одолжение, удостойте!.. Сегодня я именинник.

Поздравив именинника, я обещался быть у него непременно»¹.

П.И. Мельников-Печерский.

Что за прелесть этот легендарный сюжет о пироге с адамовой головой, который уже два века будоражит воображение пермяков, и не только пермяков. И казалось бы, эта удивительная история, вызывающая столь пристальный интерес, уже давно должна быть буквально разобрана по косточкам, так ведь нет. Все словно сговорились, и не желают раскрывать тайн чадинского дома, кикиморы, рокового пирога и адамовой головы. Словно хотят, чтобы эта история так и оставалась мистической. Хотя в этой истории, как и в истории вообще, да собственно и в жизни, всё не просто – просто, а очень просто...

Добрый именинник до трех дней

«Врешь, мое здоровье двадцать пятое».

Позволим себе ничего не писать «от себя» о важности для русского и православного человека празднования именин в начале XIX века. Об этом, и даже о некоторых неотъемлемых особенностях этого праздника, кратко, но исчерпывающе написал В.И. Даль:

«Именины ж. мн. день ангела, соименного кому-либо святого. || Пиршество в день этот. Именины высочайших особ, зовут тезоименитством. Мы пировали на именинах брата. Именинный, к именинам принадлежащий, относящийся. Именинник м., –ница ж., [имянильник м., –ница ж, пск. твер. Опд.] у христиан, чтущих память святых, каждый чело-

век, в день празднованья церковью памяти соименного ему святого или ангела. || [Име(я)нин(иль)ник] вор. тор. и др. именинный пирог. Где ели именинники? || Имянильница ж. пск. твер. Яишница имянинная. Опд.] **Именинщик** м., –щица ж., [имянинщик м., –щица ж. твер. Оп.], именинник. **Именинщина** ж. собр. **именинники**, –ницы, все, кто в известный день именинник; гов. по дню празднованья: *Никольщина, ивановщина, варваровщина* и пр. *Добрый именинник до трех дней или три дня. Без пирога именинника под стол сажают. Кто именинник, тому и пирога нет! Я именинник, да мне же и пирога нет! На Куприяна и Устинью Казань именинница, праздник взятая Казани, 2 окт. На Симона Зилота земля именинница: грех пахать*².

Именины – особый праздник, это день почитания виновником торжества «памяти соименного ему святого или ангела», а не дни рождения, по коим отсчитываются годы по усмотрению каждого: или время жизни, дарованное судьбой (оптимисты), или вехи приближения к смерти (пессимисты). В христианской традиции именины имеют и второе название «день ангела», гораздо точнее передающее смысл данного праздника. День ангела – повод сверить собственную жизнь с жизнью святого тѣзки, который попал в святцы не просто так, а за праведную жизнь или даже за мученическую смерть.

Игнорировать собственные именины, не почтить ангела-хранителя, никого не пригласить и не угостить, считалось не просто за mauvais ton, но плохой и даже опасной приметой. Литератор, член общества «Арзамас» Степан Петрович Жихарев писал в своём «Дневнике чиновника», который печатался в «Отечественных записках» в 1806—1807 гг.: «Отпраздную тезоименитство свое по преданию семейному: иначе было бы дурное предзнаменование для меня на целый год»³.

Как в начале XIX в. проходили именины провинциальных чиновников, описано в воспоминаниях А. Коцебу, отправленного в 1800 г. по повелению Павла I в ссылку на Урал:

«Заседатель, Иуда Никитич, праздновал день своего ангела, который в России, как известно, считается гораздо важнее дня рождения. Однажды утром он пришел ко мне и пригласил к себе к двенадцати часам. Я пришел и застал там всех именитых жителей Кургана. При моем входе меня приветствовали радостным криком пять человек, называемых здесь певчими; они, стоя спиной к гостям и прикладывая правую руку к губам, чтобы усилить звук, орали во все горло в одном из углов комнаты. Так встречали каждого входящего. На громадном столе стояло блюд двадцать, но не было ни приборов, ни стульев вокруг. Это имело вид завтрака или закуски... Хозяин с большою бутылкою водки в руках ходил по комнате и торопился угощать своих гостей, которые постоянно пили за его здоровье, но, к величайшему моему изумлению, не обнаруживали ни малейших признаков опьянения...

Я ждал каждую минуту, что отворят дверь в другую комнату и попросят садиться за стол; но нет: гости понемногу, друг за другом разошлись; надо было и мне последовать их примеру.

– Что же, это конец? – спросил я Грави, шедшего со мною.

– О нет, – отвечал он, – каждый уходит домой спать, а в пять часов снова соберутся.

К назначенному часу я опять явился...

Теперь появилась хозяйка дома, молодая и привлекательная особа, и вместе с нею вошли жены и дочери гостей... Поставили карточные столы и составили бостон, тянувшийся до тех пор, пока спиртные напитки позволяли игрокам отличать карты. После ужина все, наконец, разошлись»⁴.

А вот как «задолго до крымской войны... в одной из степных губерний» праздновались чиновничьи именины, описанные П.И. Мельниковым-Печерским в рассказе «Именинный пирог».

«Именинник встречал гостей на крыльчке. Шумной толпой ввалили они в залу, а там столы уж уставлены яствами и питиями, задорно подстрекавшими зрение, обоняние и вкус нахлынувших гостей.

Люди мелкой сошки: столоничальники, или, как звали их по старине, «повытчики», городской голова, магистратский и думский секретари, учителя со штатным смотрителем, отец дьякон, остались в зале. Чинно рассевшись по стульям, скромно, вполголоса вели они беседу о новейших происшествиях в городе Рожнове... обсуждали, а сами с жадностью поглядывали на предстоявшую трапезу.

Гости первой статьи, ранга высокого: городничий, исправник, протопоп, управляющий откупом, судья, «непременный», заседатели уездного суда, почтмейстер, два секретаря из судов земского и уездного, казначей, винный пристав, продолжали шествие в гостиную...

Чай подали. Хоть русский человек до чаю охоч, но, в ожидании будущих благ, гости пили его не до поту лица. Вскоре хозяин пригласил сидевших в гостиной перейти в залу – водочки выкушать...

– Полноте вам!.. – беспокойно проговорил именинник, увлекая нечесаного Волтера к столу с графинами и графинчиками. – Вы бы лучше вот выкушали.

– Можно! — ответил почтмейстер и прошелся по водочке.

– Славная икорка! – заметил городничий, набивая рот хлебом, вплотную намазанным свежей зернистой икрой. – Из Саратова?..

– Пирог подан!.. – возгласил именинник. – Андрей Петрович, Антон Михайлыч, милости просим. Иван Павлыч, а повторить?

– Можно, – ответил почтмейстер и повторил в пятый либо в шестой раз. Ученик Волтера придерживался российского, о виноградном отзывался презрительно, называя его свекольником.

Гости первого сорта вокруг стола уселись, мелкая сошка пила и ели стоя, барыни с Катериной Васильевной удалились в ее комнаты. Нельзя ж при кавалерах прихлебывать настоечки да наливочки...

Пиршество меж тем продолжалось. Именинник торопливо перебегал от гостя к гостю, упрашивая ровно бог знает о какой милости побольше покушать. Напрасно он хлопотал, и без того гости охупки на

руку не клали. Исчезло со столов пять кулебяк с визигой да с семгой, исчез чудовищный осетр, достойный украсить обеденный стол любого откупщика; исчезли бараньи котлеты с зеленым горошком и даровые рябчики, нашпигованные не вполне свежим домашним салом. Все исчезло в бездне “благородных” утроб... Со славой те утробы поспорили бы с утробами поповскими... Про них, к общему удовольствию гостей, рожновский Волтер, обращаясь к отцу протопопу, сказал: “Сидит поп над псалтырью, другой поп с ним рядом. “Что б означало, – спросил один: “бездна бездну призывает?” Другой отвечает: “Это, говорит, значит: поп попа в гости зовет”.

Из-за стола встали грузны. Волтер хотел было домой идти, но, отыскивая картуз, сел нечаянно на стул у окошка и тотчас заснул. Духовенство ушло, вслед за ним и мелкая сошка»⁵.

В.Н. Трапезников в своей «Летописи...» под 1842 годом цитировал классика: «В записной книжке Н.В. Гоголя отмечено: “В Перми пьют Сибирскую облепиху именинников. Тот, за которого пьют тост, отвечает: “Врешь, мое здоровье двадцать пятое. Пей за других”. – В Перми откалывают мазурку”. Надо думать, что при характеристике губернских учреждений и чиновников в “Мертвых душах” у Гоголя были и пермские материалы»⁶.

Действительно, в гоголевской «Записной книжке 1842—1844 гг.» есть подобная запись, но в академическом издании она изложена в следующем виде:

«В Перми пьют сибирскую облепиху и <1 нрзб.>

Тот, за которого пьют тост, отвечает: – “Врешь, мое здоровье двадцать пятое, пей за других”.

В Перми откалывают мазурку.

Глохт́ить – пить.

Бардадым – трэфовый король»⁷.

<1 нрзб.> – это означает «*один знак не разобран*», т.е.: «... облепиху и...», а далее пробел и не разобранная закорючка. В.Н. Трапезников или, скорее, первый публикатор записных книжек Н.В. Гоголя напрасно однозначно истолковал закорючку как «именинников», хотя второе предложение записи, кажется, и не противоречит такому толкованию. Бодро отнекивались от пожеланий здоровья в Перми все, «за которого пьют тост», среди которых бывали и именинники.

Можно, без риска сильно ошибиться, утверждать, что на именинах Елисея Леонтьевича было весьма весело, «причем и пито было всякой всячины»⁸, как писал Д.Д. Смышляев в другом месте своего очерка, хозяин и гости были в приподнятом настроении, и так продолжалось до тех пор, пока не внесли пирог. Но не будем торопиться снимать салфетку с подноса, сначала задумаемся, а что вообще могло оказаться на подносе?

Рецепт пирога с адамовой головой

«Как на Елисея именины,
Испекли мы каравай...»
Всем известная песенка.

В 1819 г. именины Елисея Леонтьевича Чадина пришлось на субботу 14 июня по ст. ст. (27 июня по нов. ст.), день, хотя и считавшийся присутственным, но всё равно чудесный случай собрать у себя бывших сослуживцев. В праздничный день именинник обязательно сходил в церковь к обедне, заказал молебен за собственное здравие и, конечно, почтил память своего небесного покровителя. Заметим, кроме прочего, что именины пришлось на Петров пост, который в тот год начинался через неделю после праздника Св. Троицы (с воскресенья 17 мая) и заканчивался в понедельник 29 июня по ст. ст., в день памяти св. ап. Петра и Павла.

Именно поэтому М.А. Осоргин, хотя и очень аппетитно перечислил «местные и обычные» пермские блюда («оленина, кабаньих и медвежий окорок, утки, глухари, рябчики, белужина, стерлядь кольчиком, раки, грибы всех сортов и всех засолов»), не обошлось и без «пельменей и сычуга»), но в описании конкретного именинного застолья помянул лишь постные блюда: «мелкий рыжик», «уха с налимом печенкой», перец, студень (который мог быть так же рыбным)⁹. Единственно, на чём прокололся М.А. Осоргин, так это на «предохранителе от напрасного обжога»: солёный груздь в Петровский пост не мог подаваться в сметане, а только в постном масле.

Но и это обстоятельство не очень омрачало хозяину и гостям перспективу праздника, поскольку Петровки менее строги, нежели Великий пост: в это время Типикон предписывает воздерживаться от рыбы, вина и масла лишь по понедельникам, средам и пятницам, в остальные же дни следует воздерживаться только от рыбы. А в субботние и воскресные дни этого поста рыба разрешается, причём варёную пищу можно было есть даже дважды в день.

Венцом праздничного застолья был обязательно именинный пирог, в который кухарки или приглашенные кулинары вкладывали всё своё мастерство. В.В. Похлёбкин описывает традиционный именинный пирог как «рыбный, мясной или сладкий, в честь именинника, обычно крупных размеров, по возможности оригинальной формы (овал, восьмигранник, вытянутый прямоугольник). Он имеет несколько слоев начинки. **Несладкий пирог бывает закрытым, сладкий – полузакрытым** (жирный курсив здесь и далее мой – П.К.) На лицевой верхней стороне **пишется имя именинника** (для закрытых пирогов – наколкой, для полузакрытых – тестяным жгутом, накладываемым на начинку)»¹⁰.

Запомним подчёркнутую информацию, это очень важно для понимания и реконструкции реалий и деталей печальных именов Елисея Леонтьевича.

Итак, в пост именованный пирог не мог быть мясным по определению. Остаётся предположить, что он был либо рыбным, либо грибным, либо сладким. Последнее предположение тоже отпадает, поскольку сладкие пироги пеклись открытыми и полузакрытыми, а роковая адамова голова могла отпечататься только на тестяной крышке закрытого пирога. Для грибов 26 июня по новому стилю не вполне сезон, кроме того, В.В. Похлёбкин и не указывал грибы в числе традиционных начинок именованных пирогов. Так что, скорее всего, отставной пермский чиновник угощал гостей рыбным пирогом. На этом и остановим наши рассуждения, поскольку дальше придётся заниматься уже чистым гаданием...

Хотя также методом исключения мы можем восстановить и другие характеристики знаменитого пирога. Тесто для подобного кулинарного изделия не могло быть слоёным: на нём не получилось бы чёткого отпечатка. Песочное тесто также придётся исключить из-за его хрупкости, для большого пирога это неприемлемо. Пресное (бездрожжевое) тесто прекрасно подходит для пельменей, но не для выпечки. Остаётся кислое тесто, которое готовится из муки, воды и дрожжей. Если этим составом и ограничиться, то получится хлебное дрожжевое тесто. Но для более изысканной выпечки используется сдобное дрожжевое тесто, в которое добавляют сдобу: соль, сахар, яйца, молоко, жир и проч. Вот, например, один из рекомендуемых специалистами составов: «Сдобное тесто для рыбного пирога. 1 кг муки, 500 мл молока, 7 яичных желтков, 150 г сливочного масла, 50 г дрожжей, 1 ч. ложка сахара, 0,5 ч. ложки соли»¹¹.

В пост скоромного нельзя, однако, это ещё не причина отказываться от маленькой радости в виде пирога из сдобного теста, просто можно слегка изменить список ингредиентов. Так, в известной книге Е. Молоховец в разделе «Постный стол» приводится удовлетворяющая всем требованиям православной аскезы рецептура:

2366) **Постное тесто на дрожжах для пирожков и пирогов.** Всыпать 2 стакана просеянной крупитчатой муки, влить 1½ или 1¾ ст. теплой воды с разведенными в ней 2 золотниками сухих дрожжей, размешать и выбить до гладкости и пузырьков, поставить в теплое место, дать подняться. Потом раскатать тесто, переложить его на маслом смазанный лист, положить начинку, защипать, дать подняться, смазать кипятком или маслом, смешанным с холодной водой и немного муки или пивом; если сладкие пироги, то смазать медом, вставить в горячую печь; вынув из печи, смазать маслом¹².

Выдать:

1½ – 2 фунта муки.
1½ или 1¾ стакана воды.
2 золотника дрожжей

¼ стак. масла подсолнечного,
макового или орехового.
Пива или чего другого смазать
тесто.

Там же мы можем почерпнуть и подходящий рецепт пирога со сложной рыбной начинкой:

2379) **Пирог с рыбным фаршем, визигю и рыбою.** Взять на тельное, т.е. на рыбный фарш 2-3 фун. судака или щуки, снять мясо с костей, поджарить слегка в 3-4 ложках орехового или горчичного масла, мелко изрубить, прибавить 1-2 мелко изрубленные луковички, которые можно сперва поджарить в том же масле, всыпать соли, простого перцу, зеленого укропу и, кто любит, немного мушк. ореху. 1/8 фун. визиги намочить с вечера в холодную воду, на другой день сварить в чистой воде с морковью, луковицею, 2-3 зернами англ. перца, дать воде стечь, мелко изрубить, посолить, смешать с рыбным фаршем, прибавить масла, наложить этого фарша на раскатанное тесто, на фарш положить какую угодно рыбу, которую предварительно вымыть, вычистить, посолить, осыпать простым перцем, завернуть потуже в чистую салфетку, чтобы выжать сырость, сверху покрыть тем же фаршем, далее поступить как сказ. в № 2366¹³.

Выдать:

На тельное:
2-3 фунт. судака или щуки.
3-5 ложек горчичного или
макового масла

½ луковички, соли, простого
перцу, укропу

Максимальные размеры легендарного пирога оказываются легко исчислимыми. Если ширина устья русской печи составляет около 40 см¹⁴, то для свободного прохождения противня его ширина должна быть около 35 см. Тогда длина его будет составлять 57 см, если считать, что для соотношения сторон противня было интуитивно выбрано золотое сечение (35х1,6180). Весьма приличный размер (средние размеры пирогов, выпекаемых в современных кулинариях примерно 20х30 см), но заметим, что для переноски такого гиганта вовсе не нужны «четверо молодцов».

Теперь, когда нам известны рецептура теста, размеры и начинка пирога, осталось понять ещё одно обстоятельство. Чего же так испугался Елисей Леонтьевич? Для этого ещё раз вспомним информацию В.В. Похлёбкина.

На крышке (верхней корке) пирога всегда писали имя именованника. А теперь добавьте к нему изображение черепа и перекрещённых костей, защипы по периметру, весьма похожие на орнаментальный опоясок надгробных плит, и прямоугольный пирог превращается в практически полную (хотя и меньших размеров) копию надгробной плиты. Никакого чувства юмора не хватит для того, чтобы нарезать и раздать гостям собственный надгробный памятник, воплощённый в тесте.

Осталась, пожалуй, самая малость: выяснить, каким же конкретно способом на именинный пирог было нанесено изображение адамовой головы. Сразу должно быть отвергнуто предположение, что дворовые сами приготовили роковую выпечку. Во-первых, для этого потребна некоторая кулинарная квалификация, которой обладала лишь кухарка-профессионал. Во-вторых, даже если бы крепостным заговорщикам удалось испечь сколь-нибудь сносный пирог, встала бы сложнейшая задача каким-то образом подменить им пирог, изготовленный кухаркой. Все эти обстоятельства вкуче делают практически невозможным осуществление коварного замысла таким сложным способом.

Собственно, кухарка должна быть также исключена из числа подозреваемых, поскольку на ней лежала вся ответственность за пирог, и, зная крутой нрав Елисея Леонтьевича, она не стала бы вступать в комплот дворовых, сознательно подставляясь под барский гнев. Очевидно, дворня как-то сумела обхитрить кухарку, и осталось только определить, в какой момент и каким образом коварные дворовые сумели так испоганить именинный пирог...

Собственно, все авторы пытались как-то реконструировать ход событий, и поэтому мы имеем массу гипотез.

Д.Д. Смышляев всё-таки приписал кулинарную провокацию дворне Е.Л. Чадина:

«Скупость побуждала его прибегать даже к весьма зазорным проделкам для приобретения нужных вещей: так, например, он посылал своих дворовых по ночам увозить **чугунные могильные плиты с кладбища, которые закладывались потом надписями к низу в печи** и в полы в сенях. Отец мой рассказывал, что именно это обстоятельство и ускорило смерть Чадина. Дворовые, не терпевшие барина за дурное с ними обращение, в день его именин, придумали **испечь пирог на обломке краденой плиты, обратив его надписью кверху**. Проделка эта открылась за званным обедом; гости, не окончив обеда, взялись за шапки, а на хозяина так подействовал неожиданный скандал, что он сильно заболел и вскоре умер. Так отомстили вышедшие из терпения дворовые своему жестокосердому барину»¹⁵.

Итак, Д.Д. Смышляев полагал, что череп с обломка чугунной плиты отпечатался на нижней стороне пирога. Но в таком случае кухарка могла легко исправить ситуацию, перевернув пирог в нормальное положение. Вряд ли кто-нибудь из гостей стал бы внимательно рассматривать оборот своего куска... А могла бы и вовсе не заметить «проделки» крепостной братии, ибо трудно даже предположить причину, побудившую бы кухарку вращать в вертикальной плоскости плод своих трудов.

Ф. Кудринский нафантазировал приглашённого повара в состоянии алкогольного опьянения тяжелой степени, пришедшего на работу без собственного оборудования:

«Но ведь и повар, нужно сказать, никогда еще в последние годы не был так пьян. Постояв, подумав еще минуту, другую, он взял **жестяную плиту, не так давно покрывавшую каменный памятник на кладбище**, принес в кухню, обмыл ее и приготовился сложить на нее пирог. Конечно, это была очень, странная плита.

Кухарка так и ахнула от удивления, когда увидела **большой крест и адамову голову с костями на листе**, но ничего не сказала. В ее голове даже созрел некоторый план мщения...

Когда его вынули, повар долго удивлялся, отчего бы ему быть таким: с одной стороны на углах совсем черный, а с другой – какой то...что-то такое...этакое... Повар выпяливал глаза и вертел всеми пятью пальцами в пространстве. «Странно, очень странно... Как будто крест... И откуда бы этакое... просто невероятное...»

Впрочем, повар совместно с кухаркой резонно рассудил, что если он такой вышел, то и ну его к шутам совсем, не готовить же, в самом деле, новый... Съедят, ежели голодны. И кухарка нарочно положила **пирог нижней стороной вверх (так как верхняя слишком пригорела, объяснила она повару)** и накрыла салфеткой, чтобы не остыл»¹⁶.

Нужно заметить, что Ф.А. Кудринский имел весьма смутные представления, как о конструкции намогильных сооружений, так и о печении пирогов. Жестяную плиту, покрывающую каменный памятник, бессмысленно искать на отечественных кладбищах по нескольким причинам. Каменные памятники не боятся влаги и не нуждаются в каком-либо покрытии. Адамова голова никогда не оттискивалась (чеканилась) на листовом железе, поскольку всегда находилась либо в голгофской композиции, либо под мемориальной надписью (иногда всё это совмещалось), т.е. в составе изображений, рассчитанных на вечность. А столь важные предметы не изготавливались из тонкого кровельного железа.

Даже если вслед за Федотом Андреевичем предположить, что повар был чрезвычайно пьян, даже в этом случае его действия были бы слишком нелогичны. Зачем повару переворачивать пирог, когда достаточно было соскрести с уголков обугленную корочку? Да и пироги начинают пригорать в первую очередь с нижней стороны, и если подгорели даже уголки, то можно представить катастрофическое состояние нижней корки... И как у него вообще физически получилось перевернуть большой пирог, не повредив его? Слишком много натяжек...

А.А. Дмитриев, хотя и был знаком с деталями таинственного происшествия от «покойного протоиерея Александра Луканина», но не стал их озвучивать, а ограничился пересказом версий Д.Д. Смышляева и Ф. Кудринского¹⁷.

М.А. Осоргин повторил в целом гипотезу Д.Д. Смышляева, правда, неудачно добавив от себя некоторые детали:

«Отличного семьянина и уважаемого человека *надгробная плита послужила подом русской печи...* Гигантский *пирог двухсторонней выпечки* поставили перед хозяином-именинником... Первым из кухни убежал повар, *оставив в горячей русской печи намогильную чугунную плиту, на которой был выпечен именинный пирог* доброму хозяину»¹⁸.

Нам, в отличие от М.А. Осоргина, трудно представить себе русскую печь с чугунным подом. Именно на поду происходит сжигание топлива, а чугунная плита, раскаляясь докрасна, в полном согласии с законами физики расширялась бы в гораздо большей степени, нежели кирпич, и при этом быстро разваливала бы всю печь. Да и «пирог двухсторонней выпечки» является не более чем фантазией Михаила Андреевича. «Двухсторонняя выпечка» возможна только в складных двухстворчатых формах, вроде тех, что используются для приготовления вафель. Предполагать существование подобных форм для пирогов нет никаких оснований, по крайней мере, в музейных фондах ничего подобного не сохранилось. Переворачивание выложенного на противень большого именинного пирога в процессе выпечки физически невозможно, да попросту и не нужно, тогда у пирога обе корки будут нижними. Ну, и пирог, для переноски которого были бы потребны «четверо кухонных молодцов», – а) не поместился бы ни в какую складную форму, и даже – б) не поместился бы в русскую печь, у которой ширина устья не превышает 40 см¹⁹.

Если никто из авторов не смог правильно реконструировать событие, это означает только одно: вопрос нуждается в ответе, проблема нуждается в решении... Так как же всё произошло? В двух словах этого не описать, поэтому стоит особо внимательно изучить реалии, прежде всего, устройство русской печи, в которой и был испечён злополучный пирог.

Словарь Брокгауза и Ефрона описывает её следующим образом:

«Особый тип П. представляет «русская печь», служащая и очагом для приготовления пищи. Он выработался из древней «курной» П.: перед «очелком» складывали «щит», воронкообразный колпак, переходящие в трубу, как в кузнице, чтобы дым выходил наружу, не расходясь по комнате. Тушу П. можно было помещать в чистой комнате, за стеной, а топку производить из сеней. В настоящее время русская П. значительно усовершенствована (черт. 11, 12 и 18): под самой П. с выкладывается на своде *a*, прикрывающем «подпечье» *b*; перед «очелком» *m* этот под продолжается и составляет «шесток», прикрытый сводом *h*, из под которого дым выходит чрез трубу *i* с вьюшкою и чрез «подверток» в стенную трубу *l*. Часто над сводом П. делают еще четыре лежащих дымовых оборота: зимою дым пускают чрез эти обороты, чтобы согреть печь и

комнату, летом же открывают заслонку над шестком и дым выходит прямо в трубу. *На шестке разводят огонь, когда надо что-либо кипятить прямо на огне, в горшках на тагане; вместо такого переобитного способа теперь часто помещают в шестке небольшую плиту, и снабжают ее сбоку особой топкою.* В таком случае вынимают и боковую стенку шестка, подпирая нависший угол колпака железным стержнем. Не смотря на такую универсальность усовершенствованной русской П., они выходят из употребления в городах, потому что занимают много места и потребляют много дров: кухонный очаг, так наз. «английская плита», оказывается много удобнее»²⁰.

В данном словарном описании нас особенно интересует *шесток*, поскольку именно в этой части, как мы видим, возможно использование чугунных плит. В.И. Даль так описывал эту важную часть печи:

«1. **Шесток**[-стка] м. припечник, припечек, очаг под кожухом (который ставится на стойках, *шестиках*), площадка перед русскою печью, меж устья и топки, куда, в левый заулоч (порск, жароток, загнетка), загребаются жар, а посредине иногда разводится огонек под таганом; продолженье *шестка*, в печи, *под*; самый под плавильной печи зовут *шестком*. *Знай (всяк) сверчок свой шесток. Головня на шесток – нечаянный гость...*

2. **Шесток** м. *новг.* верстак?..

[**Шесточный**]. Шесточная *плита*, *перм.* чугунная, на шесток русской печи»²¹.

Географическое указание *перм.* (пермское) у В.И. Даля относилось не просто к словосочетанию «шесточная плита», но к особенностям устройства домашних печей в городах и сёлах промышленной Пермской губернии. На множестве металлургических предприятий Урала отливались не только чугунные намогильные плиты, но и печные шесточные плиты, продаваемые на ярмарках по сходной цене.

В зарисовке П.П. Бажова «Макар Драган и Мякина» описывается эксцесс, связанный как раз с такой *шесточницей*.

«Эти хозяйственные заботы, однако, не могут заглушить мысли о не выпитом полштофе или косушке. Макар опять идет в избу и начинает перебирать свои ценности. Берет около “голубца” топор, ломок и молоток. Осматривает их внимательно и кладет обратно. Потом быстро подходит к печи и начинает пробовать крепость *вмазанной в печь чугунной доски – шестка*. Плита подается, и Макар начинает ее вышатывать. Делает это так осторожно, что боковые кирпичи не сыплются. Зрители ошеломлены: “Неуж выворотит?” Даже никто не хочет сообщить жене Макара об этой новой его выдумке.

Тяжелая шесточница вытащена, и Макар осторожно выносит ее из избы и быстро направляется к кабаку, где уже давно ждет его “растравленная” Макаровой женой кабатчица Парушка. Она назло сейчас же покупает доску на деньги (чтобы не возвращать заклада), и Макар получает возможность “допить”, чтобы на следующее утро убедиться, что больше найти для похмелья нечего, и надо выходить на работу»²².

Из описания явствует, что шесточница не вмуровывалась намертво, служила не подом, как думал М. Осоргин, а, скорее, столешницей, выходящей за пределы печной рамы. На наше счастье, гадать не приходится, поскольку печи такой конструкции сохранились в Пермском крае и поныне. Так, русская печь в доме № 7 по ул. Средней в с. Камгорт Чердынского района, принадлежащем базе отдыха «Чердынская земля», наглядно демонстрирует конструктивные особенности уральских печей XIX века (см. рис.).

Украденная на Старом Егошихинском кладбище надгробная плита именно так была вмонтирована в печь на чадинской кухне, только, естественно, вниз имеющимися надписями и изображениями. С высоты человеческого роста они не были заметны, но адамова голова всё равно пялилась пустыми глазницами в пол, усыпанный щепками и пеплом.

Вот теперь всё становится понятным...

Итак, кухарка выгребла угли из протопленной печи, освободив место на поду, задвинула противень с пирогом в устье, закрыла отверстие заслонкой из листового железа... и ушла. В самом деле, от постоянного её присутствия пирог быстрее не испечётся, а в процессе приготовления именинного обеда у кухарки дел было множество...

Тут-то и появились на сцене коварные дворовые. Всё произошло почти мгновенно. Это ведь только хорошее дело быстро не делается. Они вынули противень с пирогом, крышка которого уже начала потихоньку схватываться. Скорее всего, надели варежки-верхонки, чтобы не обжигать руки, или воспользовались тряпками в качестве прихваток. Раз-два, поднесли противень под шесточную плиту, ещё недавно бывшую надгробием, прижали покрепче снизу вверх, и вот на пироге оттиснулось обратное изображение адамовой головы. Теперь противень обратно в печь, а сами пулей из кухни... Можно быть уверенным – всё случилось именно так, возможен лишь один вариант – злоумышленник мог быть и один, ведь описанные манипуляции с пирогом вполне посильны и для одного человека.

Надо сказать, страшное зрелище предстало перед кухаркой, когда она отодвинула заслонку. Череп с выпуклыми глазницами и перекрещенные кости подрумянились в печи, и самый вид их противостоит естественен. Но времени у кухарки оставалось только на то, чтобы ужаснуться. Исправить было уже ничего нельзя, поскольку всё было рассчитано таким образом, чтобы пирог попал на стол горячим. Гости отставного статского советника уже ждали заключительного акта именинного действия, и бедная женщина прикрывала пирог холщовой тряпицей не столько для того, чтобы скрыть от хозяйина, а чтобы не смотреть самой. Но вот пелена спала...

И дальнейшее хорошо известно. Остаётся только добавить, что стечение подобных обстоятельств было возможно лишь на горнозаводском Урале, так что, можно сказать, это чисто уральская история...

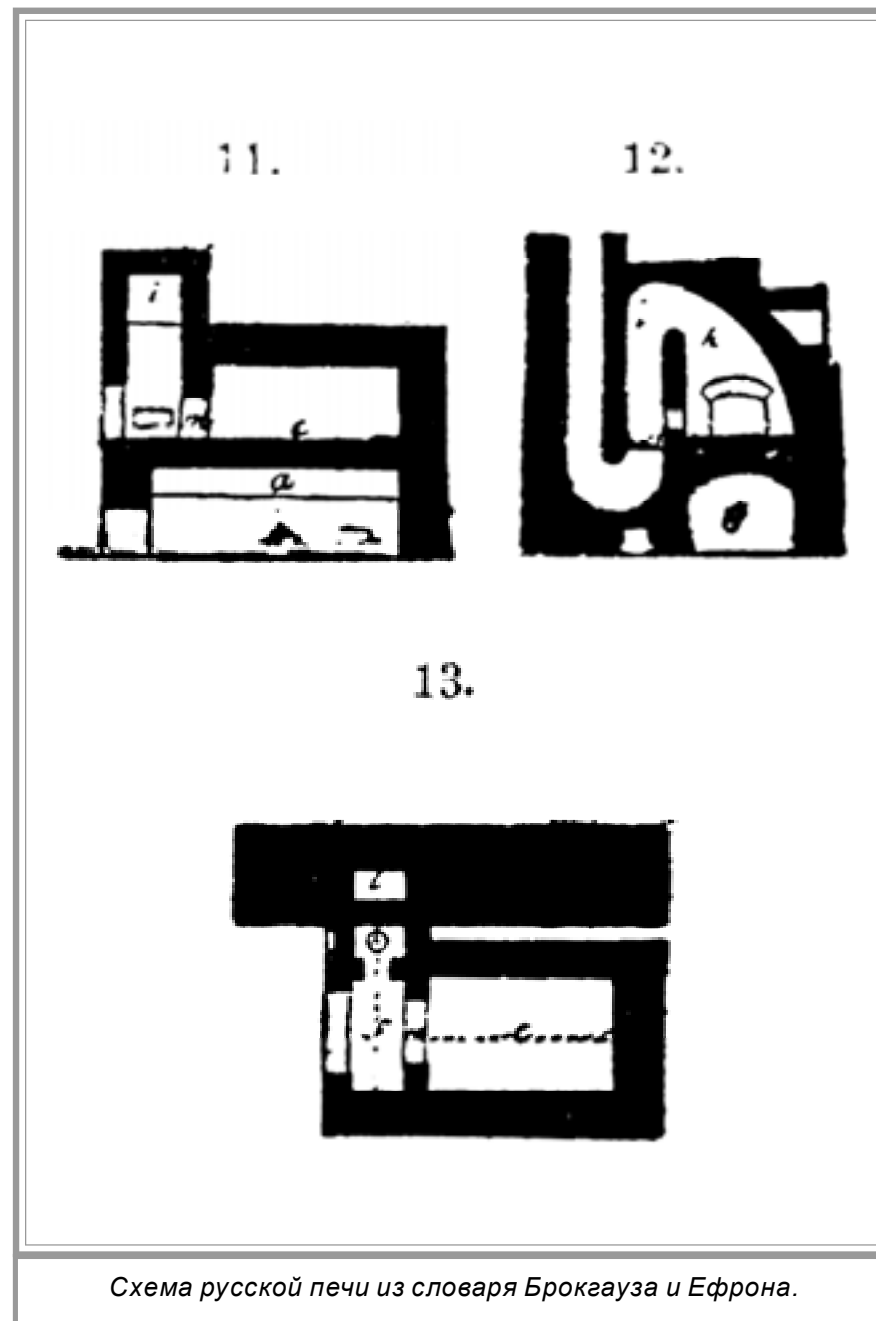

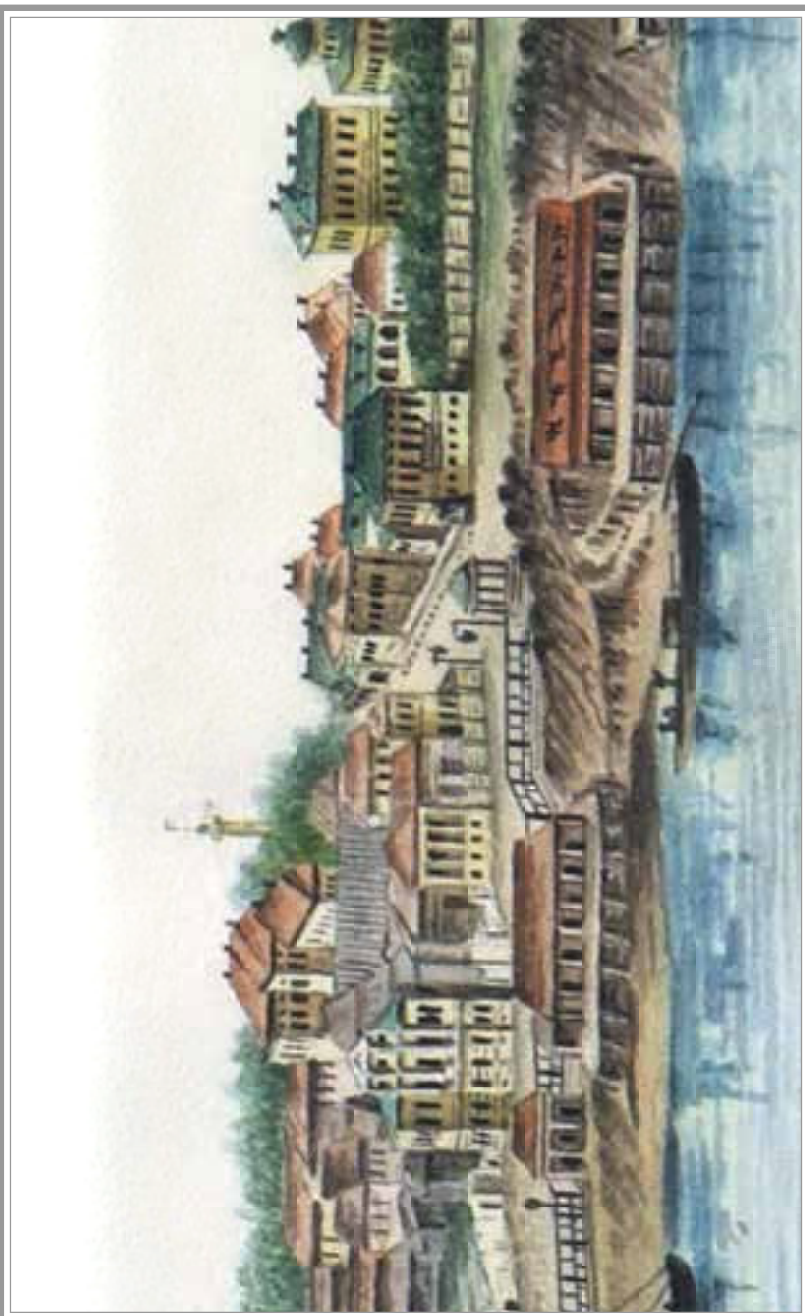
Схема русской печи из словаря Брокгауза и Ефрона.

Русская печь из села Камеорт.

Надгробие с кладбища Ново-Иерусалимского монастыря.

Акварель П. Е. Размахнина: слева вверх виден дом Е.Л. Чадина.

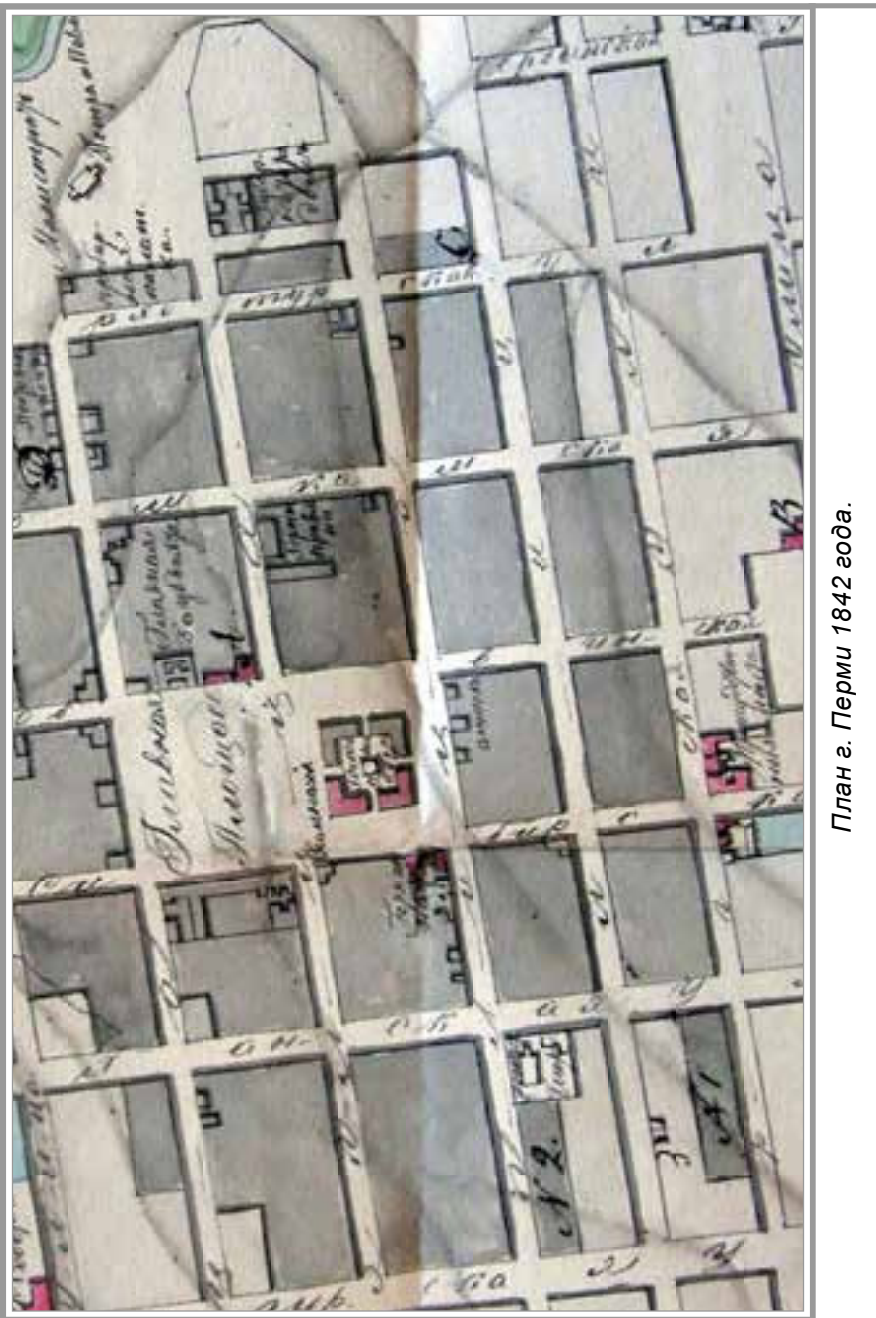
Голгофа с адамовой головой с надгробной плиты пермского головы В.Г. Лапина, умершего в 1793 г. Дворовые Чадина имели возможность утащить и ее, но, видимо, не посмели, боясь разборательства влиятельных родственников.

Обычная русская печь с кирпичным шестком.

План г. Перми 1822 года.

План г. Перми 1842 года.

1. Мельников-Печерский П.И. Именинный пирог // Мельников-Печерский П.И. Собрание сочинений в 6 т. – М., 1963. – Т.1. – С.178.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 2. – М.; СПб., 1905. – Ст. 99.
3. Жихарев С.П. Записки современника. Дневник чиновника. – Ч. 2. – Л., 1989. – С. 262.
4. Коцебу А. Достопамятный год моей жизни: воспоминания. – М., 2001. – С. 163-165.
5. Мельников-Печерский П.И. Именинный пирог // Мельников-Печерский П.И. Собр. соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1963. – С. 180-183.
6. Трапезников В.Н. Летопись города Перми. – Пермь, 1998. – С. 34.
7. Гоголь Н.В. <Записная книжка 1842—1844 гг.> // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. – [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952. – Т. 9. Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. – 1952. – С. 553.
8. Смышляев Д.Д. Из прошлого. О старых временах и людях // Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. – Пермь, 1891. – С.154.
9. Осоргин М.А. Пирог с адамовой головою: рассказ // Осоргин М.А. Мемуарная проза. – Пермь: Кн. изд-во, 1992. – С. 258-266.
10. Похлебкин В.В. О кулинарии от А до Я: словарь-справочник. – Минск, 1988. – С. 70.
11. Бабушкины пироги и блины / сост. Г.С. Выдревич. – М.: Эксмо; СПб.: Терция, 2008. – С. 7.
12. Молоховец Е. Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. – Ч. 1. – СПб., 1901. – С. 711-712.
13. Там же. С. 714.
14. Шепелев А.М. Кладка печей своими руками. – М., 1983. – С. 125, 134.
15. Смышляев Д.Д. Из прошлого. О старых временах и людях // Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. – Пермь, 1891. – С. 130.
16. Кудринский Ф. Таинственный дом: (из исторических преданий города Перми) // ПГВ. – 1895.– № 60.
17. Дмитриев А.А. Чудовищный дом: из рассказов пермских старожил // Исторический вестник. – 1901. – Т. 86. – С. 237-239.
18. Осоргин М.А. Пирог с адамовой головою: рассказ // Осоргин М.А. Мемуарная проза. – Пермь: Кн. изд-во, 1992. – С. 261-264.
19. Шепелев А.М. Кладка печей своими руками. – М., 1983. – С.125, 134.
20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. –Т. XXIIIА. Петропавловский – Поватажное. – СПб., 1898. – С. 543-544.
21. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4. СПб.; М., 1909. – С. 1429-1430.
22. Бажов П.П. Уральские были: очерки // Бажов П.П. Собр. соч. в 3-х тт. – Т.3. – М., 1976. – С. 52.

ДОМ ДЯГИЛЕВЫХ (ул. Сибирская, 33)

Кирпичное двухэтажное оштукатуренное здание по ул. Сибирской, 33, в котором жил в детские и юношеские годы Сергей Павлович Дягилев, согласно официальным данным Государственного списка памятников истории и культуры Пермского края построено в 1850-е гг., предположительно, по проекту архитектора Р.И. Карвовского¹.

Карвовский Рудольф Иосифович (1830, Ковельская губ. – 29 февраля 1896 г., Пермь) – гражданский инженер, архитектор. В 1850 г. Карвовский окончил строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий (Институт гражданских инженеров) в Санкт-Петербурге. 26 августа 1850 г. назначен архитекторским помощником в Пермскую губернскую строительную и дорожную комиссию, с 1865 г. – младший архитектор строительного отделения Пермского губернского правления. С 1871 по 1874 гг. Р.И. Карвовский совмещал эту службу с должностью городского архитектора. Карвовский – автор проекта городского театра (академический театр оперы и балета им. П.И. Чайковского). В Перми по проектам Карвовского были построены: тюремный замок, пересыльная тюрьма, каланча 1-й пожарной части, а также ряд казенных и частных зданий в Пермской губернии. В 1874—1877 гг. – губернский архитектор в Уфимской губернии. В 1894 г. пермский губернский инженер, действительный статский советник. 4 апреля 1891 г. за безупречную 40-летнюю службу представлен к награждению знаком «Отличие»².

21 сентября 1874 г. усадебное место «в 1-й части города Перми на углу Ямской улицы и Сибирского проулка», принадлежащее Анне Николаевне Харитовой и ее детям: Елене Алексеевне Маньян, Надежде Алексеевне де-ля-Кусельер, Вере Алексеевне де Лима Сильва, урожденных Харитовых, Марку и Евгению Алексеевичам Харитовым, имеющее пространство по улице 20½ сажень [около 44 м] и поперечнику во двор 35½ сажень [более 76 м], «с выстроенными на оном деревянным домом и другими строениями», доставшееся им [Харитовым] по наследству от почетного гражданина Алексея Мануйловича Харитова, было продано за 1 тыс. руб. серебром коллежскому советнику Павлу Дмитриевичу Дягилеву³.

15 апреля 1877 г. в Пермскую городскую управу поступило объявление от коллежского советника П.Д. Дягилева, в котором он просил разрешения управы произвести постройку к деревянному одноэтаж-

ному дому каменной прачечной и ворот в каменных столбах, на принадлежащем ему месте в 1-й части г. Перми, на углу улиц Большой Ямской и Сибирской. Разрешение городской управы на строительство получено 20 апреля 1877 г.⁴

В январе 1883 г., после кончины коллежского советника П.Д. Дягилева, наследниками Пермского имения Дягилева, в т.ч. и всех домов в Перми по улице Большой Ямской и Сибирской, № 41-43-31; Большой Ямской, № 47; Большой Ямской и Сибирской, № 48-33; Большой Ямской и Оханской, № 36, становится его вдова, Анна Ивановна Дягилева, и их дети: Иван, Николай и Павел Павловичи Дягилевы⁵.

В 1880-е гг. в доме на углу улиц Большой Ямской и Сибирской, № 41-43-31 жила семья полковника Павла Павловича Дягилева, после переезда его из Санкт-Петербурга в Пермь.

«Дом Дягилевых был большой, красивый особняк в конце главной – Большой Сибирской улицы, близ городского парка: настоящий дворец каких-нибудь владетельных князей. Внутри также было все роскошно, барственно, богато...

Это были настоящие пермские «Афины». Сюда собирались артисты, музыканты, все самые образованные, культурные и передовые пермяки. В доме часто давались спектакли, балы, концерты, много музицировали. Отец Дягилева был большой хлебосол, меценат, мать (мачеха) – образованнейшая женщина, музыкантша, певица»⁶.

В 1891 г. дом был куплен Городским обществом у Конкурсного управления по делам несостоятельных должников Дягилевых. Видимо, тогда же были составлены: «План, описание и оценка частей строений, принадлежащих городскому обществу»⁷. Первоначально здание бывшего дома Дягилевых было сдано почтово-телеграфному ведомству⁸. Затем, на основании постановления Городской думы от 16 июня 1894 г., дома «бывшие Дягилевых, состоящие в 1-й части г. Перми на углу улиц Большой Ямской и Сибирской, принадлежащие Пермскому городскому обществу, одноэтажный каменный дом, полукаменный флигель со всеми надворными постройками ... сроком на один год, считая с 19 мая 1893 г. по 19 мая 1894 г.», были сданы отделению Государственного банка, оставшемуся после пожара в доме по ул. Петропавловской, 38, без помещения⁹.

Управляющий отделением банка вынужден был занять бывший дом Дягилевых, несмотря на то, что здание требовало значительного ремонта. Оно было «настолько грязно и неисправно, что поместиться в нем в настоящем его виде невозможно, печи настолько не в порядке, что едва ли возможно затопить, не опасаясь пожара. В большей части окон выбиты стекла, испорчены сами рамы и ме-

таллические принадлежности, обои в комнатах ободраны, загрязнены и щели переполнены всевозможными паразитами. Словом, куда ни посмотри, везде полное разорение. ... Но, в городе едва ли возможно найти подходящее по величине и изолированности от пожара здание»¹⁰.

С 1 сентября 1894 г. в здание дома быв. Дягилевых была переведена Александровская женская прогимназия (с 1907 г. – Александровская женская гимназия)¹¹.

Пермская женская прогимназия была открыта 30 августа 1881 г. в память исполнившегося в 1880 году 25-летия царствования Императора Александра II, в честь которого она и получила свое название. При прогимназии состоял попечительный совет, в обязанности которого входило «заведывание бюджетом прогимназии и забота о ее благосостоянии». В 1893 г. в состав попечительного совета прогимназии входили представители губернского управления, уездного земства и городской думы. В числе почетных попечителей прогимназии состояли начальник губернии, действительный статский советник П.Г. Погодин и его супруга, Е.Г. Погодина. Председателем педагогического совета был М.М. Дмитриевский, начальницей прогимназии – М.Л. Пермякова. В 1893 г. прогимназия имела, кроме 4-х основных классов, параллельные отделения. На 1 января 1893 г. состояло 233 ученицы, к 1 января 1894 г – 226 учениц¹².

5 декабря 1894 г. городской голова А.В. Синакевич сообщил:

«Пермская городская дума и Пермское уездное земство, по случаю предполагавшегося, а ныне уже совершившегося бракосочетания их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны, выразили желание ознаменовать это радостное событие пожертвованием в собственность пермской женской прогимназии недвижимое имущество ... в 1-й части города, по Сибирской и Большой Ямской улицам, [которое] заключается в усадебном месте, обширном и капитально устроенном каменном одноэтажном доме, с жилым подвальным этажом, довольно значительных размеров; 2-х этажном полукаменном доме, каменных надворных постройках и небольшом саде. ... Совместное пожертвование недвижимости состоялось в виду того, что прогимназия в Перми содержится также на общие средства этих учреждений, отпускающих прогимназии ежегодные пособия по 3000 руб.»¹³

В 1898 г. в здании в 1-й части города Перми на углу Сибирской и Большой Ямской, № 31/43-41 (домовладение № 270 по окладным книгам Пермской городской управы) располагалась Пермская женская прогимназия. В 1898 г. оценка домовладения составляла 5000 руб. Домовладение от сборов в пользу города, казны и земства освобождено¹⁴.

В 1907 г. Пермская женская прогимназия была преобразована в семиклассную женскую гимназию имени императора Александра II¹⁵. Вероятно, в связи с этим в 1910-е гг. здание Александровской женской гимназии было расширено двухэтажным каменным пристроем по ул. Большой Ямской.

1 ноября 1912 г. товарищем Министра народного просвещения, на основании высочайшего повеления от 9 июля 1912 г., была утверждена «Инструкция комиссии и строителю по расширению здания пермской Александровской 2-й женской гимназии»¹⁶. К 1914 году для отопления нового здания Александровской женской гимназии были смонтированы котел корнваллийской системы и система водяного отопления¹⁷.

С началом 1-й мировой войны Александровская женская гимназия была занята воинскими частями, занятия с учениками происходили в 1-й мужской гимназии, там же помещалась и начальная школа, открытая при гимназии в 1913 г. Инвентарь гимназии (парты, шкафы, столы, стулья, книги, картины и др. учебные пособия) – «все было оставлено в помещении Александровской женской гимназии, частью было расхищено солдатами весной 1918 г., частью ими же сожжено или приведено в негодность»¹⁸.

Домовладение Александровской женской гимназии по ул. К. Маркса и Зиновьева, № 30/41/43, муниципализировано на основании Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г.¹⁹

В 1924/1925 гг. земельный участок в 139-м квартале г. Перми по ул. Карла Маркса, 31, был описан в «карточке общего регистрационного списка владений»: общая площадь 1044 кв.саж., строениями занято 674,91 кв. саж., в т.ч. каменными – 699,65 кв. саж. и двором 369,09 кв. саж. Участок находился в ведении Пермского Местного хозяйства, и сдавался в пользование учебных учреждений: школы 2-й ст. № 21 ОкрОНО и агрономического факультета Государственного университета²⁰.

На усадьбе находились следующие строения: № 1 – дом двухэтажный, каменный, под железной крышей, окнами на улицу Зиновьева [ныне ул. Пушкина], площадью 158,95 кв. саж., а также строения под № 5 и 6 (уборная и навес) – в аренде у агрофака ПГУ²¹.

Агрономический факультет Пермского университета, по воспоминаниям проф. Варгина, организован весной 1923 г. в сильно разрушенном здании бывшей Александровской женской гимназии, не имел ни света, ни тепла, никакого оборудования во всех своих помещениях, отведенных для кабинетов и лабораторий. Только с осени 1923 г., благодаря, исключительной энергии небольшой группы агрономов-преподавателей и профессора Варгина, начались

регулярные занятия по агрономическим дисциплинам (земледелию, животноводству, организации хозяйства и др.) «при самом примитивном оборудовании и при возможности во всякую минуту закрытия факультета...»²².

Строение № 2 – дом одноэтажный, каменный под железной крышей, окнами на улицу Карла Маркса, площадью 360,29 кв. саж., с сенями (лит. А.) площадью 16,40 кв. саж., и деревянной будкой (лит. Б.) площадью 1 кв. саж., а также строение № 3 – одноэтажный каменный пристрой, площадью 5,06 кв. саж., находились в аренде у школы № 21. В 1926 г. по ул. К. Маркса на углу Зиновьева (б. Большой Ямской) находилась одна из крупных школ города – школа I-й и II-й ступени № 21²³.

В 1925 г. в здании по ул. К. Маркса, 31, размещалась школа № 21, заведующий школой – Н.П. Маркс²⁴. Пермская школа-девятилетка № 21 была открыта в 1922 г. по инициативе группы лиц, объединившихся для открытия школы в Об-во Просвещения²⁵. В момент открытия школы Обществу пришлось озаботиться поиском здания, где можно было бы развернуть работу. ГубОНО предоставило Обществу здание бывшей Александровской женской гимназии, которое находилось в разрушенном состоянии. Общество имело небольшие средства, составившиеся из добровольных взносов родителей учащихся, и потому не решилось ремонтировать все здание, а исправило только одноэтажную часть его, выходящую на ул. К. Маркса.

Другая часть здания, двухэтажная по ул. Зиновьева, была уступлена университету под Агрофак. Общая площадь здания, занятого школой № 21, благодаря тому, что в доме был большой двухсветный зал, составляла 879,54 кв. м, т.е. на 1 человека приходилось площади 2,29 кв. м, что было недостаточно. В 1926/1927 учеб. году школа № 21 получила новое здание по ул. Сибирской, 23, занятое ранее Окружными учреждениями ОГПУ и милиции²⁶.

Агрономический факультет ПГУ²⁷ передал школе № 11 в обмен на занимаемое ею ранее здание бывшей Мариинской женской гимназией, помещения, ранее занятые в здании по ул. Зиновьева.

Согласно «описанию муниципализированного домовладения» на 7 октября 1926 г. домовладение по адресу ул. Зиновьева, № 41-43, находилось в пользовании ОкрОНО, и было полностью занято школой 1-й и 2-й ступени № 11²⁸.

В 1938 г. средней школе № 11 присвоили имя писателя А.М. Горького²⁹.

12 мая 1939 г. техник Горкомхоза Коробейников осмотрел здание средней школы № 11 на предмет его надстройки³⁰. В связи с началом Великой Отечественной войны надстройку произвести не успели. Во время войны в здании размещались госпиталь и военно-фельдшерская школа³¹.

Расположенное на пересечении ул. Сибирской и Пушкина здание состоит из двух объемов – одно- и двухэтажного (1910-е гг.)

Одноэтажный жилой дом (1850-е гг.), решенный в традиционной для классицизма манере, имел отличительную особенность – внутренний двор, над которым после реконструкции 1910-х гг. появился объем второго света. Фасады дома решены лаконично – на слабо рустованном поле стены расположены окна в обрамлении штукатурных наличников с сандриками-фронтонами. Парадный вход выполнен на ул. Сибирскую и выделен порталом со световым проемом над дверью.

3 апреля 1980 г. решением Пермского облисполкома № 234-р здание школы № 11 взято на государственный учет как памятник истории – «Дом, в котором жил С.П. Дягилев (1880—1890)». Характерной особенностью здания памятника является зал в середине дома с окнами в верхней части (бывший внутренний двор). В 2007 г. здесь был установлен памятник С.П. Дягилеву работы скульптора Э. Неизвестного. В 1987 г. со стороны ул. Сибирской установлен барельеф с мемориальной доской С.П. Дягилеву (скульптор Н.Н. Хромов)³².

С 1992 г. школа № 11 именуется гимназией им. С.П. Дягилева художественно-эстетического профиля. Особое место в образовательном процессе занимают музеи: этнографии, краеведения, и музей-мемориал «Дом Дягилева», в котором расположены два концертных рояля; представлены документы и фотографии из жизни семьи Дягилевых³³.

В 2008 и 2012 гг. организацией ООО «Пермстроймет+» разработан «Паспорт отделки фасадов» и произведены работы по ремонту фасадов здания. В 2012 г. началось строительство нового здания гимназии, на месте ранее существовавших служб и спортплощадки.

¹ Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства. – Пермь, 1993 – С. 21.

² Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья. – Пермь: Пушка: 2003. – С. 69; ГАПК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 689. Л. 3. (Дело о награждении Пермского губернского инженера, действительного статского советника Карвовского знаком «Отличие» за безупречную службу в течение 40 лет в классных чинах).

³ ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 12. Л. 3об.-5.

⁴ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 22. Т. 1. Л. 133-133об., 135, 135а.

⁵ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1018. Л. 24об.-25; *Минеев Г.И.* Полный адрес домовладельцев губернского города Перми, с приложением подробно-городского плана. – Пермь, 1886. – С. 17.

⁶ *Лифарь С.* Дягилев. – СПб., 1993. – С. 34.

⁷ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 460. 8 л. с об.

- ⁸ Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 38-38об.
⁹ Там же. Л. 1, 39-40об.
¹⁰ Там же. Л. 10-11.
¹¹ Там же. Ф. 65. Оп. 2. Д. 233. Л. 1-1об.; *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 92-93.
¹² ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 527. Л. 82об.-84об.
¹³ Там же. Д. 233. Л. 1-1об.
¹⁴ Раскладка налогов с недвижимых имуществ жителей города Перми, 1-й части. – Пермь, 1899. – С. 28-29.
¹⁵ *Верхоланцев В.С.* Город Пермь... – С. 93.
¹⁶ ГАПК. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-16, 21-22об.
¹⁷ Там же. Л. 4-4об.
¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 51-51об.
¹⁹ Список муниципализированных домов гор. Перми. // *Жилищный вопрос.* – Пермь, 1923. – С. 56.
²⁰ ГАПК. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 1762. Л. 6-7.
²¹ Там же.
²² Звезда. – 1927. – 14 окт. (№ 236). – С. 5; ГАПК. Ф. р-180. Оп. 1. Д. 72. Л. 35. 10-летний юбилей со дня основания Пермского университета. 1916—1927.
²³ ГАПК. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 1762. Л. 6-6об.
²⁴ *Чижов В.* Пермь в экскурсиях: (опыт изучения города экскурсионным методом). – Пермь, 1926 – С. 33.
²⁵ *Вся Пермь. 1925 год: справочное издание.* – Пермь, 1925. – С. 29.
²⁶ ГАПК. Ф. р-118. Оп. 1. Д. 551. Л. 12-55об.
²⁷ Там же. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 745. Л. 101-101об.
²⁸ Там же. Д. 996. Л. 40-40об.
²⁹ Там же. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 1762. Л. 10-10об.
³⁰ Гимназия № 11 имени С.П. Дягилева / сост. М. Златкин. – Пермь, 1999.
³¹ ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 963. Л. 2, 3.
³² *Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область.* – М., 1978. – С. 146; *Памятники истории и культуры Пермской области.* – Т. 2. – Пермь, 1993. – С. 21; *Мемориальные доски Перми: справочник.* – Пермь: Арабеск, 2008. – С. 32.
³³ Гимназия № 11 имени С.П. Дягилева / сост. М. Златкин. – Пермь, 1999.

КОМПЛЕКС УСАДЬБЫ ПЕРМСКОГО БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ. (ул. Куйбышева, 50)

Комплекс усадьбы Пермского Бактериологического Института сложившийся в первые десятилетия XX века, был одним из заметных архитектурных изюминок Перми вплоть до 1960-х гг. Более того, он стал экскурсионным объектом. В.Е. Чижов в 1920-х гг. писал в путеводителе «Пермь в экскурсиях»: «...Экскурсия останавливается на углу Красноуфимской и ул. Зиновьева. Перед нею новый большой экскурсионный узел. Прямо против экскурсии, справа и отчасти слева – медицинский городок. Здесь помещается областная психиатрическая лечебница на 800 слишком человек; существующий около 30 лет бактериологический институт и целый ряд клиник: заразных болезней, глазная, нервных болезней, хирургическая и др.; окружная больница, амбулатория при ней, аптека, изоляторы и клуб союза Медикосантруд, помещающийся в бывшем здании богадельни и церкви при ней»¹.

Усадьба бывшего Пермского Бактериологического института в настоящее время практически недоступна для осмотра и помещается между двумя корпусами. В одном из этих многоэтажных корпусов со стороны улицы Куйбышева (бывшая Красноуфимская) размещается Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Пермском крае»; а с другой стороны усадьба закрыта невзрачным зданием из силикатного кирпича со стороны многострадального 179-го квартала (бывшая психиатрическая больница), на котором около входа значится следующее: «Министерство здравоохранения СССР. Пермский Ордена Трудового Красного знамени исследовательский институт сывороток. Научный отдел».

Тем не менее, история Бактериологического института и судьба его основателя заслуживают гораздо большего внимания, чем это есть в настоящее время. Заслуживают особого внимания и здания, построенные для института.

История Пермского Бактериологического института тесно связана с развитием пастеровских отделений или станций в России, в задачу которых входило производство и профилактика прививок против бешенства (другое название – «антирабические» прививки). Пастеровские отделения (станции) были названы в честь основателя современного учения о заразных болезнях Луи Пастера (1822—1895)². В июле 1885 г. Луи Пастер впервые после пятилетних экспериментов применил при-

вивки против бешенства на людях, через год было привито 350 человек. Это событие считается началом деятельности Пастеровской бактериологической станции. Уже в 1886 г. при содействии Пастера И.И. Мечников (1845—1916) со своим учениками Н.Ф. Гамалея и Я.Ю. Бардахом основали первую в России и вторую в мире бактериологическую станцию в г. Одессе, и впервые в России осуществили здесь вакцинацию людей против бешенства. Только в течение 1886 года в России было открыто пять Пастеровских станций. Затем открытие этих станций несколько замедлилось: в 1887 г. открылась Пастеровская станция в Харькове, в 1888 г. – в Тифлисе, в 1896 г. – в Киеве, и т.д. К 1916 году в России имелось 30 Пастеровских станций.

14 ноября 1888 г. в Париже возник Пастеровский институт, состоящий из шести отделов, во главе которых стояли директора. Отдел морфологической бактериологии возглавил знаменитый русский ученый, профессор И.И. Мечников, который впоследствии стал руководителем Пастеровского института. Занятия этого отдела сводилось к изучению естественной истории микробов. Отдел бактериологии в применении к гигиене положил в основание своих занятий изучение предохранительных прививок, с точки зрения общественной и частной гигиены³.

Пермское земство отправляло нуждающихся в прививках против бешенства в Москву или Самару, где содержало за свой счет определенное количество коек⁴. 15 мая 1897 г. Пермское земство пригласило для организации и заведывания Пастеровским отделом (бактериологической станции) врача Владимира Михайловича Здравомыслова (1869—1944), и с этого момента началась организационная деятельность будущего Бактериологического Института. 15 мая 1898 г. были произведены первые прививки против бешенства.

Владимир Михайлович Здравомыслов родился 12 июля 1869 г. в Астрахани, в семье священника. Его отец, протоиерей Михаил Константинович Здравомыслов, являясь членом астраханского комитета Православного миссионерского общества и переводческой комиссии, выступил редактором целого ряда переводов, сам написал «Калмыцко-русский букварь с молитвами и рассказами из Священной истории для крещеных калмыков».

Одним из его сотрудников был известный монголист, профессор Санкт-Петербургского университета К.Ф. Голстунский. Личная дружба связывала отца Михаила с протоиереем Иваном Ильичом Сергиевым – отцом Иоанном Кронштадтским. Все его дети, а их было пятеро – имели фамилию с добавлением буквы «с» – Здравомысловы. Владимир Михайлович Здравомыслов окончил духовную семинарию и уже после этого, в 1895 году, – медицинский факультет Императорского Казанского университета. После окончания учебы Владимир Здравомыслов остался в университете на полтора года в качестве ассистента кафедры общей патологии, и в 1897 г. переехал в Пермь⁵.

В 1898 г. на бактериологическую станцию был приглашен второй врач – Л.Е. Мартынов, для работы над противотифозной сывороткой. В июле 1900 г. бактериологическая станция приступила к производству противотифозной сыворотки. Она получила апробацию в Харьковском, С.-Петербургском и Казанском бактериологических институтах. Л.Е. Мартынов возглавлял сывороточный отдел с 1899 по 1932 гг. А в январе 1899 г. появился третий сотрудник – лаборантка М.В. Фирюкова, работавшая с 1899 по 1932 гг., и ставшая впоследствии научным сотрудником Московского тропического института и лауреатом Сталинской премии.

До 1908 года Пастеровский отдел занимался, преимущественно, прививками от бешенства и тифа⁶. Если в первый год существования Пермской лаборатории пастеровскими прививками воспользовались всего 126 человек, то в последующие годы число их быстро возросло до 500-1200 в год, а потребность в противодифтерийной сыворотки – до 20000 лечебных доз.

В 1908 г. катастрофически выросла заболеваемость скарлатиной, вспыхивают эпидемии холеры, дизентерии. Для производства противоскарлатинной и противохолерной вакцин штат был увеличен еще на одного врача – С.М. Коцевалова, и одного лаборанта. Пермская губернская бактериологическая лаборатория стала выпускать противоскарлатинозную (С.М. Коцевалов) и противохолерную вакцины (В.М. Здравомыслов, Л.Е.Мартынов), изготавливает старый туберкулин Коха и туберкулин Дени, культуры мышинового и крысиного тифа для борьбы с грызунами. С 1910 г. начинается выработка указанных вакцин «на месте». Кроме того, по постановлению губернского съезда врачей, приступили к изготовлению противодизентерийной и противоскарлатинной сыворотки, первые серии которых были выпущены в 1910 г. Производились серологические исследования (метод распознавания сифилиса – реакция А. Вассермана). В 1911 г. начато производство противодизентерийной вакцины⁷. Проводятся санитарно-гигиенические исследования водных источников в связи с проектированием строительства городского водопровода.

14 ноября 1911 г. в Перми был создан отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом, который возглавил директор Пермского бактериологического института Владимир Михайлович Здравомыслов. Создание филиала ознаменовало рождение и начало работы пермской фтизиатрической службы. Развернулась широкая противотуберкулезная пропаганда: чтение лекций, передвижные музеи, летние лагеря для «слабогрудных» детей, бесплатные столовые для чахоточных больных.

Сразу после торжественного открытия пермского отдела Лиги, в городе прошел праздник Белого цветка, известный также как День белой ромашки. Во время этой благотворительной акции, проходившей в раз-

ных городах России, был организован сбор пожертвований в пользу больных туберкулезом. Участники этой акции продавали букеты белых цветов по символической цене. В дальнейшем дни Белого цветка стали проходить в Перми и других городах ежегодно.

Очень важно отметить то, что медики бактериологической станции ездили совершенствовать свои знания и делиться опытом в длительные научные командировки. В.М. Здравосмыслов дважды находился в научных командировках в Пастеровском институте в Париже, где работал под руководством И.И. Мечникова. Ф.И. Китаев изучал постановку пастеровского дела в Берлине. Л.Е. Мартынов знакомился с изготовлением противодифтерийной сыворотки в Москве и Петрограде.

Пастеровское отделение, а впоследствии Пермский Бактериологический Институт, выпустили 260000 доз лечебной дифтерийной сыворотки, около 40000 доз scarlatinной, около 50000 дизентерийной (против кровавого поноса). Ежегодно вырабатывали 1500000 оспенного детрита, предохранили от бешенства свыше 20000 человек, выпустили 1500000 вакцин против холеры, брюшного тифа и т.д.⁸ Причем, Пермь обслуживала своими препаратами не только уральский регион, лечебные сыворотки вакцин рассылались в Москву, Самару, Архангельскую область и проч.⁹

В 1911 г. Земское Собрание постановило присвоить с 1912 года Пастеровскому отделению наименование Бактериологического Института. Директором института стал В.М. Здравосмыслов.

При Институте неоднократно были организованы курсы для осповивателей с аудиторией в 50-60 человек, курсы для дезинфекторов с аудиторией в 50 человек и, наконец, курсы для врачей с аудиторией в 30 человек¹⁰.

Институтом было выпущено больше 30 печатных научных работ по разным вопросам бактериологии и иммунитета. Методика Пермского Института по некоторым вопросам применялась другими Бактериологическими институтами¹¹.

В 1913 г. году Пермский Бактериологический Институт участвовал своими экспонатами на международной гигиенической выставке в Дрездене, за что губернское земство получило почетный отзыв. В том же году Институт участвовал во Всероссийской гигиенической выставке, в результате чего губернское земство «за постановку и широкое развитие деятельности Института» получило почетный диплом¹².

В институте было открыто девять отделений: сывороточное, пастеровское, оспенно-вакционное, эпидемиологическое, патолого-гистологическое, химико-гигиеническое, серологическое отделение, ветеринарное и малярийное¹³. Пермский Бактериологический Институт создавал в своих стенах средства борьбы с инфекциями людей и животных, помогал сельскому хозяйству в борьбе с его вредителями, и стоял на страже возникающих эпидемий.

До событий первой мировой и гражданской войн складывается комплекс зданий – усадьба Бактериологического института. 15 мая 1897 г. пастеровское отделение поместили на усадьбе психиатрической лечебницы, в небольшом сером деревянном здании, имевшем пять небольших комнат. Весь персонал состоял из одного врача и одного слугителя. В будущем институте располагалось всего 7 пациентов.

В 1906 г. для Пастеровского отдела было выстроено одноэтажное специальное здание с общей площадью 75 квадратных саженей или 160 квадратных метров, с полами из метлахских плит, с электроэнергией, с каминами и центральным отоплением. Здесь помещались приемная для пользующихся прививками на 100 человек, «раздевальня для женщин», приемная для вакцинаций, кабинет врача, перевязочная и операционная – «для пересадки фиксированного собачьего бешенства»¹⁴. В этом же здании был расположен сывороточный отдел. Кроме того, здесь располагались библиотека, канцелярия и кухни, а также небольшая комната-термостат (больше двух квадратных метров), место для центрифуги и шюттель аппарата¹⁵. Всего было 4 центрифуги, одна из которых обладала мощностью в 5000 оборотов в минуту. Эта самая крупная центрифуга была укреплена на собственном фундаменте, не связанном со зданием Института, «во избежание сотрясения всего здания и беспокойства в работе». Шюттель-аппаратов было два.

В 1912 г. над этим зданием возвели второй этаж в 11 комнат. Здесь помещались: четыре кабинета врачей, комната для общих работ, патологоанатомическая и химическая лаборатория, комната для работы с газами, комната для засева культуры, ещё одна комната-термостат, разливающая для сывороток и вакцин, лаборантская и комната для приготовления растворов (физиологического и т.д.)¹⁶ Комната-термостат верхнего этажа согревалась электрической энергией с терморегулятором. Термостат был снабжен электрическим самопишущим прибором, контролирующим температуру за сутки, и прибором, дающим возможность знать температуру в каждый данный момент, не входя в него. Причем электричество поступало от мощного газогенератора в 100 горелок¹⁷. Всего было шесть портативных термостатов. Помимо этого в институте было много чрезвычайно дорогого и редкого для того времени оборудования: микроскопы, опсонизер, криоскопический и микрофотографический аппараты, аппарат для выкачивания газов крови, спектроскопы, водоструйные аппараты и другие¹⁸.

В этом здании была специальная библиотека (свыше 600 экз. печатных изданий), бактериологический музей со 100 названиями различных видов бактерий и музей патологоанатомических препаратов до 100 экземпляров¹⁹.

Под зданием располагался специальный подвал с особым температурно-влажностным режимом для хранения сыворотки и вакцин питательных сред²⁰.

В первом помещении Бактериологического института, состоящем из пяти комнат²¹, были устроены по стенам нумерованные клетки, где помещались животные, «подлежащие наблюдению в течение опыта»²². Наряду с этим, в 1897 г. была выстроена конюшня на четыре лошади для приготовления дифтерийной сыворотки. В 1901 г. с увеличением спроса на сыворотки развертывается конюшня на шесть лошадей²³.

В 1913 г. на усадьбе Бактериологического института построили новое двухэтажное здание. На первом этаже располагалась конюшня на 20 стойл, также имелись два изолятора по четыре стойла для испытания на продавливание, и обширная операционная для кровопусканий. В операционной разместили станок с подвесным краном и другой, так называемый, «немецкий станок», вертикальный на оси «с возможностью им мобилизации лошади ремнями с последующим приведением станка в горизонтальное положение». В конюшне были заасфальтированы полы, проведены водопровод, канализация и электрическое освещение. На втором этаже размещалось 12 комнат. В этих комнатах находился питомник для мелких животных – кроликов, свинок, белых мышей, и даже комната для обезьян²⁴.

Созданный В.М. Здравосмысловым Пермский Бактериологический институт сумел успешно функционировать и преобразовываться, несмотря на постигшие страну трудные годы первой мировой и гражданской войн, а также в последующие годы. В 1933 г. он преобразовался в Институт эпидемиологии и микробиологии, в 1953 г. – в Научно-исследовательский институт вакцин и сывороток, в 1988 г. – в производственное объединение «Биомед», и в 2002 г. – в Федеральное государственное унитарное предприятие Минздрава РФ «Пермское научно-производственное объединение «Биомед».

Свои взлеты и падения были в жизни основателя Бактериологического института В.М. Здравосмылова. После организации в 1916 г. медицинского факультета при Пермском государственном университете, на базе Бактериологического института создается кафедра медицинской микробиологии, которую до 1931 г. возглавлял В.М. Здравосмылов, ставший в 1920 г. профессором²⁵. Институт с 1922 по 1931 г. носит название имени профессора Здравосмылова.

Однако Владимир Михайлович Здравосмыслов занимал активную гражданскую позицию в общественно-политической жизни страны и Пермского края. В 1906 г. он вступил в партию кадетов (Конституционно-демократическая партия народной свободы), был редактором кадетской газеты «Камский край». В связи с этим к событиям, связанным с большевистским переворотом, Владимир Михайлович относился негативно. В июле 1918 г., после восстания левых эсеров, по решению губернской ЧК в Перми арестовали не только представителей партии эсеров, но и многих видных представителей пермской интел-

лигенции. Среди арестованных были директор гимназии Л.В. Барба-тенко, председатель общества «Светлая юность», заведующая Фребелевскими курсами О.М. Варфоломеева и, в том числе, директор Бактериологического института В.М. Здравосмылов. Через несколько дней арестованные были освобождены под подписку и поручительство²⁶. В 1919 г. В.М. Здравосмылов вместе с отступающей армией Колчака пытался эвакуировать Бактериологический институт в Томск, но затем вернулся в Пермь.

В 1920-е годы в советской Перми деятельность Бактериологического института нашла поддержку со стороны властей. В справочном издании 1928 г. «Наука и научные работники СССР» В.М. Здравосмылов отмечен как доктор медицины, профессор Пермского государственного университета, заведующий кафедрой микробиологии, директор Бактериологического института. В это же время Владимир Михайлович женился на уроженке Перми, Милице Григорьевне Юрьевской, в браке Здравосмыловой (1904—1984). Однако 21 января 1931 г. в Свердловске он был арестован вместе с девятью своими коллегами, и проходил по делу о причастности к антисоветской «Организации микробиологов». Решением коллегии ОГПУ от 5 января 1932 г. В.М. Здравосмылов был осужден по ст. 58 п. 7, и приговорен к высылке сроком на три года²⁷.

В 1933 г. он выступил редактором первого тома «Трудов Свердловского института микробиологии и эпидемиологии», в 1936 г. – редактором книги «Вопросы иммунитета, группа coli-typhus, водные вибрионы, микрофлора сточных вод», изданной в Ростове-на-Дону. В 1940 г. опубликовал научную статью в 4-м сборнике Свердловского института экспериментальной медицины. К началу Великой Отечественной войны Владимир Михайлович с женой находились в Ростове-на-Дону. Они оставались в городе во время оккупации, а в 1943 г. эвакуировались в Германию. Из трофейных немецких документов, хранящихся ныне в Центре розыска и информации Российского Красного Креста, известно, что В.М. Здравосмылов умер 25 декабря 1944 г. в городе Лемго (Lemgo). Его вдова, Милица Григорьевна, остаток дней прожила в Париже и похоронена на знаменитом русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа²⁸.

Несомненно, и усадьба Бактериологического института, и деятельность его сотрудников во главе с выдающимся российским микробиологом В.М. Здравосмыловым, заслуживают места в нашей исторической памяти. Многие ещё ждут своих исследователей.

¹ Чижов В.Е. Пермь в экскурсиях: (опыт изучения города экскурсионным методом) // Пермский дом в истории и культуре края: материалы 2-й науч.-практ. конф. – Пермь, 2009. – Вып. 2. – С. 270.

² См.: Пастёр (Louis Pasteur) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1897. – Т. 22а. – С. 938-942.

³ Там же.

⁴ Город Пермь: сб. очерков по истории, культуре и экономике города с 29 ил., планом города и прилож. адресного справочника. – Пермь: Пермское о-во краеведения, 1926. – С. 302.

⁵ Семенов-Басин И.В. Из истории Астраханской епархии: протоиерей Михаил Константинович Здравомыслов. http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/fourteen/semenenko_basin/

⁶ Здравомыслов В.М. Исторический очерк развития Пермского Бактериологического института. – Пермь, 1923. – С. 1-2.

⁷ Петров В.Ф. 100-летний путь Пермского НПО «Биомед» // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. – 1998. – № 2. – С. 3-6.

⁸ Город Пермь. – Пермь, 1926. Указ. соч. – С. 306.

⁹ Там же. – С. 306-307.

¹⁰ Там же. – С. 307.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 306.

¹⁴ Там же. – С. 303.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 304.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. – С. 305.

¹⁹ Там же. – С. 307-308.

²⁰ Там же. – С. 303-304.

²¹ В некоторых источниках указано 6 комнат.

²² Город Пермь. – Пермь, 1926. Указ. соч. – С. 305.

²³ Там же. – С. 304.

²⁴ Там же.

²⁵ Семенов-Басин И.В. Указ. соч.

²⁶ Кобелева Е.А. Интеллигенция Пермской губернии и органы ЧК: взаимоотношения и противоречия (1918–1922 гг.) // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – 2008. – № 4. – С. 23.

²⁷ Шилова И.С. Репрессивная политика Советской власти в отношении технической и педагогической интеллигенции в 1930-е годы (по материалам Пермского региона): автореф. дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2012. – С. 20.

²⁸ Семенов-Басин И.В. Указ. соч.

МАГАЗИН «БУКИНИСТ» НА ШОССЕ КОСМОНАВТОВ, 112

Долгое время домом книголюбов Перми был магазин «Букинист», размещавшийся в первом этаже жилого дома на углу улицы Коммунистической и Комсомольского проспекта. В небольшом помещении всегда толпился народ. В начале 1983 г. магазин «Букинист» переехал в новое просторное помещение в первом этаже многоэтажного жилого дома на Шоссе Космонавтов, 112. 13 января магазин открыл для покупателей¹.

По сравнению с прежним новым помещением магазина «Букинист» было больше более чем в четыре раза. В магазине были оборудованы комната для отдыха продавцов, душевая комната и большое помещение книгохранилища.

Большой торговый зал магазина «Букинист» сразу понравился покупателям: «Просторно! Легко подойти к полкам, посмотреть литературу на интересующую тему. ... Литература общественно-политическая, художественная, искусствоведческая, журналы. Отдельная полка отведена книгам Пермского книжного издательства. Есть в продаже и уникальная «Библиотека Всемирной литературы» – все 200 томов. За день книг продается примерно на восемьсот рублей – это гораздо больше чем раньше...»².

Из интервью с директором магазина Л.В. Романовой: «Для удобства населения, в магазине открыт, кроме целевого, свободный обмен литературы, который позволяет обменять книгу сразу, если продавец решит, что обмен равноценный для магазина и покупателя. Возобновили мы и прием заказов на нужную книгу, за исключением художественных и книг повышенного спроса. Планируются выезды для закупа литературы на предприятиях Индустриального района. Наша задача – продлевать жизнь книг, помогать каждому покупателю находить единственно ему необходимую книгу»³.

Посетители магазина «Букинист» – особенные, среди них были истинные ценители книг. Хорошо помню этот магазин, так как в ту пору я учился на историческом факультете Пермского университета и довольно часто приезжал в магазин «Букинист» в поисках нужной литературы. Большая часть моей домашней библиотеки тогда была подобрана именно в этом магазине.

Магазин «Букинист» вместе областной организацией Добровольного общества любителей книги в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стал инициатором проведения Пермских антикварно-букинистичес-

ких аукционов. На антикварно-букинистические аукционы принимались редкие издания, вышедшие в свет до 1946 года. Желаящие продать книги на аукционе сдавали свои издания в магазин «Букинист» для определения первоначальной цены под сохранную расписку. После определения аукционной комиссией первоначальной цены с владельцем книг заключалось соглашение. Все отобранные для аукциона издания включались в каталог книг аукциона. За неделю до него издания выставлялись для показа всем желающим участвовать в аукционе в торговом зале магазина «Букинист». До начала проведения аукциона проводилась продажа билетов для входа. В день проведения аукциона покупатели приобретали каталог и карточку с номером участника.

В краевой библиотеке им. А.М. Горького сохранился «Каталог книг Третьего Пермского антикварно-букинистического аукциона» (1991)⁴.

В состав Аукционной комиссии входили работники магазина «Букинист» и книголюбыв общественники: Н.Н. Барминская – заведующая редким фондом областной библиотеки им. А.М. Горького, М.В. Бурылова – директор магазина «Букинист», О.В. Прокофьева – товаровед, В.С. Офицеров – инженер, К.С. Пустовойт – кандидат физико-математических наук, доцент Пермского политехнического института, ведущий аукциона, В.Э. Рау – инструктор Добровольного общества книголюбыв, И.А. Смирин – кандидат филологических наук, доцент педагогического института, В.М. Субботин – кандидат медицинских наук, доцент медицинского института и В.А. Шмальц – товаровед магазина «Букинист».

Среди продавцов магазина «Букинист» той поры мне хочется отметить интересного человека и настоящего ценителя книги Виктора Александровича Шмальца (17.10.1947—22.01.2002).

12 августа 1969 г. приказом 143-к по Пермскому Облкниготоргу В.А. Шмальц по личному ходатайству директора магазина В.М. Чайникова был принят на работу товароведом в магазин № 4 «Букинист» Пермского Облкниготорга. До этого, еще учась в школе, Виктор Шмальц был общественным распространителем в этом магазине. В 1970—1972 гг. В.А. Шмальц окончил Московский книготорговый техникум по специальности товаровед книги⁵.

В 1990-е гг., в связи с приватизацией системы предприятий Облкниготорга магазин «Букинист», в отличие от других книжных магазинов, которых к началу 1990-х гг. в Перми было около двадцати⁶, оказался неплохо подготовленным к условиям рыночной торговли. В начале 1990-х годов магазин был арендным предприятием, сейчас это – частное индивидуальное предприятие, имеющее сеть филиалов в

разных районах города и в высших учебных заведениях Перми. Головной магазин предприятия «Букинист» с середины 1990-х гг. находится по адресу: г. Пермь, ул. Попова, 57.

¹ Серебрянская Г. «Букинист» на новой квартире // Вечерняя Пермь. – 1983. – 21 февр.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Каталог книг третьего Пермского антикварно-букинистического аукциона – Пермь: Арендное предприятие книжный магазин «Букинист» и областная организация Добровольного общества любителей книги, 1991.

⁵ Личные дела работников системы Облкниготорга (Т-Ш). 1961—1991 гг. // Архив города Перми. Ф. 5. Оп. 1. Д. 38. Л. 91-97об.

⁶ Список абонентов Пермской ГТС. Учрежденческий сектор. – Пермь: Закамская сторона, 1993. – С. 164-165.

Приложение.

В.С. Колбас

О ВИКТОРЕ ШМАЛЬЦЕ

Виктор Шмальц не мог не обратить на себя внимание. Мужчин, работавших тогда в Пермском облкниготорге, было чуть более десятка, каждый на виду. Виктора, насколько я могу судить, выделил из группы добровольных помощников и постоянных покупателей директор магазина № 4 «Букинистическая книга» на Комсомольском проспекте, 17, Владимир Чайников, и пригласил к себе товароведом.

Виктор был крупным юношей, и фамилия Шмальц подходила к его фигуре. Мы над ним постоянно подтрунивали по этому поводу, но парень не обижался, смотрел на нас своими большими глазами сквозь мощные стёкла очков и... соглашался. Да и о чём было спорить? Шмальц – и этим всё сказано.

С ним легко было дружить и общаться. Организовывать и проводить общие мероприятия. В частности, мы неоднократно помогали друг другу делать план по закупу литературы. Я работал тогда в книжном магазине № 11 в Балатово, на улице Мира, 65, и занимался закупом у населения подержанной литературы. Мы брали у сдатчика какое-нибудь собрание сочинений (помнится, однажды это были 30-томник Чарльза Диккенса и 55-томник В.И. Ленина, на которые у них был покупатель, и «отфактуровывали» их в букинистический магазин. Они, в свою очередь, закупили и отправляли нам принесённые к ним издания (например, 11-томник Н.С. Лескова), на которые у нас был спрос. В общем, обе стороны были в выигрыше: планы и по закупу, и по продажам мы выполняли.

Очень быстро Виктор завоевал авторитет у коллег. Продавщицы постоянно бегали в подсобку, где он закупал у населения литературу, или вызывали его на консультацию в торговый зал. Зал был тесноват, в нём постоянно толпилось множество покупателей, которых по очереди запускали за прилавком прямо к стеллажам с книгами.

Особо сильное впечатление Виктор производил на людей пожилого возраста, к которым выходил на дом для оценки книг. Это были, как правило, интеллигентные люди, которые переезжали в новые квартиры. Тогда был период массового переселения из частных домов и коммуналок в новые дома, которые позже стали пренебрежительно называть «хрущёбками», а квартиры – «хрущёвками». Осмотрев библиотеку, где часто немало было книг, изданных еще до 1917 года М.О. Вольфом, И.Д. Сытиным, Ф.Ф. Павленковым, А.Ф. Марксом и другими знаменитыми издателями. Попадались, в том числе, и комплекты журнала «Нива» и приложений к нему. Виктор возвращался в букинистический магазин, внимательно просматривал каталоги и, когда хозяева привозили книги на закуп, быстро и точно называл цены, что в глазах клиентов повышало его статус как компетентного товароведа.

Не знаю, по какой причине Виктор Шмальц ушёл из книжной торговли (к тому времени я уже не работал в книжном магазине). Букинистическая торговля в его лице, несомненно, потеряла хорошего и знающего специалиста. Много лет спустя, в одной из местных газет я увидел маленькое сообщение об его кончине...

ГАРМОНИЧНАЯ ЭКЛЕКТИКА (Пермская соборная мечеть, ул. Осинская, 5)

Ислам – одна из традиционных религий Прикамья. По переписи 1897 года здесь проживало 151495 мусульман. Материалы однодневной городской переписи 7 апреля 1890 года свидетельствуют: в Перми было 692 мусульманина (1,8% от населения города), а по итогам локальной всероссийской переписи 1920 года здесь уже проживало свыше 2300 мусульман (3,3%).

Ощущая потребность в конфессиональном центре, мусульмане собирали денежные средства, обращались с ходатайствами к властям. Среди ходатаев-жертвователей выделялись владельцы торговых домов Агафуровых, Ибатуллиных, Ижболдиных и др. (1)

19 апреля 1900 г. Пермская городская дума вынесла постановление о разрешении постройки на углу улиц Осинской и Монастырской каменного здания соборной мечети (Монастырская, 67). Возводилась она по проекту известного здешнего архитектора А. Ожегова (кстати, создателя нескольких православных храмов). При этом учитывались приемы традиционной магометанской архитектуры, аналогичный опыт Казани и Нижнего Новгорода. Весной 1902 года постройка в целом была завершена. Вероятно, спешка обусловила поверхностное исследование состояния грунта, что позже даст о себе знать.

Мечеть представляет собой эклектическую и, одновременно, гармоничную композицию с выверенными пропорциями. Прямоугольное сооружение срезано по ул. Осинской. *Михраб* (ниша) ориентирован на юго-запад, в сторону Мекки. Над его юго-западной частью возвышается купол в стиле русского классицизма. Над входом, с северо-восточной стороны, помещен восьмигранный минарет, завершённый вытянутым луковичным куполом, венчаемым «яблоком» и шпилем с полумесяцем. По бокам минарет окружен тремя стилизованными башенками с купольными завершениями. Упомяну также ромбовидную аркатуру карнизов, рустовку фасадов, круглые, подковообразные и стрельчатые окна, порталы входов. В интерьере обращают на себя внимание стрельчатые арки антресолей, капители колонн, обилие лепных декоративно-отделочных элементов, росписей-изречений из Корана.

Многие десятилетия мечеть являлась одной из архитектурных доминант города. Интересна её органичная привязка к сетке окружающих кварталов. Ныне, увы, она «задавлена» соседними высотками,

в том числе, деловым центром «Серго», элитным жилым комплексом. Перспектива открывается лишь в направлении Камы и то неестественно-зауженная.

26 сентября 1903 г. состоялось освящение мечети. В штат, кроме муллы, вошли ахун Н. Хайразманов, муэдзин М. Тухметов, с минарета созывавший на молитву, *назир* (одновременно хозяйственник и наблюдатель за порядком) З. Ибатуллин, сторож Г. Мухаматшин.

В первые годы Советской власти имело место если не сотрудничество с нею, то относительно мирное сосуществование. Деятельность исламского духовенства и верующих была менее скована, чем это наблюдалось в других конфессиях. Ситуация резко изменилась с конца 1920-х гг. Вопрос о закрытии мечети впервые был поставлен президиумом Пермского горсовета 24 апреля 1930 г. Однако тогда это решение было обжаловано прихожанами во ВЦИК СССР. Мечеть ликвидировали как религиозное учреждение постановлением вышеуказанного органа от 11 сентября 1935 г. При этом значительную долю богослужебных книг, культовых предметов и одеяний верующие унесли с собой. Остальное было конфисковано и затем, «за ненадобностью», утилизировано. Здание закрыли как опасное для пребывания людей вследствие возможности обрушения. Действительно, от неравномерной осадки здания по стенам и куполу змеились широкие трещины.

Дошло до репрессий. Так, осенью 1937 года по обвинению в создании «контрреволюционной националистической и повстанческой организации» был арестован и расстрелян мулла описываемой мечети А. Халитов.

Какое-то время здание использовалось как склад инвентаря. 7 февраля 1940 г. решением горисполкома «за бесхозяйственное содержание со стороны общины верующих» мечеть была изъята и передана под клуб глухонемых, а 4 июня, во исполнение предыдущего решения, – под архив Молотовского обкома ВКП(б). Провели перепланировку (в т.ч., было устроено дополнительное перекрытие на третьем этаже), ремонт, железными штангами укрепили несущие конструкции, заделали щели. Сняли наверх минарета и глав, срубили часть лепки, покрасили настенные изображения, разноцветные витражи заменили обычным стеклом. Провели благоустройство, допустив при этом святотатственное с точки зрения ислама размещение туалетов внутри главного корпуса.

В годы Великой Отечественной войны, наряду с основными фондами, в главном и подсобных помещениях хранили какие-то эвакуированные документы и книги.

Однако религиозная обрядность местных мусульман оставалась на довольно высоком уровне (2). Старожил Перми Самигулла Сунгатуллин рассказывал мне, что, проходя мимо бывшей мечети, «правверные» хоть жестом да выражали почтение.

Интересны также воспоминания, которыми поделился со мной мой старший товарищ, директор Облпартархива В.Г. Светлаков. К примеру, не вдаваясь в морально-идеологические аспекты проблемы, он отмечал плохую приспособленность здания под хранение документации (неудобная планировка, теснота, трудность поддержания температурного режима и др.)

Решением исполнительного комитета Пермского областного совета депутатов трудящихся № 485 от 23.10.1969 г. здание соборной мечети было поставлено на государственную охрану как памятник архитектуры регионального значения.

В январе-апреле 1986 г. произошло поэтапное перемещение архива в новое, специально построенное для него здание по ул. Большевикской, 162. Освободившееся помещение, на основании распоряжения облисполкома № 18 от 14 января 1984 г., после очередного переоборудования и ремонта, занял Пермский областной краеведческий музей. Там предполагалось разместить часть запасников, библиотеку, архивные материалы, кабинеты сотрудников и помещение для исследователей.

С началом «перестройки» развернулось движение мусульманского населения Перми за возвращение здания мечети верующим. Наряду с обращениями во властные инстанции и персонально к Р.М. Горбачёвой (супруге руководителя партии и государства), чем дальше, тем шире применялись митингово-протестные действия. Помню поразившую меня в те дни картину: в прихожей музея размещался парный милицейский пост – с оружием, спецсредствами (пистолеты ПМ, резиновые дубинки, наручники) и овчаркой.

Заполучить здание верующим удалось в 1990 году. 4 апреля 1990 г. распоряжением Облисполкома № 281-р здание мечети было передано «Пермскому религиозному обществу мусульман в безвозмездное пользование с передачей его с баланса областного отдела культуры на баланс Пермского горисполкома» (впоследствии – Городской администрации). С октября в нём возобновились богослужения, а 21 декабря состоялось торжественное открытие.

С тех пор *умма* (община) и её руководство активно проявляют себя в духовной жизни региона, расширяют связи с единоверцами, представителями других конфессий, светскими организациями и сообществами. Лично для меня значимо то, что, будучи военным корреспондентом, я выезжал в «горячие точки» – Чечню, Дагестан, Ка-

бардино-Балкарию, Таджикистан, Афганистан, Югославию, – имея своеобразную охранную грамоту с подписью муфтия Х. Харисова и печатью. Моё взаимопонимание и контакты с исламским духовенством продолжают поныне. Причём, прошу учесть: я не скрываю своего атеистического мировоззрения.

Активно сотрудничают исламские духовенство и общественность с военкоматами, военно-патриотическими и ветеранскими организациями, Фондом мира РФ, СМИ. Автору этих строк неоднократно доводилось участвовать в их совместных мероприятиях. К примеру, в чествовании героев Великой Отечественной войны, днях призывника (Пермь, Краснокамск), выездах в подшефную воинскую часть, дислоцированную под Оренбургом. То же касается благотворительных акций. Причём, помощь оказывается не только мусульманам. Взять хотя бы закупку одежды и игрушек для детских домов.

Периодически проводятся симпозиумы и конференции, в том числе, конференция, посвященная 110-летию мечети, участником которой был и автор этих строк (3).

С марта 2004 г. при мечети стал функционировать филиал Московского исламского университета. Организованы медресе, где бесплатно изучаются основы вероучения, история ислама, арабский язык. Плюс женский клуб «Искренность», культурно-просветительные площадки для подрастающего поколения, различные курсы. Ведётся антинаркотическая пропаганда. Довольно обширна издательская деятельность. Имеется свой сайт и страницы «В контакте». На фасаде установлено электронное табло с «бегущей строкой» – для ретрансляции духовно-нравственных наставлений. К мечети примыкают торговые павильоны: «Исламские товары», «Халляль от Флюры-ханум».

Сравнительно новое явление – приток в мечеть молодёжи, включая студенческую. Сужу об этом не только и не столько как сторонний наблюдатель: активно проявляют себя там некоторые мои студенты из Пермских филиалов Российской Академии народного хозяйства и государственной службы и Российского Университета дружбы народов. Всё больше становится новообращённых славян.

Не минули *умму* проблемы. К примеру, ни для кого не секрет, что имеет место раскол, ожесточённое, доходящее до ксенофобии, обвинений в ваххабизме, противостояние. В подробности этого мне вдаваться не хотелось бы. Остаётся только надеяться, что, в конце концов, возобладает стремление к конструктивному диалогу.

Нынешнее отношение к *умме* властей и правоохранительных органов нельзя назвать однозначным. Достаточно вспомнить задержания и «филтрации», неоднократно проводимые после пятнич-

ных молитв (вплоть до применения ОМОНа). Настороженность объясняется концентрацией вокруг соборной мечети мигрантов, стремлением зарубежных исламских кругов (особенно из Саудовской Аравии) распространить на Россию своё влияние. Однако постепенно взаимоотношения становятся более доброжелательными и доверительными.

Чем дальше, тем острее встает проблема физического состояния здания. 111 прошедших лет отложились на нём в виде разрушающейся кирпичной кладки, прогнивших перекрытий и оконных рам. Конечно, для исправления положения многое делается, включая возведение пристроя из красного кирпича – в том же стиле, что и основное здание, с художественно исполненными коваными решётчатыми воротами. Назрели комплексная реставрация и капитальный ремонт, обновление запредельно обветшавших коммуникаций. А для этого требуются немалые средства.

Количество мусульман в краевом центре растёт. Председатель Духовного управления мусульман Пермского края (Пермский мухтасибат) И. Бибарсов свидетельствует: «Мечети, рассчитанной примерно на тысячу человек, не хватает. Иногда, когда на намаз собирается слишком много людей, мы выносим поддоны на улицу, и люди молятся там. До 70 процентов – приезжие, они более набожные».

Посему, ставится вопрос о строительстве минимум двух новых мечетей. Уже имеются конкретные адреса и проекты: у Центрального рынка (Крылова, 37в) и в микрорайоне Крохалева (Яблочкова, 13). Реакция населения на это разнится. В СМИ преобладает негатив. В подтверждение приведу выдержку из материала информагентства «URA.Ru» от 21 июля 2014 г.: «Пермь готовится к существенным переменам в настроениях граждан и облика центра города, который они населяют. Этот момент наступит не скоро, но он неизбежен: столица Прикамья растёт исключительно за счет мигрантов-мусульман. Часть из них уже живут анклавами и общинами, как правило, с религиозным лидером в центре. Представители исламского мира уже собирают деньги, дело за решением светских властей. Последние, сохраняя верность толерантности, готовы на все. От граждан же и их мнения ... зависит немного».

Какова же позиция общественных деятелей? Бывший депутат, ныне лидер общественного движения «Выбор» К. Окунев считает, что строительство мечети рядом с рынком превратит соседние кварталы в место компактного проживания мигрантов. «Китайские гетто в США или турецкие в Германии – это большая известная проблема. Возможность появления гетто по соседству с мечетью – первый аспект, на который необходимо обратить внимание при выдаче

разрешения на строительства. Разрешая строительство культового сооружения в месте массового скопления и проживания верующих, власти лишь самостоятельно спровоцируют там появление гетто», – подчёркивает политик. Есть и более радикальная позиция, занимаемая журналистом и правозащитником Р. Юшковым, утверждающим: район возле рынка и так давно превратился в своего рода этно-конфессиональное гетто.

Член комиссии по землепользованию и застройке при Пермской городской думе Д. Галицкий считает: «В районе центрального рынка жилье довольно дорогое. То же самое касается микрорайона Кроха-лева. «Скорее, гетто могут появиться на территориях садовых кооперативов в черте города. Там можно купить земельный участок за 300 тысяч рублей, еще за 200 тысяч построить хижину из подручных материалов. Мы уже наблюдаем это. В связи с этим строительство мечетей в центре города – скорее удачное решение» (4).

А вот мнение должностного лица. Начальник управления общественных отношений Пермской городской думы С. Боталов: «Сейчас намазы совершаются в специализированном помещении на рынке. Это приемлемо, но в мечети молиться было бы удобнее».

Соборная мечеть Перми – не просто религиозно-культурный, и историко-культурологический артефакт. Её судьба отражает перипетии пути, пройденного пермяками, сегодняшние противоречивые реалии, надежды на сохранение лучшего в нашем наследии.

1. Михалева А.В. Мусульманская община Перми и Пермской губернии до 1917 года // Религия в истории города Перми (до 1917 г.): материалы ист. слушаний, посвящённых 280-летию города. – Пермь, 2003. – С. 25-27.

2. Михалева А.В. Мусульмане Пермской области в 1920—1950-е годы // Политический альманах Прикамья. – Пермь, 2002. – Вып. 2. – С. 166-174.

3. Константинов А.А. Ислам и военно-патриотическое воспитание молодёжи Прикамья // Молодёжь и религия: материалы науч. конф., посвящ. юбилею соборной мечети города Перми. – Пермь, 2013. – С. 40-41.

4. <http://ura.ru/content/perm/21-07-2014/articles/1036262555.html>.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСКУССТВЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ

В.М. Ширинкин

УГЛОВОЙ ДОМ АРКАДИЯ ГАЙДАРА

Уже на первой конференции «Пермский дом в истории и культуры края» (декабрь 2008 г.) ее участники, специалисты-филологи, обратили внимание, насколько широко, плодотворно используются темы и образы дома в мемуарной и художественной литературе. Действительно, в наше время даже мало-мальски начитанный человек сразу назовет чеховский «Дом с мезонином», трифоновский «Дом на набережной», «Холодный дом» Ч. Диккенса и другие книги. Что уж говорить о профессионалах – литературных критиках, ученых, раскрывающих для непосвященных скрытые, порой неожиданные смыслы произведений литературы.

Ранее, в материалах предыдущих конференций, были опубликованы мои статьи о двух гайдаровских домах в Перми: на Сибирской, 8, где с 20-х годов прошлого века размещалась редакция «Звезды» – первой газеты, в которой началась журналистская работа Гайдара; и на Екатерининской, 71 (ныне музыкальный колледж). С последним связана история написания его фельетона «Альбомные стихи», знакомство с будущей женой Лией Соломянской и другие события творческой и личной жизни начинавшего в Перми журналиста, будущего известного детского писателя Аркадия Голикова-Гайдара.

Теперь пришло время рассказать еще об одном пермском доме, «построенном» уже самим Аркадием Гайдаром в первые недели его жизни в Перми осенью 1925 года. Правда, этот дом не имеет конкретного почтового адреса, хотя поставлен он был на перекрестке, был угловым. Этот вымышленный угловой дом – плод писательского вдохновения молодого автора – стал со временем весьма заметным в его творческой биографии. Речь идет о рассказе «Угловой дом» – первом литературном произведении Аркадия Голикова в пермской поре его жизни и первом, подписанным ныне широко известным псевдонимом – Гайдар. И поэтому вполне объяснимо, почему Б.Н. Назаровский, кол-

лега Гайдара, один из «редакционных ребят» «Звезды» того времени, через сорок лет после публикации рассказа, детально обследовал этот «дом» в своей книге «Аркадий Гайдар на Урале», стал первым критиком, высоко оценившим эту небольшую новеллу, послужившую заявкой нового, неизвестного пермякам автора называться журналистом, литератором. Он считал, что этот рассказ, напечатанный в праздничном номере «Звезды» 7 ноября 1925 года, был естественным откликом Гайдара на событие дня – годовщину Октябрьской революции. В своем литературном творчестве Гайдар находился под влиянием воспоминаний о своем участии в революционном движении и гражданской войне. Тема борьбы «за светлое царство социализма» была близка ему, определяла его жизненную позицию. Назаровский отмечает, прежде всего, языковое мастерство молодого журналиста: он умело передает эпизод гражданской войны, стремительность быстротекущего боя с юнкерами небольшой группы красногвардейцев, искренне сочувствует им, убедительно передает остроту момента. И тут Назаровский подмечает «ученическую» ошибку молодого автора – неуместное замечание, сбивающее темп рассказа о том, что в «Звезде» всего шесть колонок, и потому обо всем не расскажешь.

Интересна не только издательская история этого рассказа, но и оценка его критиками в разное историческое время, прочтение в киноискусстве и т.д. Возникновение его замысла составители сборника «Жизнь и творчество А.П. Гайдара»¹ относят к осени 1925 года, когда некоторое время Аркадий Голиков жил в Ленинграде, где были изданы его повесть «В дни поражений и побед» и рассказ «РВС». Возможно, что в Пермь он привез рукопись «Углого дома», которую лишь дописывал, отделявал, живя в редакционном общежитии «Звезды» на улице Луначарского, 42. Единственная женщина в мужском коллективе редакции того времени Галина Плеско вспоминала в 1964 году², как он зачитывал ей отдельные абзацы рассказа, выверяя написанное по ее реакции. Галина работала в отделе рабочей жизни, Голиков на правах нештатного автора был под ее опекой. Главную героиню рассказа он назвал ее именем. Эта манера Аркадия Петровича называть своих литературных героев именами друзей и близких прослеживалась и далее в его творчестве.

Вскоре в Москве вышел сборник гайдаровских рассказов под названием «Угловой дом», который Назаровский датирует 1927, а Александр Никитин, составивший в 1983 году сборник уральских повестей и рассказов А.П. Гайдара, – 1931 годом³. Перепроверка в генеральном каталоге «Горьковки» и в Интернете не разрешила этой библиографической загадки, пока краевед, архивист Н.Н. Куликова не подтвердила правоту Назаровского сведениями из своей личной библиотеки⁴.

Надо отметить, что этот рассказ публиковался довольно редко. В СССР и в нынешней России до недавних пор не существовало законов о защите детей от нежелательной информации, но и составители из «Детиздата» избегали включать его в многотомники Гайдара. Видимо, по психолого-педагогическим соображениям: смертей в нем только чуть меньше, чем в шекспировском «Гамлете».

Мне удалось впервые прочитать «Угловой дом» в 1965 году, когда вышел сборник «История о неуловимом билете»⁵. На мой взгляд, рассказ объективно отражал жестокие реалии гражданской войны в России: взаимную ненависть противостоящих сторон, кровавое насилие.

22 января 1969 года на вечере в Доме журналиста, посвященном 65-летию А.П. Гайдара, был представлен короткометражный фильм «Аллур, два креста» (режиссер Л.М. Кощеников, оператор С.В. Сыпневский)⁶. В основе сценария, созданного Б.Н. Назаровским и С.М. Гинцем, были ранние рассказы Гайдара «Угловой дом», «Пути-дороги», «Начальник уголовного розыска» и фельетон «Шумел ночной Марсель». По общему мнению, создатели фильма удачно решили сложную задачу: показать объемный творческий портрет молодого Гайдара. В фильме прозвучали гайдаровские тексты, авторские комментарии в кадре самих сценаристов, игровые эпизоды, исполненные актерами и пермскими школьниками. «Угловой дом» почти полностью прозвучал от имени Гайдара в блестящем исполнении артиста Пермского драмтеатра П.С. Вельяминова. Впоследствии талантливый актер работал в Театре-студии киноактера, сыграл, начиная с 1972 года, главные роли в кинофильмах «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов» и других. Школьник Володя Воробей, сыгравший беспризорника из рассказа «Пути-дороги», вскоре исполнил аналогичную роль в художественном фильме «Ташкент – город хлебный» (1968 г.) Ныне он успешно руководит культурным центром имени Солдатова в Перми.

Недавно в каталоге краеведческого отдела «Горьковки» я обнаружил карточку на новый сборник произведений Гайдара 2012 года «Обрез», изданный в Москве⁷. В оглавлении первым значится «Угловой дом». Предвижу, сколько вопросов и мнений вызовет он, да и другие произведения у современного молодого читателя, у ветеранов при новом прочтении через годы известных страниц Гайдара. Сужу об этом не умозрительно. Года два назад я скачал из Интернета стенограмму публичной лекции «СССР – страна, которую придумал Гайдар», прочитанную в Москве Дмитрием Быковым. Нынче (июнь 2014 г.) она включена в сборник «Перечитывая Гайдара сегодня. Десять лет спустя»⁸. Совсем под иным углом зрения, нежели

Назаровский, рассматривает «Угловой дом» новый гайдаровед, известный поэт, романист, теле-радио-журналист, «многостаночник», как назвал его В. Войнович.

Хотя Дмитрий Быков сразу заявляет в лекции, что равных Гайдару стилистов не было в русской прозе 30-х годов прошлого века, в оценке рассказа ему не до стилистовых особенностей. «И когда мы читаем первый рассказ Гайдара, напечатанный, когда ему было 18 лет (на самом деле почти 22 – В.Ш.), – сообщает Быков, – ... мы в ужасе понимаем, что ... этот мальчик никогда не станет писателем, потому что это чудовищно бездарно». Ужасает лектора содержание рассказа: шестеро красногвардейцев вламываются в угловой частный дом на перекрестке и почти три часа удерживают его в бою с юнкерами. Они убили дочь хозяина дома, отчаянно отстреливаясь от нападавших, трое погибли сами. Жестокость, кровь, смерть... И это связывается в ходе лекции с мировоззрением автора, которое, по мнению Быкова, формировалось всецело под влиянием приключенческой литературы и классики.

И вот основной вывод: «...Этот ребенок, попав на гражданскую войну, стал реализовывать в ней свои майн-ридовские, фенимор-куперовские, густав-эмарские представления. Когда он воевал, он искренне полагал, что попал в приключенческую литературу. Человеческая жизнь для него не стоила ломаного гроша».

На мой взгляд, эти утверждения, мягко говоря, не совпадают с реальностью, умозрительны, односторонни и бездоказательны. Кажется не случайным, что в пространной лекции ни разу не упоминается гайдаровская «Школа» – бесспорно автобиографическая вещь, из которой ясно видно, в каких реальных обстоятельствах зрели характер, политические взгляды Б. Горикова – А. Голикова. И, видимо, готовясь к лекции, Быков не знал о том, что давно известны письма подростка Аркаши Голикова отцу за 1917—1923 годы, опубликованные журналом «Смена»⁹. Из этих источников литературоведу Быкову стало бы ясно, какие представления о войнах вообще, и о гражданской, в частности, имел подросток, взявший в руки боевое оружие в 14-летнем возрасте, а в 17 лет – командовавший настоящим полком. Предположение Быкова о чудовищных злодеяниях Гайдара на гражданской войне и прямые, радикальные суждения о его произведениях, вроде: «нежнейшая детская проза «Голубая чашка», «Чук и Гек» – это рассказы убийцы; «Тимур и его команда» – самая неудачная вещь, отдает подростковыми писаниями в школьных тетрадках: все, что делает Тимур, «ужасно глупо»; и т.д., и т.п., – не добавляет, думаю, ему славы проницательно-го исследователя литературы. Подобные оценки и с научной, и с этической точек зрения вряд ли можно считать корректными.

Для пермской читающей публики странными и, выражаясь быковским сленгом, «чудовищно» нелепыми оказались его рассуждения о том, что все же после «Углового дома» Гайдар в 1927 году, работая журналистом, написал некий неожиданный цикл «Бочка», в котором он якобы стал по-настоящему проявляться как «взрослый» писатель.

С первых слов пересказа «Бочки» в изложении Быкова мне стало ясно, что речь идет о малоизвестном рассказе Гайдара «Пути-дороги», но с изрядной долей вымысла. Гайдар, якобы, будучи журналистом, отдыхал в Пятигорске в 1927 году, решил пройти пешком по Восточной Украине, в пути пас отару овец, встретился с геологами и т.д. На самом деле Голиков лечился в Гаграх, и было это в 1924 году. Тогда он был еще безработным, комполка, уволенным по болезни. В пути заночевал однажды в шалаше у сторожа бахчи, овец не видел, встретился потом с двумя беспризорниками и с ними вел интересные разговоры. А о геологах упоминает только в повести «Дальние страны», которую закончил в 1931 году...

Нашел я и автора настоящей «Бочки». Им оказался Вениамин Зильбер, один из питерских «серапионовых братьев», ставший впоследствии известным писателем Вениамином Кавериним, автором «Двух капитанов». Максим Горький заметил в середине 1920-х годов его «Бочку», и в письме из Сорренто К. Федину оценил ее как совершенно несделанную вещь¹⁰.

Вот что значит катить чужую бочку не по адресу. Кстати, К. Федин, знавший молодого еще, «допермского» Голикова (Гайдара), в письме Б.Н. Назаровскому, отмечая «не вымышленность» его книги о Гайдаре, справедливо заметил: «... история прихотливой жизни Гайдара соблазняет лично не знавших его писать турысы на колесах...»¹¹.

Ни в коей мере не посягая на право Дм. Быкова иметь свое, особое, мнение, все же выскажу пожелание, чтобы новое поколение гайдароведов не утрачивало в своих поисках конкретно-исторического подхода к жизнеописанию и изучению творчества А. Гайдара, понимая, что в эпохи перемен – войн и революций – объективно деформируется мораль, меняются нравственные ориентиры людей, падает ценность человеческой жизни, своей и чужой. Об этом вопиют жертвы политических репрессий «цветных» революций, арабских весен с их средневековой жестокостью, майданов и других коллизий последнего времени.

Рассказ «Угловой дом» и другие произведения Гайдара о гражданской войне пусть остаются для россиян литературными памятниками крупнейшей социальной бури XX века, 100-летие которой неотвратимо приближается.

А классику, фантастику и приключенческую литературу пусть всегда читают наши дети. Она не имеет никакого отношения к возвращению зла в человеческих душах.

1. Жизнь и творчество Гайдара. – М.: Дет. лит., 1964. – С. 430.
2. Наш товарищ Гайдар // Звезда, Пермь. – 1964. – 22 янв.
3. Гайдар А.П. Уральские рассказы и повести / вступ. ст., коммент., сост. и подгот. текста А. Никитина. – Пермь: Кн. изд-во, 1983. – С. 261.
4. Гайдар А.П. Собр. соч.: в 4-х т. – Т. 4. – М.: Дет. лит., 1973. – С. 574.
5. Гайдар А.П. История о неуловимом билете. – М.: Молодая гвардия, 1965. – С. 13.
6. Антонов А. Порыв бойца: [о премьерe фильма Пермской телестудии] // Звезда, Пермь. – 1969. – 28 янв.
7. Гайдар А.П. Обрез. – М.: Ad Marginem и др., 2012.
8. Перечитывая Гайдара сегодня: Десять лет спустя: [сб. статей] / Центр. гор. дет. б-ка им. А.П. Гайдара. – М., 2014. – С. 88-112.
9. Письма Гайдара // Смена. – 1970. – Май. – С. 30-31.
10. Федин К. Горький среди нас. – М.: Советский писатель, 1977. – С. 238.
11. ПермГАНИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 81.

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

Я родился в Перми 26 декабря 1947 г. в семье Алексея Ивановича Баландина (1918—1959), работника Пермской электростанции № 1, фронтовика-танкиста. Мама, Валентина Евлампиевна (1914—1989), до 1959 г. была домохозяйкой, а затем работала в Госбанке кассиром. В 1966 г. я окончил 11 классов средней школы № 10, а в 1967 г. пришел в Областной краеведческий музей, где работал хранителем коллекции металла и оружия.

Как-то в 1987 г. пришлось мне, будучи ко всему прочему хранителем и документального фонда, подбирать материалы для очередной выставки. Просматривая фонд династии пермских врачей Бажановых, я увидел большущую амбарную книгу. Полистал её и заинтересовался. Страницы книги были исписаны четким, понятным почерком – вся история рода Бажановых вплоть до мелких подробностей быта: как жили, что ели, с кем общались, как развлекались и работали. Туда же были вклеены и любительские фотографии. Я подумал: память каждого человека хранит столько мельчайших подробностей, примет времени, а это всегда так интересно знать, особенно нам – музейщикам. Почему бы и мне не попробовать описать свою жизнь и окружавших меня людей? Тут, правда, закрался червячок сомнения: кто ты такой, чтобы писать о себе? Как тогда говорили – простой советский человек: не ветеран войны, не герой труда, не космонавт. Но я знаю, какие материалы оседают в наших запасниках. Среди всех этих бумажных свидетельств трудовой и боевой славы есть биографии и даже воспоминания, а подробных, содержательных среди них – единицы. Вскоре мне попала книга М. Чудаковой «Беседы об архивах», где прямо говорится, что у многих людей в сорок лет возникает непреодолимое желание описать свою жизнь. Так что оправдание себе я нашел. Сначала писал на черновых листах. Потом, выбрав из семейного архива самые показательные фотографии, снятые когда-то моим отцом, врезал их в большой линованный ежедневник, а пространство между ними исписал мелким почерком. Я постарался вспомнить самые яркие впечатления детства на фоне жизни страны середины XX века.

НАШ ДОМ

1954 год. Летнее утро буднего дня. Мне шесть лет. Я лежу в кровати, лениво пробуждаясь, прислушиваюсь к знакомым звукам родного города. Шумит, раскатываясь до самого горизонта, далекий таинственно-непонятный «Сталинский завод». Совсем недалеко что-то ухает,

лязгает и гудит – это работает на берегу речки Пермьки отдельный цех завода «Старый Бурлак». Его трубы и ветхие корпуса видны из нашего углового окна на втором этаже восьмиквартирного дома, где мы живем уже пять лет (ул. Орджоникидзе, 177). За крышами сараев и маленьких домишек видны вдали новостройки, башенный кран над пятиэтажным домом, прозванным в народе «воротами города» за высокую арку, смотрящую в сторону привокзальной площади. А на самом горизонте, как игрушечные, дома новых районов Балатово и Плоского. Вот прогремел товарняк по железному мосту Горнозаводской линии. Вскрикивают маневровые паровозы на станции Пермь II. Басит на Каме пароход, плывущий из Астрахани. В открытое окно заглядывает солнышко, приятно дует ласковый ветерок, словно зовет: вставай, друзья-товарищи ждут «бегать», то есть гулять. Ждут «поляна», речка и другие интересные места в районе пересечения улиц Орджоникидзе и Дальней (ныне ул. Хохрякова).

Папа давно на работе. Мама тоже нет – она ушла на рынок «на Заимке». Я не встаю: люблю поваляться в постели, помечтать, подумать. Ведь я «домашний» – в детсад не хожу, режима для меня не существует. Разглядываю привычную обстановку, высокий потолок нашей пятнадцатиметровой квадратной комнаты. Кажется, что уютнее ее нет места больше нигде. Передо мной большое окно с широким деревянным подоконником. Когда делали ремонт, папа дал мне покрасить его настоящей кистью. На подоконнике блестит никелем пузатый электрокофейник – свадебный подарок маме с папой от дяди Сережи. Под окном сундук (простой деревянный ящик с откидной крышкой). На него в Новый год ставят елку, а сейчас там стоит мамина швейная машинка в полукруглом коричневом футляре из полированного дерева.

В дальнем углу на треугольном столике, покрытом кружевной салфеткой, стоит черная настольная лампа с абажуром, похожим на автомобильную фару, и небольшой приемник марки «Рекорд», любимое папино увлечение после фотоаппарата. Справа на уголке примостились пластмассовая черная пепельница, спички и коробка «Беломора» – папиных папирос. Тут же на стене висит в застекленной рамке фотография, на которой папа такой молодой среди своих братьев и сестер. А под рамкой желтая медная «рука» удерживает пачку всяких пожелтевших записок и рецептов. У другой стены следом за столиком «развалился» клетчатый диван с круглыми валиками по бокам, высокой мягкой спинкой с зеркальцем и длинной полкой, на которой лежат фотоальбомы, книги и стоит зеленый квадратный репродуктор. Сразу вспомнился март прошлого года, когда диктор объявил о смерти И.В. Сталина, и все плакали, а я сидел и ел чернослив. А потом долго гудели

печальными голосами заводы и пароходы. По этому же радио я каждое утро слушаю «Пионерскую зорьку», «Сказку за сказкой», «Угадайку», а вечером – «Театр у микрофона» с его малопонятным «Вишневым садом» и другими спектаклями.

За диваном громадное сооружение темно-бордового цвета – шифоньер. В его узком левом отделении с окошечком сверху стоят тарелки, кружки, стеклянные стаканчики, красивая фаянсовая масленка в виде корзинки с грибами, всякие вазочки и другая посуда. А за широкой дверцей справа висят и пахнут нафталином зимние пальто, плащи и пр. Внизу ящики для белья и обуви. На шифоньере чемоданы, банки с запасами крупы, коробки. Тут же, над дверью в коридор со смешной кривой ручкой, папа устроил полати из нескольких крашенных досок. Там запасной матрац для гостей и другие вещи, прикрытые цветной шторкой. Далее, выступая далеко к середине комнаты, квадратная белая печь. Зимой так приятно прижаться к ее горячему боку и, оттаивая, вдыхать теплый воздух. У чугунной дверки со звездой стоит железная клюка. На полу лежит железный крашенный лист, чтобы выпавшие угольки не зажгли пол. За печкой простая, из тонких стальных прутьев, родительская кровать и коврик с волнистым рисунком на стене. Кровать застелена белым кружевным покрывалом. Между нею и моей кроватью стоит черный лакированный комод с пятью выдвижными ящиками. Он покрыт белым кружевным накомодником, на котором возвышается большое настольное зеркало, стоят синяя пластмассовая коробка с маминым рукоделием, фотографии в рамках, флакончики с одеколоном и духами, гребенки и обязательный атрибут почти каждой семьи – семь гипсовых слоников «на счастье». Над комодом висит вышивка «крестом» маминой работы.

Посреди комнаты, примыкая к моей кровати, стоит большой квадратный обеденный стол, покрытый клеенкой. На нем в глиняном горшке раскидистая зеленая пальма, выросшая из маленькой косточки сладкого финика. Под моей кроватью – царство игрушек: кубики, машинки, большей частью сломанные, линкор, ружье, пистолет, мой любимый пластилин и поделки из него, детальки, найденные на дороге, фантики, плюшевый мишка...

В замке поворачивается ключ, и входит мама с сумкой. Я одеваюсь. Вместе вынимаем покупки: мясо, зелень для супа, алые помидоры (крупные, мясистые, не то, что нынче), сметана, в которой ложка стоит, свежий мед в круглой голубой банке с надписью «XXX лет Октября» – год моего рождения.

Вдыхая аромат всей этой снеди, вспоминаю, как мама брала меня на «Заимку». Рано утром мы выходили из дома через наш маленький дворик с поленницами колотых дров, стоящих у дверей и на крышах

квартирных дровяников, там, где царствовала над двором голубятня нашего соседа по квартире, дяди Сережи Абалмасова. Затем спускались по широкой деревянной лестнице на самом крутом месте нашей горы возле полукаменного двухэтажного дома моего приятеля Ленки Омышева. Дальше проходили по пологой, но изрезанной морщинами высохших ручьев дороге и выходили к высокой насыпи и железнодорожному мосту, под которым ездили на «Красный Октябрь» мятые дребезжащие трамваи № 3, лошади с хлебными фургонами, мои любимые «легковушки» и грузовики «ЗИСы».

За мостом взору открывалась большая площадь со зданием проходных завода им. Дзержинского справа, а также с магазином «Гастроном» и мединститутом – длинным желтым двухэтажным зданием с колоннами у входа (говорили, там режут покойников). Центр площади занимал глубокий овальный овраг, на дне которого, бурля, несла свои грязно-серые и дурно пахнущие воды речка Данилиха, впадавшая в Каму. Как-то весной, во время разлива, туда угодил пьяница, и мы бегали смотреть, как его вытаскивали багром трое перепачканных мазутом полуголых милиционеров при громадном стечении народа. Овраг огибала трамвайная линия. Тут же замусоренная остановка, пустые гипсовые урны и деревянный бело-голубой киоск с закругленным верхом, где продавали мороженое в вафельных стаканчиках – сливочное и фруктовое, а в бумажных кирпичиках – молочное, ценою от 1 рубля до 1 рубля 30 копеек.

Мы выходили на длинную, теряющуюся вдали улицу Дзержинского. Где-то там поселок Красный Октябрь и Камский мост, куда меня давно тянуло. Тротуары узкие. Мощеная булыжником улица застроена старинными одно и двухэтажными полукаменными домиками. Вот больница, куда меня часто водили с простудами. Вот милиция на углу, а вот в этот переулок справа сворачивал папа, когда шел на свою «ТЭЦ-1». Еще немного в гору – вот и длинный забор колхозного рынка нашего Кагановичевского района. Мы входили в ворота: ларьки, лавки, теснящиеся друг к другу, полукрытые лабазы. Молоко в четвертях и флягах разливают алюминиевыми ковшами-кружками дородные продавцы в белых фартуках. Взвешивают творог, уральские и южные фрукты, овощи, зелень. Аромат, разноязыкий говор, ругань, мужики у пивной, бочки, ящики.

Мама не спеша обходит, присматривается. Выбор большой. Я, уже порядком уставший, плетусь за ней. На обратном пути заходили в магазин напротив рынка. На мраморных прилавках лежали колбасы разных сортов, красная икра в маленьких железных баночках; желтый ноздреватый сыр с красной корочкой, громадные кубы сливочного масла: белого – «вологодского», желтого – «соленого», коричневого – «шоколадного». Меня притягивает пирамида из бело-голубых жестяных банок сгущенного молока.

Но вернемся к началу. Пока я вспоминал, мама приготовила завтрак: салат из помидоров со сметаной, котлеты, молоко. Все мигом уплел, мысли уже о воле. Пока мама на кухне греет воду в кастрюльке на электрической с открытой спиралью плитке (в кране вода только холодная), я кладу в карман игрушечный пистолет и выскакиваю в коридор. Сбегаю по деревянным лестницам. Во дворе на распиленных, пахнущих смолой дровах, собрались уже почти все мои знакомые ребята: братья-сорвиголовы Митины (Витька и Сашка с первого этажа), Ленка Омышев – сын столяра из соседнего дома и его сестренка, Толя Апкин – рассудительный парнишка из другого дома по нашей улице и несколько ребят помладше. Все вооружены до зубов и горячо обсуждают предстоящую баталию. Стрелую лечу довооружаться. С помощью двух карандашей, банки из-под леденцов и пластилина превращаю свое ружье в ручной пулемет, который нарисован на обложке книги «Четвертая высота» – ее недавно читала мне мама.

Отряд срывается с места и с гиканьем устремляется через нижний проходной двор на ул. Дальнюю (Хохрякова). Дорожка, усыпанная мелкой галькой, бежит по краю обрыва, заросшего густым репейником, над грядками картошки. Слева забор, деревянные дома, из ворот которых прибывает пополнение. И вот «поляна» – островок зелени, треугольная рощица с круглым холмиком посередине. Густые кусты акации с пикульками, похожими на стручки гороха, колючий шиповник, березки и осины окружают его. Справа, на отшибе, высится несуразный дом-скворечник Валерки-однорукого (как-то он скатился на санках с горы прямо под трамвай). Южная часть поляны обрывается на мощную дорогу с асфальтовыми тротуарами, высокими фонарями и трамвайной линией третьего маршрута. Отряд залег за холмом в кустах южной части. Витька Митин командует, и «шквал огня» заставляет условного противника обратиться в бегство.

Новый клич: «Айда на речку!» И вот мы уже на дне длинного, глубокого оврага. Ноги вязнут во влажной почве, в прохладной травке. Выходим к речке, а вернее, к ручью Пермьянке (с 1973 г. она замурована в трубу). Ширина ее не превышает одного метра, а местами можно и перешагнуть. Хлюпаем по речке прямо в сандалиях – босиком нельзя, может встретиться битое стекло или ржавое железо. Дно песчаное, грязно-серого цвета. Слева, в зарослях, виден деревянный мостик. Он весь в коридоре из зелени. По нему изредка проходят люди на остановку трамвая на улице Ленина.

Вся наша орава бежит к обрыву. Это место крутого песчаного берега на противоположной стороне оврага, под забором филиала завода «Старый Бурлак» и гаража. Обрыв давно изрыт нашими руками и никогда не зарастает травой. В зависимости от нашего желания он пре-

вращается то в шахту, то в карьер, то в гору для прыжков. Сейчас строим плотину у его подножья (как тогда называли – запруду). Бурлит желтая вода, последние горсти – и речка перекрыта, но ненадолго. Вода находит слабину, да и строителям уже надоело. Они прыгают в воду, на запруду, бесятся, кричат, толкаются...

Мокрые, усталые сидим на обрыве, свесив ноги. Ведем тихие разговоры о том, о сём. Вечереет. Подуло прохладой. По дороге потянулся людской поток – это на заводах кончилась смена. Дребезжат переполненные трамваи. Пора и нам, а то будут ругаться, звать на ужин, хлопот не оберёшься, да и есть хочется...

Я снова дома. Уже успел умыться и выслушать мамины упреки по поводу промокших сандалий и порванного в очередной раз стволом пистолета кармана черных сатиновых штанов. Мы вместе ждем папу. Он вот-вот должен придти со своей «ТЭЦ-1» – так называется его работа.

ШКОЛА

Школу я невлюбил, поэтому и тянулся на тройки по всем предметам, кроме своего любимого рисования. Я был домашним ребенком, привыкшим к свободной безрежимной жизни, а тут надо было каждый день вставать в 7 утра, когда еще темно и холодно от остывшей печки, умываться ледяной водой. Часто выходил из дома вместе с папой, расставаясь у лестницы на горе. Долго светился в темноте огонек его папирасы, он смотрел мне вслед. Пройдя три дома по улице Орджоникидзе, я огибал так называемый «дом грузчиков» – единственное в то время в нашей округе 4-х этажное здание с башенкой на углу, где через рупор уличного репродуктора хор пел «Союз нерушимый республик свободных...» Гимн как-то мобилизовал, подтягивал, прогонял сон. По улице Толмачева со всех сторон стекались школьники к высокому 3-х этажному зданию из красного кирпича – железнодорожной школе № 84.

Конечно, были в школе и светлые моменты: перемены, сбор металлолома, экскурсии в зоопарк, утренники во Дворце культуры им. Сталина или в Доме культуры железнодорожников, а иногда и интересные уроки. В общем, приходя домой, я бросал подальше портфель и старался забыть хоть на время, что завтра снова чистописание, где надо выводить буквы по специальным прописям надоевшей длинной деревянной красной ручкой с железным пером № 11, обмакивая его в стеклянную чернильницу-непроливашку, капая кляксы на страницы тонкой тетрадки и на розовую промокашку.

Я достаю свое новое начатое изделие из пластилина – товарный паровоз «ФД» и доделываю мелкие детали: тонкие трубки, поручни, прожектор. Вечером сажусь за уроки. Еще в 1955-м мне купили насто-

ящий письменный стол. Он был оранжевого цвета с тумбочкой и двумя ящиками. Верх оклеен коричневым дерматином в пупырышках. В ящики мама заботливо разложила тетрадки, карандаши и прочие школьные атрибуты, а тумбочку я занял своими ценностями: коробки с детальками, фильмоскоп, сундучок с фантиками, запасной пластилин и пр.

Разложив учебники, маленькие счеты и тетради, вместе с папой разбираем, сколько воды вылилось из одного бассейна в другой и за какое время поезд из пункта «А» дойдет в пункт «Б». Наконец, и это позади. По детскому телефону звоню приятелю Славке Оборину в соседнюю квартиру. Провод телефона мы протянули через чуланы. Слышимость была хорошей. Славка еще делает уроки, так как учится в классе старше. А я уже в коридоре, где с соседскими ребятами Ритой и Сережкой строим на кухне «штаб». В ход пошли две табуретки, лавка. На них легла пара лыж, а еще сверху чьи-то шубы с вешалок. Гасим свет и с карманным фонариком залезаем внутрь, прихватив оружие: ружья, пистолеты, кинжалы. Но доиграть не пришлось. Время спать. Нас разводят по комнатам, штаб разбирают.

НА АЭРОДРОМЕ

Однажды летом 1956 года, когда у папы кончался отпуск, мы решили погулять по городу. На трамвае доехали до улицы Куйбышева, зашли к Лакомкиным (мамины родственники) и взяли с собой дядю Сережу. Папе пришла идея показать мне Пермский аэродром, где я еще не был. Мы снова сели в трамвай и поехали на Горки, так назывался район города за Разгуляем. От речки Егошихи поднимались склоны довольно высоких холмов – Горок, с маленькими домиками наверху. Наш трамвай свернул на крохотную улицу Парковую, мимо проулка, потом прогремел по железному мосту со смешной, перевернутой к шумящей внизу Егошихе решетчатой фермой, и взобрался на гору по извилинам своей железной дороги. Не было тогда ни широкой прямой современной дамбы, ни мичуринских садов, ни планетария и высотных домов. Проехав еще пару остановок, мы вышли и между газонами какого-то сада прошли к прекрасному фонтану круглой формы. Куполом взметнулась вверх стена воды, а ее толстые, упругие струи лились из пастей чугунных львиных мордочек по кольцевому борту этого удивительного сооружения. Налюбовавшись, пошли дальше. Выйдя на улицу, застроенную современными 4-х этажными домами, увидели в одном из них книжный магазин, где купили мне новый учебник для 2-го класса.

Улица оказалась совсем короткой. За нею простиралось до самого горизонта широченное поле с какими-то сооружениями и раздутым ветром длинным полосатым пузырем на высоком шесте, он напоминал колпак клоуна. Папа сказал, что это указатель направления ветра, а

эти сараи с полукруглыми крышами – ангары, гаражи для самолетов. Подойдя поближе, мы стали разглядывать чудо техники – двукрылый аэроплан АН-2 образца 1948 г. Я часто видел такие самолеты, пролетавшие над нашим домом, а тут все можно было даже потрогать с разрешения механика, который находился рядом! Вдруг у рядом стоящего самолета завертелся пропеллер. Вдалеке, завывая моторами, взлетали и садились самолеты. Вереницы пассажиров с котомками и прямоугольными чемоданами, обитыми железными уголками, спешили в разные концы Молотовской области. Дальше эти, как их называли, «фанерные» самолеты, не летали. Заглянув в открытую дверцу пилотной кабины, я увидел множество приборов, кнопок, рукояток, и подумал, как же летчик успеваешь смотреть и на них, и на «дорогу»?

Дома я долго рассказывал маме о своих впечатлениях. Во время обеда она пожаловалась на то, что слишком много из помойки соседнего дома летит мух, и надо бы затянуть окно марлей. Папа согласился и, усмехнувшись, взял лежащий на окне мой большой детский пистолет, отштампованный в форме настоящего «ТТ». Он зарядил его палочкой с резиновой присоской, прицелился в муху, сидевшую на двери метров в четырех от нас. Хлопок – и муха готова. Мы с мамой восхищенно смотрели на бывшего фронтового офицера.

К БАБУСЕ

Конец лета 1957 года. Мне девять лет. Воскресенье. У папы выходной, и мы сегодня идем к Баландиным, то есть, в дом его мамы, а моей бабуся. Пока готовится завтрак, я успеваю сбежать к нашим соседям по квартире, тоже работающим с папой на ТЭЦ-1. Дядя Сережа Абалмасов крутит пластинки на своем старом довоенном радиоприемнике. Это громоздкий деревянный ящик со светящейся зеленой лампочкой спереди. Верхняя крышка откинута, там под головкой крутится очередной черный диск, и в открытое окно разносится то «Выходила на берег Катюша», то «Шумит, шумит высокая пшеница», то «Грустные ивы» в исполнении известного тогда певца Бунчикова. Эта песня была любимой у папы, она напоминала о начале войны.

После завтрака мы втроем выходим в подъезд и спускаемся по деревянной скрипучей лестнице на первый этаж. Зимой он превращался в зрительный зал: вся детвора из окрестных домов, да и многие взрослые приходили сюда по воскресеньям посмотреть диафильмы, которые показывал папа через привезенный из Свердловска фильмоскоп. Телевизоры в Перми стали появляться только в конце 1957 г. Диафильмы были черно-белые и цветные, совсем короткие и двухсерийные. Некоторые были просмотрены неоднократно, но всякий раз мы переживали за героев – братьев Игнатовых, смеялись над проделками Ива-

нушки-дурачка, восхищались мужеством матросов «Потёмкина». Иногда ребята, заискивая передо мной, просили: «Ты не пускай Кольку сегодня, он со мной подрался...»

Идем втроем по проулку между нашим домом и забором усадьбы Апкиных. Во время дождя здесь разливается огромная лужа, и мы скачем по ней, мокрые с головы до ног. Вот и улица Орджоникидзе. Здесь стоит столб, обмотанный толстой проволокой, о которую мы закруглем, обтачиваем кусочки стекла для карманных фонариков. Вот пригорок, где весной делаем «обманы» – ямки с водой, прикрытые щепками и присыпанные землей. Людей мимо нашего дома идет много, и кто-нибудь обязательно провалится... Ругань, угрозы, а мы наблюдаем из-за угла, готовые сорваться с места.

Проходим по улице мимо водоразборной колонки, дома грузчиков, и сворачиваем на улицу Толмачёва, застроенную одно- и двухэтажными деревянными домиками, в калитках которых мелькнет иногда лицо какого-нибудь одноклассника. Я с гордостью иду рядом с папой: пусть все видят, какой он у меня большой и сильный. Мы спускаемся на главную улицу города, имени В.И. Ленина. На ней построено несколько красивых 4-х этажных домов железнодорожников. Тротуары асфальтированы, обсажены деревьями, перед домами разбиты клумбы, кусты, красивые заборчики с цветочными чашами по углам. Тут интенсивное транспортное движение, а посередине ходят трамваи. Перейдя трамвайную линию, поднимаемся в гору уже по улице Плеханова, мимо старинных каменных зданий 2-й клинической больницы. Здесь папа часто лежит, когда у него начинают болеть фронтовые раны. Тогда мы с мамой навещаем его и разговариваем через окно первого этажа.

Мы вышли на гору и двинулись по улице Пушкина влево, в сторону нового Колхозного рынка, который был открыт в 1957 году, мимо деревянных длинных странных домов с одним коридором для всех (бараков) и просто домиков, утопающих в садах. Вся застройка была только на левой стороне, справа же, за уродливым забором открывалась взору долина так называемой Новой деревни – домики, огороды, извилины речки Данилихи. Но все это под горой и кажется маленьким, игрушечным.

День теплый, во дворах и на тихой травянистой улице, по которой не ходят машины, много людей, вышедших посудачить, поиграть в карты и домино. Кое-где пилят дрова длинной ручной пилой на «козлах». Играют дети, бегают собаки. Но вот мы подошли к улице Шадринской (ныне ул. Борчанинова). Это – папины родные места. В двух кварталах ниже из-за листвы видна острая башня необычного здания из красного кирпича. Это хлебозавод. Когда проходишь мимо него, в окнах полуподвала можно увидеть, как усталые женщины в белых (и

не очень-то белых) халатах лепят из теста баранки. У здания деревянный пристрой. Если поднимешься по его скрипучей лестнице, то попадешь в маленькую лавочку, где торговали горячим хлебом и тающими во рту «ромовыми бабами». И за квартал чувствовался чудный запах свежего хлеба! Папа говорил, что раньше это здание было церковью. До войны они жили рядом, за поповским домом. Папина старшая сестра Маша вспоминала, что 1 июля 1919 года, когда Пермь освобождали красные, детей со всего квартала спрятали в крепком сарае во дворе их дома, и чтобы не было скучно, дали бочонок красной икры, которую они ели деревянными ложками. А опасаться было чего. Во время штурма города возле церкви разорвался снаряд.

Мы прошли улицу Шадринскую и через два домика от угла, напротив нового рынка, уже видны покосившиеся ворота дома по адресу: ул. Пушкина, 93. У калитки нас ждут. Это бабушка Елизавета Александровна с внучатами. Прошли в калитку, и после пыльной улицы словно очутились в другом мире, в пышном зеленом оазисе. Слева, вдоль забора, идет к дому неширокая тропинка. Справа – картофельные грядки и стена соседского домика. Вот и дом бабуси. Он окружен высокими деревьями и кустарниками. На всю жизнь запомнил я их шелест. Возле бревенчатого угла вросла в землю большая замшелая бочка с застойной водой, в которой мы иногда полоскали вырванную с грядки морковь. К ней склонились ветви липы, листья которой так приятно было иногда пожевать.

Дом казался мне большим: был сложен из бревен и смотрел на две стороны шестью окнами. Еще несколько шагов, и видны двор, крыльцо, покатая крыша голбца (погребца), столик в кустах красной смородины, яблоня, которую посадил папа, поленница дров. Приветственным лаем встречает нас собака Трошка. Гремя цепью, она бежит от голбца до угла мимо качелей, где была ее конура. Качели представляли собой длинную доску на толстых веревках, перекинутых через ветви большого дерева, растущего под кухонным окном. Возле дощатых сеней стоят хозяева дома.

Меня сразу уводят в огород к песочнику, рядом с помойкой, на деревянном корпусе которой были расставлены игрушки, ржавые банки, формочки и другие нужные вещи. Мы начинаем играть.

Взрослая компания развлекалась по-своему, и вообще-то всегда однообразно. Сначала, пока многочисленные кушанья ставились на стол, шли обычные разговоры о погоде, новостях, болезнях и политике. Затем все усаживались, ели и пили (выбор вин был большим). Но чудный квас в этом доме не иссякал никогда. Пели, танцевали, шутили. После чая обязательно следовала игра в карты, иногда в лото. Тогда из комнаты доносились возгласы: у меня «квартира» или «барбан-

ные палочки». Выходили перекурить и дохнуть свежего воздуха. Папа настраивал свой фотоаппарат «Зоркий». Когда шел дождь, все выходило на террасу, занимавшую юго-восточную часть дома, и под ее крышей устраивались танцы под патефон. «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня», – пела пластинка.

Дети не участвовали в этих забавах, забегали в комнату, чтобы спрятаться, играя «в прятки», или когда нас кормили на кухне (обычно из одной большой чашки салатом из помидоров). Если во дворе было прохладно или сыро, мы забирались в чулан в сенях и, сидя на громадном, застланном как постель сундуке, рассказывали всякие истории.

Воскресенье подходило к концу. Бабушка и тетя Маша рассказывали всем гостинцы: куски рыбного и мясного пирога, пирожки с луком и яйцами, дольки сладкого пирога из молотой черемухи; хрустящий, обсыпанный сахарной пудрой «хворост», слоеный, смазанный сгущенкой «Стёпка-растрёпка». Все это имело вкус незабываемый!

ПРАЗДНИК 7 НОЯБРЯ

1957 год, 7 Ноября, праздник. 40-летие Октябрьской Социалистической революции. С утра приподнятое настроение: папа обещал взять меня на демонстрацию! Наконец, отправились. Со всех дворов сбегались ребята, шли нарядно одетые взрослые, поздравляя друг друга.

Мы дошли до Пермэнерго – папиного управления. Оно размещалось тогда на углу улиц Большевиксткой и Куйбышева, наискосок от бывшего магазина «Детский мир». Здесь уже собралось много работников электростанций и других служб этой отрасли. Начинается построение колонны. Подъезжают украшенные машины. Папе приходит идея прокатить меня на машине. Мне не хочется, но неудобно капризничать перед знакомыми ребятами. И вот мы уже едем в кузове грузовика с лозунгами на бортах и гирляндами флажков, натянутых между стоящими по углам елками. С трибуны, что стоит на улице Куйбышева (между улицами Коммунистической и Советской) в рупор кричат лозунги. Нестройное «ура!» взвывается над лесом флагов, бумажных цветов, шариков, портретов прямо к возвышающейся над всеми скульптуре Сталина. Летят белые «голуби мира». Машина, фырча, влезает на гору, цепляясь шинами за брусчатку мостовой, и сворачивает на ул. Орджоникидзе. Родители снимают детей с кузова и расходятся, кто домой, кто в гости.

Мы идем к бабе Оле. Спускаемся по улице Осинской мимо здания бывшей мечети и окольными путями (центральные улицы во время демонстрации перекрыты машинами и милицией) проскальзываем на улицу Ленина, к дому № 70. Сейчас на этом месте – правая часть новой гостиницы «Урал». А тогда это был двухэтажный белый камен-

ный домишко, построенный «при царе Горохе». Входим во двор, где находятся еще три таких же развалюхи, а между ними окно гаража и характерный для многих зданий города кирпичный с овальным верхом вход на чердак. Мы сворачиваем вправо за угол и идем мимо окон полуподвала, находящихся почти вровень с землей. Это и есть жилище Лакомкиных. Открываем деревянную с вырезанным для кошек уголком дверь и входим в темные сени. Перед нами еще одна дверь, тяжелая, обитая рваной кошмой. Дядя Сережа говорил, что за этой обивкой были найдены старыми хозяевами бумажные царские деньги. Входим в кухню, она довольно большая, в форме буквы «Г». В ней священнодействует баба Оля, приготавливая вкуснейшую стряпню. Справа у окна стоит большой стол, на котором пытит зеленый керогаз. Он похож на железную табуреточку, под которой устроена горелка, а бачок для керосина вынесен справа на кронштейне. Напротив – зев большой русской печки, а против входной двери, по бокам, стоят два громадных сундука, застланные половиками. С правого сундука прыгивает пес Бобик – пушистая дворняга с белыми пятнышками над бровями. С ним можно было лечь рядом на сундуке, гладить и разговаривать. В большой нише печи торчат валенки, матрацы и другой домашний скарб. У стены за сундуками смешная полукруглая раковина с краном без воды, между стеной и печью уборная, в которой жарко, как в пекле. Это единственное теплое место в квартире. В кухне всегда полумрак, так как света от одной лампочки не хватает. Слева от входа вешалка.

Сюда же раньше пришла мама, и с утра они с бабой Олей и тетей Верой успели состряпать капустный пирог, разборник с малиновой начинкой и чудные румяные картофельные шанежки. Аромат снеди скрашивает убогость этого жилища, с его влажными, осыпающимися стенами. Летом здесь всегда сыро, а зимой холодно. Не спасала даже печь, обогреваться приходилось только электроплиткой. Поэтому дядя Сережа все время кашлял и часто болел. Помыв руки в висячем умывальнике, который находится в углу кухни, я прохожу в комнату. В ней тесно из-за двух громадных шифоньеров и шкафа, которые делят эту комнату на столовую и спальню. В столовой у окон почти все место занимает обеденный стол, над ним в простенке висит обтянутая черной бумагой «тарелка» довоенного радио. За дверью – сундук, швейная машинка «Зингер», в другом углу – фикус с широкими большими листьями. Рядом на окне гипсовая зеленая фигура охотника. Это копилка. В её щель сверху бросали десятички и двадцатчики мелочью, а иногда совали и мятые рубли. Вокруг стола старинные «венские» стулья со скрипучими фанерными сидениями. В спальне вдоль стен три кровати.

За столом начинается оживленный разговор. Пьют только чай. В карты, как у Баландиных, не играют, и не поют. Я сижу вместе со всеми и рассказываю, как вчера вечером мы ходили смотреть праздничную иллюминацию. Сначала любовались видом из кухонного окна. Пермь II светила костром огней на всю Заимку. Потом спустились на улицу Ленина. Все большие дома там украшены портретами и лозунгами в обрамлении десятков разноцветных лампочек. Народу было много. Все любовались зрелищем.

Как-то баба Оля водила меня по улице Куйбышева в магазины, которых там было во множестве, в каждом доме. Мясной – в «ямке», то есть в подвале углового дома. Молочный – где так вкусно пахло, и где продавали такие чудные круглые сладкие сырочки. Булочная, с ее неповторимым ванильным ароматом. «Охотник», прельщающий настоящими ружьями. Керосиновая лавка с терпким запахом. Наконец, универмаг на углу Куйбышева и Ленина, где мне иногда покупали игрушки, а в его огромных витринах была выставлена на зависть всем детям города игрушечная железная дорога, стоившая тогда громадные деньги – 400 рублей по курсу 1947 г.

Если пройти чуть повыше, начинается большая площадь, где еще в прошлом году был колхозный рынок. До революции это место называли Сенной площадью. Рынок я помню смутно. Помню, как мы с мамой купили там помидоры и мыли их в «бачке»: он представлял собой жилую избушку, из которой торчал длинный водопроводный кран для тех, кто хотел помыть овощи, фрукты или просто попить. Последний такой «бачок» находился до 1988 года на углу улиц Крисанова и Большевиксткой.

Темнеет, пора собираться. Я иду между папой и мамой, держа их за руки. Мы чавкаем по слякотной грязи, гремим по деревянному мостику через нашу Пермьку. От нее веет зябкой сыростью, в кустах прячутся страхи, в небе звезды... Вот и угловой каменный дом в самом начале горы. Слева простирается наша поляна, но ночью она темна и неприветлива. А вот мы уже и дома. С горы, с улицы Орджоникидзе видна вся Заимка. Месяц назад, 7 октября 1957 года, таким же вечером стояли мы здесь среди многих людей из соседних домов и смотрели в темное небо, пытаясь разглядеть маленькую движущуюся звездочку со странным названием «спутник». Тогда до детского сознания еще не доходило значение этого события.

ОТКРЫТИЕ МИРА. 1958 ГОД

Я стал на год старше, и не думал, что это последний год моего золотого детства, что скоро не будет папы, и мама надолго перестанет улыбаться.

Меня давно тянуло на Каму, куда часто летом убегали старшие мальчишки с нашего двора. И вот мечта сбылась. В один из теплых дней летних каникул, конечно же, без спроса у взрослых, мы большой компанией двинули на реку. От нашего дома до Камы недалеко. Нужно пройти вдоль железной дороги у забора завода имени Дзержинского и железнодорожной площадки с тем же названием до переезда у телефонного завода и по дороге спуститься на берег. Порта с его кранами тогда здесь не было, как не было и бетонной красивой набережной и автодорожного моста. Весь берег от завода Дзержинского до Речного вокзала был завален бревнами разбираемых тут же плотов, которые пилили и увозили на дрова, топить печи городских домов. Кромку берега закрывали плоты, топки, щепы. Все это билось о берег легким речным прибоем, шевелилось и дышало как живое.

Для детворы всей округи подвигом было проползти по узкому, длинному плоту шириной в два бревна на квадратный, обшитый досками плотик, стоящий на самой середине реки. Вся эта цепочка бревен была соединена толстым железным канатом. Чтобы не ударить в грязь лицом и чтобы меня взяли и в следующий раз, я тоже решил показать свою смелость. Через завалы на берегу мы пробрались сравнительно легко. И вот узкий плот. Лезу по нему на коленках, держась за канат. Бревна качаются, они скользкие от зеленой слизи, вокруг черная глубокая вода, а плавать я не умел. Уже недалеко до главного плота, по которому бегают ребята, ушедшие первыми, и вдруг мимо проходит маленький буксир, прозванный «утюгом». Он своим тупым носом поднял ужасную волну! Мы с приятелем Ленькой судорожно вцепились в канат, уперлись руками и ногами, ожидая неизбежную волну. Плот подбрасывает, а затем он проваливается в бездну. Выдержали! Старшие мальчишки довольны, они с тревогой следили за нашей борьбой со стихией. Вот мы и у цели. Теперь можно спокойно поиграть, оглядеть окрестности, полазить по лодкам. Вот «утюг» идет обратно, но сейчас он нам уже не страшен: плот приятно покачивается.

Мимо проходит речной трамвайчик. Недавно всей семьей мыплыли на таком в Верхнюю Курью. Мои родители любили ездить в отдаленные районы города, чтобы мне показать и самим посмотреть. Так, каждое лето мы обязательно плавали по реке в Закамск. Он поражал обилием высоких сосен, растущих прямо во дворах домов. Тогда центром Закамска была улица Ласьвинская с кинотеатром «Экран» и знаменитым книжным магазином, где мы всегда покупали новую книгу. Ездили и на Гайву, в поселок строителей Камской ГЭС. В 1954 г. совершили экскурсию на строительство этой гидростанции. По стройке были проделаны специальные ходы – мостики для экскурсантов, чтобы можно было осмотреть всю стройку «изнутри». Хорошо помню ворота одного из шлюзов, по которым мы проходили.

Когда наш трамвайчик шел обратно мимо Мотовилихи, вдруг на зеленом острове рядом с берегом что-то сверкнуло, и в то же время над Камой и над нами завывало, удаляясь в сторону леса на правом берегу. Потом еще и еще... Пассажиры понимающе переглядывались, улыбаясь, и говорили: «Опять завод сельскохозяйственные машины испытывает...» Эти испытания часто были слышны и ночью. На фоне несмолкаемого гула завода им. Сталина, этот ночной «салют» был одной из особенностей нашего, тогда закрытого, города. До начала 1980-х гг. Пермь была закрыта для въезда иностранцев по причине обилия военных заводов.

В десять лет просыпается тяга к путешествиям, открытиям. Как-то летом я предложил нашей компании дойти до самого железнодорожного Камского моста и посмотреть, что за ним. Мы двинулись по знакомой уже улице Дзержинского. За знакомым уже рынком начались заборы каких-то баз, мясокомбината. Пройдя через тоннель в насыпи железной дороги, ничего примечательного не увидели: лачуги, заборы, трамвайное кольцо. Слева появилась железнодорожная линия и вывела нас к знакомому переходному мосту возле станции Пермь II. Частенько мы сюда бегали «под пар», чтобы постоять над проходившим внизу паровозом, обдающим мост душистым белым паром. И сегодня насладились этим мгновением. Потом насмотрелись на погрузку танков в дальнем углу товарного двора. С моста хорошо виден наш белый дом на горе, наша поляна. Мы поднимаемся по лестнице в гору. Карманы набиты разными железками со свалки у березовой рощи, ботинки и штаны в серой грязи с берегов не застывающей Данилихи.

Сейчас дети в 10 лет уже давно знакомы с театром. А тогда, по крайней мере, в моем окружении, это было не принято, я с родителями был только один раз в драматическом театре на спектакле «В добрый час». Потом папа повел нас на сцену и показал, как там все устроено. Я был разочарован, когда увидел, что в книжном шкафу стояли поддельные книги, их корешки были наклеены на фанерку, да и ружье было деревянное. Театр так сильно пал в моих глазах, что я долго не любил его за эту поддельную жизнь. То ли дело кино! Кинотеатров в городе было мало. В нашем районе, недалеко от Слудской церкви, находился небольшой кинотеатр «Победа» – в одноэтажном кирпичном доме. Именно там мы, школьники 1950-х годов, увидели первые фильмы. Особенно мне нравились «Судьба барабанщика» по книге А. Гайдара и «Балтийская слава» о русском флоте в 1917 году. В кино мы обычно ходили с родителями, и это был праздник.

Как-то зимой прошел слух, что в Перми будут снимать фильм «По ту сторону» – о гражданской войне. Были заинтригованы и взрослые, и дети. Всем хотелось посмотреть, как это делается. Сразу после

ПОСЕЛОК СВЕТЛЫЙ

школы мы пошли на улицу Матросова и увидели, что там стоят два фюзеляжа самолетов без крыльев, но с моторами. Придя домой, я узнал, что папа тоже собирается сходить туда. Он звал меня с собой, но я уже устал, заупрямился, и он пошел один. Потом я сильно пожалел об этом, так как он рассказывал, как снимали сцену погони: артисты ехали в санях, отстреливаясь из револьверов, а мужики кидали лопатами снег на крутящиеся винты самолетов (так в кино делали метель). До сих пор жаль, что я тогда не пошел, и папу обидел из-за собственной глупости и упрямства.

Наверное, следует объяснить, что я был мальчиком из обеспеченной семьи, так как папа в 1957—1958 гг. являлся «начальником паросилового цеха», как тогда называлась ТЭЦ-1. Он получал 1200 рублей. По тем временам это были хорошие деньги. Поэтому в моих воспоминаниях и фигурирует изобилие продуктов на столе. При этом, бывая в домах своих сверстников, я часто видел более скромное питание, а иногда и нужду. Впрочем, кроме хорошей еды, наша семья не обладала никакими привилегиями. Комнату в 15 квадратных метров в коммуналке с печным отоплением и старой бабушкиной мебелью роскошью не назовешь.

Папа любил технические новинки. Осенью 1958 г. он купил вибрационный стиральный прибор и, включив его для пробы, напугал всех соседей снизу, решивших, что к нам на крышу сел самолет. А в конце года папа купил второй в доме телевизор «Старт-2». Повторилась история с фильмоскопом: нам – хозяевам комнаты – вечерами стало не до элементарных удобств: обедали мы в кухне, где я и уроки делал. Комната превращалась в кинозал. Зрители сидели даже на полу.

15 декабря 1958 г. папе дали новую квартиру в другом районе, и мы навсегда покинули дорогие места моего золотого детства.

Этот материал был использован для составления текста экскурсии по выставке областного краеведческого музея «Остров детства моего», работавшей в 1996—1998 гг. в здании музея на ул. Сибирской, 15.

В последний день уходящего 2013 года мы с дочерью добрались в Парковый. Спустились в подземный переход и, поднявшись, увидели перед собой высокие жилые дома, а через дорогу – громадное, из стекла и бетона, здание фабрики Гознак. И вдруг, словно искра пронзила сознание: ведь это здесь начинался поселок Светлый. Вот и улица Малкова, проходившая около леса, с западной стороны поселка. И нахлынули воспоминания.

Поселок Светлый был гнездом многочисленного рода Ореховых, местом моего счастливого детства и юности. Здесь с 1931 г. с нами жила моя бабушка Варвара Петровна с мужем Михаилом Федоровичем Ореховым. Я считаю их нашими родоначальниками. У них было шестеро детей, и сейчас род Ореховых насчитывает почти 200 человек. Уже нет многих моих сверстников, живших на поселке. Не с кем поговорить о речке Светлушке. Мне 90 лет, хочется успеть рассказать о нашем поселке.

После гражданской войны широко развернулось строительство, нужны были люди, не хватало рабочих рук. Из деревень в город потянулись крестьяне. Застраивалась земля на речке Светлушке, подарившей название новому поселку. Наша семья жила до этого за селом Гамово, в деревушке Полицы, в 28 километрах от Перми. Заниматься крестьянством папа не мог, пятилетним ребенком он сломал ногу, и хромота осталась на всю жизнь. Надо сказать, папа мой рос смышленным ребенком, с похвальным листом окончил трехлетнее церковно-приходское училище, позже освоил профессию сапожника. Надо было содержать семью, в которой было уже двое детей. Но много ли заработаешь в деревне, где люди повседневно, кроме воскресений, носят лапти?

После наступления нового, 1928 года, дедушка повез семью жить в город, в поселок Светлый. Помню трескучий мороз, синее звездное небо, запряженные сани у бабушкиного двора. Дорога не близкая, езда не скорая, поэтому выехали в четыре часа утра. Около каждой деревни, а их по дороге к городу около десятка, нужно было выйти из саней, открыть ворота, проехать, а потом снова обязательно закрыть. Каждая деревня обнесена изгородью из жердей, чтобы скот не мог самостоятельно выйти: вокруг деревни пашни, огороды.

Наступал рассвет, когда мы подъехали к поселку. Он был рядом с Казанским трактом, наш участок – четвертый от дороги. На усадьбе нас ожидала избушка, даже без крыльца. Доски некоторых ступенек лежали на пнях спиленных деревьев. В доме, кроме сложен-

ной печки, – стол, лавки с двух сторон, полати (настил для спанья из досок между печкой и противоположной стеной). Полати потом сопровождали нашу жизнь и в новом доме. Заснуть в первую ночь я не могла – мешали гудки паровозов, которые я слышала впервые.

Так начался новый этап в жизни нашей семьи. Большой дом построили быстро. Папа получил ссуду, нанял плотников. Несколько мужчин возвели стены, поднимая бревна вверх на веревках. Мы с братом Веней собирали крупные щепки в песчаном котловане, будучем подполье. Бревна купленного сруба оказались тонкими, позже пришлось оштукатурить внутри весь дом. В лютую зиму даже отлично сложенная печка не могла обогреть. Шесть окон на восток и юг, седьмое, маленькое, глядело во двор. Западная стена была свободна от окон. Когда дедушка в 1931 году тоже переехал в город, он пристроил свой дом к этой стене. Запомнилась сказанная кем-то фраза: «еще вдруг раскулачат, как середняка».

Дом был хорошо спланирован. В сенях с двух сторон – чуланы, направо от входа – туалет. Большая печь разделяла дом на две равные части. Слева была столовая, справа – папина мастерская с верстаком и седухой. За ними – две комнаты. От входной двери и над папиным закутком двое полатей. После прежней комнаты это был дворец. Хозяйство становилось все больше. Построили длинный сарай, в котором с двух сторон были конюшни, в середине – погреб.

Поселок рос быстро. Первой была застроена улица Рабоче-крестьянская, идущая вдоль железной дороги. Дома выходили фасадами к лесу. Следующей была Коммунальная улица. Дома сверкали новыми бревнами, некоторые перевозились из прежних деревень. Каждый хозяин строил для себя, соблюдая правило: фасад дома обязательно смотрел на улицу. Возле дома хозяева сажали черемуху, сирень, рябину, редко – липку. Поселок оказался уютным, даже красивым. В нем никогда не было грязи, даже после дождей, только чистый песок.

Все соседи знакомы между собой, одинаковыми были хозяйственные потребности. Почти за каждым домом – сарай с конюшней для коровы или коз, стайкой для кур. У нас был длинный сарай с двумя конюшнями. Бабушка, переехав к нам в 1931 году из деревни, привела корову Буску, молодую, рогатую – берегись, может боднуть. У нас тоже была корова – Пеструха. Весной набивали снегом погреб, там он сохранялся все лето, и продукты выносили «на холод», холодильников еще не было. Во дворе стояли емкости под воду для хозяйственных нужд и поливки огорода. А в баню ходили на Заимку, выстаивая громадные очереди.

Наша улица, идущая от тракта, была названа в честь П.М. Обророва, председателя Пермского губисполкома и горисполкома в первые годы советской власти. Затем она носила имя французского деятеля Андре Марти и, наконец, стала улицей Академика Н.И. Вавилова. Улицу, идущую ниже нашей к лесу, назвали в честь героя-матроса П.Д. Хохрякова. Однако на этой улице многие жители были рабочими завода им. Дзержинского, и по их инициативе улица была переименована в честь И.С. Сухобруса, революционера, рабочего завода Лесснера (позднее – завод им. Ф.Э. Дзержинского). Улицу, лежащую у леса, назвали Светлой, позже ей дали имя П.И. Малкова, председателя пермской губчека.

Лишь через несколько лет, после настойчивых требований жителей, в поселке были построены здания для магазина и детского сада. Правда, в неурожайные голодные годы на Рабоче-крестьянской улице появилась палатка, приткнутая к стене дома. Из ее низенького окошечка в голодные годы продавец подавал небольшую буханочку черного хлеба, только одну в руки. Сзади стоял длинный хвост очереди. За крупой, сахаром, маслом, солью приходилось идти в Новую Деревню, где был магазин ТПО. Из-за отсутствия яслей и садика женщины-матери годами не могли работать.

А вот вопрос с водой долго был не решаемым. Весь поселок обеспечивали водой два родника у леса. Один, не выходя из земли, заполнял яму, обложенную досками, а второй струйкой выходил из кромки земли. Но струйка небольшая, к ней всегда стояла очередь. Метров через десять ручеек расширялся и превращался в речку. В нем мы, ребятня, купались, а женщины летом и зимой полоскали белье. Эти родники и давали начало речке Светлушке. Ниже речка исчезала, образуя местами заболоченные участки. Ее русло тянулось до железнодорожного туннеля. После высокой железнодорожной насыпи тянется очень глубокий, заросший травой ров до речки Данилихи. Теперь там нет и Данилихи, она под землей забрана в трубу при переходе через улицу Ленина. В прошлом Светлушка сливалась здесь с Данилихой, и они убегали в Каму, протекая около завода им. Дзержинского. А в XIX веке речка Светлая питала первый в городе водовод. Решая проблему воды, некоторые жители поселка копали колодцы на своих участках, появился такой и у нас.

Ребятню проблема воды не беспокоила – нас тянул к себе лес. Он был хорош в любое время года. Я очень любила этот лес, у меня были свои заветные уголки. Со школьными подругами мы уходили в лес, забирались на геодезическую вышку и, свесив ноги с маленькой площадки, которая была выше сосен, пели во всю мощь легких. Песни, а то и арии из опер разносились далеко окрест.

Недавно с горечью прочла в газете «Пятница» статью ученого Н. Максимовича о серьезной проблеме – нарушенном водном балансе: «Там была речка Светлушка, в которой водилась рыба. Туда ходили люди купаться. Был родник с чистой водой, за которой ездили даже из отдаленных частей города. Глубина подземных вод ранее была 1,5 – 2 метра, теперь: 5-10 метров и глубже. В таких условиях Черняевский лес долго не сможет существовать».

В жаркие дни после летнего дождя визг и хохот разносился по улицам поселка. Это ребятня бегала по канавам по колено в воде. Улица наша была с уклоном от тракта, вдоль линии домов прокопана канава, за этим следили. Летом она зарастала травой, а после дождя, заполненная водой, доставляла радость детворе. Зимой старшие ребята сооружали в центре поселка высоченную широкую катушку. Летишь с нее на фанерке, и дух захватывает. Ни хулиганов, ни воровства, ни преступлений, ни склок, ни скандалов в поселке не было. Размеренная жизнь и работа людей были у всех на виду, радости и несчастья объединяли.

Напротив поселка, через тракт, было большое поле, доходившее почти до деревни Балатово. Мы приспособились сажать там картофель, на усадьбе земли не хватало. Урожай радовал, – клубни вырастали чистые и очень крупные. Здесь же заготавливали сено для коз Зойки и Милки. Однажды в поле пришли рабочие и начали рыть глубокие, длинные ямы, затем обложили их срубками, которые на 5-6 бревен выступали из земли, накрыли двухскатными крышами, сверху накрыли листами толя. Возникло большое городское овощехранилище. Осенью в ямы засыпали овощи и всю зиму развозили в нужные места. Поселковые ребята скоро оценили длинные крыши ям, по которым стало большим удовольствием бегать, топтать и прыгать, кто дальше. Посадки своего картофеля пришлось сдвинуть в сторону деревни.

Наша начальная школа № 8 находилась на Казанском тракте, почти напротив нынешней улицы Блюхера. Это был одноэтажный обычный дом, во дворе которого росли большие липы. Рядом, в небольшом домике, кухня. Комнат не больше четырех, а школа была единственной для всей Новой деревни и поселка Светлого. В школу шли гурьбой, окликаая и собирая по дороге всех учащихся. Это было веселое шествие на полтора километра. На правую сторону тракта не переходили – осенью и весной грязь там была непролазная, по ступицу колеса.

Директором начальной школы № 8 была Анна Васильевна Кудряшова, а учила нас добрая и заботливая, но требовательная, Евгения Петровна. Нам она казалась пожилой, хотя в ее красивой при-

ческе с накладными бровями не было ни одного седого волоса. Иногда на уроках Евгения Петровна водила нас «на реку». Заводь речки Данилихи была через два дома от школы, в сторону рынка. Спустившись с высокого берега, мы наблюдали жизнь реки. Среди ряски плавали жуки-плавунцы, водомеры скользили по водной глади, проплывали маленькие рыбки, кружились стрекозы и бабочки.

Через дом от школы была работающая церковь, тоже одна в округе. Ее называли «мазанкой», так как она была деревянная и побелена. Все мы состояли в обществе «Юный безбожник», знали, что церковь отделена от государства, попы проповедуют мракобесие, и никогда не заходили в церковь. Лишь однажды подружки уговорили меня после уроков зайти туда, оказалось, некоторые бывали там со своими бабушками. Поразило необычное убранство помещения, большие распятия Христа, иконы в красивых рамах, горящие свечи и совершенно особый воздух.

В школе был хор, проводились праздники. Всем классом ходили в кино на новый фильм «Путевка в жизнь», первая звуковая картина произвела ошеломляющее действие.

С годами в школе стало очень тесно, и нас перевели в другое здание, на горе у самого рынка. Дорога в школу удлинилась, зато по пути попадалось много нового, интересного. Например, дальше по тракту справа оказалась старинная усадьба. За забором был сад, в глубине которого стоял дом, весь украшенный резьбой. Кусты сирени, клумбы, дорожки из плит между ними и к дому – все напоминало барскую, помещичью усадьбу. Но дом был пуст и молчалив. С опаской оглядев всё, мы быстро вылезли через проемы в заборе и зашагали дальше.

Школа помещалась в зеленом старинном одноэтажном доме. Внутри много комнат, двери высокие с резными ручками, паркетные полы. Окна вытянуты по вертикали и вверху закруглены, рамы без переплетов. От дома веяло чем-то старинным, дворянским. С одной стороны рядом с ним было низкое здание – какие-то мастерские, искусно сложенные из красного кирпича; с другой – жилой двухэтажный дом. Напротив, через тракт, три двухэтажных дома, кирпичные, с красивыми узорами. Рядом, у самого обрыва к реке Данилихе, стояла часовенка с иконой на стене и с золотым крестом на куполе.

Зеленый дом со стрельчатыми окнами стоит и сегодня. Там работал какое-то время кинотеатр «8 Марта», а позднее размещался Клуб юных техников. Напротив, через шоссе Космонавтов, по-прежнему стоят полуразвалившиеся кирпичные, когда то бывшие очень красивыми дома.

«КОММУНАЛКИ» И БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРМЯКОВ В 1950-х – 1980-х ГОДАХ

Тракт, идущий на Казань, круто спускался вниз. По обеим сторонам его над спуском стояли высокие конусообразные обелиски с парящими орлами на самом верху. Это была Казанская застава.

Жизнь быстротечна. Прошли семь школьных лет и три курса учебы в авиационном техникуме. С началом войны техникум закрыли. Студенты первых трех курсов были мобилизованы на заводы – Сталинский и 339-БИС (ныне Инкар-Стар), где я отработала 30 лет. Поселок Светлый притих. По домам ходили с инспекцией, выявляя, где и сколько можно разместить эвакуированных. Большинство мужчин мобилизовали в армию, среди них мои любимые дяди – Николай и Георгий, оба погибли в 1942 году. Бесконечно тянулись четыре года холода, голода, невероятных страданий, потерь близких. В марте 1944-го умер папа.

Отпраздновав победу, жители поселка, сплотившиеся еще больше, вернулись к своим заботам. Еще почти тридцать лет Светлый жил спокойной жизнью. Перемены начались неожиданно. Фабрика «Гознак», построенная на месте городского овощехранилища, увеличивала производственные площади, росло количество рабочих, а значит, надо строить жилые дома. Земли к юго-западу от фабрики уже были застроены. Дошла очередь до Светлого поселка. Стройка велась стремительно, дома росли, как грибы. Первыми переселили семьи, в которых мужья погибли на фронте – в только что построенные дома в Нагорном. Постепенно переехала отсюда и вся наша большая семья.

Изменился с годами облик нашего города и быт его граждан. Уходят и уже ушли из жизни пермяков многие предметы обихода, которые сейчас становятся музейными экспонатами. Становятся достоянием истории и большие коммунальные квартиры, на кухнях которых хлопотало после рабочего дня сразу по несколько хозяек. Все это – «уходящая натура», без которой невозможно со всей достоверностью воспроизвести наш быт, характерный для значительного периода истории. Большая часть населения Советского Союза рождалась, жила и умирала в коммунальных квартирах. Как сообщает Большая Советская Энциклопедия, «сразу же после победы социалистической революции в России Советской властью был осуществлен ряд мер для удовлетворения потребности трудящихся в жилище. Сотни тысяч рабочих семей были переселены из убогих лачуг в комфортабельные квартиры буржуазии» (М., 1952, т. 16, с. 166). Комфортабельность квартиры определялась наличием в ней электричества, водопровода и теплой уборной. При этом не упоминалось, что в каждую национализированную квартиру, которой до этого пользовалась одна семья, вселялось столько семей, сколько было комнат в данной квартире или доме. Вот тогда-то и появилось понятие «коммуналка». Коммунальные квартиры существуют и сейчас. Расселение их началось в 1960-е годы прошлого века, когда велось массовое строительство типовых малометражных пятиэтажных домов, впоследствии названных «хрущевками».

Я родилась, выросла и вышла замуж в большой московской коммунальной квартире, население которой состояло из восьми семей, поэтому ко времени приезда в Пермь у меня был достаточный опыт проживания в «коммуналке».

Моя жизнь в Перми берет свое начало с июля 1953 года. Здесь уже три месяца меня ждал муж, направленный «по распределению» после окончания Московского авиационного института на завод им. Сталина «с предоставлением жилья». С поселком этого завода связана вся дальнейшая жизнь нашей семьи.

По приезде в Пермь (тогда еще «Молотов»), мы с мужем жили сначала в заводской гостинице, как и все семьи молодых специалистов, а через год получили 13-метровую комнату на втором этаже двухэтажного дома «гостиничного типа». По обе стороны длинного коридора здесь проживало еще 15 семей работников завода. Единственный туалет вок-

зального типа на три «очка» с массивными чугунными «устоями» для ног находился в самом начале коридора. «Очки» разделялись перегородками, но дверок не было. Три водопроводных крана над тремя раковинами дополняли интерьер туалета. Здесь же люди брали воду для бытовых нужд и приготовления пищи. В квартире не было кухни, но зато имелось центральное отопление. Все комнаты были одинакового метража. Скорее, это было семейное общежитие, но считалось квартирой и имело свой почтовый адрес: ул. Клары Цеткин, дом № 5, кв. № 2. На первом этаже находилась квартира № 1, на втором – № 2. По соседству, в пространстве между ул. Клары Цеткин и ул. Коминтерна, было несколько домов такого типа. Вероятно, они выстроены еще в довоенное время, но дожили, претерпев перепланировку, и до наших дней.

Наша комната была предпоследней в конце длинного коридора. В последней, угловой комнате жили милиционер с молодой женой Аней. Напротив, в такой же комнате, выходящий на юг, чета заводских пенсионеров, тетя Наташа и дядя Петя. А напротив нашей комнаты – семья Халиных, молодая пара Геннадий и Ирина, и мать Геннадия, Софья Михайловна. Геннадий был высококвалифицированным рабочим, передовиком производства и членом Райсовета. Софья Михайловна работала продавцом газированной воды в поселковой бане. Все эти люди помогали нам делами и добрыми советами, особенно, когда родился ребенок. Софья Михайловна буквально заменила мне мать.

Окна нашей комнаты выходили на север. Летом это спасало от жары, но зимой вся северная сторона дома промерзала насквозь, и на стенах выступала изморозь. В те годы только достраивалась Воткинская ГЭС, и климат еще оставался резко-континентальным: за знойным летом наступала суровая зима с морозами до 40-45 градусов.

Получив долгожданную комнату, мы озаботились приобретением мебели для нее: кроме двух чемоданов и ящика с книгами у нас ничего не было.

Первым приобретением для обустройства жилья был полосатый матрац – единственное спальное устройство, которое в то время можно было купить: кроватей и диванов в магазинах Перми не было. Руками мужа к нему были приделаны ножки, а два казенных, взятых напрокат, одноцветных одеяла послужили декором для нашего спального места: одно стало покрывалом, другое – настенным ковром, предохраняющим от побелки. Затем, последовательно, велась «охота» сначала за кухонным столом, потом за обеденным и табуретками. Каждый день я забегала в хозяйственный магазин на углу Сталинского (Комсомольского) проспекта и улицы Газеты «Правда» (Соловьева), куда изредка поступала мебель из недавно созданного мебельного цеха Сталинского завода. Таким образом к моменту рождения в 1956 г. первого ребен-

ка мне удалось «выбегать» эти самые необходимые предметы обстановки и мечту всей моей жизни – трехстворчатый платяной шкаф. Рядом с кухонным столом поместилась купленная на рынке самодельная полка для посуды – обстановка была завершена. «По случаю» удалось «схватить» набор ножей и вилок из нержавеющей стали и набор польской столовой посуды. Мы были счастливы.

Рождение ребенка поставило нас перед проблемой поиска няни. Послеродовой декретный отпуск в то время составлял всего месяц, к нему плюсовался очередной отпуск, после чего женщина должна была выходить на работу. Устроить ребенка в ясли было почти нереально. В поиски няни включилась вся квартира, писались и расклеивались по всему поселку соответствующие объявления. Специально для будущей няни из Москвы была привезена раскладушка. Но откликнулись, в основном, больные или выпивающие старушки, с которыми быстро приходилось расставаться. Более подходящих женщин не устраивала наша жилплощадь. В конце концов, няней стала приехавшая из деревни «заработать на пальто» 16-летняя девочка. Через полгода случайно выяснилось, что няня съедала оставленный для ребенка прикорм: у ребенка появились признаки рахита. С огромным трудом мужу удалось устроить ребенка в заводские ясли, когда девочке было уже полтора года.

Не менее важная проблема – приобретение коляски для младенца. В магазинах их не было. К счастью, ребенок одной моей сослуживицы вышел из «колясочного» возраста, и она продала нам свою коляску, тяжелую и неуклюжую, но мы радовались этой покупке, т.к. она одновременно стала и кроваткой для моей малышки. Детских кроваток в продаже не было. Позднее свекор привез кроватку из Москвы.

Отношения между соседями в нашей квартире были участливыми и доброжелательными. Когда родилась наша крошка, все старались хоть чем-нибудь помочь. Кто-то, идя в магазин, справлялся, не нужно ли чего-то купить. Соседская Аня просто приходила и мыла у нас полы, говоря: «Тебе некогда, а мне не трудно!» Софья Михайловна прибежала купать ребенка и учила его пеленать. Тетя Наташа водила меня в Кашинские бани «выгонять кочергу» у дочки.

Наши соседи всегда помогали друг другу в сложных бытовых ситуациях. Народ был работающий и трезвый. Я не помню, чтобы когда-нибудь в нашей квартире был хоть один пьяный дебош, не помню ни одной ссоры между соседями. Конечно, праздники отмечались как положено, с выпивкой, но все было в пределах нормы. «Злоупотреблял» один пенсионер дядя Петя, да и то только по воскресеньям. Напившись, он бродил по коридору и выкрикивал патриотические ло-

зунги, с неперменной присказкой, повторяемой неоднократно: «Маркс, Энгельс, Ленин – Ура-а-а!!!» Но это было так наивно и безобидно, что соседи только подшучивали и посмеивались. Я не помню пьяных или выпивающих на улицах нашего поселка. Если и пили, то делали это тихо, дома: стеснялись появляться на улице в состоянии подпития. Конечно, нам повезло с соседями, далеко не всегда в коммунальных квартирах складывалась такая «благостная» обстановка.

Я уже упоминала, что в квартире не было кухни. Она была оборудована из освободившейся комнаты приблизительно через год после нашего вселения, но использовалась больше как прачечная. На сооруженной там кирпичной плите, отапливаемой дровами, грелась вода, и вечно кипело чье-нибудь белье. (Такие плиты имелись тогда во всех многоквартирных домах, включая и новостройки: точечная газификация города началась в конце 1950-х гг.) Каждая семья имела большое оцинкованное корыто и ребристую оцинкованную стиральную доску. Это «устройство» я не видела позднее даже в нашем краеведческом музее. Вместе с корытом доска ушла в прошлое полвека назад, с появлением стиральных машин. При стирке пользовались большим куском черного хозяйственного мыла: стиральные порошки стали появляться в продаже в 1960-е гг. Помнится, первым стиральным порошком, с которым познакомились пермяки, был немецкий стиральный порошок «ОМО». Но его приходилось «ловить», т.к. привозился он от случая к случаю и быстро раскупался. Многие (в их числе и мы) предпочитали пользоваться услугами прачечной при поселковом банно-прачечном комбинате, который находился в квартале от нашего дома, на улице Коминтерна, 11а. Здесь за грошовую плату вам производили полную обработку белья. Позднее в городе появилась целая сеть приемных пунктов по стирке белья, но пионером был наш банно-прачечный комбинат.

Как и все жители нашего дома, мы были постоянными клиентами бани этого комбината. Здесь, помимо общей «помывочной» (10 коп. за билет), существовали отдельные душевые номера и номера с ваннами (25 коп. за билет), пользовавшиеся большой популярностью: в номера нужно было покупать билет заблаговременно. Да и в помывочную приходилось выстоять большую очередь, т.к. сюда ехал народ со всего города: для того времени она была самой благоустроенной.

Еду для себя каждая семья готовила в своей комнате на примитивных электроплитках с открытыми спиралями, которые часто перегорали. Починка производилась собственными руками, у всех в запасе лежали 2-3 запасных спирали, т.к. они периодически исчезали из продажи. Веселее стало жить, когда появились двухконфорочные плитки с закрытыми спиралями, но их можно было «достать» только в Москве. Люди пользовались любой оказией, чтобы приобрести такую плитку.

Холодильники в 1950-е годы были большой редкостью для большинства пермяков. В зимнее время скоропортящиеся продукты хранились между рамами окон или подвешивались в «авоськах» за окнами.

Приблизительно в таких же условиях жили люди и в малосемейных квартирах пермских домов, где было 2-3 комнаты и, соответственно, 2-3 семьи, разве что только готовили при этом не в комнатах, а на общей кухне. Конечно, в квартирах новых домов были уже горячая вода, ванная комната, цивилизованный туалет, центральное отопление. Но значительная часть пермяков жила в старых домах, где из удобств, в лучшем случае, были водопровод и теплая уборная.

Завод им. Сталина был «режимный», закрытый и зорко охраняемый «органами». Еженедельно наш дом посещал прикрепленный представитель госбезопасности (возможно, присказки дяди Пети должны были служить «оберегом» для него в глазах «органов»).

После ухода легендарного директора А.Г. Солдатова, завод продолжал начатое им строительство благоустроенных домов в поселке. Новые дома возводились на Сталинском (Комсомольском) проспекте, на улице Газеты «Правда» (теперь улица П. Соловьева), на улицах Куйбышева и Героев Хасана. И каждая семья жила надеждой получить со временем комнату в новой «малосемейке». Как в райисполкомах города, так и в заводоуправлениях крупных промышленных предприятий Перми существовали списки нуждающихся в получении жилья или в улучшении жилищных условий. Не было исключением и заводоуправление Сталинского завода. Соблюдались ли при этом очередность? Риторический вопрос. Но большую роль в решении вопроса об улучшении жилищных условий играли ценность работника для завода и количество детей в семье. У мужа, как у перспективного молодого специалиста, приняли заявление на улучшение жилья только тогда, когда мы уже ожидали второго ребенка.

В декабре 1957 г. сдавался в эксплуатацию дом № 103 по ул. Куйбышева, в нижнем этаже которого разместился первый и единственный в городе диетический магазин. Помимо прочих удобств, этот дом был первым (или одним из первых) газифицированным домом в Перми. Правда, газ еще не был попутным: во дворе дома прикопали три большие металлические емкости для сжиженного газа, из которых он поступал непосредственно на кухни жильцов. Попутный природный газ был проведен в Пермь в 1960 году, тогда и началась массовая газификация жилых домов.

В этом доме мужу была выделена 16-метровая комната в трехкомнатной квартире. Соседи радовались за нас, и помогали в переезде. В дальнейшем теплые, почти родственные отношения с ними сохранялись долгие годы, вплоть до ухода из жизни Софьи Михайловны и тети Наташи.

Начался новый этап нашего коммунального существования. Две комнаты в нашей новой квартире заняла семья из шести человек одного из заслуженных рабочих Сталинского завода – А.В. Шатова. Стержнем этой семьи была «бабуленька» (Анна Ивановна настаивала, чтобы все называли ее именно так), мать главы семьи, пестовавшая троих внуков. С ее помощью у нас, наконец, появилась приходящая няня – юная внучатая племянница бабуленьки, обожавшая моих детей. Мы очень сдружились с этой семьей.

Уже живя здесь, нам удалось купить диван-кровать иногороднего производства. Это была большая редкость: в Перми такой мебели не производили. В сущности, как мало нужно человеку, чтобы почувствовать себя счастливым! Таким же счастьем была покупка радиолы «Дайна», совмещавшей радио и проигрыватель для виниловых пластинок. Мы очень любили принимать у себя друзей, нередко на наших шестнадцати метрах собиралось на застолье 12-14 человек, а без пения и танцев в то время посиделки никогда не обходились. Танцевали танго, фокстрот, вальс, позднее появился твист. Пели довоенные песни И. Дунаевского и песни военных лет – так или иначе все мы пережили эту страшную войну. В нашей компании было трое фронтовиков, прошедших войну от начала до конца. Читали стихи К. Симонова и С. Есенина, делились впечатлениями о прочитанных новинках. За детьми в это время присматривала бабуленька.

Нужно сказать, что в 1950-е годы дефицита в том многообразии и объеме, которого он достиг к концу 1980-х годов, еще не было. Существовали проблемы с промышленными товарами, но только оправившиеся от лишений военного времени пермяки, довольствуясь малым, не особенно этим тяготились. Важнее была обыкновенная еда. В 1950-е гг. я еще помню пирамиды банок со сгущенным молоком (55 коп. банка) и с настоящим крабовым мясом (оно называлось «Снатка», 45 коп. банка) в гастрономах и молочных магазинах Перми. С «получки» мы с мужем даже покупали красную икру, которая продавалась вразвес, из бочки, в овощном магазине на ул. К. Маркса (Сибирской) по 37 р. 50 коп. за килограмм. Но с раннего утра выстраивались длинные очереди в ожидании привоза молока (фасованного еще не было). Существовала напряженка и с другими молочными продуктами. В жестком дефиците было мясо. Не было яиц. Часто исчезали из продажи сахар и сливочное масло. Когда завозили эти продукты, в магазинах выстраивались большие очереди, и «в одни руки» продавалось только 0,5 кг. Заняв очередь, человек старался вызвать кого-нибудь из членов своей семьи, чтобы купить желаемого продукта больше установленной нормы. Я помню свое стояние в очереди за сахаром с месячным ребенком на руках, на

которого тоже «полагалось». Через пару лет дефицит сахара был преодолен, в 1970-е – 1980-е годы предложение даже превышало спрос: в булочной на Комсомольском стояли целые контейнеры с сахарным песком (92 коп. за кг). Но проблемы с маслом продолжались, и появлялись другие дефициты.

Однако, свежемороженая рыба практически не уходила с прилавков магазинов, и ассортимент ее был довольно широк: морской окунь, хек, палтус, терпуг, ледяная рыба, камбала – это еще не полный перечень рыбной продукции, с которой тогда были знакомы пермяки. И все это стоило гроши. Нашей любимой рыбой был морской окунь (45 коп. за килограмм, если мне не изменяет память). Ассортимент рыбы стал сокращаться с 1970-х гг. Дольше всех продержался на прилавках хек (1 руб. за кг), но к концу 1980-х и его не стало.

Понятие «дефицит» существовало вплоть до времен горбачевской «перестройки». Новым смыслом обогатились такие глаголы как «охотиться», «достать», «поймать», «выстоять», «выбросили», «отovarиться» и т.п. Слово «купить» в отношении дефицитного продукта практически не употреблялось.

Особенно страдали пермяки от дефицита мяса. Даже на рынке за мясом стояли длинные очереди. Люди пользовались различными оказиями, чтобы привезти мясо из Москвы. В конце 1970-х гг. профсоюзные организации крупных учреждений Перми стали даже организовывать специальные двухдневные «туристические» поездки в Москву на выходные дни. «Экскурсии» совершались, в основном, по магазинам, за дефицитными товарами, но в первую очередь – за мясом. В вагонах нашего фирменного поезда «Кама» в зимнее время проводники с пониманием относились к просьбам наших пассажиров о хранении мяса в подвагонных холодных ящиках.

Попутно из Москвы везли апельсины и туалетную бумагу, которых не было в Перми. Гречневая крупа была таким деликатесом, что даже в Москве ее нельзя было купить. В определенные дни она продавалась в специальных магазинах только ветеранам Великой Отечественной войны. Иногда мы получали ее от моего московского брата, кавалера целого «иконоста» орденов ВОВ, прошедшего путь до Берлина. В середине 1960-гг. по всей стране прошла невиданная до тех пор волна дефицита хлеба.

Очереди в продуктовых магазинах сопутствовали жизни пермяков и вне зависимости от дефицита. Они были короткими и длинными, но без очереди вы не могли купить даже самый обыкновенный продукт. В какой-то мере это объяснялось отсутствием во многих магазинах кассовых аппаратов и фасованных пищевых продуктов. Продащица, взвесив продукты на допотопных весах с двумя тарелками и гирь-

ками, подсчитывала на счетах стоимость покупки и сама производила расчет с покупателем. Для продажи сливочного масла в магазинах имелся пергамент. Масло выпускалось в виде больших кубов, и отрезалось по весу на глазок. В какой-то мере очереди уменьшились после появления в начале 1970-х гг. магазинов «самообслуживания» с открытым доступом к расфасованным товарам.

В 1980-е годы дефицит принял гиперболические размеры: даже табачные изделия, спички и мыло продавались по особым талонам. Для отоваривания талонов на водку стояли охраняемые милицией очереди в три шеренги. Часто у дверей магазинов возникали «бои местного значения» с нарушителями, стремящимися прорваться без очереди. Стремилась «отоварить» талоны на водку даже абсолютные трезвенники: водка служила своеобразной валютой для расплаты со слесарями, сантехниками, электриками, малярами и прочими представителями сферы коммунального обслуживания.

Наряду с часовыми очередями за пищевыми продуктами, создавались долговременные очереди за предметами бытового обустройства. В 1960-е – 1980-е годы ушедшего века люди годами стояли за холодильниками, стиральными и швейными машинами, коврами, мебельными гарнитурами, телевизорами: велись специальные списки, регулярно проводились сверки, если кто-то не приходил на очередную проверку, рисковал быть исключенным из очереди. Разыгрывались целые драмы вокруг списков этих очередей. Конечно, не миновала большинства этих очередей и наша семья.

Пожалуй, первой появилась очередь за холодильниками, когда в самом конце 1950-х гг. в Пермь начали завозиться небольшие партии отечественных холодильников «Саратов» и «ЗИЛ». Тогда же стали создаваться очереди потенциальных покупателей. Запись на очередь первое время велась непосредственно в магазине (например, в небольшом магазинчике на Советской улице, на задворках теперешнего ЦУМа), но потом дело взяла в свои руки заинтересованная общественность, строго следившая за соблюдением очереди. Поступления были мизерными: магазин получал для продажи 5-7 холодильников в месяц. В основном, поступали более доступные по цене и габаритам маленькие «Саратовы»: на пять «Саратовых» приходился один дорогой «ЗИЛ». Но очередь была общей. Записавшись в 1959 году, мы два года по два раза в месяц отмечались в этой очереди. Наше «долгостояние» было вознаграждено тем, что вместо маленького «Саратова» без «морозилки», нам достался «ЗИЛ» первого выпуска с небольшой холодильной камерой – предел тогдашних мечтаний каждого пермяка. К тому времени, когда подошла наша очередь, мы успели скопить сумму, необходимую для его покупки.

В 1960 г. мы записались в очередь на стиральную машину и «отмечались» в ней в течение полутора лет. За это время изменились конструкция и внешний вид машин: отошла в прошлое круглая модель с валиком для ручного отжима, появилась первая модель стиральной машины «Сибирь», производства Омского авиационного завода, белье в которой отжималось центрифугой. Мы стали счастливыми обладателями именно такой машины. Машин-автоматов тогда еще не было в помине. Кировская «Вятка» появилась в магазинах Перми где-то в начале 1980-х гг.

Со временем удалось купить «по случаю» швейную машинку, книжный шкаф и письменный стол. Практически ни одну вещь мы не могли купить спокойно и планомерно, за всем приходилось «охотиться» или «ловить» случайно, перехватывая «взаймы» деньги на покупку у друзей и знакомых. Доходы у всех пермяков были приблизительно одинаковыми, и на каждую покупку откладывалась какая-то сумма из скромного семейного бюджета. Иногда удавалось получить ссуду в заводской кассе взаимопомощи.

Телевизоры в 1950-е гг. только появлялись у пермяков, и тоже были большой редкостью. Первые телевизоры имели крошечный экран (размером, приблизительно, 9 на 12). В эти годы к ним уже продавались огромные линзы, увеличивающие изображение на экране до диаметра линзы. Черно-белому изображению не хватало резкости, часто оно искажалось какими-то помехами. Такой телевизор удалось привезти из Москвы мужу моей подруги. В то время пермяки могли смотреть передачи только из Москвы. Передачи не были регулярными. Во время редких трансляций, в комнатке счастливых обладателей телевизора собирались все соседи. Довольно долго было принято приглашать друзей специально «на телевизор». Регулярные передачи пермского телевидения появились в 1958 г. В нашей семье по большому «блату» черно-белый телевизор появился в 1970 году, когда старшей дочери уже исполнилось 14 лет. До этого мы ходили «на телевизор» к живущим по соседству друзьям. Цветной телевизор удалось «выстоять» в очереди в конце 1980-х гг.

Это, конечно, далеко не все сложности быта, которые стояли перед пермяками в эпоху «развитого социализма». Но, так или иначе, они решались моими неунывающими согражданами. Все бытовые проблемы, которые переживала и преодолевала наша семья, были проблемами не только всего населения нашего города, но и всей страны, за исключением, разве что, столичных городов, но и там далеко не все было в порядке.

ДОМИК НА СОВЕТСКОЙ

1

Праздник начинался с маминых слов: «Нас ждут на Советской».

Точнее, даже раньше этих слов, когда она еще только вынимала из почтового ящика конверт со штемпелем «Местное» и, не скинув пальто с печальной чернобуркой на плечах, в кокетливой шапочке-таблетке, распечатывала и читала, улыбаясь, письмо. Значит, получено приглашение в гости к лучшей маминной подруге, и мы пойдем в самый замечательный дом в Перми.

В пятидесятые-шестидесятые-семидесятые годы, о которых пойдет речь и которые нынче для многих людей уже *tempus incognitum*, домашние телефоны были редкой роскошью. Общались с помощью писем. В те времена почта занималась не ребрендингом, а менее шумным, но более полезным процессом своевременной доставки всех видов корреспонденции многочисленным адресатам. Письмо, опущенное утром в почтовый ящик, к вечеру пермский адресат получал обязательно. Телеграмму внутри города доставляли за час-два. Благодаря незаметному труду почтовых работников обыватели имели в ту пору надежную и оперативную связь друг с другом.

Итак, полученное письмо окунуло нас – меня и мою старшую сестру-отличницу Веру – в радостное предчувствие близкого праздника, в то состояние, которое гениальный Гоголь назвал именинами сердца. И вот мы собираемся в путь.

Почему-то особенно запомнилась зимняя дорога. Может, потому что зимой брали с собой легкие деревянные санки, и это обстоятельство превращало неблизкое путешествие с улицы Карла Маркса от Горьковского сада до жилых кварталов на Слудской горе в веселое продвижение по городу с нехитрыми ребячьими забавами, с хохотом, с падениями в мохнатый снег.

А, может, и потому что ранняя зимняя тьма и нечастые островки тусклого света фонарей в ореоле снежной пыли превращали наш семейный поход в некое сказочное продвижение из мрака в свет – и снова в таинственную темноту до следующего подслеповатого фонаря на деревянном столбе или на стылом железном ажуре.

На сугробы, на тротуары падал свет из окошек одно- и двухэтажных домишек, из-под вечернего разноцветья абажуров. Желтые, розовые, зеленые заплатки на белом холсте хрустящего снега радовали пешехода на завьюженной улице напоминанием о тепле и уюте.

По пути наши родители заворачивали в магазин, чтобы не с пустыми руками идти в гости. Шикарный зеркально-мраморно-стеклянный в 1950–1960-х годах гастроном № 1, он же «Центральный», отличался от своих менее именитых собратьев продуктовым и вино-водочным изобилием, затейливыми выкладками всевозможных изысков советского пищевого прома в блестящих витринах. Работницы прилавка – значительные, словно народная артистка СССР Вера Пашенная, – поддерживали репутацию центрального предприятия торговли несуетным поспешанием.

Если же мы отправлялись на Советскую другой дорогой, спускаясь по улице Куйбышева к площади Окулова (где нынче разбит сквер Уральских добровольцев), то на перекрестке с улицей Ленина заходили в магазин, занимавший здание в стиле «*art nouveau*». Трехэтажный красавец полыхал светом изнутри и через огромные окна освещал округу, облегчая прохождение вечернее продвижение к цели. Это строение да еще стоявшее наискосок на противоположной стороне улицы здание в виде замка-дворца – бывший дом купцов Грибушиных, а затем контора Пермского отделения Сибирского торгового банка – своим видом восполняли архитектурные лакуны невыразительных построек близлежащих кварталов. Оба здания впоследствии снесли, чтобы на их месте построить типовой параллелепипед Дома советов и угрюмые бастионы краевой администрации, переходящей в Культурно-деловой центр.

Но до свершения варварства на улице Куйбышева еще далеко. А пока мы с сестрой на санках несемся мимо модернистской красоты и сворачиваем к Осинскому спуску, чтобы, дождавшись родителей, по крутой улочке взобраться на гору и, миновав галсами короткие кварталы с водоразборными колонками на перекрестках, остановиться на вершине Слудки у деревянных ворот с надписью «Ул. Советская 101».

За воротами начиналась тропинка. Она вела вглубь двора, к двухэтажному строению с ветхим фасадом, словно сбежавшему из декораций к «Спящей красавице». Из квартиры доносилась музыка: чуть слышный рояль переливался задумчивыми *agreggio*. Окно рядом с дверью в квартиру искрилось морозными кружевами застывших звуков шопеновского прелюда. Но раздавался звонок, обрывалась нить волшебной музыки, слышались приглушенные голоса, шаги – и вот уже дверь нараспашку, и радостный возглас хозяйки как приз на финише путешествия по зимней Перми:

– Любки и Мишки пришли! Здравствуйте, дорогие!

«Любки и Мишки», понятное дело, всё наше семейство (кроме кота Василия), явившееся в гости. Встречают нас «Ирки и Гришки». То есть, помимо взрослых хозяев дома, еще и старший сын Влади-

мир, уже меняющий дискант на рокочущий баритон, и младший Сашка, в быту просто Саха, с котом Урсиком на руках.

Наконец, дочиста обметены голиком в сених валенки, все перецелованы и переобняты, первые восторги утихли.

– Кто замерз – к печке, кто проголодался – к столу, – подаёт команду «Гришка». Для меня он – дядя Гриша, а для сестры уже – Григорий Павлович.

Со стуком задвинут засов. На наружной створке дверей равнодушная луна освещает медную табличку возле кнопки звонка. На металлическом прямоугольнике выгравировано «Николай Петрович Обнорский».

2

Филолог Николай Петрович Обнорский был одним из тех петроградских энтузиастов, которые в 1916 году в «первом эшелоне» научного десанта прибыли в Пермь создавать основу только что учрежденного университета. К тому времени, в 1914 году, Н.П. Обнорский уже получил чин статского советника (в армейской иерархии это без пяти минут генерал-майор, в гражданской соответствует вице-губернатору). То есть, по своему положению он входил в группу представителей высшей номенклатуры государства с особыми привилегиями и высокими должностными окладами. Через год после приезда в Пермь была ликвидирована новой властью дореволюционная иерархическая лестница, и возможность титуловаться «ваше высококородие», принадлежность дворянскому классу могли дорого стоить Николаю Петровичу. Во всяком случае, любая административная карьера была для него закрыта.

В канун столетнего юбилея вуза грех не вспомнить имена добровольцев, составивших в начальный период костяк профессорско-преподавательского корпуса вуза. В голоде, холоде, разрухе и неразберихе грянувшей вскоре гражданской войны эти подвижники просвещения превращали Пермь в первый университетский город на Урале. Кроме зданий, подаренных университету купцом Мешковым, здесь почти ничего не было. Отовсюду, где только можно было достать, везли сюда, преодолев сотни, а то и тысячи километров опасных военных дорог, оборудование для лабораторий, учебные пособия, книги. Николай Петрович Обнорский создавал фундаментальную библиотеку университета. До сих пор она является тем кладзем знаний, о котором в один из юбилеев первого директора библиотеки было справедливо сказано как о «мощном университетском книгохранилище в Перми, где неизменно и равномерно были представлены интересы науки в целом».

Н.П. Обнорский был энциклопедистом, что для преподавателей старого времени не было редкостью. Он окончил Петербургский университет по классическому, а затем и романо-германскому отделениям, и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Николай Петрович владел латынью, древнегреческим и всеми основными современными европейскими языками; прекрасно чувствовал мир античности, глубоко знал литературу и культуру разных эпох. О его эрудиции свидетельствует хотя бы тот факт, что в течение десяти лет он был автором многочисленных статей из области античной культуры, подготовленных по просьбе редакции знаменитого Большого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Обнорский, как уже говорилось, стал первым директором фундаментальной библиотеки, но также и первым заведующим кафедрой иностранных языков, создателем историко-филологического факультета. Благодаря своим знаниям, душевной отзывчивости, трудолюбию и коммуникабельности он был центром притяжения не только ученых Перми; его стараниями были созданы каналы научного общения со всем просвещенным миром.

Выпускница 1930 года, дочь другого основоположника Пермского университета – известного биолога Александра Германовича Генкеля – лингвист Мария Александровна Генкель вспоминала о своем учителе так:

– Лекции Николая Петровича Обнорского по истории литературы были замечательны по широте привлекаемого им материала. Он обращал наше внимание на вопросы скульптуры и архитектуры древней Греции и Рима, приносил нам огромное количество книг с соответствующими иллюстрациями. Он и умер скорострительно на пути от дома до университета, таща, как обычно, сумки с книгами для своих студентов. Изумительный был человек! Простой, душевный, трудолюбивый, очень скромный. Мы, например, не знали в то время, что он был автором большого количества литературоведческих статей в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Николай Петрович преподавал нам, небольшой группе лингвистов, и английский язык, дав нам весьма основательные знания. Мы начали читать романы Диккенса в подлиннике, а затем перешли к Байрону.

Справедливости ради надо заметить, что 75-летний Н.П. Обнорский внезапно скончался в 1949 году не «таща книги», а усаживаясь в автомобиль после заседания кафедры, которой он руководил. Это подтверждает и его внук В.В. Обнорский. Как бы то ни было, своей подвижнической миссии Николай Петрович служил буквально до последнего вздоха.

Профессор, доктор филологических наук Маргарита Николаевна Кожина, выпускница университета 1946 года, считала, что именно Николай Петрович Обнорский подтолкнул ее к выбору научной специальности:

– В маленькой комнате верхнего этажа бывшего химического корпуса, где у нас в течение двух лет были занятия по латинскому языку, мне впервые открылся поразивший меня мир музыки слова, латинской речи; такой разный: в ясных, четких, лаконичных, чеканных фразах «Записок о галльской войне» Цезаря; эстетически совершенных и торжественных речах Цицерона; полных звуков бушующего моря стихов Вергилия. Тогда я даже как-то физически ощутила красоту латинской речи. Поняла, что это такое – язык! Латынь для меня до сих пор – само совершенство. Секрет такого восприятия крылся, конечно, и в качестве самого этого древнего языка, но немалая (нет, великая!) заслуга в этом была и преподавателя – тихого, на редкость скромного и глубоко интеллигентного Николая Петровича Обнорского. Секрет обучения заключался не в заучивании со студентами парадигм грамматики и минимума лексики, а в умении преподнести жизнь слова в речи. Но, кроме того, – что особенно важно! – «вплести» изучение языка в мир идей, живых образов, событий, духа Античности. Мастеру своего дела, а не сухому методисту, легко было этого достигнуть, так как Николай Петрович был настоящим энциклопедистом (а не просто свободно владел языком). Пожалуй, на этих первых лингвистических занятиях у меня зародилось функциональное восприятие языка, толкнувшее меня впоследствии заняться изучением именно динамической стороны языка и развивать направление функциональной стилистики.

На волне мемуарных рефлексий всплывают иные образы того далекого уже времени – плоды грустной чеховской иронии. Кто не помнит онтологически безысходную фразу Маши из «Трех сестер»: «В этом городе знать три языка ненужная роскошь!» Под «этим городом» имелись в виду, конечно, и вся российская провинция, и конкретно наш город. Как известно, Чехов сообщал Горькому, что действие пьесы «происходит в провинциальном городе вроде Перми».

Суровый приговор Перми вынесла нервная «сестрица».

Внешне не яркая, но благородная и плодотворная жизнь в Перми Николая Петровича Обнорского, обладавшего знаниями не только «трех языков», – это убедительный ответ чеховской Маше, которая, очутись она в Москве, Париже или Риме, думаю, стенала бы таким же «пермским» образом. Извечно несовершенная жизнь щедра на поводы для уныния. Но пока по воле ироничного автора чеховские сестры страдали от гнета провинции на сцене Московского художественного общедоступного театра, кучка других молодых интеллигентов создала в уральской глубинке университет, в корне изменив тем самым качество культурного и общественного фона Перми, получившей толчок к развитию на долгие годы вперед.

Николай Петрович Обнорский с внуком Володей.

Григорий Павлович Стрелков.

Ирина Николаевна Обнорская.

Горнолыжный спорт в семье Обнорских – Стрелковых стал общим увлечением. Александр и Нина Стрелковы с сыновьями Колей и Мишей по пути на электричку. 1982 год.

Кстати сказать, немалое количество выпускников первого уральского университета – физики, филологи, юристы, экономисты и прочие амбициозные земляки – воплотили мечту чеховских героинь вырваться из провинции «в Москву, в Москву!» Многие въехали в первопрестольную на белом, так сказать, коне, а не Христа ради, но это уже песня о другом.

3

Дом на Советской 101 состоял из нескольких квартир. Наверху жил особой важности инженер Липатов, бывавший в тридцатые годы в США в длительных командировках. Тогда такие поездки «к империалистам» за опытом практиковались достаточно широко. И кто бы в ту пору поверил, что через несколько лет, после мировой «горячей войны», грянет новая, «холодная война», и что недавние союзники станут носителями обоюдной ментальной идиосинкразии! (Кстати, американская отвертка с красной ручкой – презент Липатова соседям с первого этажа – жива до сих пор). Была странная тихая соседка, похожая обликом и поведением на монашенку. Разный проживал народ. Обитатели деревянных хором с печным отоплением и холодным туалетом (хорошо, что в сенях, а не на улице!) соседствовали мирно, помогали друг другу в быту, порой и праздники встречали за одним столом.

Все это было уже на моей детской памяти. Николай же Петрович с дочкой Ирочкой и экономкой (еще из Петербурга) Агафьей Яковлевной въехал в трехкомнатную квартиру № 6 дома на Советской в 1926 году – после ранней кончины жены Анны Алексеевны.

Я не застал в живых Николая Петровича. В гости на Советскую мы ходили к его дочери Ирине Николаевне Обнорской и мужу ее, Григорию Павловичу Стрелкову. Любопытно, что дети двух лингвистов, имевших непосредственное отношение к становлению Пермского университета, преодолев нешуточные превратности судьбы и трагические ее изломы, соединились в одну семью.

Отец Григория Павловича – Павел Георгиевич Стрелков – работал в Пермском университете с 1925 по 1931 год и с 1947 по 1948 год. По свидетельству современников, доцент Стрелков был блестящим лектором и вдумчивым исследователем языка. Будучи в Перми, Павел Георгиевич принимал участие в составлении «Грамматики русского языка», изданной АН СССР. Авторитетнейший ученый академик В.В. Виноградов называл П.Г. Стрелкова выдающимся советским лингвистом.

Кстати сказать, судьба свела обоих ученых в 1930-е годы в Вятке, где Павел Георгиевич преподавал в местном пединституте, а будущий академик, осужденный «по делу филологов» за участие в мифической Российской национальной партии, отбывал ссылку.

Вот как об этом вспоминала Надежда Матвеевна Малышева-Виноградова, вдова академика: «Благословила судьба Виктора Владимировича тем, что в Вятке жил доцент Павел Георгиевич Стрелков. Вот эта семья приняла большое участие в Викторе Владимировиче. Уж не говоря о библиотеке, о том, что Виктор Владимирович пользовался у Павла Георгиевича всеми его книгами, нужными ему для работы. У Павла Георгиевича была чудная жена (она, к сожалению, рано умерла). Они очень тепло отнеслись к Виктору Владимировичу. Он часто ходил к ним в гости».

Надо ли объяснять, что дружеское отношение к ссыльному, контакты с ним, которые невозможно было скрыть в маленьком городке от бдительных сотрудников НКВД, могли иметь (и имели) весьма неприятные последствия для Павла Георгиевича. Но ведь благородный человек тем и отличается от торгаша, что метафизически приговорен к примату духа и чужд корыстной осторожности – дескать, а что мне за это будет?

Павел Георгиевич неоднократно бывал в квартире Николая Петровича на Советской – и до войны, и после нее. Они приятельствовали задолго до того, как их дети – Ирочка и Гриша – решили пожениться. Хотя, казалось бы, в небесной канцелярии этот брак не был запланирован. Ирине Николаевне приглянулся самостоятельный, интересный собой инженер испытательного цеха моторостроительного завода Владимир Епишин, и она вышла за него замуж. Зимой 1944 года ее муж на личном самолете легендарного директора завода Анатолия Григорьевича Солдатова вылетел в командировку в Сибирь. Самолет потерпел катастрофу (поговаривали даже, что это была диверсия), все, находившиеся на борту, погибли. Ирина Николаевна долго не могла оправиться от потрясения. Рухнуло все: надежды на счастливую жизнь после приближающейся Победы, мечты о научной карьере, радости личной жизни. Она покинула квартиру в заводском «инженерском доме» на Героев Хасана и вернулась с маленьким сыном Владимиром к отцу на Советскую 101, пытаясь забыть от горя в беспокойной работе школьного учителя и преподавателя латыни в мединституте. (Владимир Обнорский рассказывал мне, что дед Николай Петрович взял тогда в свои руки дело его воспитания. С четырех лет мальчик учился читать и писать. С пяти он должен был наблюдать за природой и ежедневно заносить в дневник показания барометра и термометра. В шесть лет, со словами «незачем большому мальчику без дела болтаться», дед отвел Владимира в школу).

Павла Георгиевича с детьми-подростками Татьяной и Гришей тоже ожидало тяжелейшее испытание: в 1941 году в Харькове они попали в оккупацию, прошли через кошмары концлагеря, были угнаны в Германию, где и потеряли друг друга на долгие годы. Григорий во время бомбежки военного завода американцами (он работал посыль-

ным) сумел убежать и больше года скрывался в простой немецкой семье. Отец и сын Стрелковы были освобождены Красной Армией, а Татьяна, как выяснилось позже, оказалась в американской зоне оккупации и в итоге очутилась в США.

За проживание на территории врага оба Стрелкова заплатились, испытав суровую немилость родного государства. Павел Георгиевич оказался в гостеприимной Воркуте. Григорий первое время работал переводчиком в фильтрационном лагере, а как только ему стукнуло восемнадцать, военкомат отправил его на трудовой фронт, на восстановление шахт Донбасса (в армии служить ему не доверили). Тяжелым трудом искупая непонятную вину непонятно за что, Григорий два года работал бурильщиком. Однажды попал в шахте в завал, но чудом спасся; с тех пор до конца дней у него оставался легкий тик, делавший время от времени его лицо по-детски беззащитным. В 1947 году его выслали на Урал, в Пермь. Знание непопулярного тогда немецкого языка, губная гармошка «Weltmeister» как память о чужбине, крепкие мускулы да полная неопределенность жизненной перспективы – таким был багаж вчерашнего молодого шахтера, находившегося под присмотром компетентных органов. Но именно в Перми его ждала встреча (не с первых шагов обещавшая взаимность чувств), которая озарила его жизнь редким светом счастья. Я не встречал в жизни более гармоничного союза, более любящей и внимательной друг к другу семьи – хрупкой, словно точеная статуэтка, Ирины Николаевны, остроумного и могучего Григория Павловича и их сыновей Володи Обнорского и Саши Стрелкова.

4

Не стану сочинять, что еще школьником я понимал историю этого дома. Нет, совсем другое притягивало сюда. Нам – детям, а затем и молодым людям – в этом доме было всегда интересно, легко, весело. Тогда мы не задавались вопросом – почему? Это сегодня можно сказать – благодаря радушию, благодаря простоте и душевности общения, благодаря пронизывавшей тот дом энергии молодости и жажде жить, то есть всему тому, что французы обозначают коротким и емким понятием «vivre pour vivre». В то же время стены этого дома, словно кремовые шторы булгаковского дома Турбиных, надежно защищали от суеты внешнего мира. Атмосфера «Советской 101» достаточно рано помогла мне сформулировать одну важную мысль: быть свободным – это всего-то означает не включаться в ретрансляцию рутины и не поддаваться на соблазны и посулы. Самостоятельный мир этого дома отменял существование провинции, которая, если уж и берет кого-то в оборот, то начинается внутри, а не снаружи, то есть в голове, а не на улице. Дом был создан его обитателями-демиургами и стоял в центре творения.

Самодостаточность и покойный уют исходили от громады концертного рояля в большой комнате, от ровных рядов фолиантов за стеклом большого книжного шкафа, от огромного протертого бархатного дивана, от плавающей по шнуру вверх-вниз лампы под зеленым стеклом абажура, от старинного барометра в бронзовой оправе и даже от скромного кухонного столика у потрескивавшей жаром печки, рядом с которой было так замечательно слушать сказки и всяческую бывальщину.

Непременным участником наших детских игривых становился Григорий Павлович. Он получал не меньшее, чем мы, удовольствие, показывая нам различные фокусы. На «бис» шло отрывание и возвращение на место пальца или втирание в ладошку монетки и нахождение ее в кармане чьего-либо пальто в прихожей. Показ фокусов со спичками и разгадывание «спичечных» задачек могло затянуться не на один час, пока в соседней комнате за столом шли взрослые разговоры. А какой театр теней устраивал хозяин дома! Я и сегодня помню всех тех собачек, жеманных барышень, злодеев и смешные разговоры персонажей, рождавшихся на стенке с помощью настольной лампы и искусных манипуляций. Григорий Павлович показывал нам диафильмы, сопровождая их демонстрацию забавными приколами, или настоящее кино – живой луч узкоплёночного проектора рисовал картины различных приключений на небольшом белом экране.

А сколько уголков было просто создано для игры в прятки. Помню, спрятавшись возле книжного шкафа, я уткнулся носом в корешок толстого тома с непонятным названием «Махабхарата». Так я узнал о существовании древнеиндийского эпоса. Читая книгу через несколько лет, я обнаружил пометы, сделанные рукой самого переводчика этого гигантского и сложного текста, академика из Душанбе и дальнего родственника Обнорских. Впрочем, подрастая, мы узнавали от обитателей этого дома немало нового – из разговоров с мудрой и жизнерадостной Ириной Николаевной, во время лыжных вылазок с Григорием Павловичем (он, например, зачитывал за чаем во время отдыха на снежном склоне отрывки из ходившего по рукам самиздатовского «Тёркина на том свете» или демонстрировал нам – мальчишкам – приемы горнолыжного поворота «телемарк»), из рассуждений старшеклассника Владимира, из толковых не по возрасту комментариев Сахи по поводу очередных приобретений – почтовых марок.

Минувшим летом, проводывая Сашу Стрелкова (у него серьезные неприятности с ногой, требующие операции), я прогуливался с ним по дорожке над Камой. Точнее, мы выгуливали подобранного Александром вороненка Карла, не умевшего ни есть самостоятельно, ни летать. Постепенно, благодаря терпению и упорству заботливого воспитателя, обреченный судьбой на голодную смерть птенец черного ворона стал хорошо и строго по расписанию есть и научился взлетать на плечо спасителя и на ветки деревьев.

– Я его учу не летать, а махать крыльями, – шутил Александр. (До вороненка он также воспитал подобранного на улице несчастного и одинокого галчонка. Тот постепенно освоился в окружающем пространстве дома и улицы, время от времени улетал в гости к друзьям на деревья у художественной галереи, а через год улетел навсегда, потому что вырос).

Пока Карлуша плескался в теплой луже на тротуаре, мы со Стрелковым вспоминали дом на Советской.

– Как ни странно, образ города и дома у людей, прошедших детство и юность в Перми в одно и то же время, существенно различается. Для меня, например, это был светлый, радостный образ. Ныне столичный писатель Анатолий Королев в своем эссе «Утонувшее время» сообщает: «Пермь моей юности – уродливый город... Для того чтобы полюбить это израненное, замусоренное пространство, нужно обладать мощным эстетическим чувством». Он, кстати, жил на той же Слудской горе, в двух кварталах от Советской 101.

Твой брат Владимир, покинувший Пермь полвека назад, с доброй ностальгией говорит о той полудеревенской – полугородской жизни на Слудке с зелеными дворами, с пасущимися на лужайках козами, со старушками на скамейках у ворот, с весельем на летней Каме под горой, но и с обязанностями, дисциплинировавшими человека. Он вспоминает, что зимой приходилось почти каждый день убирать во дворе снег, расчищать тропинку к сараю, весной – сбрасывать снег с крыш, прорубать канавы для ручьев, чтоб не затопило, носить воду с колонки и дрова из сарая для двух печей – это уж каждый день. А у тебя какие воспоминания о доме детства и юности, о пространстве, окружавшем его?

– Если коротко, то было весело и хорошо.

Моя комната выходила окном на юг. Зимой часов в 12 она была озарена янтарным блеском, замерзшие стекла ярко сверкали, наполнили дом радостью. Помню, печь топили вечером. В трубе ветер воет, вьюга на улице. А ты заберешься на теплую верхотуру с книжкой и читаешь – чудо. Глянешь в окно – там огромные двухметровые сугробы, луна освещает двор и дорожку, убегающую к воротам. Все в голубом сиянии. В морозы к утру тепло выветривалось, даже покрывалась льдом вода в бачке. В такие дни спали, укрывшись шубами, а вместо тапок носили обрезанные «до косточек» валенки.

В нашем дворе было четыре дома. Двор – это не улица, это особый мир. Конечно, мы знали всех в нашем квартале, но свой двор все-таки ближе, родней, понятней. Здесь мы с друзьями играли в пинг-понг, в городки, зимой катались на лыжах.

– Такое ощущение, что на Советской 101 не иссякал некий импульс творчества. Он поселился там как домовый. У меня перед глазами картина: летний вечер, открыто окно в сад, Ирина Николаевна за роялем.

– Да, она хорошо играла. Помню, идя домой, мы с ней купили у букинистов ноты «Лунного света» и «Девушки с волосами цвета льна» Дебюсси (об этом она давно мечтала) – мама замечательно сыграла эти пьесы «с листа». Она любила играть Шопена, Рахманинова, Чайковского. Музыка звучала в нашем доме каждый день, было много пластинок, которые «крутили» на проигрывателе, и мы следили за исполнением по партитуре – это позволяло глубже понять музыку. Дом воспитывал нас постоянно и разносторонне. Музыка, книги, любовь к животным – это мамино влияние. Увлечение спортом, техническим творчеством, тяга к природе – это от отца.

– Но я прекрасно помню и другое. Пока ты был мал и еще не освоил флейту, пока не выучил наизусть «Концерт для скрипки с оркестром» Сибелиуса, пока акустическую гитару ты не заменил на самодельную электрическую, твой брат Владимир и Григорий Павлович виртуозно играли дуэтом – один на мандолине, другой – на балалайке, срывая аплодисменты гостей дома. А европейский шлягер – полечку «Розамунда» – я впервые услышал именно в исполнении твоего отца на губной гармошке.

– Была еще и «Лили Марлен», и другие песенки. Но все у него увязывалось с техническим творчеством. Я вижу, как он поздним вечером в темноте сидит у приемника, светится зеленый глазок индикатора, плывет какофония звуков – и вдруг чисто и ясно играет аккордеон. Включается магнитофон, идет запись. Он собрал богатую коллекцию немецких народных мелодий, популярной музыки. Но любил вместе со всеми слушать и классику. Так вот магнитофон был не покупной, в Перми их тогда попросту не существовало.

– Да-да, Григорий Павлович собрал его сам и назвал в честь Ирины Николаевны «Ирень». Помню.

– Не совсем так. Оба собранные им магнитофона были без имени (первый у него украли из экспозиции, с выставки технического творчества). «Иренью» он назвал музыкальный центр. Это было «три в одном»: телевизор, проигрыватель и магнитофон. Кстати сказать, в 1961 году он одним из первых в Перми собрал телевизор. Техническое чудо по тем временам. Тогда ведь не существовало микросхем, значительно упрощающих процесс сборки и отладки. Какая это была скрупулезная работа! Телевизор «ловил» обе общесоюзные программы. Тогда мы впервые увидели и услышали «битлов», они выступили со сцены на льду, на первом чемпионате мира по фигурному катанию. (Сколько же в те годы было всего «впервые»!)

– Он и меня пытался приобщить к радиотехнике. Как-то принес к нам домой пустой корпус из-под патефона, два электромотора – основу будущего магнитофона, который мне под его руководством предстояло собрать. Он был так счастлив, что удалось выпросить

или даже на что-то обменять старенький патефон и что я, наконец, тоже приобщусь к прекрасному миру диодов, триодов, сопротивлений и конденсаторов.

– Вообще в радио он был бог. К нему обращались за консультацией специалисты-физики, преподаватели из политеха, сотрудники из университетского ОКБ «Маяк». А ведь у него отсутствовало техническое образование. Сначала он учился на физкультурника в педвузе (на большее, по понятным причинам, в 1940–1950-х годах он, поднадзорный, не мог претендовать). А позже заочно получил образование в Московском институте иностранных языков, но преподавал недолго – двойки «вечерникам», людям от станка, ставить не мог. Ушел заведовать лингафонным кабинетом, работал переводчиком в НИИ. У него были друзья двух видов – умные физкультурники и спортивные физики.

– Некоторые из них гоняли на лыжах с нами на горах – на Кислотном, в Лядах, в Адищево. Хорошая была компания любителей «крутить слалом», умная, веселая. А как Григорий Павлович плавал! Именно он показал мне на камском пляже где-то в конце пятидесятых диковинный стиль «баттерфляй». Мощный, загорелый, с крупным и рано облысевшим черепом, он срывал восхищенные взгляды дамочек. Вместе с миниатюрной Ириной Николаевной они так хорошо смотрелись.

– У нас во дворе жил еще один здоровяк – морской братишечка. Но его побаивались, потому что он косил под блатного. А отца любили.

Я всем обязан дому детства. Образно говоря, здесь была задана тональность мелодии на целую жизнь вперед. Отсюда и тяга к творчеству – что музыкальному, что техническому, что изобразительному.

– Сейчас на месте вашего дома муравейники панельных девятиэтажек. Как жаль того замечательного двора!

– Дом снесли в 1971-м году, последним во дворе. Когда разбирали соседний дом купца Мусатова, рабочие обнаружили спрятанную саблю в хорошем состоянии, не случайно мы – дети – считали, что дом полон тайн и там находится клад.

Я приходил на руины нашей былой жизни повидаться с липой, что росла напротив моего окна (утром дернешь за шнурок жалюзи, шторка прыгнет вверх – и вот она, красавица). Липа хранила тайну: отец закрепил на ее вершине проводок антенны, и наш скромный на вид, но с широкой шкалой диапазонов «Урал-47» спокойно «ловил» «Голос Америки», «Свободную Европу» и прочую увлекательную антисоветчину. Рабочие при планировке будущей эспланады и строительной площадки завалили липу огромной кучей земли, и дерево засохло, но еще долго сопротивлялось насилию и было ориентиром, напоминавшим о территории другой жизни. Липу все-таки спилили лет десять назад. Сейчас здесь стоит девятиэтажка под номером 83.

Недавно Владимир Обнорский – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Радиевого института имени В.Г. Хлопина – приезжал из Петербурга навестить Пермь, поклониться праху своих родных, обустроить последний приют бабушки и деда рядом со старой кладбищенской церковью в Разгуляе. Мы встретились за столом на кухне большой трехкомнатной квартиры в бывшем «генеральском» доме на Осинской, где поселилась семья Стрелковых – Александр и его спокойная умница жена Нина, гордость механико-математического факультета университета, мать двоих замечательных сыновей и бабушка своих любимых внуков, покорительница водных туристических маршрутов и отчаянная горнолыжница. Они очень похожи друг на друга.

Станным образом, совершив некую петлю в пространстве, судьба поселила Стрелковых в двух кварталах от «Советской 101». Здесь многое напоминает ту – ушедшую – жизнь, утонувшее время. И лыжи с велосипедом в прихожей, и барометр двухсотлетнего возраста, и дедушкины статуэтки и книги, и аквариум, словно волшебным образом телепортированный с Советской на Осинскую. На диване, рядом с гитарой, нежится большой кот с традиционным именем Урсик и поглядывает дружески на вороненка Карла, разгуливающего в просторной клетке. Под прозрачными колпаками покоятся филигранной работы модели парусников, крейсеров, катеров. Александр – великолепный судомоделист – по окончании института после некоторых исканий предпочел инженерным проблемам динамической прочности машин работу с детьми на станции юных техников. Не подсчитать, скольких ребятишек он увлек интересным и полезным делом, скольких мотовилихинских ухрей оторвал от улицы и уберег от тюрьмы в лихие девяностые.

Но прежде всего напоминают былую жизнь не ее артефакты, а переселившийся сюда ее дух. Дух деятельной, осмысленной жизни, оберегающий дом и его обитателей от напора наглого примитива культурных революций и звона настырных брендов, на которые падка современная Пермь. И чтобы спасти ее от скверны опустошительного опрошения, необходимо сознавать, что «в этом городе знание трех языков» совсем не роскошь, а необходимость.

Р.С. 28 сентября, в день, когда я поставил последнюю точку в очерке, скончался Александр Стрелков. Его внезапный уход для многих стал неожиданностью, ведь он никогда не любил говорить о своих болячках, и люди не знали о них. Впрочем, Саша вообще старался ничем не «грузить» окружающих. Воспоминания о доме на Советской я посвящаю памяти этого светлого человека.

ГОРОДСКАЯ СИМФОНИЯ

Замечательно, что первые выпуски сборников «Пермский дом в истории и культуре края» открывались статьями А.Б. Киселёва, заместителя директора Краевого центра по охране памятников истории и культуры края. Без них было бы трудно представить себе, что в Перми более 300 зданий и сооружений являются объектами культурного наследия, а 15 из них – имеют статус федерального значения. Что здесь работали известные, талантливые архитекторы. Что Пермь «выстроена правильно, можно сказать, правильнее Нью-Йорка...» Эта «базовая» информация просто необходима для восприятия в дальнейшем очерков профессора О.Л. Лейбовича «Дома без всякой архитектуры», архитектора В.Г. Новинского «О формировании Перми» и других серьезных аналитических работ, после которых становится грустно. Наверное, авторы во многом правы, это специалисты в своих отраслях знаний. Но столько негатива нелегко переварить. Хотя и вспоминается сразу строка из автобиографического повествования писателя и журналиста, нашего земляка Михаила Осоргина, который, любя свой город детства и тоскуя по нему в изгнании, писал тем не менее: «Я родился в жалком городишке...» Это тоже о грустном, но сколько здесь лирики и страдания.

Многие из авторов сборников для того, чтобы написать небольшие тексты, посвящают часы и дни напролет изысканиям в архивах и библиотеках, изучают устную историю замечательных домов через старожилов Перми, публикуют собственные воспоминания, обращаются к произведениям художественной литературы о нашем городе. В результате дом, чем-то замечательный для одного человека, становится интересным для многих. При этом авторы нередко сочетают сугубо технические описания зданий и собственные трогательные эмоциональные и эстетические чувства и переживания. И это очень понятно, знакомо.

Вот представьте себе.

Поздняя осень. Серый вечер со снегом и влажным ветром. Настроение ещё хуже, чем погода. Переходишь улицу с трамвайными путями и слышишь орган. Всё. Ты уже – другой человек! На углу – лютеранская кирха из красного кирпича.

Захожу в высокую дверь, а звуки органа откуда-то ещё выше, как с неба. Поднимаюсь на второй этаж, и музыка со всех сторон. Небольшой зал, около десятка слушателей-прихожан. Тихонько прохожу вперёд, но музыкант увидел нового посетителя. Спросил:

– Вы что хотите услышать?

– Мне интересна любая духовная музыка.

И вот уже Бах возносит твою душу к небесам. Кажется, паришь вместе с креслом над миром, забывая все проблемы. Правильно говорят: музыкой Баха Бог говорит с нами! Хотя я и случайный посетитель храма, неверующий человек, более того, вообще «нехристь».

Орган называют оркестром одного исполнителя. И вот он, по-видимому, музыкант-любитель, почти в течение часа играл для прихожан и случайных гостей. Звучали отрывки из наиболее популярных произведений Баха и Генделя.

На два квартала выше по этой же улице Горького – польский католический костёл, и тоже с органом. Хотя органы в настоящее время в обоих храмах не совсем настоящие, электронные. Дело в том, что из-за шума и вибрации, создаваемых движением трамваев, музыка духовного инструмента – органа – будет иметь слишком много помех, поэтому прихожане мирятся с тем, что есть. Правда, сравнительно новый и замечательный наш пермский органый концертный зал – тоже рядом с трамвайными путями, но там об этой проблеме не говорят.

Много позже я случайно узнал, что тот органист – сын моего знакомого. Все они из известной в Перми семьи Малеевых, жившей в Доме учёных. Отец органиста, Кирилл Иванович, недавно умер. Ему было только 60 лет, когда его не стало, но он успел организовать лесотехнический факультет в Пермской сельскохозяйственной академии, а еще кафедру лесоведения и садово-паркового строительства. Факультет, к сожалению, тоже скончался, вслед за основателем, а кафедра пока остаётся своеобразным памятником ему. Органист, музыкант-любитель, наверняка окончил какую-то музыкальную школу в Перми, как и его сестра, которая ещё и выпускница Петербургской консерватории. Малеев-младший работает программистом в Австрии. Приезжая домой, играет для себя и прихожан лютеранской кирхи на органе. А сестра его после окончания консерватории осталась в Петербурге. Когда я спросил Кирилла Ивановича о дочери, по какому классу она окончила консерваторию, – он ответил, заулыбавшись: «Они оба с мужем – клавишники».

Все Малеевы – выпускники Пермского университета, и работали там. Старшие из них – доценты и кандидаты наук, физики, а Кирилл Иванович был ботаником. Все в семье любили классическую музыку, а некоторые музицировали на разных инструментах. Вот подобные семейные традиции и формируют в нашем городе высокую культуру, в том числе и музыкальную.

Кстати, если пройти за лютеранскую кирху квартал в сторону Разгуляя, то увидишь по улице Екатерининской, 31, похожее на храм здание. Оно расположено под тем же углом к перекрёстку, что и

кирха, причём, величиной и силуэтом похоже на неё. На здании нет никакой вывески. И оказывается, многие пермяки гадают, что в этом доме? Сообщаю, что здание принадлежит организации ООО «Проминтех», которая там и функционирует. Этот, сравнительно новый, пермский дом построен полтора десятка лет назад из стекла, металла и красного кирпича, в глубь улиц Екатерининской и Островского, на месте снесённых сараев. В нём четыре этажа, считая цокольный. Каждый этаж – площадью в 150 кв.м. Я там работал недолго, и за это время дважды приходили посетители, почитавшие, что в этом здании – тоже церковь.

В конце XVIII века, после того, как наш город получил статус губернского, здесь интенсивно стала развиваться церковная певческая культура. Хотя истоки певческого обучения детей в начальных школах обнаруживают себя ещё в деятельности первых горнозаводских школ. И об этом также рассказано в одном из сборников «Пермского дома», в статье Т.В. Ивановой. По ее словам, о необходимости приобщения учеников к церковному пению высказывался ещё В.Н. Татищев, активно занимавшийся организацией образования на Урале. С 1800 г. в Пермской губернии работала духовная семинария, но специально выстроенное новое трёхэтажное каменное здание она получила только в 1843 г. В 1818 г. при семинарии открылось трёхклассное духовное училище. В 1850 г. для училища было приобретено отдельное двухэтажное здание с цоколем на углу улиц Покровской и Оханской. Здесь оно и работало до своего закрытия в 1917 г.

Музыкальная подготовка в духовных учебных заведениях предполагала обучение игре на музыкальных инструментах. Это позволяло выпускникам заниматься музыкально-педагогической деятельностью в церковно-приходских школах, в училищах и гимназиях.

У церковного пения особая шкала ценностей, где наивысшим достоинством являются не только эстетическая привлекательность и гармония, но и польза для души. Церковь всегда подчёркивала, что нравственный компонент в духовной музыке – основной. В церковном хоре возникает удивительная духовная связь между певцами, основанная на общности вероисповедания и уклада жизни, а также нравственности и правил поведения.

С 1996 г. при часовне святителя Стефана Великопермского были созданы вновь вечерние курсы регентов, а в 2003 г. в Пермской епархии повторно открылось Духовное училище, в программе которого, помимо богословских предметов, есть и церковное пение. А в здании бывшего духовного училища на углу улиц Ленина и газеты «Звезда» с 1975 г. работает Пермский государственный институт искусств

и культуры (ныне академия). Недавно здесь открылся факультет композиции, причём с основания этого вуза в аудиториях звучит прерванная на десятилетия и хоровая музыка.

Автору приходилось бывать на вечерах в некоторых пермских домах, где представители старшего поколения поют в церковном хоре. Нередко они при застольях исполняют музыкальные произведения на несколько голосов. Чаще бабушки, чем деды бывают приучены к такому сложному исполнению многолетним участием в церковном хоре. Когда семейный хор поет по старинным русским традициям, кажется, что звучание похоже на аккорды органа, особенно, когда исполняются духовные произведения Д.С. Бортнянского и П.И. Чайковского. В исполнении домашнего хора вековая преемственность. Многие песни на таких вечерах слышишь в первый раз, и вспоминается, что с конца XIX века в Пермской губернии работал выдающийся музыкант-хормейстер, бывший оперный певец Александр Дмитриевич Городцов.

А.Д. Городцов окончил юридический факультет Московского университета, служил присяжным поверенным. Затем, имея музыкальное образование, выступал солистом в Казанской опере, даже в Москве и Петербурге и, наконец, в Перми. Он разработал проект организации в губернии народных хоров, причём хоровое движение развивалось при поддержке Попечительства о народной трезвости, а главным попечителем официально являлся пермский губернатор. В 1897 г. результаты работы Городцова увидел и, естественно, услышал сам министр финансов России. Когда императору доложили о работе народных хоров в Пермской губернии, он повелел организовать певческое общества повсеместно.

В то время, когда Городцов приступал к такому, без сомнения, творческому подвигу, в губернии существовало около 40 церковных хоров, но ни одного светского. Александр Дмитриевич организовал краткосрочные регентские курсы, которые возглавлял в течение двух десятилетий. Курсы окончили более двух тысяч человек, из них учащих и сельских обывателей было более полутора тысяч, остальные – лица духовного звания. К столетнему юбилею Михаила Ивановича Глинки силами самодеятельных хоров были проведены многочисленные музыкальные вечера. Особенно большие достижения у хористов сложились перед первой мировой войной. Число участников хоров по губернии насчитывало несколько тысяч, а количество хоров к 1913 году достигало шести сотен – это было сопоставимо с числом хоров всей Российской империи.

А ту, памятную автору спевку, закончили старинной песней «У церкви стояла карета» из репертуара Жанны Бичевской, которая сама как-то рассказывала на концерте в Ленинграде, что записала эту песню в одной из деревень на Чусовой, в наших краях.

Светские музыкальные традиции в Перми складываются в начале XIX века. Например, известны музыкальные вечера и балы, проводимые в доме губернатора Модераха по случаю приезда из столиц важных путешественников и чиновников. Серьезный вклад в развитие музыкальной общественной жизни города внесла семья Дягиловых. Об этом рассказывает в сборниках «Пермского дома», в частности, Елена Боброва, в то время – заместитель директора по музейно-мемориальной части гимназии № 11 им. С.П. Дягилева. Иван Павлович Дягилев, дядя знаменитого впоследствии импресарио Сергея Дягилева, имеет прямое отношение и к организации знаменитого Пермского музыкального кружка. Кстати сказать, старостой этого кружка был и старший брат упоминавшегося здесь писателя М.А. Осоргина – Сергей Андреевич Ильин. О постоянном присутствии музыки в семье Дягиловых много пишет в своих воспоминаниях Елена Валериановна Дягилева, мачеха Сергея. Даже первое появление ее с мужем в его родительском дягилевском доме было отмечено музыкой: «Из дальнего угла громадной столовой, где был накрыт отдельный стол, раздалось вдруг стройное красивое пение: это был лидертафель (певческое общество, нем.)».

В 1859 г. в Петербурге возникло Русское музыкальное общество, через 10 лет оно стало называться Императорским (ИРМО). Отделения этого общества, помимо столичных городов, были открыты в Казани, Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Омске, Тобольске, Томске и других городах. Со временем в этих городах открывались при содействии общества музыкальные училища и консерватории, но Перми в этом списке долго не было. Только в 1908 году, впервые на Урале, в Перми было создано отделение ИРМО. Его директорами стали купцы Грибушины, братья Сергей и Николай Михайловичи. Начались хлопоты по организации Императорского музыкального училища. Но известные в Перми музыкальные деятели А.Д. Городцов, Б.М. Попов и Н.И. Никитин, по словам Л.М. Корж, автора статьи «Непризнанный меценат», также опубликованной на страницах «Пермского дома», не могли примириться с тем, что деятельность музыкального кружка оттесняется на задний план. Грибушины, чтобы уйти от конфликта, в противовес профессиональным музыкантам организовали Филармоническое общество. Но борьба с местным отделением ИРМО привела к закрытию в 1912 г. обоих обществ, потому что музыканты не смогли найти денег, а купцы не имели достаточно знаний и поддержки в музыкальной среде.

А вот в соседнем Екатеринбурге в том же 1912 году музыкальный кружок стал-таки отделением ИРМО, и тоже при финансовой поддержке одного из местных купцов. Через четыре года музы-

кальные классы при нём преобразовали в музыкальное училище, которое со временем переросло в Уральскую Государственную консерваторию.

Первый сборник «Пермский дом в истории и культуре края» был издан Центральной городской библиотекой им. А.С. Пушкина в 2008 году по инициативе Пермской городской администрации в рамках творческого проекта, посвященного 285-летию Перми и 100-летию со дня образования Пермского отделения Императорского Русского музыкального общества. Тогда впервые в конце года, в рождественские дни, в городе прошел своеобразный цикл музыкальных мероприятий под общим названием «Музыка старинных особняков», и частью его стала организованная библиотекой научно-практическая конференция, а материалы конференции вышли в свет в виде сборника. Теперь рождественские культурно-просветительные циклы проводятся в городе ежегодно. Ежегодно выходят в свет и сборники «Пермский дом в истории и культуре края», хотя одноименные конференции давно стали самостоятельными библиотечными краеведческими мероприятиями, оказались очень популярными в городе и даже получили известность за его пределами.

Тема музыкальной жизни в Перми прочно вписалась в содержание сборников, к ней постоянно обращаются авторы, причем, люди самых разных профессий. И неудивительно: несмотря на все исторические перемены, политические хитросплетения и экономические трудности, Пермь остается музыкальным городом, одним из самых музыкальных в России. По-прежнему звучит городская симфония.

Н.В. Красноперова

ГОРОД НА КАМЕ

Пермь в жизни Татьяны Сикорской, переводчицы и поэта-песенника

Имя Татьяны Сергеевны Сикорской, известной советской поэтессы, не забыто и сегодня. До настоящего времени звучат в эфире популярные английские, американские, испанские песни, слова которых были переведены на русский язык семейным содружеством поэтов: Татьяной Сикорской и Самуилом Болотиным. Их песни входили в репертуар известных исполнителей, таких как Клавдия Шульженко, Леонид Утёсов, Алла Пугачёва, Владимир Высоцкий и др. Эти песни помнят все, достаточно привести одну-две самых известных, например, «Голубку» и «Бомбардировщиков» («Мы летим, ковыляя во мгле...»). И это не просто перевод, а истинное творчество. Наверное, не все знают о том, что знаменитая строка из «Бомбардировщиков» – «и машина летит на честном слове, и на одном крыле» – на английском языке звучит для нас вполне расплывчато: «на одном крыле и на молитве». Вот что значит – талант переводчика.

Биография Татьяны Сикорской тесно связана с Пермской губернией и с Пермью. До революции на территории современной фабрики «Северный коммунар», нынешнего Сивинского района, было имение «Танино». Название свое оно получило в честь дочери тогдашнего владельца картонной фабрики, Сергея Александровича Шишкова, Татьяны. Была я немало удивлена, узнав, что Татьяна Шишкова и известная советская поэтесса Татьяна Сергеевна Сикорская – одно и то же лицо.

Татьяна Сергеевна Шишкова родилась 1 декабря (18 ноября по ст. ст.) 1901 г. в посёлке Сюгинского стекольного завода Елабужского уезда Вятской губернии (ныне – г. Можга в Удмуртии), где её отец сначала работал инженером-технологом на этом заводе, а с 1892 г. стал его совладельцем (товарищество на паях «С.А. Сырнева и С.А. Шишков»). Мать Татьяны, Евгения Георгиевна, была, по воспоминаниям дочери, домашней учительницей [1]. Отец Татьяны, потомственный дворянин Сергей Александрович Шишков родился 10 октября 1857 г. в Симбирске. Окончил Санкт-Петербургский технологический институт [2]. В Можге и сегодня помнят, как в 1902 г. приезжал в заводское селение к своему родственнику С.А. Шишкову Алексей Николаевич Толстой [3].

О том, как Шишковы попали на Пермскую землю, я узнала из книги «Сивинский район от истоков до наших дней»: «В 1898 г. сын разорившегося помещика С.А. Шишков купил через поземельный банк 10 тысяч десятин земли с лесом. В 1903 году на купленной

земле он стал рубить дома барачного типа, здание управляющего и складские помещения. В это же время приступили к строительству картонной фабрики» [4].

«Пермская земская неделя», по данным Крестьянского поземельного банка уточняла: «Из Сивинского имения Оханского уезда дворянин инженер Шишков купил 8760 десятин с лесом по 12 рублей (с рассрочкой)» [5].

Вероятно, какое-то время семья Шишковых жила на территории нынешнего Сивинского района. Об этом говорит запись в метрической книге о рождении 19 апреля 1907 года сына потомственного дворянина, Алексея Сергеевича Шишкова. Крестили новорожденного 10 июня того же года в церкви села Екатерининского. Восприемниками (крестными родителями) выступили Евгений Александрович Шишков и Татьяна Александровна Шишкова [6].

В марте 1911 г. С.А. Шишков доверил управление фабрикой своему племяннику, Дмитрию Николаевичу Гардингу.

В Государственном архиве Пермского края хранится архивная коллекция документов «Уральский биографический словарь» (фонд р-790, 7474 единицы хранения за 1836—1991 гг., описи 1-14). Коллекция создана известным пермским краеведом Александром Кузьмичем Шарцем (1906—1986) [7]. В течение многих лет А.К. Шарц собирал сведения о замечательных людях Пермского края – как об уроженцах его, так и о тех, чья жизнь была связана с краем по тем или иным причинам. Так случилось, что с Татьяной Шишковой он был лично знаком в годы детства, и напомнил ей об этом в письме, когда известная поэтесса и переводчица Татьяна Сергеевна Сикорская привлекла к себе его внимание в качестве объекта для включения в краеведческую коллекцию. Письма А.К. Шарца и Т.С. Сикорской публикуются в приложении к статье. К сожалению, их немного – всего четыре. Личный архив А.К. Шарца разрознен, возможно, их переписка хранится также в Екатеринбурге или в Москве. Так или иначе, эти письма содержат конкретные сведения о пребывании Татьяны Сикорской на пермской земле и, конечно же, будут интересны исследователям [8].

Известно, что в 1906 г. Сергей Александрович Шишков приобрел в Перми усадьбу и дом, в 43 квартале, на углу улиц Торговой и Обвинской, № 25 и 27/18, за 13 тысяч рублей [9]. Рядом находилась гимназия, где училась Татьяна.

В 1886 г. усадьба этих домов принадлежала Федулову [10], затем в 1900 г. владелицей значится жена крестьянина Костарева Прасковья Степановна, купившая усадьбу у мещанина Попова Павла Васильевича. Длина усадьбы по Торговой улице составляла 23 сажени, по Обвинской улице – 15 сажений.

На усадьбе находился полукаменный двухэтажный дом под железной крышей. Помещения в доме Прасковья Степановна сдавала под квартиры. С 1898 г. до 1901 г. (времени составления первого описания) на втором этаже проживала семья из трех человек квартиранта Егора Васильевича Шумова. Занимали они шесть комнат, в которых было четыре печи, восемь внутренних дверей, три наружные двери, пятнадцать окон. Высота окон составляла 34 вершка в длину и 19 вершков в ширину. Также Шумовы арендовали ледник. Оплата аренды составляла 30 рублей в месяц. На первом этаже проживала семья из пяти человек Дмитрия Васильевича Виденеева. Квартира их была точно такой же и состояла из шести комнат, только окон в ней было 14 и размеры их были несколько иными: 29 вершков в длину и 19 вершков в ширину. Вместе с арендой ледника, оплата квартиры составляла 25 рублей в месяц. Кроме служб (конюшен, каретника, ледников и навеса) на участке «в заборе в улицу» находилась торговая бакалейная лавка без фундамента, на столбах, обшитых тесом размерами 4x4x3,5 (в аршинах). Было в ней одно помещение. В летние месяцы эта лавка сдавалась в аренду «под фруктовые воды или бакалейную торговлю» по 5 рублей в месяц. Восемь месяцев в году она стояла не занятая, т.к. помещение было не отапливаемым [11].

В 1910 г. верхний этаж дома был сдан квартирантам за 40 рублей в месяц. Второй этаж первоначально после покупки занимал служащий С.А. Шишкова, Иван Топыркин, а затем, вероятно после поступления дочери Татьяны в гимназию, сам хозяин [12].

Сохранилось описание этой усадьбы и дома. Двухэтажный полукаменный дом наружными размерами (в сажнях) 8,95 (длина по улице) и 4,10 (ширина). Стены из кирпича толщиной 0,33 саж., стены из бревен (второй этаж) толщиной 0,20 саж. Внутренние размеры помещения первого этажа 6,29 (длина), 3,70 (ширина) и 1,28 (высота) саж. Жилое помещение на втором этаже размерами 6,65x3,70x1,35 (саж.) На усадьбе имелась бревенчатая одноэтажная лавка 3,95x3,95 саж., разделенная на два помещения: одно торговое, а в другом помещении была устроена парикмахерская. Еще одна летняя лавка (из плах) 1,95x1,95 саж. использовалась, как и прежде, для торговли фруктовыми водами [13].

В 1910 г. все строения были оценены в 990 рублей, а в 1911 г. – в 2170 рублей [14]. В 1912 г. имение было оценено «вследствие вновь возведенных построек» в 2420 рублей [15]. В 1921 г. дома С.А. Шишкова по улице Советской, бывшей Торговой, 25 и 27, «согласно Декрета СНК от 28 марта 1921 г.» были муниципализированы [16].

Решением горисполкома № 356 от 7 июня 1945 г. земельный участок в 43 квартале площадью 979 кв. м. на углу улиц Советской и 25 Октября (бывших Торговой и Обвинской) был отдан под постройку жилого дома комбинату «Молотовуголь» [17]. Проект 26-квартирного дома архитектора В.Г. Чернова был утвержден 15 марта 1946 г. на заседании архитектурной комиссии при отделе по делам архитектуры Молотовского горисполкома [18]. Уже в марте того же года «все строения на участке, подлежащие сносу, согласно акта об отводе

участка, разобраны. Материалы и мусор от разборки вывезены» [19]. 24 апреля 1948 г. первая очередь дома была принята комиссией и разрешено его заселение [20].

В архиве Пермского края нашлась запись о покупке С.А. Шишковым еще одного дома в г. Перми.

«19 декабря 1915 г. к пермскому нотариусу А.А. Арцимовичу явились вдова коллежского секретаря Наталья Васильевна Ждахина и потомственный дворянин Сергей Александрович Шишков, живущие в г. Перми, первая на углу Екатерининской и Обвинской в своем доме, второй на углу Обвинской и Торговой в доме № 25, составить купчую крепость. Н.В. Ждахина, с согласия правления общественного Марьинского банка, продала С.А. Шишкову собственное имение, состоящее в 1 части г. Перми на углу Екатерининской и Обвинской улиц (Екатерининская 54/24 – Н.К.), в межах домов по улице Екатерининской – Наугольного, а по Обвинской – Соларевой, заключающееся в полукаменном двухэтажном доме, одноэтажном деревянном флигеле, деревянной бане и службах, и усадебной земле по Екатерининской улице 12 сажень, по Обвинской улице 25 сажень, всего 300 квадратных сажений, доставшиеся Наталье Ждахиной по наследству от мужа ее, коллежского секретаря Валентина Алексеевича Ждахина по нотариальному духовному завещанию, утвержденному Пермским окружным судом 14 июля 1914 г.

Наследователю Валентину Алексеевичу Ждахину оно досталось по наследству от матери его, вдовы пермского купца Екатерины Степановны Ждахиной по духовному завещанию, утвержденному Пермским окружным судом 1 марта 1913 г. Ей же, Екатерине Степановне Ждахиной, по дарственной записи, утвержденной старшим нотариусом Пермского окружного суда 31 января 1887 г., от сына ее, почетного гражданина, кандидата коммерции Александра Алексеевича Ждахина.

За имение С.А. Шишков заплатил 20800 рублей, включая в эту сумму переводимый на Шишкова долг общественного Марьинского банка в размере 9300 рублей. Ждахина получила на руки 2 тысячи рублей, остальные 9500 рублей она должна была получить немедленно по утверждению купчей» [21].

После революции домовладение в квартале 111 по адресу: ул. Троцкого 54/24 (бывшая Екатерининская), было муниципализовано, и 2 января 1923 г. сдано в аренду Пермской железной дороге. Однако уже в феврале 1923 г. дом отошел в ведение Пермского местного хозяйства.

На земельном участке под строениями было занято 99,24 кв. саж. Двором было занято 201,89 кв. саж., огородом – 6,95 кв. саж. На участке стоял двухэтажный полукаменный дом под железной крышей, фасадом в улицу, с площадью основания 36,03 кв. саж., имевший два двухэтажных же деревянных пристроя, площадью оснований 3,91 кв. саж. и 5,58 кв. саж. Сени двухэтажные, площадью основания 2,04 кв. саж. и одноэтажные, площадью основания 0,75 кв. саж. Деревянный одноэтажный флигель, площадью основания 15,51 кв. саж., смотревший фасадом в улицу, использовался под жилье. Деревянный пристрой к флигелю, площадью основания 4,14 кв. саж. Стояла на участке деревянная баня площадью основания 3,35 кв.

саж. Одноэтажные службы, площадью основания 24,49 кв. саж., и навес. Одна квадратная сажень площади служб сдавалась в аренду под мясную лавку Соколовой. Дома занимали железнодорожники-служащие. Общая квартирная плата в 1924—1925 гг. составляла в месяц 4 рубля 70 копеек. Обязанности заведующего домом исполнял Ермаков [22].

Сегодня на месте этого дома, находится административно-жилой дом, выстроенный по проекту архитектора Д.Я. Рудника.

Заказчиком строительства по документам значился трест «Камречстрой». Участок земли под застройку был отведен на основании решения исполкома Молотовского горсовета № 166 от 19 марта 1948 г. Первоначально планировалось строительство четырехэтажного 29-квартирного жилого дома с административной частью, снабженного центральным отоплением, водопроводом, канализацией, электроосвещением, радио и телефоном [23]. Однако позже проект был несколько изменен, и утвержден 16 ноября 1953 г.

3 декабря 1955 г. приемочной комиссией была принята первая секция пятиэтажного 28-квартирного дома, состоящая из 12 квартир [24]. 31 марта 1956 г. государственная комиссия приняла вторую секцию на 16 квартир [25].

Нужно отметить, что первые стихи Татьяны Шишковой были также напечатаны в Перми. И это случилось значительно раньше 1919 года, который принято считать годом первой публикации стихов Т.С. Сикорской (Шишковой). В частности, в 1916 г. в «Пермских епархиальных ведомостях» было напечатано ее стихотворение «Все я имею» («Мне тяжель эти чудные платья, || Стыдно мне бедных людей...») [26].

Революция 1917 года застала семью Шишковых на Сюгинском заводе. Сергей Александрович был осужден и расстрелян в 1918 г. Его жена и сыновья, по воспоминаниям их современников, умерли от тифа. Татьяна Сикорская рассказывала А.К. Шарцу, что в 1918 г. успела окончить полный курс гимназии в Казани, а в 1920 г. переехала в Москву.

О том, что ей довелось пережить, Татьяна Сергеевна вспоминать не любила, по крайней мере, в своих письмах к А.К. Шарцу четырнадцатилетний период своей жизни она тактично пропустила, сообщив лишь: «Служила в редакциях и различных учреждениях» [27]. Известно, что в 1922 г. у нее родился сын, Вадим Витальевич Сикорский, в будущем, как и мать, – поэт и переводчик. Он скончался на 91-м году жизни, в 2012 году [28].

В 1930 г. Т.С. Сикорская окончила литературный факультет Московского университета, а в 1934 г. вступила в Союз писателей, организованный А.М. Горьким. За сорок лет своей литературной работы она, совместно с мужем, поэтом С.Б. Болотиним, написала сотни оригинальных и переводных песен, несколько либретто для опер и оперетт, и все они в свое время шли в московских театрах. Особую известность приобрела поставленная по её либретто оперетта И. Кальмана «Фиалка Монмартра».

В 1930-х годах на свет появилась короткая песенка, авторство которой также связано с Т.С. Сикорской. Песне суждена была долгая жизнь. Очень хорошо знают ее в Перми.

Песня прозвучала в популярном историко-биографическом фильме «Детство Горького», в первой части трилогии режиссера Марка Донского (1938). Как это ни удивительно, песня популярна и сейчас: ее легко найти в интернете и послушать – как в старой записи, из фильма, так и в современном, даже молодежном исполнении.

В фильме эту короткую песенку придумывает сам Алеша Пешков, когда один из его маленьких друзей-мальчишек, беспризорных оборванцев, тоскует о родном городе, но не помнит, как он называется, где-то на Каме. Такой город-мечта. Сцена в фильме, когда Алеша Пешков придумывает песню, а затем распевает ее с мальчишками, полностью взята из повести М. Горького «Детство»:

«...На эти деньги можно было очень сытно прожить день, но Вяхира была мать, если он не приносил ей на шкалик или на косушку водки; Кострома копил деньги, мечтая завести голубиную охоту; мать Чурки была больна, и он старался заработать как можно больше; Хаби тоже копил деньги, собираясь ехать в город, где он родился, и откуда его вывез дядя, вскоре по приезде в Нижний утонувший. Хаби забыл, как называется город, помнил только, что он стоит на Каме, близко от Волги.

Нас почему-то очень смешил этот город, мы дразнили косоглазого татарчонка, распевая:

*Город на Каме,
Где – не знаем сами»
Не достать руками,
Не дойти ногами!*

Сначала Хаби сердился на нас, но однажды Вяхирь сказал ему воркующим голосом, который оправдывал прозвище:

– Чего ты? Разве на товарищев сердются?

Татарчонок сконфузился и сам стал распевать о городе на Каме» [29].

Текст песни опубликован в сборнике стихов А.М. Горького в серии «Библиотека поэта»:

«Стихи Алеша Пешкова.

3.

*Город на Каме,
Где – не знаем сами!
Не достать руками,
Не дойти ногами!» [30]*

Алексей Максимович Горький, по его собственным словам, «в Перми бывал, когда служил на пароходах «Добрый» Курбатова и «Пермь» Любимовых». В ту пору ему было 12-13 лет [31].

Художественный фильм «Детство Горького» вышел в прокат в 1938 году. Музыка для фильма написал очень известный в то время композитор Лев Александрович Шварц. Основой для главной песни фильма

– «Город на Каме» (сейчас мы сказали бы – саундтрек) – стало это короткое стихотворение. Татьяна Сикорская переделала четверостишие в песню, обработала, добавила несколько строчек. Сам А.М. Горький сделать этого не мог, 18 июня 1936 г. он скончался. Сикорская вложила в детскую «дразнилку» дополнительный смысл, и песенка, не бог весть какого глубокого содержания, мощно прозвучала в финале фильма в исполнении хора за кадром, сопровождая действительно берущие за душу кадры: Алеша прощается с друзьями и в одиночестве отправляется в дальнюю дорогу, «в люди».

*Город на Каме, где – не знаем сами,
Город на Каме, матушке-реке,
Не дойдем ногами, не возьмем руками,
Город на Каме, матушке-реке...
Город на Каме, где – не знаем сами,
Город на Каме, матушке-реке,
Но дойдем ногами, но возьмем руками,
Город на Каме, матушке-реке...*

В сборнике «Песен из кинофильмов» Л.А. Шварца напечатан другой вариант, причем здесь указан один автор стихов – Т. Сикорская:

*Город на Каме,
Где – не знаем сами,
Город на Каме,
Матушке-реке.
Скрыт он за горами,
Спрятан за лесами,
Город на Каме,
Матушке-реке.*

*Слышны проходим
Колокола звоны,
Виден лишь камень
На сыром песке.
Не добратья пешим,
Не доехать конным
В город на Каме,
Матушке-реке.*

*Скоро привяжем
За спину котомки,
Выйдем зарю
С посохом в руке.
Полям и лесам
Доберемся сами
В город на Каме,
Матушке-реке.*

Шварц Л.А. Песни из кинофильмов. – М.: Советский композитор, 1959.

Ноты песни неоднократно издавались:

Шварц Л.А. Город на Каме: песня из музыки к кинофильму о Максиме Горьком: для хора с фортепьяно / слова М. Горького; обраб. и доп. Т. Сикорской. – М.: Муз. фонд СССР, 1945.
То же. 1946.

Со временем песня «Город на Каме» прочно «прописалась» в Елабуге. Местные краеведы и литературоведы увязали ее с кратким пребыванием здесь Т.С. Сикорской во время Великой Отечественной войны, хотя фильм вышел на экраны значительно раньше, в 1938 году.

С началом войны Татьяна Сергеевна с сыном Вадимом (Димой) уехала в эвакуацию в Елабугу. На пароходе они познакомились и подружились с Мариной Ивановной Цветаевой и ее сыном Георгием (Муром, как звали его близкие). Вскоре Т.С. Сикорская, устроив сына, вернулась в Москву и оттуда уехала на фронт. А Вадиму Сикорскому пришлось вместе с Муром участвовать в похоронах ушедшей из жизни Марины Цветаевой. Описание этих событий есть в письмах Т.С. Сикорской к дочери Цветаевой, Ариадне Сергеевне Эфрон. Письма приведены в книге М.И. Белкиной «Скрещение судеб» [32].

«Во время Великой Отечественной войны мы с мужем, – вспоминала Татьяна Сергеевна, – были на Северо-Западном, Брянском, Западном и 2-м Белорусском фронтах. Работали в корпусных газетах «Гвардия», «За Родину» и других» [33].

После войны Сикорская и Болотин много работали, много ездили. В 1945 г. они были в Берлине, позднее в Чехословакии, во Франции, в Англии [34]. Продолжали переводить песни разных народов, многие из которых стали популярными.

В Советском Союзе отдельными книгами вышли три сборника их стихов: «Песни простых людей» (1954), «Гитары в бою» (1968) и «Песни пяти материков» (1977). Татьяной Сергеевной написаны детские книжки: «Поиграем» (1927), «Гроза» (1928), «Мишкина лошадка» (1928).

В 1970 г. С.Б. Болотин умер. Т.С. Сикорская осталась жить с сыном и двумя взрослыми внуками. В 1984 году она умерла.

1. ГАПК. Ф. р-790. Оп. 5. Д. 922. Л. 1.

2. Знаменитые люди края // Сайт историко-краеведческого музея г. Можги. *mozhga-museum.ru*

3. Переписка А.Н. Толстого. – М., 1989. – Т. 1. – С. 100-101.

4. Сивинский район: от истоков до наших дней. – 2-е изд. – Сива, 2004. – С. 64.

5. Пермская земская неделя. – 1909. – 16 июля.

6. ГАПК. Ф. 719. Оп. 9. Д. 1242. Л. 122.

7. Шарц Александр Кузьмич (1906—1986) – педагог, советский и партийный работник, бывший директор Пермской научно-технической библиотеки, библиограф, краевед. См.: Краеведы и краеведческие организации Перми: биобиблиогр. справочник / сост.: Т.И. Быстрых, А.В. Широв. – Пермь: Курсив, 2000. – С. 291-292.

8. «Уральский биографический словарь» А.К. Шарца. ГАПК. Ф. р-790. Оп. 5.

9. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 161. Л. 49об.

10. *Минеев Г.И.* Полный адрес домовладельцев губернского города Перми // Пермский дом в истории и культуре края. – Справочный том. – Пермь, 2012. – С. 188.

11. ГАПК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 161. Л. 49а-50.

12. Там же. Л. 48об.

13. Там же. Л. 23-23об.

14. Ведомость о городских недвижимых имуществах г. Перми, подлежащих обложению в 1911 г. налогом и сбором по генеральной оценке, произведенной особой оценочной комиссией, избранной Думой. – Пермь, 1911. – С. 5.

15. Сведения о недвижимых имуществах на 1912 г. – Пермь, 1912. – С. 6.

16. Жилищный вопрос. – Пермь, 1923. – С. 35.

17. ГАПК. Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 998. Л. 111.

18. Там же. Л. 106.

19. Там же. Л. 11.

20. Там же. Л. 1.

21. ГАПК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 47. Л. 40об.

22. Там же. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 1642. Л. 11.

23. Там же. Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 1019. Л. 82.

24. Там же. Л. 35.

25. Там же. Л. 1.

26. Пермские епархиальные ведомости. – 1916. – 1 янв. (№ 1). – Часть неофиц. – С. 31.

27. ГАПК. Ф. р-790. Оп. 5. Д. 922. Л. 1.

28. *Поляков Ю.* «Не может вечным быть небытие...» // Литературная газета. – 2012. – 27 июня (№ 26). – С. 7.

29. *Горький А.М.* Детство // *Горький М.* Полное собрание сочинений. – В 25 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 15. – С. 198.

30. *Горький А.М.* Из повестей «Детство» и «В людях». Стихи Алеши Пешкова // *Горький М.* Стихотворения. – М.; Л.: Советский писатель, 1963. – (Библиотека поэта. Основана М. Горьким). – С. 171-172.

31. *Шарц А.К.* А.М. Горький в Перми // Календарь-справочник Пермской области на 1966 год. – Пермь: Кн. изд-во, 1965. – С. 66-67.

32. *Белкина М.И.* Скрещение судеб. – М.: Книга, 1988. – (Писатели о писателях). – С. 305-308.

33. ГАПК. Ф. р-790. Оп. 5. Д. 922. Л. 1.

34. Там же. Л. 1об.

Приложение.

ПЕРЕПИСКА Т.С. СИКОРСКОЙ С ПЕРМСКИМ КРАЕВЕДОМ А.К. ШАРЦЕМ

Публикация подготовлена Н.В. Красноперовой.

I
А.К. Шарц – Т.С. Сикорской

20 июня 1976 г.

Дорогая и искренне уважаемая Татьяна Сергеевна!

Такое обращение к Вам я позволил потому, что в моей автобиографической повести «Страницы памяти листая» я описываю нашу встречу. Очень хотел бы, что она не была единственной. Это было году 15 или 16, когда я по совету учителя Ивана Васильевича Базарова ходил к Дмитрию Николаевичу Гардингу за красками, ватманской бумагой и главное за палочками китайской туши. Все это нам было нужно для рисования в школе, которой нынче исполняется 70 лет, и мы устраиваем вечер в Серафимовске¹. Тогда я встретил девочку, которая провела меня в комнату, принесла краски, а главное – впервые услышал я звуки рояля, звуки, которые и сейчас чаруют мой слух.

Очень прошу Вас снять копию с Вашей фотографии, когда Вам было 16 лет. Дмитрия Николаевича Гардинга² я знал лично. Встречался с ним в Перми и Краснокамске.

Всего Вам светлого!

Буду благодарен за весточку от Вас!

С искренним уважением, А. Шарц.

ГАПК. Ф. р-790. Оп. 5. Д. 823. Л. 1.

¹ **Серафимовское** – село в Сивинском районе Пермской области, ныне Пермского края.

² **Дмитрий Николаевич Гардинг** – инженер, управляющий картонной фабрикой в Оханском уезде, затем директор Окуловской бумажной фабрики. Один из участников строительства Краснокамского целлюлозно-бумажного комбината. Решение о строительстве на Каме было принято в середине 1920-х гг. Д.Н. Гардинг занимался выбором площадки, обследовал берега Камы от Перми до Набережных Челнов и остановил свой выбор на правом берегу реки близ Перми: здесь было много соснового леса, судоходная река, поблизости крупный промышленный центр и Кизеловское угольное месторождение. 13 октября 1928 г. Пермский окружком принял постановление «О проекте сооружения Камского целлюлозно-бумажного комбината», в котором было одобрено строительство нового предприятия на берегу р. Камы. 17 июля 1929 г. Президиум ВСНХ РСФСР издал постановление, в котором утвердил задание на постройку Камского ЦБК на правом берегу Камы между деревнями Стрелка и Конец-Бор. Зимой 1930 г. Гардинг был уволен, а затем репрессирован, и дальнейшая судьба его неизвестна.

См. о нем: *Петерс П.П.* «Покажем, на что мы способны» // Немцы в Прикамье. XX век. – Т. 2: Публицистика. Мы – из трудармии. – Пермь: Пушка, 2006. – С. 107.

II

Т.С. Сикорская – А.К. Шарцу

7 июля 1976 г.

Уважаемый Александр Кузьмич!

Моя автобиография вкратце очень проста. Родилась в 1901 г. в Вятской губернии, Елабужском уезде, Можгинской волости, Сюгинский стекольный завод. Отец – инженер-технолог, пайщик завода, С.А. Шишков. Мать – дом. учительница.

Среднее образование получила в Перми, в женской гимназии, окончила – в Казани, в 1918 г.

В 1920 г. переехала жить в Москву. Служила в редакциях и в различных учреждениях до 1934 г., когда вступила в Союз писателей, организованный Горьким. Вместе с мужем, поэтом С.Б. Болотиним, за 40 лет литературной работы написала более 3000 оригинальных и переводных песен, несколько либретто опер («Биржан и Сара» – казахская, «Заколдованный замок» – польская, «Порги и Бесс» – негритянская, «Антигона 43» – болгарская, «Крушение» – армянская, «Кровавая свадьба» – по пьесе Гарсиа Лорки, американская пьеса «Консул» для Ереванского театра) и музыкальных комедий («Фиалка Монмартра», «Оклахома», «Гаспароне», «Донья Жуанита» – все шли в Московских театрах и сейчас еще идут).

Изданных отдельно от музыки было только 2 книжки – «Песни простых людей» (Гослитиздат 1954 г.) и «Гитары в бою» (изд-во «Прогресс»), сейчас издается третья – «Песни пяти материков».

Во время войны мы с мужем были на Северо-Западном, Брянском, Западном и 2-м Белорусском фронтах, работали в корпусных газетах «Гвардия», «За Родину» и др.

В 1970 г. муж мой умер, я осталась с сыном и двумя внуками (уже взрослыми), получаю пенсию, работаю.

В прошлом году в Чебоксарах удалось поставить нашу пьесу «Третий ключ», в Архангельске шла наша пьеса «Неизвестный моряк», в Ленинграде – «Огни на старте» (перевод).

Вот, кажется, и вся моя жизнь. Мы довольно много путешествовали, в 1945 г. были в Берлине, позже в Чехословакии, во Франции, в Англии и т.д.

Фотографий хороших у меня нет, терпеть не могу сниматься. Поэтому лучше не посылать (есть одна хорошая, где мне 16 лет, а сейчас мне 75).

Вы просите дать адрес Кати Гардинг – ее в списках писателей нет, т.к. она в Союзе журналистов.

Ее адрес – Москва, поселок «Сокол», улица Верещагина, д. 10, Екатерина Дмитриевна Жукова (или Арлазорова – по мужу), индекс, кажется, Москва А 308, но я не уверена.

Простите, что поздно отвечаю и не присылаю печатных изданий и критических статей – все это где-то потонуло в архиве, а издания почти все с музыкой, да у меня их не так и много, не всё удавалось получить в издательстве.

С приветом, Т. Сикорская.
ГАПК. Ф. р-790. Оп. 5. Д. 922. Л. 1-1об.

7 июля 1976 г. – слово «июля» в письме неразборчиво, возможно, написано – «июня». Исходя из содержания письма, при публикации поставлен «июль».

Подчеркивание в тексте - Т.С. Сикорской.

III

Т.С. Сикорская – А.К. Шарцу

25 ноября 1976 г.

Москва.

Уважаемый тов. Шарц!

Извините, что целых полгода не смогла выполнить Вашу просьбу. Посылаю Вам не отретушированную копию с моего портрета, когда мне было 16 лет. Надеюсь, что Вы ее отретушируете, и она будет вполне приличная для Вашего архива.

Спасибо Вам большое за внимание и память обо мне!

С искренним приветом Т. Сикорская.

ГАПК. Ф. р-790. Оп. 5. Д. 922. Л. 3.

IV

А.К. Шарц – Т.С. Сикорской

25 декабря 1976 г., г. Пермь.

Уважаемая Татьяна Сергеевна!

Вашу фотографию получил. Благодарю Вас! Так, правда, очень скромно, пополняется Ваше дело в фонде № 790.

Об этом фонде и его создателе А.К. Шарце 20 декабря был показан фильм по Пермскому телевидению.

Очень прошу Вас составить библиографию Ваших литературных и публицистических трудов. Желательно иметь Вашу фотографию военных лет и, конечно, современную.

Не осудите за настойчивую просьбу.

Поздравляю Вас с наступающим новым 1977 годом! Желаю здоровья и личного благополучия.

Для потомства были бы очень интересны Ваши воспоминания! Писали ли Вы их?

С искренним уважением, А. Шарц.

ГАПК. Ф. р-790. Оп. 5. Д. 823. Л. 2.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

По сложившейся традиции в настоящем краеведческом сборнике «Пермский дом в истории и культуре края» публикуются документальные материалы справочного характера. Подобная информация нередко нужна ученым, краеведам, а также исследователям самых различных аспектов истории нашего края. Между тем архивные фонды и краеведческая литература, изданная много лет тому назад и давно ставшая библиографической редкостью, далеко не всегда доступны.

В раздел включены два документа: «Списки жителей города Перми с адресами из «Памятной книжки Пермской губернии на 1863 год» и «Список всех отделов Пермского совдепа и районных совдепов, место их нахождения и №№ телефонов», составленный канцелярией Пермского исполкома в 1918 году.

СПИСКИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ПЕРМИ С АДРЕСАМИ ИЗ «ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА 1863 ГОД»

Списки публикуются в полном соответствии с оригиналом, с учетом современной орфографии. Сокращения, за исключением применяемых при написании имен и отчеств, раскрыты. К сожалению, адреса многих деятелей, представленных в списке, не указываются. Дополнительный поиск их при подготовке документов к публикации не производился. В конце публикации приведен небольшой перечень устаревших терминов. Документ представлен к публикации *О.Д. Гайсиным*.

Обработка и примечания Т.И. Быстрых.

Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год, изданная при Пермском губернском правлении редактором неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» С.С. Пенном. – Год издания первый. – Пермь: В Губ. типографии, 1862. – С. 92-103.

№ 1. «Список врачам, управляющему аптекой и повивальным бабкам, проживающим в городе Перми, с показанием по новому перенумерованию названия улицы и номера дома». – С. 92-93.

№ 2. «Список должностным лицам пароходных и страховых обществ, имеющих своих агентов в Перми, с показанием по новому перенумерованию названия улицы и номера дома, где живут». – С. 94-95.

№ 3. «Список купцам и более замечательным промышленникам с показанием разрядов гильдий, звания, имени, отчества и фамилии лиц, торговых их занятий, названия улицы и номера дома, где проживают в г. Перми, или другом месте». – С. 96-99.

№ 4. «Список мастеровым и ремесленникам в гор. Перми проживающим, с показанием имен, отчества и фамилий лиц, названия улицы и номера дома, где проживают». – С. 100-103.

СПИСОК

врачам, управляющему аптекою и повивальным бабкам,
проживающим в городе Перми, с показанием
по новому перенумерованию названия улицы и номера дома

Должность, чин, имя, отчество и фамилия	Название улицы	№ дома
А) Врачи:		
Инспектор Пермской врачебной управы, статский советник, штатный лекарь Василий Антонов. <i>Попов</i>	Пермская	14
Акушер Пермской врачебной управы, коллежский советник Степан Федоров. <i>Шмонин</i>	На Ямской № 28 и в Обвинском № 20 и 22	22
Пермский городской врач лекарь Александр Мих. <i>Коробов</i>	Пермская	14
Старший врач Александровской больницы, штатный лекарь, надворный советник Лука Антонов. <i>Пушкарев</i>	Покровская	3
Старший лекарь Пермского военного училища, надворный советник Федор Тимофеев. <i>Холостов</i>	Пермская	38
Пермский губернский врач ведомства Палаты Государственных Имуществ, коллежский ассесор Эдуард Станислав. <i>Новкунский</i>	Торговая	63
Б) Ординаторы Александровской больницы:		
Лекарь, надворный советник Василий Евстиг. <i>Агафонов</i>	Покровская	63
Лекарь, титулярный советник Петр Александр. <i>Ашихмин</i>	В Широком проулке	32
Лекарь, Михаил Ив. <i>Баженов</i>	Вознесенская	15
В) Вольно-практикующие врачи:		
Лекарь, Кузьма Лукич <i>Понятовский</i>	Петропавловская	36
Г) Отставные:		
Штатный лекарь, коллежский советник Степан Вас. <i>Нежданов</i>	Екатерининская	157
Лекарь, коллежский ассесор Иван Лампадов. <i>Лампадов</i>	Торговая	41
Д) Ветеринары:		
Старший, состоящий при Земской конюшне, коллежский ассесор Иван Самойлов. <i>Фрейман</i>	Ямская	47
Младший, губернский секретарь Петр Алексеев. <i>Бенев</i>	Пермская	1
Е) Управляющий аптекою:		
Провизор Эмилий Федоров. <i>Кестер</i>	Покровская	23
Ж) Повивальные бабки:		
Старшая, надворная советница Дарья Яковлевна <i>Буланова</i>	Вознесенская	41
Младшая, коллежская регистраторша Софья Ив. <i>Лакс</i>	Екатерининская	90

СПИСОК

должностным лицам пароходных и страховых обществ,
имеющих своих агентов в Перми, с показанием
по новому перенумерованию названия улицы
и номера дома, где живут

Звание, имя, отчество и фамилия	Название улицы	№ дома
А) Пароходных обществ и контор:		
Обществ: «Самолет» и «Нептун» Управляющий Пермскою конторою, губернский секретарь Игнатий Викентьевич <i>Вроцкий</i>	Торговая	6
Соединенного Общества «Меркурий» и «Кавказ» Управляющий Пермскою конторою, Спасский купец Михаил Ив. <i>Фирсов</i>	Торговая	73
«Камско-Волжского» пароходного общества, Управляющий Пермскою конторою, Глазовский купец, Вятской губернии, Николай Павлов. <i>Смагин</i>	Торговая	22
Арендатор «Дружины», Почетный Гражданин Всеволод Федоров. <i>Танков</i>	Торговая	9
Управляющий Конторою Пароходства надворный советник Петр Алексеев. <i>Соваж</i> , титулярный советник Николай Вас. <i>Азаров</i>	Монастырская	19
Контора Пароходства Почетного Гражданина Пермского 1-й гильдии купца и коммерции советника Ивана Филип. <i>Любимова</i>	Покровская	28
Контора Пароходства коллежского ассесора Федора Вас. <i>Миронова</i>	Петропавловская	21
Б) Компаний для страхования и транспортирования кладей:		
С.-Петербургской Компании под фирмою «Надежда» Управляющий Пермскою конторою коллежский ассесор Иван Петрович <i>Лейман</i>	Екатерининская	50
В) Страховых от огня обществ:		
Российского Страхового от огня общества, учрежденного в 1827 году, агент, коллежский ассесор Петр Лукич <i>Шумилов</i>	Петропавловская	17
С.-Петербургского Страхового от огня общества, агент, пермский мещанин Степан Ив. <i>Минюхин</i>	Петропавловская	9

СПИСОК

купцам и более замечательным промышленникам с показанием разрядов гильдий, звания, имени, отчества и фамилии лиц, торговых их занятий, названия улицы и номера дома, где проживают в г. Перми, или другом месте

1-й гильдии:

Потомственный Почетный Гражданин, коммерции советник, Иван Филиппович *Любимов* (занимается разными подрядами и доставками, имеет мануфактурную фабрику). Проживает на Покровской улице, № 16 и 14.

Потомственный Почетный Гражданин, Дементий Фомич *Базанов* (красными товарами). На Покровской, № 46.

Епифан Вас. *Поносов* (разными поставками). В селе Ильинском.

Потомственный Почетный Гражданин, Григорий Степанович *Ташлыков* (разными подрядами). На Покровской.

Гость: Казанский 2-й гильдии купеческий сын, Петр Дмитриевич *Синицын*.

2-й гильдии:

Потомственный Почетный Гражданин, Василий Венедиктович *Хотов* (красными товарами). На Покровской, № 79, 18 и 13.

Федор Козьмич *Каменский* (пароходными доставками). На Данилихе.

Гаврило Григорьевич *Марьин* (чаем и сахаром). На Монастырской, № 14 и 18.

Иван Григорьевич *Марьин* (чаем и сахаром). На Монастырской, № 177 и 94.

Егор Александрович *Колпаков* (винами). На Пермской, № 138, 53 и 9.

Алексей Матвеевич *Каменский* (подрядами).

Федор Егорович *Еремеев* (кожевенными товарами). На Набережной, № 31, 29 и 2.

Петр Степанович *Фомин* (чаем и сахаром). На Покровской, № 114 и 27.

Потомственный Почетный Гражданин Иван Иванович *Любимов* (золотопромышленник). На Покровской, № 16 и 14.

Андреян Павлович *Пушкин* (подрядами). На Торговой, № 55.

Петр Матвеевич *Каменский* (подрядами).

Александр Павлович *Кропачев* (хлебной торговлей). На Торговой, № 34.

3-й гильдии:

Козьма Данилович *Щелкунов* (разными товарами и восковыми свечами). На Петропавловской, № 172 и 31.

Иван Степанович *Зобачев* (кожевенными товарами). На Торговой, № 335, 93 и 8.

Ермолай Сергеевич *Кожевников* (бакалейными товарами). На Пермской, № 135, 55 и 20.

Алексей Матвеевич *Юхнев* (бакалейными, москательными и шорными товарами). На Покровской, № 388, 40 и 13.

Василий Игнатъевич *Завьялов* (красными товарами). На Пермской, № 26.

Ольга Игнатъева *Завьялова* (красными товарами). На Покровской, № 104 и 16.

Иван Иванович *Хватов* (красными товарами). На Покровской, № 490 и 41.

Александр Егорович *Еремеев* (кожевенными товарами). На Монастырской, № 156, 49 и 2.

Гаврило Григорьев. *Нечаев* (сальными свечами и мылом). На Екатерининской, № 613 и 72.

Андрей Федоров. *Матвеев* (красными товарами). На Петропавловской, № 402, 7 и 9.

Павел Федоров. *Матвеев* (красными товарами). На Петропавловской, № 283, 56 и 6.

Трефилий Павлович *Матвеев* (красными товарами). На Покровской, № 109, 40 и 12.

Евграф Козмич *Тупицын* (москательными товарами). На Воскресенской, № 499.

Тимофей Антипьевич *Диряков* (красными товарами). На Покровской, № 86 и 24.

Степанида Ивановна *Насонова* (хлебными доставками). В селе Слудском. —

Николай Яковлевич *Бахарев* (подрядами). В уезде Пермском. —

Александр Григорьевич *Кашин*, на Торговой.

Григорий Маркелович *Рябинин* (москательными и бакалейными товарами). На Екатерининской, № 615 и 68.

Федосей Егорович и Алексей Егорович *Савины* (москательными, бакалейными и прочими товарами). На Екатерининской, № 617, 85, 82, 618 и 87.

Федор Петрович *Чечуров* (маклер).

Федор Лукич *Матвеев* (хлебными припасами). На Набережной, № 210, 109 и 5.

Анна Семеновна *Гвоздева* (фосфорными спичками). В Пермском уезде.

Евгения Ивановна *Тет* (шелковыми товарами). На Торговой, № 40 и 29.

Киприян Трифонович *Суслов* (разными панскими товарами). На Покровской, № 383 и 79.

Михайло Иванович Уфимцов.

Яков Леонтьевич *Дубровин* (красными товарами).

Николай Андреевич *Мичурин* (москательными, бакалейными товарами). На Покровской, № 64 и 17.

Евстафий Ильич *Брезгин* (столяр и иконостасный мастер). На Монастырской, № 17 и 2.

Фавста Ивановна *Башкирцова* (солью и крупчаткой). На Покровской, № 392 и 32.

Парасковья Никоноровна *Григорьева* (москательными товарами). На Монастырской, № 144 и 41.

Агей Якимович *Шалаевский* (подрядчик). На Торговой, № 382 и 46.

Александр Петрович *Еганов*. № 891.

Василий Алексеевич *Кротов*.

Анна Алексеевна *Глозина* (трактирщица).

Петр Федорович *Ушаков* (бакалейными товарами). На Пермской, № 125, 44 и 21.

Василий Семенович *Нагавицын* (бакалейными товарами и фосфорными спичками).

Агафья Фоминишна *Кузнецова* (солью). На Торговой, № 321 и 87.

Яков Павлович *Нечаев* (кожевенными товарами). За речкой Данилихой.

Петр Григорьевич *Куренбин* (подрядчик). На Торговой, № 101 и 58.

Роман Евдокимович *Федотов* (разными товарами). В Пермском уезде.

Егор Иванович *Новиков* (красными товарами). В уезде.

Дмитрий Иванович *Базанов*. На Покровской, № 29 и 14.

Потомственный Почетный Гражданин Иван Андреевич *Гильков* (винами и бакалейными товарами). В Сибирском проулке, № 36.

Семен Александрович *Новоселов* (точилами).

Александр Федорович *Сыропятов* (имеет гостиницу).

Сергей Федотов. *Сажин* (доставкой по пароходству). В доме г. Яковлева.

Михаил Иван. *Гильков* (винами и картами). В Сибирском проулке, № 36.

Иван Петров. *Петров* (трактирщик).

Павел Федорович *Сыропятов* (нотариус). На Пермской.

ИНОГОРОДНЫЕ ГОСТИ:

3-й гильдии купцы:

Михаил Иванов. *Фирсов* (доверенный Компании «Кавказ и Меркурий»).

Василий Васильев. *Кривцов* (красными товарами). В Екатеринбурге. Федор Михайлов. *Бударин* (галантерейными товарами). В Екатеринбурге.

Петр Трифонов. *Суслов* (железными, москательными товарами).

Настасья Ивановна *Дедюхина* (красными товарами). В Сарапуле. Матвей Николаев. *Старков*.

Степан Алексеев. *Терпигосов* (панскими товарами).

Никита Иванов. *Ушков* (красными товарами). В Елабуге.

Виктор Петрович *Роттаст* (подрядами и доставками). На Екатерининской. (Отставной подполковник).

СПИСОК

мастеровым и ремесленникам в гор. Перми проживающим, с показанием имен, отчества и фамилий лиц, названия улицы и номера дома, где проживают

А) Живописцы:

Капитон Семен. *Калашников*. На Ямской, № 252.

Петр Димитр. *Баталов*. На Покровской, № 526.

Егор Андреев. *Марков*. На Пермской, № 175.

Б) Часовщики:

Иван Иванов. *Ведров*. В Осинском проулке, № 305.
Людвиг Казимиров. *Ельский*. —
Владимир Александров. *Евреинов*. —
Егор Александров. *Евреинов*. —
Петр Назаров. —
Людвиг Иван. *Шмидт*. На Пермской, № 162.

В) Серебряки:

Василий и Николай Николаев. *Патрушевы*. В Осинском проулке, № 119 и 25.
Иван Ксенофонтов. *Ретнев*. На Петропавловской, № 9 и 38.

Г) Портные:

Денис Афанасьев. *Покиткин*. На Екатерининской, № 111.
Александр Иванов. *Поляков*. На Пермской, № 412.
Евгений Дмитриев. *Пиминов*. —
Андрей Петров. *Вяткин*. На Ямской, № 299.
Александр Иванов. *Цветков*. На Пермской, № 386.
Степан Игн. *Игнатъев*. На Екатерининской, № 219.
Василий Михайлов. *Степанов*. На Пермской, № 148.
Еремей Матв. *Масалов*. На Пермской, № 74.
Константин Петров. *Крузе*. —
Михайло Тимофеев. *Шубин*. На Петропавловской, № 63.
Николай Григорьев. *Морозов*. —
Алексей *Венедиктов*. На Пермской, № 82.
Михайло Мих. *Дохман*. На Вознесенской, № 589.
Алексей Иванов. *Иванов*. На Екатерининской, № 171.
Иван Павлов. *Котельников*. —

Д) Сапожники:

Дмитрий Семенов. *Попов*. На Ямской, № 328.
Яков Федотов. *Нечаев*. В Осинском проулке, № 14.
Иван Михайлов. *Степанов*. На Торговой, № 60.
Петр Лукиянов. *Швецов*. На Ямской, № 339.
Константин *Кочергов*. —
Гаврило Семен. *Калашников*. —
Яков *Глазунов*. —
Андрей Васильев. *Трапезников*. —
Михайло Иванов. *Шварев*. На Набережной, № 49.

Солдаты:

Дмитрий *Боков*. На Заводской площади, № 394.
Яков *Яковлев*. —
Духвалаев. —
Дмитрий *Меклер*.

Мастеровые:

Степан *Воронцев*. —
Иван *Гилев*. —

Е) Башмачники:

Василий Иванов. *Третьяков*. На Большой Ямской, № 855.
Петр Романов. *Русских*. —

Солдатки:

Эстафольда *Типоградова*. —
Парасковья *Меклер*. —

Ж) Столяры:

Петр Яковлев. и Павел Петров. *Корзухины*. На Екатерининской, № 609.
Евстафий *Брезгин*. На Набережной, № 17.
Иван Дмитриев. *Слонов*. На Покровской, № 471.
Петр Ив. *Наумов*. В Широком проулке, № 285.
Василий Федор. *Якимов*. На Вознесенской, № 221.
Прокопий *Первушин*. —
Василий *Порозов*. На Покровской, № 404.
Кондратий *Трушников*. На Пермской, № 683.
Егор *Завьялов*. На Торговой, № 310.
Федор Федор. *Лундин*. На Екатерининской, № 173.
Козьма *Шулаков*. На Вознесенской, № 289.
Иван Антонов. *Трухин*. —

З) Кузнецы:

Никандр *Безукладников*. За Сибирской заставой. № 530.
Абрам *Доронин*. За Сибирской заставой. № 531.
Петр *Вологин*. За Сибирской заставой. —
Николай *Вологин*. На Монастырской, № 94.
Иван *Вологин*. На Земляной, № 347.
Мирон *Праведников*. На Вознесенской, № 737.
Илья *Пепеляев*. На Екатерининской, № 733.
Федор *Губкин*. За Сибирской заставой. № 533.
Василий *Ефимовский*. За Сибирской заставой. № 536.

И) Медяки:

Проход Филип. *Корзухин*. —
Яков Яков. *Сорокин*. На Екатерининской, № 726.
Иван Проход. *Корзухин*. —
Семен Яковлев. *Сорокин*.

И) Экипажные мастера:

Варфоломей *Красных*. На Вознесенской, № 119.

К) Кровельщики:

Александр *Антипин*. —
Андрей *Шварев*. —
Иван *Калашников*. —
Иван *Владимиров*. На Ямской, № 338.
Митрофан *Малков*. —
Кирило *Прикащиков*. —
Афанасий *Красноперов*. —

Л) Скорняки:

Михайло *Савченков*. На Монастырской, № 338.
Анна *Самодурова*. —

М) Хлебники и булочники:

Яков *Замшин*. На Покровской, № 142.
Игнатий *Трапезников*. —
Сидор *Клопов*. —
Василий Андр. *Гильков*.
Тимофей Павлов. *Павлов*. —
Никифор *Бахмуров*. —
Михайло Петр. *Петров*. —

Н) Маляры:

Митрофан *Малков*. —
Кирило *Прикащиков*. —
Пармен *Гомырин*. —

О) Шорники:

Иван Ив. *Марьин*. На Петропавловской, № 376.
Алексей Матв. *Юхнев*. На Покровской, № 388.

П) Пряничники:

Василий *Нагавицын*. —
Герасим *Малюшкин*. —
Иван *Николаев*. —

Григорий *Рябинин*. На Екатерининской, № 68.
Алексей *Савин*. На Пермской, № 87.
Федосей *Савин*. На той же, № 85.

Р) Стекольщики:

Иуда *Рыбин*. —
Алексей *Свинорин*. —
Никонор *Березин*. На Покровской, № 54.
Илья *Курочкин*. —

С) Переплетчики:

Никита *Новиков*. На Пермской, № 66.
Николай *Козмин*. —
Иван *Бушув*. —

Т) Кондитеры:

Яков *Замшин*. На Покровской, № 142.
Григорий *Рябинин*. На Екатерининской, № 68.
Дозе. —
Иван *Кенин*. —
Федосей *Савин*. На Пермской. № 85.

Словарь устаревших терминов

Красный товар – текстиль, ткани, мануфактура. Красные ряды – торговые ряды, где продается мануфактура.

Крупчатка – белая пшеничная мука лучшего помола; сорт пшеничной муки, отличающийся значительной зернистостью.

Лекарь – официальное название врача в Российской империи; первая ученая степень, получаемая студентами врачебного искусства.

Москательные товары – краски, клеи, технические масла и другие химические вещества как предмет торговли.

Панский товар – ткани, мануфактура, то же, что и красный товар.

Шорные товары – упряжь, седла, ремни, сумки и др. *Шорник* – мастер по изготовлению и ремонту сѐдел, уздечек, шор (боковых наглазников) и другого конского снаряжения; специалист по конской упряжи.

СПИСОК ВСЕХ ОТДЕЛОВ ПЕРМСКОГО СОВДЕПА И РАЙОННЫХ СОВДЕПОВ, МЕСТО ИХ НАХОЖДЕНИЯ И №№ ТЕЛЕФОНОВ. 1918 ГОД

ГАПК. Ф. р-176. Оп. 1. Д. 2. Л. 59-60.

Список публикуется в полном соответствии с оригиналом, с учетом современной орфографии. Очевидные сокращения раскрыты. Для удобства пользователей плохо читаемый в оригинале текст документа перепечатан в виде таблицы. Примечания к тексту приведены в конце таблицы. Документ представлен к публикации *Н.Ф. Захаровой*. Обработка и примечания Т.И. Быстрых.

НАИМЕНОВАНИЕ ОТДЕЛОВ	АДРЕСА	№ тел.	
1. ПРЕЗИДИУМ	Бывшая Городская управа ¹	1	Председатель Сулимов ² , тов. Башкиров ³ , Гудырев.
2. Общая канцелярия	"	34	Секретарь Сычугов, зав. Голых.
3. Финансовый отдел	"	419	Председатель Карякин.
Подотделы:			
Налоговая комиссия	Угол Вознесенской и Кунгурской	1009	Председатель. Секретарь Воскресенский.
Податная инспекция	"		Староста Виткевич Г.И.
Бухгалтерия	Бывшая Городская управа	363	Главный бухгалтер Киселев.
Отдел по сношениям с больничной кассой	"	34	Заведующий Васильев.
4. Отдел снабжения	Сибирская, 11	1066	Коллегия Собесский, Туркин ⁴ , Глухих.
Подотделы:			
Заготовительный	"		
Распределительный	"		
Мануфактурный	"	655	Члены Петухов и Сригель.
Железно-посудно-мыльный	"	452	Члены Башарин и Кабанов.
Обувной	"	"	Члены Бондарев, Нестеров и Кабанов.
Бухгалтерия	"	1060	Главный бухгалтер Глушков.
5. Отдел народного образования	Угол Оханской и Екатерининской	536-170	Коллегия Богороз, Першин, Здравосмыслов, секретарь Смирнова.
Подотделы:			
а/ школьный	"		
б/ дошкольный	"		
в/ внешкольный	"		
г/ библиотечный	Бывшая Городская управа	34	

6. Отдел управления	Сибирская, 9	1000	Председатель Дрокин ⁵ , начальник милиции Иванченко ⁶ , помощник Гилев.
Подотделы:			
Бюро уголовного розыска	Угол Сибирской и Пермской	767	
Адресный стол	Оханская, 26		
7 районов милиции			
7. Отдел здравоохранения	Покровская, 89	522	Коллегия Кожевников, Пащенко.
Подотделы:			
Санитарный	"		
Амбулаторный	"		
Больничный	"		
Эпидемический	"		
Аптечный	"		Заведующий Хаймович.
8. Отдел социального обеспечения	Оханская, 26	577	Председатель Горшков, товарищ председателя Шадрин.
Подотделы:			
Союз увечных воинов	Угол Покровской и Обвинской		
Пенсионный	"		
Пайковый	Оханская, 26		
Приютский	"		
9. Архитектурно-технический	Бывшая Городская управа, верх		Коллегия Батагов, Ахметьев.
Подотделы:			
Архитектурный	"	176-549	Заведующий Бенда ⁷ , делопроизводитель Ташканов.
Канализационный	"	561	Зав. Соловьев и Серебренников.
Водопроводный	"		"
Электрический	"		
10. Отдел недвижимости	дом бывший Губернатора	1093	Коллегия Заикин, Леонтьев, Гудырев, Брусин.
Подотделы:			
Отдел квартальных комитетов	"		
Отдел реквизиционный	Угол Красноуфимской и Петропавловской		

11. Дровяной отдел	дом бывший Губернатора	1098	Председатель Порошин, заведующий Санников.
Лесной			
12. Юридический отдел	Бывшая Городская управа		Заведующий Язвицкий.
13. Отдел транспортный объединяющий обозы: пожарный, ассенизационный, рабочий.	дом бывший Губернатора	162	Заведующий тов. Косвинцев.
14. Отдел производства	Бывшая Городская управа		Заведующий тов. Петров
Мастерская Мешкова	Заимка		
Гвоздарный завод Калинина	"		
Кирпичные сараи	1-я Солдатская		
Кирпичный завод	"	500	
Портновские мастерские	Угол Екатерининской и Кунгурской		
Утилизационный завод	дом Черемисинова		
Скотобойня	Заимка		
15. Земельный отдел	дом бывший Губернатора	130	Председатель Трофимов, заведующий Подерня
Землемерный			
Лесничество			
Сельскохозяйственная колония, объединяющая огородников садоводов, цветоводов			
16. Отдел городских предприятий объединяющий номера, гостиницы, кафе- столовые, бани, ломбард	Петропавловская, 25	1003	Коллегия Рубцов и Короваев
17. Оценочно-статистический отдел	Петропавловская, 27		Заведующий Попов
18. Справочный отдел	Бывшая Городская управа	52-34	Заведующий Горбунов
19. Театральный отдел объединяющий все увеселительные предприятия г. Перми	Торговая, 48	9-59	Заведующий Марков ⁸

20. Контрольная комиссия	Бывшая Городская управа	34	Председатель Буторин
Никольский или Пролетарский СОВДЕП	За рекой Камой, № 191, 574		
Балашовский или Екатерининский СОВДЕП	Екатерининский район г. Перми, дом Республики		
Мотовилихинский СОВДЕП	Угол Камской и Большой	789	
Канцелярия	дом бывший Баканина		
Бухгалтерия	"		
Финансовый отдел	"		
Юридический	"		
Хозяйственный отдел	"		
Архитектурно- строительный	"		
Дорожно-строительный	"		
Отдел недвижимости	"		
Адресный стол	"		
Отдел социального обеспечения	Угол Большой и Камской	1039	
Медико-санитарный	дом Воронцова		
Отдел народного образования	"		
Союз пенсионеров	"		
Земельный отдел	Церковная площадь	1013	
Секция по заготовке топлива	дом Боброва, № 1-17		
Административный отдел	Большая, 21		
Военный отдел	Церковная площадь, 15	170	
Чрезвычайная комиссия	Большая ул.	742	
Отдел снабжения	Камская, 25		
Биржа труда	Камская, 19		

Примечания.

¹ **Городская управа** – угол улиц Сибирской, 11, и Петропавловской, 25. В настоящее время в здании размещается Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина.

См.: *Минеев Г.И.* Адрес домовладельцев губернского города Перми // Пермский дом в истории и культуре Пермского края: справочный том. – Пермь, 2012. – С. 204.

Захарова Н.Ф. Трансформация здания Дома Смышляева: перечень архивных документов // Пермский дом в истории и культуре края. – Пермь, 2009. – Вып. 2. – С. 66-70.

Гайсин О.Д. Памятник истории и культуры краевого значения «Здание городской думы» (угол улиц Сибирской и Петропавловской, 11/25) // Пермский дом в истории и культуре края. – Пермь, 2010. – Вып. 3. – С. 151-161.

² **Сулимов Данила (Даниил) Егорович** (1890—1938) // Пермские градоначальники: сб. статей /сост.: С.С. Смородина и О.А. Мельчакова. – Пермь: Стиль-МГ, 2008. – С. 107-109: портр.

³ **Башкиров Иван Васильевич** (1893 – не ранее 1954) // Пермские градоначальники: сб. статей /сост.: С.С. Смородина и О.А. Мельчакова. – Пермь: Стиль-МГ, 2008. – С. 104-106: портр.

⁴ **Туркин Михаил Павлович** (1887—1947) // Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. – Пермь, 1966. – С. 653-658; *Аликина Н.А.* Большевик Михаил Туркин. – Пермь, 1957.

⁵ **Дрокин В.А.** (1893—1938) // Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 789. Мотовилихинский рабочий и революционер Василий Дрокин в 1918 г. был помощником начальника милиции В.А. Иванченко и участвовал в организации ареста и убийства М.А. Романова.

⁶ **Иванченко Василий Алексеевич** (1874—1938) // Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 227-230.

В.А. Иванченко – участник ареста и убийства в Перми в июне 1918 г. великого князя Михаила Романова, находившегося здесь в ссылке. См.: *Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы.* – Пермь, 1996; *Аликина Н.А.* Дон Кихот пролетарской революции. – Пермь, 2006. – 176 с.: ил.

⁷ **Бенда Иван Иванович** (1879—1938) – архитектор. См. о нем: *Захарова Н.Ф.* И.И. Бенда // Пермский дом в истории и культуре края. – Пермь, 2009. – Вып. 2. – С. 71-73.

⁸ **Марков Андрей Васильевич** (1882—1965) // Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 374-377. А.В. Марков вместе с В.А. Иванченко является участником убийства М.А. Романова в 1918 г. См. примечание № 3-4.

В Государственном архиве Пермского края хранится семейный фонд Марковых: Андрея Васильевича (1882—1965) и Анны Васильевны (1885—1974), ветеранов партии, участников революционных событий 1905—1907 гг. в Мотовилихе. (Ф. р-1750. 25 ед. хр. 1903—1975 гг.)

БИБЛИОГРАФИЯ

К.П. Чуприн, Н.В. Сторожева

ПЕРМСКИЕ ЗДАНИЯ И АРХИТЕКТОРЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ЭТАЖИ ПЕРМИ»

Журнал «Этажи Перми» с ноября 2002 по 2006 гг. выпускался в Перми тиражом 1 тыс. экземпляров рекламно-издательским центром «Держава». Деловое издание, многоаспектно освещавшее жизнь участников рынка недвижимости, распространялось по подписке и адресной рассылке. Журнал предназначался, в основном, строителям, архитекторам, риэлторам, руководителям жилищно-коммунального хозяйства, а также административным работникам. Издание отличалось хорошим полиграфическим исполнением, качественной бумагой и многочисленными иллюстрациями.

В журнале рассматривались не только новые материалы и технологии в градостроительстве, проблемы отечественной, зарубежной недвижимости. Немало места уделялось особенностям архитектуры и проектированию зданий в Перми.

В тематическом обзоре публикаций журнала нами использованы статьи, имеющие отношение к истории «пермского дома».

Много интересного таит в себе архитектура старой Перми. Так, в статье В. Шаталова [5] представлена фотография Ротонды, сооружённой в 1824 г. по случаю приезда в Пермь императора Александра I. Автор проекта – И. Свизев, служил тогда главным архитектором горного правления Перми. Ротонду возводили из дерева для отражения гибкости форм. Дом Благородного собрания построили по проекту И. Свизева тоже из дерева. Отмечаются надёжность и долговечность этого материала. В деревянном корпусе здания архитектор предусмотрел разработанную им самим систему вентиляции. В публикации освещаются проектирование и строительство Спасо-Преображенского собора, каменного здания городского театра, собора Петра и Павла в Разгуляе, установка верстового столба на фасаде здания почтамта, построенного в конце XIX века. Помещены фотографии всех этих объектов.

В статье «Старая Пермь построена правильной Нью-Йорк!» [4] подчёркивается, что первым заместителем Пермской и Тобольской губерний Е. Кашкиным был приглашён из Санкт-Петербурга градостроитель И. Лем. Он создал план города, по которому Пермь застра-

ивалась три века подряд. Согласно этому плану все дома, беспорядочно построенные в Егошихе, сносились. На их месте ровно в линию располагались здания с каменным фундаментом и деревянным верхом. Большое внимание качеству и прямоте дорог в Перми уделял губернатор К. Модерах, важной заслугой которого считалось строительство по его собственному проекту Гостиного двора на том месте, где сейчас располагается сквер Пермского академического театра оперы и балета. Впервые за всю историю города в Перми появились деревянные тротуары благодаря визиту Александра I, а впоследствии построена новая больница, названная в честь царя Александровской (сейчас в этом здании – областная клиническая больница). Авторы считают, что период конца XIX – начала XX вв. ознаменовался переходом от плановой застройки города к бессистемной. Архитектурный облик Перми стал терять свои эстетические преимущества. Город хаотично застраивался новыми заводскими сооружениями, исходя из выгодных мест по отношению к реке и железной дороге. Развитие архитектуры постепенно привело к тому, что русскому классицизму, популярному в XIX веке, проектировщики предпочитали стиль модерн.

Состояние жилищного строительства в Перми в 1930-х гг. рассматривается А. Бушмаковым [10]. К тому времени Пермь превращается в крупный промышленный центр. Вместе с тем, внешний вид Перми не соответствовал статусу областного города. Многие жилые дома были малоэтажными, заводские рабочие посёлки застроены деревянными бараками. Только крупные предприятия могли позволить себе строительство ряда многоэтажных домов с водопроводом, канализацией, центральным отоплением. Строители не имели опыта такого строительства и допустили немало ошибок. Возникали проблемы с водостоками, отоплением и вентиляцией. Из-за сырости стены внутри покрывались мхом. «Многоэтажки, – пишет автор, – были окружены завалами строительного мусора, разного рода сараями и дровяниками, изготовленными из остатков фанерных ящиков, обломков досок и старого железа. Показная роскошь фасадов сочеталась с неоштукатуренными задними стенами и захламленными дворами» (с. 53). Старые деревянные или полукаменные дома, – часто покосившиеся или разваливающиеся, – встречались даже на центральных улицах. Пермь производила впечатление провинциального города. Предполагалось построить пермский Дом Советов на Городских Горках, двухъярусный железнодорожно-автомобильный мост через Каму. Проекты по строительству и благоустройству не осуществлялись, поскольку не хватало денежных средств и строительных материалов. С началом Великой Отечественной войны в городе стро-

ились в основном бараки упрощённого типа. Только в 1950-е гг. удалось открыть ДК завода имени Сталина, застроить многоэтажными домами Комсомольский проспект. Автомобильный мост через Каму закончили возводить в 1967 г., а здание Дома Советов построено в другом районе лишь в 1973 г.

Ряд публикаций в журнале посвящён особнякам – памятникам пермской архитектуры.

«Дом с фигурами» – одно из красивейших архитектурных творений Перми, замечательный образец стиля модерн, – справедливо утверждает Н. Баяндина [1]. Внутренние интерьеры дома богато украшены лепниной. Деревянное здание построено в 1895 г., а с 1905 г. владельцем дома являлся Сергей Михайлович Грибушин, купец первой гильдии, торговый дом которого входил в десятку крупнейших в России. Особняк предназначался для проживания многочисленной семьи, кроме того, он должен был стать своеобразной визитной карточкой торгового дома. Фасад и интерьеры здания декорировали лепными украшениями. Особенно выделяются на фасаде изображения женского лица, искусно вылепленные П. Агафьиным по фотографиям одной из дочерей хозяина. Именно эта отличительная деталь грибушинского особняка положена в основу образа «дома с фигурами», который запечатлел Б. Пастернак в романе «Доктор Живаго». После 1917 г. в этом доме размещались госпиталь, детская больница, затем его передали Пермскому научному центру Уральского отделения Российской академии наук, который на собственные средства провёл реставрацию особняка. Упоминаются замечательные акустические свойства гостиной, позволявшие прежним хозяевам проводить в доме музыкальные вечера.

Статья «Дом с видениями» [3] характеризует красивый особняк на улице Екатерининской, построенный А.Б. Турчевичем по заказу купчихи первой гильдии Е.И. Любимовой. Роскошное двухэтажное здание с большими арочными окнами свидетельствовало о состоятельности владелицы. В 1899 г. Е.И. Любимова купила у наследников, купцов братьев Каменских, имение, расположенное на углу улиц Сибирской и Екатерининской (оно состояло из двух зданий). На месте одного из них возвели особняк для проживания семьи. В оформлении здания архитектор использовал черты стилей классицизма и модерна, привнес в них творческое начало. Рядом с домом был разбит сад и цветник, работал небольшой фонтан. В глубине двора находились хозяйственные постройки и конюшни. Кроме того, по улице Сибирской выстроили здание, которое называли «пассаж Любимовой». Этот дом сдавался в аренду представителям купеческого сословия. Второе здание – угловое – служило местом расположения конторы

пассажирского пароходства. Таким образом, складывался комплекс построек под названием «любимовский квартал». Сейчас в особняке Е.И. Любимовой размещён Театр юного зрителя. Из интерьеров комнат (кроме камина) ничего не сохранилось. В статье раскрывается также разносторонняя благотворительная деятельность Е.И. Любимовой. Она оказывала помощь губернскому детскому и Богородицкому приютам, содействовала в строительстве каменного здания театра. Самым значительным благотворительным поступком Е.И. Любимовой было открытие в 1906 г. «вдовьего» дома, построенного на её личные средства. Есть фотографии: портрет Елизаветы Ивановны Любимовой, «Пассаж Любимовой», здание ТЮЗа.

Публикация «Дом на Набережной» [6] посвящена особняку Н.В. Мешкова на берегу Камы. Н.В. Мешков – известный пароходовладелец, купец первой гильдии, меценат – был представителем крупного капитала и в то же время с симпатией относился к революционерам, оказывал им материальную и организационную помощь. Особняк служил его владельцу не только квартирой, но и конторским и явочным помещением. Во внешнем облике дома смешаны разные архитектурные стили. Пышное величие барокко переплелось во внешнем оформлении здания со стилем рококо. Это уютный купеческий дом с мезонином, затейливыми арками и вазонами для цветов. Внутри – анфиладная планировка, просторные светлые помещения с высокими потолками. На старых фотографиях рядом с особняком можно увидеть ротонду, разрушенную перед второй мировой войной. В глубине двора имелись каретный сарай, конюшня, двухэтажный флигель. После 1917 г. Н.В. Мешков передал свой особняк в собственность новым властям. Помещены портрет мецената, фотографии его дома в дореволюционный и постсоветский периоды, а также кованых металлических ворот, восстановленных пермскими реставраторами в конце 1970-х гг.

О. Освальд [9] описывает историю дома известного как особняк купцов Протопоповых. Здание было построено В.Е. Вердеревским на углу улиц Монастырской, 17, и Сибирской, 2, на месте сгоревшего дотла при пожаре 1842 г. деревянного домика. В.Е. Вердеревский состоял на военной службе в Семёновском, а впоследствии в Бородинском пехотных полках, сотрудничал со многими петербургскими журналами. С 1824 г. началась его чиновничья карьера в Санкт-Петербурге. В 1844 г. за взятки В.Е. Вердеревского отправили в сибирскую ссылку, которая обернулась для него местом председателя Томской казённой палаты. Через три года В.Е. Вердеревский назначен руководителем казённой палаты Перми, где также незаконно обогащался, получая из государственного казначейства пенсии на

умерших чиновников. Построенный им в конце 1840-х – начале 1850-х годов дом, считался одним из самых красивых и богатых в городе. Двухэтажный оштукатуренный особняк в стиле русского классицизма был так хорошо отделан, что казался каменным, хотя из кирпича был выложен только первый этаж. На Каму выходили изящные балконы, украшенные художественной резьбой. По периметру кровли устроили парапет в виде балюстрады. Некоторое время в здании размещалось Благородное собрание. Позднее В.Е. Вердеревский открыл в своём доме скандально известный всему городу трактир «Славянский базар», куда посетители приходили полюбоваться молодыми дамами, играющими на арфах. В 1853 году, уезжая из Перми, В.Е. Вердеревский продал свой дом владельцам губахинских и кизеловских шахт Протопоповым. В 1889 г. Е.Ф. Протопопова умерла, и дом перешёл к купцу Хотимскому, а затем – к золотопромышленнику Шайдурову. Здание использовалось под гостиничные номера и рестораны. С 1906 по 1908 гг. в доме находилось также фотоателье Зинаиды Метаниевой, а с 1908 по 1916-й – типография Александра Каменского. В советский период в здании разместилось общежитие железнодорожного техникума. В 1920-е гг. в нём существовали гостиница «Уральская» и ресторан «Заря». В статье обращается внимание на то, что к началу 1980-х гг. степень изношенности дома, в котором ни разу не производился капитальный ремонт, составила почти 90%. На многочисленные просьбы жильцов горисполком отвечал, что ввиду большого износа дома многие ремонтные работы невозможны. 2 июля 1990 г. жильцы дома объявили голодовку. Для расселения людей, полного ремонта и реставрации внутренних помещений и фасада бывшего особняка купцов Протопоповых, нашли нового хозяина – пермский филиал «Транскапиталбанка». Здание в течение нескольких лет удалось отреставрировать и поставить на учёт как памятник архитектуры. Статья удачно дополняется фотографиями роскошного особняка XIX века в дневное и вечернее время.

История одного домовладения изложена в статье «Дом Лака на улице Пермской» [16]. Двухэтажный полукаменный дом по улице Пермской, 72, сохранился в оштукатуренном виде. Точная дата его постройки не установлена. Первой владелицей дома могла быть купчиха Е.Ф. Блинова. Дом Блиновых с некоторыми чертами провинциального классицизма и без архитектурных излишеств, построен, скорее всего, горожанином среднего достатка. Автор выяснил, что в начале XX века владельцем дома был портной Александр Осипович Лак, который держал в нём свою портняжную мастерскую. Семья А.О. Лака владела зданием вплоть до 1918 г., превратив его в до-

ходный дом и возведя двухэтажную кирпичную пристройку к основному зданию. Хозяева сдавали помещения внаём организациям и частным лицам. В 1901 г. А.О. Лаком был заключён договор на аренду помещения с центральным книжным складом Пермского губернского земства. Здесь осуществлялась торговля книжными изданиями, в том числе, – учебниками, письменными принадлежностями, наглядными учебными пособиями, календарями. Много лет в доходном доме А.О. Лака размещалось присутствие Пермского уездного съезда земских участковых начальников. Поскольку в предреволюционный период в городе возрос спрос на гостиницы, предприимчивый А.О. Лак сдал часть своего домовладения под гостиницу «Метрополь» А.А. Николаеву. После прихода большевиков к власти дом А.О. Лака, как и многие домовладения Перми, реквизировали. Он перешёл в муниципальную собственность. А.О. Лак продолжал проживать с семьёй в одной из комнат своего бывшего дома. В 1920 г. в доме работал Пермский городской уездный исполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Часть дома, где размещалась гостиница, отдали общежитию. В советские годы в здании находились Пермский областной комитет защиты мира, Ленинский райком профсоюза работников культуры, правление Пермской областной организации общества «Знание».

Проблема историко-культурной реконструкции замечательных пермских домов затронута в публикации В. Шаталова [8]. Жители дореволюционной Перми нередко строили свои дачи на правом берегу Камы, в живописном уголке Нижней Курьи. Место являлось настолько красивым, что вдохновляло архитекторов дач на создание шедевров деревянного зодчества. Среди построек, которыми любовались пассажиры проходящих пароходов, стояла удивительная дача-терем городского головы Александра Синакевича. Он приехал в Пермь в 1868 г. и прошёл путь от помощника бухгалтера Пермского губернского казначейства до городского головы (его избирали дважды). А. Синакевич был известен и как купец, он владел кирпичными сараями (заводом). А. Синакевич, его жена и пятеро детей отдыхали на этой даче. Терем, архитектор которого неизвестен, строился в популярном «ропетовском» стиле. В начале 1980-х гг. осознание уникальности этой дачи привело к разработке проекта её реставрации. Но, как отмечает автор, до реставрации дело не дошло, а привезённые строительные материалы куда-то бесследно исчезли. Между тем, на доме висит табличка с надписью «Памятник архитектуры начала XX века». Если терем, цветные фотографии которого даны в статье, попадёт в «хорошие руки», то будет восстановлена его привлекательность. Автор полагает, что подобные жемчужины архитек-

туры являются символами профессии, её престижа, преемственности строительных дел мастеров. «Приняв участие в сохранении от гибели дачи Синакевича, строители Перми оказали бы большую услугу не только городу, но и своей собственной профессиональной и общественной репутации» (с. 51).

О том, что вера может творить с человеком чудеса, рассказывается в статье «Храм «Робинзона» [7]. Предыстория храма такова. В XVIII веке русское торговое судно, на котором находился с товаром пермский купец Василий Герасимович Лапин, потерпело крушение в Тихом океане. В.Г. Лапина с остатками товара и обломками корабля выбросило волной на пустынный берег, где его ждала неизбежная смерть от голода и жажды. По словам внучки В.Г. Лапина, «горячо молясь Пречистой Деве он дал обет по возвращении на Родину построить храм в честь её святого имени. Вскоре его подобрал плывший мимо английский корабль» (с. 48). Вернувшись в Пермь, В.Г. Лапин стал сразу же хлопотать о возведении каменного храма в честь чудесного спасения. За этот год он собрал все нужные для работы строительные материалы. В декабре 1789 г. церковь на углу улиц Оханской (Газеты «Звезда» и Покровской (Ленина) была построена и освящена. Она располагалась прямо напротив дома, где жил купец. Церковь стала носить имя Владимирской Божией Матери. Когда храм расширили, его переименовали в Рождество-Богородицкую церковь. К сожалению, в 1930-е гг. купола церкви снесли, а внутреннее убранство ликвидировали, поскольку в ней находилась Пермская государственная фармацевтическая академия. Автор статьи высказывал надежду, что если здание возвратят церкви, то ему «вернут первоизданную красоту» (с. 49). К счастью, ныне эти ожидания оправдались. В статье приведены черно-белые и цветные фотографии дореволюционного и советского периодов.

Краевед В. Семяников [13] приводит историю вокзала станции Пермь II. В 1898 г. было построено одноэтажное деревянное здание с вывеской «Станция Заимки», которое можно считать первым вокзалом Пермско-Котласской железной дороги. Строительство железной дороги Пермь–Кунгур–Екатеринбург завершилось к 1909 г. В связи с этим, в Перми пришлось строить новую узловую станцию с тремя направлениями железнодорожного движения. Оно открылось первого ноября 1909 г. Разъезд Заимки переименовали в станцию Пермь-Заимки, а 18 апреля 1910 г. – в станцию Пермь II. В 1934 г. на привокзальной площади построены пригородные кассы и камеры хранения. На главном перроне появились торговые точки, небольшой фонтан, газоны и клумбы. Возрастание пассажиропотока в 1930-х гг. потребовало благоустройства привокзальной территории и строитель-

ства большого вокзала. Вновь построенное здание вокзала принято в эксплуатацию 5 ноября 1962 г. Для удобства пассажиров сделаны надстройки второго и третьего этажей, подземные переходы. В 1964 г. появился павильон пригородных касс. На привокзальной площади возведены здания прижелезнодорожного почтамта (1969 г.) и багажного отделения (1973 г.). В 1978 г. был реализован проект сквера имени 250-летия Перми. В нём выставлены образцы геологических пород, добываемых в крае. В 1980-х и в конце 1990-х гг. проводили очередные реконструкции вокзала, которые в силу разных причин не были выполнены в полном объёме.

В статье «Универмаг на Сенной» [12] показана история появления в Перми первого универсального торгового центра. В дореволюционной Перми участок, ограниченный улицами Кунгурской и Красноуфимской, Екатерининской и Вознесенской занимал Сенной рынок, в деревянных павильонах которого шла торговля непродовольственными товарами и продуктами питания. В советское время, до начала 1950-х гг., территорию бывшей Сенной площади и Сенного рынка занимал центральный колхозный рынок. В 1936 г. на углу улиц Большевистской и Куйбышева началось строительство трёхэтажного здания современного универмага, но в 1937 г. его законсервировали и продолжили в 1939–1941 гг., когда Пермь стала областным центром. Великая Отечественная война привела к новому перерыву в строительстве универмага. В 1941 г. на первом этаже недостроенного здания разместился механический цех Мотовилихинского завода. Второй этаж приспособили под жильё рабочих. Производство функционировало в здании до 1945 г. После войны здание использовалось как складские помещения, в подвале находилось овощехранилище. В конце 1948 г. решили достраивать универмаг. Достройку здания поручили специальному тресту по строительству торговых предприятий в г. Молотове. Поскольку в созданном тресте не сразу появились квалифицированные инженеры и руководители, в ходе строительства оказались допущены нарушения технологии: неудовлетворительно выполнена отделка фасада, множество дефектов отмечалось при внутренних работах. Неоднократное обследование здания в октябре-ноябре 1952 г. показало, что качество строительных работ не соответствует техническим условиям и нормам. Комиссия во главе с главным архитектором города В.Г. Черновым пришла к выводу о необходимости устранения недостатков. Лишь 31 декабря 1953 г. государственная комиссия приняла здание с оценкой «удовлетворительно». Универмаг был популярен среди пермяков и жителей области, ведь ЦУМ на улице Ленина открылся только в 1965 г.

Материал В. Абашева «Мелодии старой Сибирской» [15] написан в жанре литературно-краеведческой прогулки по Перми. Автор начинает путешествие с берега Камы (Козьего загона или Набережного сада) и проводит читателей по литературным и торговым кварталам города. Мы, читатели, знакомимся с нарядным особняком, построенным В.Е. Вердеревским и с его колоритным владельцем. Переходим к печально известным в связи со ссылкой и гибелью Великого князя Михаила Романова Королёвским номерам, принадлежавшим купцу Василию Королёву. Любуемся конструктивистским стилем 1930-х гг., воплощённым в силуэте гостиницы «Центральная». Узнаём немало интересного об известных писателях – постояльцах «семиэтажки» в годы Великой Отечественной войны. Подходим к Дому Смышляева, размышляя о служении Д.Д. Смышляева общественному благу (ныне здесь находится Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина). Идём вдоль стены Пермской государственной медицинской академии, в здании которой размещалась мужская гимназия. В ней учился замечательный писатель Михаил Осоргин. Минув Медакадемию, останавливаемся у здания Администрации города, где в дореволюционный период располагалась Пермская казённая палата, ведавшая сбором налогов и подрядами. В этом учреждении скромную канцелярскую должность занимал будущий писатель Фёдор Михайлович Решетников. В советское время на углу улиц К. Маркса и Ленина работал знаменитый центральный гастроном № 1. До него в угловой части здания с 1876 по 1911 гг. находился первый в Перми книжный магазин Ю.И. Пиотровского. Очень выразительны штрихи автора к портретам некоторых владельцев дореволюционных магазинов – М.С. Симоновича (музыкальный магазин, Сибирская, 10), купца И.И. Малюшкина (Сибирская, 12). Особое внимание в статье уделено такому замечательному памятнику старой Перми как здание Благородного собрания. Это был центр светской и культурной жизни города, где проходили благотворительные литературно-музыкальные вечера. «Благородное собрание, пушкинский сквер и дом Дягилева – это сердце Сибирской» (с. 74). Автор характеризует главный корпус Пермского педагогического университета, заброшенное четырёхэтажное строение бывшего пивоваренного завода, здание конвойной команды, Дом чекистов. Статья иллюстрируется многочисленными фотографиями архитектурных творений прошлого.

В журнале публиковалось несколько статей [2, 11, 14, 17] о людях, внесших определённый вклад в пермскую архитектуру.

В двух из них [2; 11] освещается жизнь и деятельность Александра Бонавентуровича Турчевича (1855—1909). Он был разносторонне одарённым человеком: музицировал, рисовал, декламировал,

мечтал о театральной карьере. Окончив Строгановское училище, в 1888 г. открыл в Перми частное строительно-техническое бюро, занимавшееся разработкой проектов и смет на строительство зданий различного назначения не только в Перми, но и в Екатеринбурге, Кунгуре, Осе, Сарапуле и других городах. Все здания, спроектированные в бюро, соответствовали вкусу заказчиков, отличались красотой и функциональностью. Первой крупной работой А.Б. Турчевича было восстановление дома по заказу Н.В. Мешкова. Талантливый архитектор успешно справился с этим заданием. Дом на берегу Камы впечатляет богатством декоративного оформления. Привлекателен и особняк Любимовой, во многих деталях которого чувствуется умение А.Б. Турчевича создать лирический образ богатого частного дома. Замечательным примером модерна является дом Грибушиных. В статье [2] опубликованы чёрно-белые фотографии некоторых зданий, спроектированных А.Б. Турчевичем (здание епархиального женского училища; удивительной красоты Никольская церковь в Мотовилихе, снесённая в советский период). А.Б. Турчевичем созданы церковь св. Магдалины в Перми, Троицкий собор в Осе, Предтеченский храм в Кунгуре и другие культовые постройки. Одним из последних творений архитектора был проект Верхотурского Крестовоздвиженского храма, необычайно красивого и величественного. В нём поражает обилие света, свободно льющегося из 137 окон разных форм и размеров. А.Б. Турчевич был также незаурядным инженером-строителем, хорошо осведомлённым в новинках строительного дела. Им осуществлено около 150 различных проектов гражданских и культовых зданий, выборочный перечень которых приведён в конце статьи [11]. Здесь же мы видим портрет А.Б. Турчевича работы художника К. Сулова, написанный по фотографии.

История строительства Пермского духовного училища связана с его смотрителем (директором) – Геннадием Ивановичем Холмогоровым (1841—1898), богословом по образованию [14]. Он смог осуществить проект, считавшийся почти невыполнимым в 70-е – 80-е гг. XIX в. Г.И. Холмогоров учился в Пермской духовной семинарии в 1860-е гг. Затем, после окончания в 1867 г. духовной академии, он получил назначение преподавателем семинарии. Епархиальное начальство высоко оценило Г.И. Холмогорова как администратора. В 1879 г. он был избран на должность смотрителя Пермского духовного училища. Требовалось расширение училищного здания и устройство при нём общежития для учеников. Купленное в 1868 г. строение именовалось когда-то «барским домом», с высокими комнатами, паркетными полами, лепными украшениями. Но для училища оно оказалось тесным и недостаточно приспособленным. Для расшире-

ния и переустройства здания не хватало собираемых обязательных и добровольных взносов с церковью и духовенства. Рачительное ведение дел позволило новому смотрителю к 1885 году собрать необходимые денежные средства и начать строительство общежития и церкви. Фактически Г.И. Холмогоров возглавил работу строительного комитета. Все работы, благодаря личному неустанным контролю Г.И. Холмогорова, были исполнены качественно, со значительной финансовой экономией. Привлечение к строительству благотворителей позволило к осени 1885 г. оборудовать училищную церковь на купеческие средства. Автор подчёркивает: «Формально считалось, что здание училища построено по плану чертёжника А. Пермякова под наблюдением гражданского инженера Р. Карвовского, однако плану Пермякова предшествовали и в его основу легли соображения и чертежи самого Геннадия Ивановича. По его указанию уже во время производства работ были сделаны существенные отступления от принятого плана, значительно улучшившие и вместительность, и гигиенические качества нового здания» (с. 60). Перед выходом в отставку Г.И. Холмогоров вёл переговоры об устройстве в училище электрического освещения, по всему училищу при нём провели водопровод. Училище находилось в этом здании до своего закрытия в 1918 г. В 1923 г. пустовавшее здание передали Пермскому рабфаку, а через два года в нём разместили несколько техникумов: Уральский медицинский, землеустроительный, фармацевтический. В 1931—1933 гг. к ним добавились художественный техникум и в 1931—1934 гг. – Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В 1935 г. дом занимала школа № 25. С 1938 по 1975 гг. в здании находился Пермский городской Совет. С 1975 г. владельцем здания становится Пермский государственный институт культуры. Статью сопровождают портрет Г.И. Холмогорова и фотографии здания Пермского духовного училища в дореволюционный и советский периоды.

Одна из публикаций посвящена уроженцу села Архангельское Чердынского уезда Пермской губернии Константину Трофимовичу Бабыкину (1880—1960) [17]. Он окончил начальную школу в Чёрмозе, дальнейшее образование получил в Пермском реальном училище. Решив посвятить свою жизнь строительству, К.Т. Бабыкин поступил на строительный факультет Киевского политехнического института (на Урале в то время не было соответствующих учебных заведений). За участие в студенческих забастовках в 1901 г. он был арестован, просидел в камере около двух месяцев и выслан в Пермь. Осенью 1901 г. К.Т. Бабыкину всё-таки разрешили выполнить и защитить дипломный проект. Он работал архитектором Пермской железной дороги. Среди первых построенных им объектов – школы в городах Ка-

мышлов и Чусовом. Молодой архитектор проектировал производственные корпуса, небольшие вокзалы, паровозные депо, конторские и жилые дома для сотрудников Пермской железной дороги. В 1909 г. К.Т. Бабыкин переехал в Екатеринбург, продолжая строить в 1910—1912 гг. на разных станциях локомотивные депо, железнодорожные мастерские, служебно-технические здания, дома и школы. Архитектор проектирует и строит здание нового Екатеринбургского железнодорожного вокзала, участвует в сооружении городского театра, полностью отвечая за его внутреннее оформление. К.Т. Бабыкин принял смелое решение по применению внутри здания нового для той эпохи строительного материала – железобетона. Скептиков было много, и ему даже пришлось постоять под балконом театра, который в целях испытания был загружен мешками с песком. Сообщается, что в ходе строительства архитектор «проявлял необыкновенную жёсткость к подрядчикам, случалось, что заставлял разбирать плохо выполненную кладку» (с. 74). При отступлении летом 1919 г. командование колчаковских войск вывезло в Сибирь ценных специалистов, в числе которых оказался и К.Т. Бабыкин. Вернувшись в Екатеринбург в мае 1921 г., он осуществляет проектирование производственных сооружений для железнодорожных станций в Перми, Верещагино, Чусовом и других уральских городах. В 1920-е гг. по проектам К.Т. Бабыкина построено немало рабочих клубов. Свидетельством незаурядного дарования К.Т. Бабыкина является проектирование и строительство здания управления Пермской (ныне Свердловской) железной дороги, которое внесено в список памятников архитектуры федерального значения. Автор высоко оценивает этот проект, в котором заложена архитектурная классика, несмотря на насаждавшийся в те годы стиль конструктивизма. В статье раскрывается его преподавательская деятельность в 1930-х – 1950-х гг., заведование более двадцати лет кафедрой архитектуры в Уральском строительном институте. Будучи хорошим организатором, он добился появления на Урале специальности «архитектурное проектирование». Автору посчастливилось учиться у профессора К.Т. Бабыкина. В публикации приводятся тёплые воспоминания о нём А. Юзефовича и М. Футлика. В статье имеются фотопортреты К.Т. Бабыкина, фотографии некоторых зданий, спроектированных и построенных архитектором.

Журнал «Этажи Перми» можно считать полезным для исследователей истории города изданием, регулярно отражавшим тему «пермского дома». В нём представлены публикации по общим и частным вопросам архитектуры и строительства Перми. Особое значение имеют материалы, освещающие жизнь и деятельность замечательных пермских зодчих.

Список использованных источников.

1. *Баяндина Н.* «Дом с фигурами» // Этажи Перми. – 2002. – № 1. – С. 42–43.
2. *Степанова Н.* «Любя искусство и относясь к нему строго» // Этажи Перми. – 2003. – № 1. – С. 50–51.
3. *Баяндина Н.* Дом с видениями // Этажи Перми. – 2003. – № 1. – С. 52–53.
4. *Акафьева И., Шаталов В.* «Старая Пермь построена правильной Нью-Йорка!» // Этажи Перми. – 2003. – № 5. – С. 36–39.
5. *Шаталов В.* Символы Перми: от Ротонды до Версты // Этажи Перми. – 2003. – № 5. – С. 40–43.
6. *Акафьева И., Киселёв А.* Дом на Набережной // Этажи Перми. – 2003. – № 5. – С. 44–45.
7. *Шаталов В.* Храм «Робинзона» // Этажи Перми. – 2003. – № 6. – С. 48–49.
8. *Шаталов В.* Терем Синакевича: Духовность проявляет себя не только на Белых Горах // Этажи Перми. – 2003. – № 7. – С. 50–51.
9. *Освальд О.* Долго музыка играла... // Этажи Перми. – 2004. – № 1. – С. 52–53.
10. *Бушмаков А.* Пермь в конце 1930-х годов // Этажи Перми. – 2004. – № 2. – С. 53–54.
11. *Юзефович А.* Сделано Турчевичем... // Этажи Перми. – 2004. – № 3. – С. 53–55.
12. *Бушмаков А.* Универмаг на Сенной // Этажи Перми. – 2004. – № 3. – С. 56.
13. *Семянников В.* Вокзал станции Пермь II // Этажи Перми. – 2004. – № 4. – С. 49–50.
14. *Бушмаков А.* Там все учились понемногу // Этажи Перми. – 2004. – № 5–6. – С. 59–61.
15. *Абашев В.* Мелодии старой Сибирской // Этажи Перми. – 2005. – № 5–6. – С. 89–94; 2006. – № 1–2. – С. 68–76.
16. *Юзефович А.* Дом Лака на улице Пермской // Этажи Перми. – 2006. – № 1–2. – С. 66–67.
17. *Юзефович А.* Стоять под балконом театра... // Этажи Перми. – 2006. – № 3–4. – С. 72–76.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалмасов С. 142, 146
Абашев В. 225, 229
Агафонов В.Е. 202
Агафуровы 127
Агафьин П. 219
Агеева А.Н. 26
Адрианов Д.П. 29
Азаров Н.В. 203
Айвазовский И.К. 52
Акафьева И. 229
Акафьева И.И. 14
Александр I 217, 218
Александр II 110, 111
Александра Федоровна, императрица 110
Алексий II, патриарх Московский и Всея Руси 13
Аленчикова Н.Д. 4, 161, 240
Аликина Н.А. 216
Андерсон Ф.А. 24, 34
Андроник (Никольский), епископ Пермский и Соликамский 10
Андроник, епископ Пермский и Соликамский 21, 22
Антипин А. 210
Антоний, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский 21
Антонов А. 138
Ануфриев 36
Апкин А. 143
Апкины 147
Арлазорова Е.Д. 199
Арсеньев А. 72
Арсеньев Д.Г. 32
Арцимович А.А. 192
Ахметьев 213
Ашихмин П.А. 202

Бабыкин К.Т. 227, 228
Бажанова А.М. 65
Бажанова В.М. 65
Бажановы, врачи 139
Баженов М.И. 202
Бажов П.П. 105, 107
Бажуков П.Д. 22
Базанов Д.И. 207
Базанов Д.Ф. 204
Базаров И.В. 198
Байрон 173
Баканин 215
Баландин А.И. 139
Баландин В.А. 4, 67, 139, 240
Баландина В.Е. 139
Баландины 146
Барбатенко Л.В. 121
Бардах Я.Ю. 116
Барминская Н.Н. 124
Барятинская, княгиня 21
Батагов 213
Баталина Ю. 71, 72
Баталов П.Д. 207
Бах И. 184
Бахарев Н.Я. 205
Бахарева Т.С. 49, 240
Бахмуrow Н. 210
Башарин 212
Башкиров 212
Башкиров И.В. 216
Башкирцова Ф.И. 206
Баяндина Н. 20, 219, 229
Безматерных С.Г. 54
Безукладников Н. 209
Беклемешев 20
Белкина М.И. 196, 197
Белоруссов В.А. 26
Белоусов И.М. 93
Бенда 213
Бенда И.И. 216
Бенев П.А. 202
Березин Н. 211
Бибарсов И. 131
Бирилов И. 25
Бичевская Ж. 186
Блинова Е.Ф. 221
Бобров 215
Боброва Е.Е. 187
Богороз 212
Богословский П.С. 31
Богуславский А.А. 9
Бойдаренко Е.И. 23
Боков Д. 209
Болотин С.Б. 189, 193, 196, 199
Бондарев 212
Борис, епископ Пермский и Кунгурский 64
Бортнянский Д.С. 186
Боталов С. 132
Брезгин Е. 209
Брезгин Е.И. 206
Брокгауз 104, 107, 173
Бронин Д. 64
Брусин 213
Бубнов В.М. 4, 170, 240
Бударин Ф.М. 207
Буланова Д.Я. 202
Бунчиков 146
Бурылова М.В. 124
Буторин 214
Бушмаков А. 218, 229
Бушуев И. 211
Быков Д. 135-137
Быстрых Т.И. 197, 201, 212, 240

Вавилов Н.И. 157
Вадковский А.В. 22
Вадковский В.И. 22
Варгин, профессор 112
Варлаам (Новгородский), епископ 9, 10
Варфоломеева О.М. 121
Васильев 212
Васильев А. 45
Васнецов В.М. 60
Вассерман А. 117
Вассиан (Чудновский), епископ 9
Вашков С.И. 60
Ващенко Л. 78
Ведров И.И. 208
Вельяминов П.С. 135
Велюжанин 94
Венедиктов А. 208
Вердеревский В.Е. 220, 221, 225
Верховский Ю.Н. 23
Верхоланцев В.С. 20, 31, 66, 93, 114
Виденеев Д.В. 191
Вилюжанин 94
Виноградов В.В. 175
Виткевич Г.И. 212
Владимиров И. 210
Войнович В. 136
Вологдин П. 13
Вологин И. 209
Вологин Н. 209
Вологин П. 209
Вольф М.О. 126
Воробей В. 135
Воронцов С. 209
Воронцов 215
Воскресенский 212
Вроцкий И.В. 203
Выдревич Г.С. 107
Вылегжанин 94
Вылежанин 94
Вылежанин И.С. 89
Вылюжанин 94
Высоцкий В. 189
Вяткин А.П. 208

Гаврилов П.К. 33
Гайдар А.П. 133-138
Гайль С.С. 47, 48
Гайсин О.Д. 4, 36, 108, 123, 201, 216, 240
Галимов 89
Галицкий Д. 132

- Гамалея Н.Ф. 116
 Гардинг Д.Н. 190, 198
 Гвоздева А.С. 206
 Гейко Ю. 54
 Гендель 184
 Генкель А.Г. 173
 Генкель М.А. 173
 Гермес Б. 9
 Гермес Е. 9
 Гидони А. 60, 66
 Гизатуллин М.Г. 89
 Гилев 213
 Гилев И. 209
 Гильков В.А. 210
 Гильков И.А. 207
 Гильков М.И. 207
 Гинц С.М. 135
 Гладышев В.Ф. 72
 Гладышев М.М. 33
 Глазунов Я. 208
 Глинка М.И. 23, 186
 Глозина А.А. 206
 Глухих 212
 Глушков 212
 Глушков А.А. 9
 Гоголь Н.В. 98, 107, 170
 Голиков-Гайдар А.П. 133-138
 Голстунский К.Ф. 116
 Голубцов В.В. 8, 14, 34, 94
 Голых 212
 Гомырин П. 210
 Горбачева Р.М. 129
 Горбунов 214
 Гордеев 17
 Городцов А.Д. 186, 187
 Горшенин 17
 Горшков 213
 Горький А.М. 112, 174, 193-195, 197, 199
 Горький М. 137
 Грабарь И.Э. 58, 66
 Грави 97
 Граль Ф.Х. 10, 14
 Грацинский И.Ф. 10
 Грибушин М.И. 87
 Грибушин Н.М. 187
 Грибушин С.М. 187, 219
 Грибушины 171
 Грибушины 226
 Гривин 65
 Григорьев П.Ф. 23
 Григорьева П.Н. 206
 Губкин Ф. 209
 Губонин П.И. 85
 Гудырев 212
 Гудырев 213
 Гужавин М.М. 65
 Гундина М.А. 22
 Давыдов Я.С. 11
 Даль В.И. 95, 105, 107
 Дальская В.Н. 23
 Данцигер А.А. 40
 Дебюсси 180
 Дедюхина Н.И. 207
 Демкин Н. 71
 Диккенс Ч. 125, 133, 173
 Димченко Н.С. 52, 53
 Диряков Т.А. 205
 Дмитриев А. 72
 Дмитриев А.А. 24-35, 93, 103, 107
 Дмитриев А.М. 24, 25
 Дмитриев Н.А. 26
 Дмитриева А.А. 27, 28
 Дмитриева Е.Н. 32
 Дмитриева Е.С. 27, 28, 33
 Дмитриева М.П. 24, 26
 Дмитриева Н.А. 26
 Дмитриева О.А. 26, 27
 Дмитриевский М.М. 110
 Дозе 211
 Донской Д. 24, 31, 35
 Донской М. 194
 Доронин А. 209
 Досманов А.И. 23
 Дохман М.М. 208
 Дрокин 213
 Дрокин В.А. 216
 Дружинин А.П. 26
 Дружинин Н.А. 26, 32, 33
 Дружинин Н.Н. 26
 Дружинина Е.И. 26
 Дружинина Е.Н. 25
 Дружинина З.А. 26
 Дружинина М.Н. 26, 32, 33
 Дубровин Я.Л. 206
 Дунаевский И. 166
 Духвалаев. 209
 Дягилев Д.В. 9
 Дягилев И.П. 187
 Дягилев П.Д. 85, 108, 109
 Дягилев П.П. 109
 Дягилев С.П. 9, 108, 113, 187, 225
 Дягилева А.И. 109
 Дягилева Е.В. 187
 Дягилевы 9, 108-110, 187
 Евреинов А. 83, 93
 Евреинов В.А. 208
 Евреинов В.А. 81, 83-88, 93
 Евреинов Е.А. 208
 Евреинов П. 84
 Евреинова А.С. 83
 Евреинова Е. 84
 Евреинова Л. 84
 Евреинова М.Т. 83
 Еганов А.П. 206
 Екатерина II 5
 Елена Павловна, вел. княгиня 21
 Ельский Л.К. 208
 Енакиев В.А. 9
 Еремеев А.Е. 205
 Еремеев Ф.Е. 204
 Ермаков 193
 Есенин С. 166
 Ефимовский В. 209
 Ефрон 104, 107, 173
 Ждахин А.А. 192
 Ждахин В.А. 192
 Ждахина Е.С. 192
 Ждахина Н.В. 192
 Жихарев С.П. 96, 107
 Жукова Е.Д. 199
 Жуковы 69
 Журавлев И.М. 50
 Завьялов В.И. 205
 Завьялов Е. 209
 Завьялова О.И. 205
 Заикин 213
 Замшин Я. 210, 211
 Захарова Н.Ф. 212, 216, 240
 Зверев А.В. 48
 Здравомыслов М.К. 116, 122
 Здравосмыслов 212
 Здравосмыслов В.М. 116-122
 Здравосмысловы 116
 Зильбер В. 137
 Златкин М. 114
 Зобачев И.С. 205
 Золотарева А. 77, 80
 Зырянов 17, 20
 Ибатуллин З. 128
 Ибатуллины 127
 Ибрагимов 89
 Иванов А.И. 208
 Иванова Т.В. 185
 Иванченко 213
 Иванченко В.А. 216
 Ивашкевич В. 14
 Ивашкевич С. 14
 Игнатъев С.И. 208
 Ижболдины 127
 Изгагин Б.Г. 56
 Ильин С.А. 35, 187
 Ильина Л.Н. 58
 Иноземцев Г. 25
 Иоанн (Алексеев), епископ 9

- Иоанн (Островский), архимандрит 7, 9
 Иоанн Кронштадтский 13, 116
 Иоанн Никитин, протоиерей 22
 Иоанникий (Руднев), митрополит Киевский 22
 Истомин 16
 Исупова Е. 70, 72
 Иустин (Вишневский), епископ 9
- Кабанов 212
 Кабелла Э.С. 50
 Каверин В. 137
 Казакевич И.Ф. 83
 Калашников Г.С. 208.
 Калашников И. 210
 Калашников К.С. 207
 Калинин М.И. 43
 Кальман И. 193
 Каменская Л.Н. 58-66
 Каменские, братья 20, 219
 Каменские, купцы 58
 Каменский А. 221
 Каменский А.М. 204
 Каменский Г.К. 20, 58
 Каменский И.Г. 58-66
 Каменский П.М. 204
 Каменский П.Ф. 14
 Каменский Ф.К. 20, 204
 Карвовский Р. 227
 Карвовский Р.И. 108
 Карякин 212
 Катенина 43
 Кашин А.Г. 205
 Кашина 20
 Кашихин Л.С. 65
 Кашкин Е. 217
 Кашкин Е.П. 6, 7
 Кенин И. 211
 Кестер Э.Ф. 202
 Киселев 212
 Киселёв А. 229
- Киселев А.Б. 183
 Китаев Ф.И. 118
 Клевер Ю.Ю. 62
 Клопов С. 210
 Князева В.П. 66
 Кобелева Е. 48
 Кобелева Е.А. 122
 Кожевников 213
 Кожевников Е.С. 205
 Кожина М.Н. 173
 Козмин Н. 211
 Козырева О. 80
 Коковцов В.Н. 22
 Колбас В.С. 4, 125, 240
 Колпаков Е.А. 204
 Колчак А.В. 64, 121
 Константинов А.А. 4, 127, 132, 240
 Корж Л.М. 187
 Корзухин И.П. 210
 Корзухин П.П. 209
 Корзухин П.Ф. 210
 Корзухин П.Я. 209
 Коробейников 112
 Коробов А.М. 202
 Короваев 214
 Королев А. 179
 Королёв В. 225
 Королева В.В. 66
 Корчагин П.А. 4, 95, 240
 Косвинцев 214
 Костарев А.Г. 83
 Костарев Н.Г. 83
 Костарева А.А. 83
 Костарева П.С. 190
 Котельников И.П. 208
 Котлячкова Н. 54
 Коцебу А. 96, 107
 Коцевалов С.М. 117
 Кочергов К. 208
 Коцеников Л.М. 135
 Крапавин 16, 17
 Краснов Н. 55, 57
- Красноперов А. 210
 Красноперов Е.И. 51
 Красноперова Н.В. 4, 24, 189, 198, 240
 Красных В. 210
 Кржевский Б.А. 23
 Кривцов В.В. 207
 Кропачев А.П. 204
 Кротов В.А. 81-84, 206
 Крузе К.П. 208
 Кудринский Ф.А. 103, 107
 Кудрявцев Е. 31
 Кудряшова А.В. 158
 Кузнецов М.Н. 22
 Кузнецов Ф.А. 8
 Кузнецова А.Ф. 206
 Кузнецовы 8
 Кузовников К.Д. 84
 Куликова Н.Н. 134
 Куренбин 25
 Куренбин П.Г. 206
 Курочкин И. 211
 Курочкин П.М. 22
 де-ля Кусельер Н.А. 108
- Лаврентий (Баранович), епископ Вятский и Великопермский 7
 Лажинцева-Солынцева Л.П. 49-51
 Лак А.О. 221, 222, 229
 Лакомкины 150
 Лакс С.И. 202
 Лампадов И.Л. 202
 Лапин В.Г. 223
 Лапшин Д. 71
 Левашова 43
 Лейбович О.Л. 183
 Лейман И.П. 203
 Лем И. 217
 Ленин В.И. 125
 Леонов Н.Я. 26
 Леонтьев 213
 Лермонтов М.Ю. 23
- Лесков Н.С. 125
 де Лима Сильва В.А. 108
 Липатов 175
 Лифарь С. 113
 Лобанов Д.А. 48
 Лорка Г. 199
 Лохтин В. 20
 Луканин А., протоиерей 103
 Луканин А.Г. 21-23
 Луканин А.М. 9, 14
 Лундин Ф.Ф. 209
 Любимов И.И. 85, 204
 Любимов И.Ф. 203, 204
 Любимова 226
 Любимова А.С. 11
 Любимова Е.И. 219, 220
 Людмилов М.А. 23
 Ляндсберг Ц.А. 26
- Мазиновы 69
 Макаренков И.Ф. 90
 Маковский В.Е. 65
 Максимович Н. 158
 Макульский С.А. 89
 Малеев К.И. 184
 Малеевы 184
 Малков М. 210
 Малков П.И. 157
 Маллеев А.А. 29, 31
 Малченко 31
 Малышева-Виноградова Н.М. 176
 Малюшкин Г. 210
 Малюшкин И.И. 225
 Маматова Р.Л. 55, 240
 Маньян Е.А. 108
 Мария Федоровна, императрица 21
 Марков 214
 Марков А.В. 216
 Марков Е.А. 207
 Маркова А.В. 216
 Маркс А.Ф. 126
 Марти А. 157

- Мартынов Л.Е. 117, 118
 Марченко А.Н., протоиерей 26, 34, 66
 Марьин Г.Г. 204
 Марьин И.Г. 204
 Марьин И.И. 210
 Масалов Е.М. 208
 Матвеев А.Ф. 205
 Матвеев П.Ф. 205
 Матвеев Т.П. 205
 Матвеев Ф.Л. 206
 Машаровы 69
 Меклер Д. 209
 Меклер П. 209
 Мельников-Печерский П.И. 95, 97, 107
 Мельчакова О.А. 14, 216
 Метаниева З. 221
 Мечников И.И. 116, 118
 Мешков Н.В. 20, 172, 220, 226
 Минеев Г.И. 72, 197, 216
 Минченков Я.Д. 66
 Минюхин С.И. 203
 Миронов Ф.В. 203
 Митин В. 143
 Михаил, вел. князь 225
 Михайлов А.А. 89
 Михалева А.В. 132
 Мичурин Н.А. 206
 Модерах К. 218
 Модерах К.Ф. 187
 Молоховец Е. 100, 107
 Морозов Н.Г. 208
 Морозова М. 68, 69
 Мусатов 181
 Мухаматшин Г. 128
 Мухлынины 30

 Нагавицын В. 210
 Нагавицын В.С. 206
 Назаров П. 208
 Назаровский Б.Н. 133-137

 Насонова С.И. 205
 Наугольный 192
 Наумов Н. 30
 Наумов П.И. 209
 Невзоров А.Я. 29
 Нежданов С.В. 202
 Несслер Н.А. 11
 Нестеров 212
 Нестеров М.В. 58, 60, 61, 64, 66
 Нечаев Г.Г. 205
 Нечаев М.Г. 4, 5, 115, 240
 Нечаев С.А. 87
 Нечаев Я.П. 206
 Нечаев Я.Ф. 208
 Никитин А. 134, 138
 Никитин И. 30, 31
 Никитин Н.И. 187
 Никифоров 27
 Николаев 37
 Николаев А.А. 222
 Николаев И. 210
 Николаи В.Ф. 23
 Николай Александрович, император 110
 Никонова И. 66
 Новиков Е.И. 207
 Новиков Н. 211
 Новинский В.Г. 183
 Новкунский Э.С. 202
 Новокрещенных Н.Н. 11
 Новоселов С.А. 207

 Обнорская И.Н. 175
 Обнорский В. 177, 182
 Обнорский В.В. 173
 Обнорский Н.П. 172-174
 Оборин В.А. 32, 35
 Обросов П.М. 157
 Огарев И.И. 9
 Оглоблин 17
 Ожегов А. 127
 Окунев К. 131

 Омышев Л. 142, 143
 Орехов М.Ф. 155
 Орехова В.П. 155
 Ореховы 155
 Орлов Г.А. 90, 91
 Освальд О. 220, 229
 Осоргин М.А. 99, 104, 106, 107, 183, 225
 Островский 7
 Офицеров В.С. 124

 Павел I 7, 96
 Павленков Ф.Ф. 126
 Павлов Т.П. 210
 Палладий (Раев), архиепископ Казанский 22
 Пастер Л. 115, 122
 Пастернак Б. 219
 Патрушев В.Н. 208
 Патрушев Н.Н. 208
 Пашенная В. 171
 Пашенко 213
 Пенн С.С. 201
 Пепеляев И. 209
 Первушин В.Т. 56
 Первушин П. 209
 Первушина А.Г. 55-57
 Перескоков Л.В. 66
 Пермьяков А. 227
 Першин 212
 Петерс П.П. 198
 Петр (Лосев), епископ 9
 Петров 214
 Петров В.Ф. 122
 Петров И.П. 207
 Петров М.П. 210
 Петухов 212
 Пешков А. 194
 Пиминов Е.Д. 208
 Пиотровский Ю.И. 225
 Плеско Г. 134
 Победоносцев К. 22

 Погодин П.Г. 110
 Подерня 214
 Покиткин Д.А. 208
 Полетаев В.Е. 183, 240
 Поляков А.И. 208
 Поляков Ю. 197
 Полякова Е. 66
 Поносов Е.В. 204
 Понятовский К.Л. 202
 Попатенко В.В. 86
 Попов 214
 Попов Б.М. 23, 187
 Попов В.А. 202
 Попов Д.С. 208
 Попов М.Я. 30
 Попов П.В. 190
 Порозов В. 209
 Порошин 214
 Порфирьев Г., дьякон 22
 Похлёбкин В.В. 99-101, 107
 Праведников М. 209
 Прикашиков К. 210
 Прокофьева О.В. 124
 Протопопов 221
 Протопопова Е.Ф. 221
 Протопоповы 220, 221
 Пугачева А. 189
 Пустовойт К.С. 124
 Пушкарев Л.А. 202
 Пушкин А.П. 204

 Раменский А.П. 29, 31
 Рау В.Э. 124
 Рафиенко Л.С. 14
 Рахманинов 180
 Рахматулин С. 89
 Рерих Н.К. 58-61, 64, 66
 Ретнев И.К. 208
 Решетников Ф.М. 225
 Ржевин 17
 Рогов Н.А. 25
 Рожковы 69

- Розинг И.П. 9
 Романов М.А. 216
 Романова Л.В. 123
 Роттаст В.П. 207
 Рубцов 214
 Рудник Д.Я. 193
 Русских П.Р. 209
 Рыбин И. 211
 Рыжков М. 30
 Рыусков А. 22
 Рябинин Г. 211
 Рябинин Г.М. 205
 Рязанов А. 69
 Рязанов В. 91
 Рязанова Е.А. 67-69
 Рязановы 68
 Рязанцевы 50
- Саблер В.К. 22
 Савин А. 211
 Савин А.Е. 206
 Савин Ф. 211
 Савин Ф.Е. 206
 Савич 32
 Савченков М. 210
 Сажин С.Ф. 207
 Самодурова А. 210
 Санников 214
 Сверчков Н.Е. 61
 Светлаков В.Г. 129
 Свинорин А. 211
 Связев И. 217
 Семененко-Басин И.В. 122
 Семенов В.Л. 32
 Семенов Г. 57
 Семянников В. 229
 Семянников В.В. 52, 70, 77, 223, 241
 Сергиев И.И., протоиерей 116
 Серебреников 213
 Серебреников П. 31
 Серебреников П.Н. 11, 31
- Серебрянская Г. 125
 Серов В.А. 58, 59, 64, 66
 Серов М.И. 23
 Сибелиус 180
 Сикорская (Шишкова) Т.С. 189-200
 Сикорский В.В. 193, 196
 Силина Т.И. 52-54
 Симонов К. 166
 Симонович М.С. 50, 225
 Синакевич 229
 Синакевич А. 222
 Синакевич А.В. 110
 Синицын П.Д. 204
 Сироткин С.Г. 31
 Ситников М.Г. 15, 58, 241
 Славин И.В., протоиерей 11
 Слонов И.Д. 209
 Смагин Н.П. 203
 Смирин И.А. 124
 Смирнова 212
 Смирнова А.Г. 55
 Смирнова Л.С. 4, 155, 241
 Смородина С.С. 32, 34, 35, 216
 Смышляев Д.Д. 24, 32, 48, 98, 102, 104, 107, 225
 Собесский 212
 Соваж П.А. 203
 Соколова 193
 Соколова Н. 59, 66
 Соларева 192
 Солдатов А.Г. 56, 57, 165, 176
 Соловьев 213
 Соловьев П. 165
 Соломянская Л. 133
 Солынцева Л.П. 49-51
 Сорокин В.К. 15-20
 Сорокин И.В. 16
 Сорокин К.А. 15
 Сорокин Л. 19
 Сорокин С.Я. 210
 Сорокин Я.Я. 210
 Сорокина К.В. 18, 19
- Спешилова Е.А. 34, 51, 72, 91-94
 Сригель 212
 Сталин И.В. 140, 149
 Старков М.Н. 207
 Стародумов 20
 Старцева Е.Д. 16
 Степанов В.М. 208
 Степанов И.М. 208
 Степанова Н. 229
 Стефан Великопермский, святитель 185
 Стефан Пермский, святитель 7, 13
 Сторожева Н.В. 4, 217, 241
 Стрелков А.Г. 177-182
 Стрелков Г.П. 175, 178-181
 Стрелков П.Г. 175, 176
 Стрелкова Н. 182
 Стрижев А.Г. 43-48
 Стрижев Г.А. 45, 47, 48
 Стрижев М.А. 45-47
 Стрижев П.А. 45
 Стрижев С.А. 44, 46, 47
 Стрижева А.П. 43-46
 Стрижева В.А. 45
 Стрижева Е.А. 45
 Стрижева Е.В. 45, 46
 Строганов С.А. 25
 Строгановы 25, 29, 58
 Стуковы 50
 Субботин В.М. 124
 Субботин Е.П. 8, 14, 20, 21, 23, 43, 93, 241
 Сулимов 212
 Сулимов Д.Е. 216
 Сунгатуллин С. 129
 Суслин И.Н. 85
 Суслов К. 226
 Суслов К.Т. 206
 Суслов П.Т. 207
 Сухобрус И.С. 10, 157
 Сыпневский С.В. 135
 Сырнева С.А. 189
- Сыропятов А.Ф. 207
 Сыропятов П.Ф. 207
 Сытин И.Д. 126
 Сычугов 212
- Танков В.Ф. 203
 Татищев В.Н. 185
 Ташканов 213
 Ташлыков Г.С. 204
 Теодориди В. 23
 Теплоухов 30
 Теплоухов А.А. 25
 Теплоухов А.Ф. 11
 Теплоухов Ф.А. 30, 33, 34
 Терпегосов С.А. 207
 Тет Е.И. 206
 Тимофеев А.А. 11
 Типоградова Э. 209
 Титков М.И. 30
 Толстой А.Н. 189, 196
 Толстой Л.Н. 61
 Топыркин И. 191
 Трапезников А.В. 208
 Трапезников В. 39
 Трапезников В.Н. 98, 107
 Трапезников И. 210
 Третьяков В.И. 209
 Третьяков Н.А. 11
 Трифонов Ю.В. 133
 Трофимов 214
 Трухин И.А. 209
 Трушников К. 209
 Тупицын А.Е. 16
 Тупицын В.Е. 15
 Тупицын Е.К. 205
 Тупицыны, братья 15-20
 Туркин 212
 Туркин М.П. 216
 Турчаниновы 71
 Турчевич А.Б. 219, 225, 226, 229
 Тухметов М. 128
 Тюриков А. 65
 Тютюнник В. 79

Урядников А.Я. 25
Утесов Л. 189
Уфимцов М.И. 206
Ушаков П.Ф. 206
Ушков Н.И. 207
Ушков С.Л. 11, 12

Фаст О. 70
Федин К. 137, 138
Федоров Н.Т. 89
Федоровская О.Н. 23
Федоровский П.Л. 23
Федосеева Н. 54
Федотов Р.Е. 207
Федотовы 50
Федулов 190
Фирсов М.И. 203, 207
Фирюкова М.В. 117
Фомин П.С. 204
Фрейман И.С. 202
Футлик М. 70, 228

Хаймович 213
Хайразманов Н. 128
Халитов А. 128
Харисов Х. 130
Харитов А.М. 108
Харитов Е.А. 108
Харитов М. 108
Харитова А.Н. 108
Хватов И.И. 205
Холмогоров Г.И. 226, 227
Холостов Ф.Т. 202
Хотимский 221
Хотов В.В. 204
Хохряков П.Д. 157
Хромов Н.Н. 113

Цветаева М.И. 196
Цветков А.И. 208
Циммерман О. 30

Чадин Е.Л. 98-102, 106
Чайковский 180
Чайковский П.И. 186
Чайников В. 125
Чайников В.М. 124
Черемисинов 214
Черковская И. 66
Чернов В.Г. 191, 224
Чернявская Т.А. 66
Чехов А.П. 133, 174
Чечуров Ф.П. 206
Чижов В. 114
Чижов В.Е. 115, 121
Чудакова М. 139
Чупин Н.К. 24
Чуприн К.П. 4, 217, 241

Шавкунов Е.И. 9
Шавкунов К.П. 25
Шавкунов П.Е. 9
Шавкуновы 9
Шадрин 213
Шайдуров 221
Шайдуров Г.Я. 25
Шалаевский А.Я. 206
Шамарин С. 71
Шарц А.К. 190, 193, 197-200
Шаталов В. 217, 222, 229
Шатов А.В. 166
Шварев А. 210
Шварев М.И. 208
Шварц Л.А. 194-196
Швецов П.Л. 208
Шепелев А.М. 107
Шестаков Иаков, свящ. 13, 14
Шилов А.В. 4, 81, 197, 241
Шилова И.С. 122
Ширинкин В.М. 4, 133, 241
Шитов 50
Шитов Д. 78
Шишков А.С. 190
Шишков С.А. 189-192, 199

Шишкова (Сикорская) Т.С. 189-200
Шишкова Е.Г. 189
Шишковы 189
Шмальц В.А. 124-126
Шмидт Л.И. 208
Шмидт С.О. 3
Шмонин С.Ф. 202
Шолохов М.В. 36, 38, 40
Шопен 180
Шрёдер 50
Шубин М.Т. 208
Шулаков К. 209
Шульженко К. 189
Шумилов П.Л. 203
Шумов Е.В. 191
Шустов А.С. 51
Шустов В.Ф. 23
Шустов Г.Ф. 23
Шустов Н.Ф. 23

Щелкунов К.Д. 205

Эфрон А.С. 196
Эфрон Г. 196

Юзефович А. 228, 229
Юманов Д.И. 49-51
Юманова Е.А. 49-51
Юмановы 49-51
Юрьевская М.Г. 121
Юхнев А.М. 205, 210
Юшков Р. 132

Язвицкий 214
Якимов А.В. 18
Якимов В.Ф. 209
Якимов Д.Д. 18
Яковлев Я. 209
Ярославцева А.В. 29

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аленчикова Наталья Дмитриевна, историк, архивист.

Баландин Вадим Алексеевич, ветеран музейного дела, заслуженный работник культуры РФ.

Бахарева Татьяна Сергеевна, филолог, музыкальный работник.

Бубнов Василий Михайлович, журналист.

Быстрых Татьяна Ивановна, заслуженный работник культуры РФ, специалист в области библиотечного краеведения.

Гайсин Олег Дуфарович, историк, ООО «Пермстроймет+».

Захарова Неля Федоровна, заведующая информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина.

Колбас Владимир Сергеевич, краевед, историк, член Союза журналистов России, председатель Пермского городского отделения ВООПИиК, отличник народного просвещения.

Константинов Аркадий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Пермского филиала РАНХиГС, член Союза журналистов РФ, военкор газеты «Аргументы и факты».

Корчагин Павел Анатольевич, старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук.

Краснопёрова Наталья Васильевна, предприниматель, краевед.

Маматова Раиса Лутфулловна, журналист.

Нечаев Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

Полетаев Владимир Евгеньевич, эколог, краевед.

Семянников Виктор Владимирович, краевед.

Ситников Михаил Григорьевич, краевед.

Смирнова Любовь Степановна, ветеран комсомола, ветеран завода им. М.И. Калинина, старожил г. Перми.

Сторожева Надежда Васильевна, специалист в области краеведческой библиографии.

Субботин Евгений Павлович, президент пермского общества «Арабеск».

Чуприн Константин Петрович, Пермская государственная академия искусства и культуры, доцент кафедры документоведения, библиотековедения и библиографии, кандидат педагогических наук, доцент.

Шилов Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета.

Ширинкин Владимир Михайлович, журналист, краевед, заслуженный работник культуры РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
----------------------	---

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

<i>Нечаев М.Г.</i> Архиерейский квартал	5
<i>Ситников М.Г.</i> Пароходство и товарищество «Сорокин В.К. и Бр. Тупицыны» в Перми	15
<i>Субботин Е.П.</i> Новое имя в словнике «Пермь. Жители и гости. 1723—1924»: А.Г. Луканин	21
<i>Красноперова Н.В.</i> Пермские дома Александра Алексеевича Дмитриева. (К 160-летию со дня рождения)	24
<i>Гайсин О.Д.</i> Адресный стол города Перми. 1919 год	36
<i>Приложение.</i> Адресная служба России. Краткая историческая справка	41
<i>Субботин Е.П.</i> Артиллерийский приёмщик А.Г. Стрижев, судьба его семьи и домовладений в Перми	43
<i>Бахарева Т.С.</i> Юмановы. Продолжение темы	49
<i>Семянников В.В.</i> Юнгородки в Перми	52
<i>Маматова Р.Л.</i> Судьба моя – юнгородок	55
<i>Ситников М.Г.</i> Коллекционеры Каменские	58
<i>Баландин В.А.</i> Выморочное имущество. Случай из музейной практики	67
<i>Семянников В.В.</i> Названия жилых комплексов в Перми	70
<i>Семянников В.В.</i> Хостелы в Перми	77

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

<i>Шилов А.В.</i> Пермские купцы Кротов и Евреинов и история «Дома городского общества» (ул. Торговая – Советская, 65)	81
<i>Корчагин П.А.</i> Именины в интерьере или Чисто уральская история ...	95
<i>Гайсин О.Д.</i> Дом Дягилевых (ул. Сибирская, 33)	108
<i>Нечаев М.Г.</i> Комплекс усадьбы Пермского бактериологического института в конце XIX – первой четверти XX вв. (ул. Куйбышева, 50) ..	115
<i>Гайсин О.Д.</i> Магазин «Букинист» на Шоссе Космонавтов, 112	123
<i>Приложение. Колбас В.С.</i> О Викторе Шмальце	125
<i>Константинов А.А.</i> Гармоничная эклектика. (Пермская соборная мечеть, ул. Осинская, 5)	127

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСКУССТВЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ

<i>Ширинкин В.М.</i> Угловой дом Аркадия Гайдара	133
<i>Баландин В.А.</i> Золотое детство	139
<i>Смирнова Л.С.</i> Поселок Светлый	155
<i>Аленчикова Н.Д.</i> «Коммуналки» и бытовые проблемы пермяков в 1950-х – 1980-х годах	161
<i>Бубнов В.М.</i> Домик на а Советской	170
<i>Полетаев В.Е.</i> Городская симфония	183
<i>Красноперова Н.В.</i> Город на Каме. Пермь в жизни Татьяны Сикорской, переводчицы и поэта-песенника	189
<i>Приложение.</i> Переписка Т.С. Сикорской с пермским краеведом А.К. Шарцем	198

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

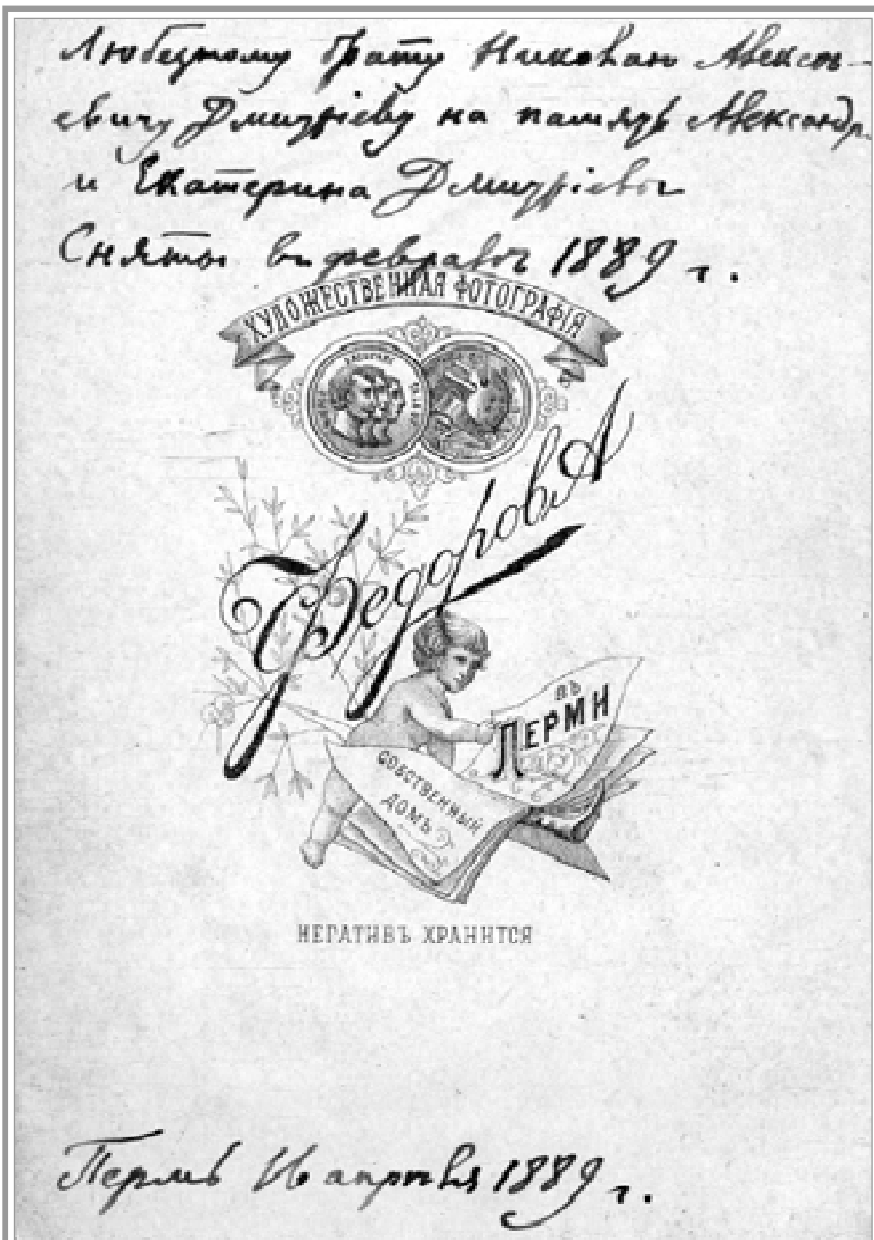
- Списки жителей города Перми с адресами из «Памятной книжки Пермской губернии на 1863 год» 201
- Список всех отделов Пермского Совдепа и районных Совдепов, место их нахождения и №№ телефонов. 1918 год 212

БИБЛИОГРАФИЯ

- Чуприн К.П., Сторожева Н.В.* Пермские здания и архитекторы на страницах журнала «Этажи Перми» 217
- Именной указатель** 230
- Сведения об авторах** 242

А.А. Дмитриев с женой. 1889 г.

Автограф А.А. Дмитриева на обороте фотографии.

Иллюстрированный преискурант Юманова.

Д.И. Юманов.

Е.А. Юманова.

УДОСТОВЕРЕН СЕРЕБРЯНОЮ И ЗОЛОТОЮ МЕДАЛЯМИ
1887 и 1890 г.г.
на Екатеринбургской и Казанской выставках.

**МАГАЗИНЪ
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ**
РОЯЛЕЙ, ФИСЬ-ГАРМОНИЙ, СКРИПОВЪ И ПРОЧ.

Ф А Б Р И К А
РОЯЛЕЙ, ПИАНИНО, И ФИСЬ-ГАРМОНИЙ
Д. И. ЮМАНОВА
ВЪ ПЕРМИ,
Сибирская улица, домъ Стукова.

Духовнымъ лицамъ музыкальные инструменты
продаются съ разсрочкою платежа за поручи-
тельствомъ благочинныхъ.

Магазин музыкальных инструментов.

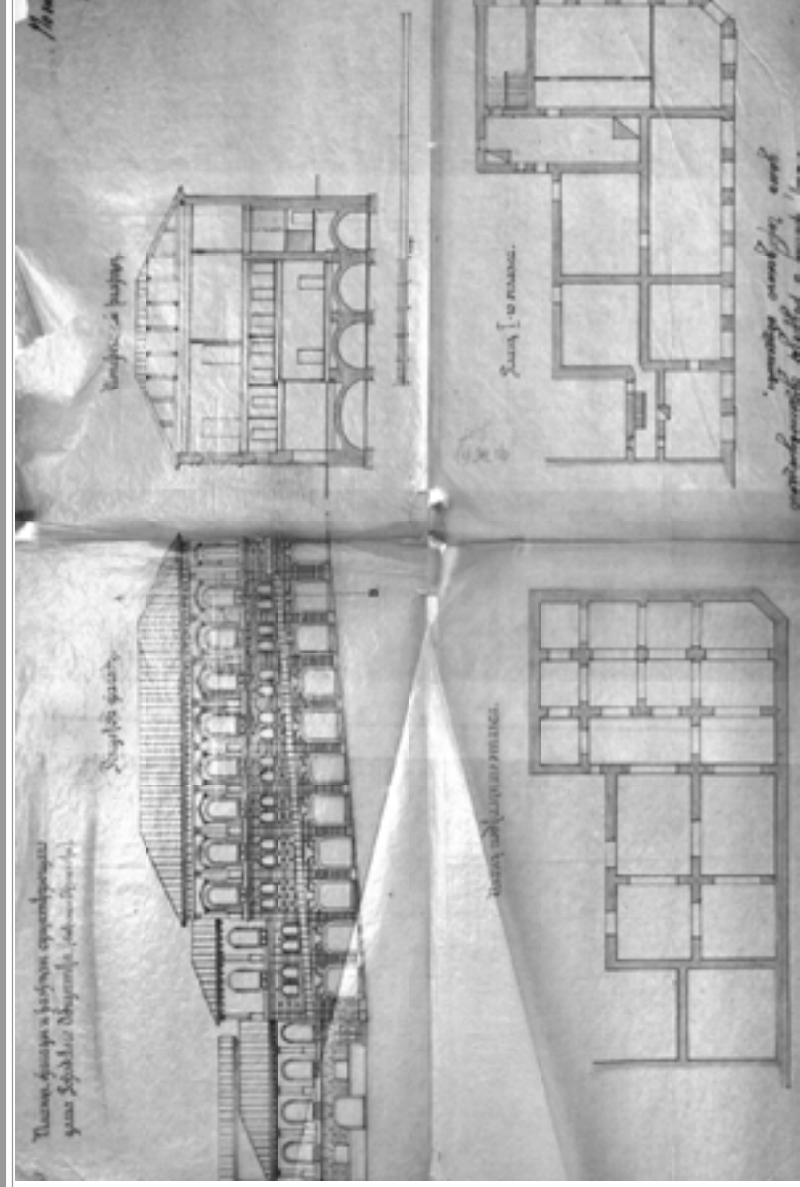
Хостел в Перми.

Восьмиместный номер в хостеле.

В.А. Евреинов. 1879 г.

Обмерный чертеж Дома городского общества.

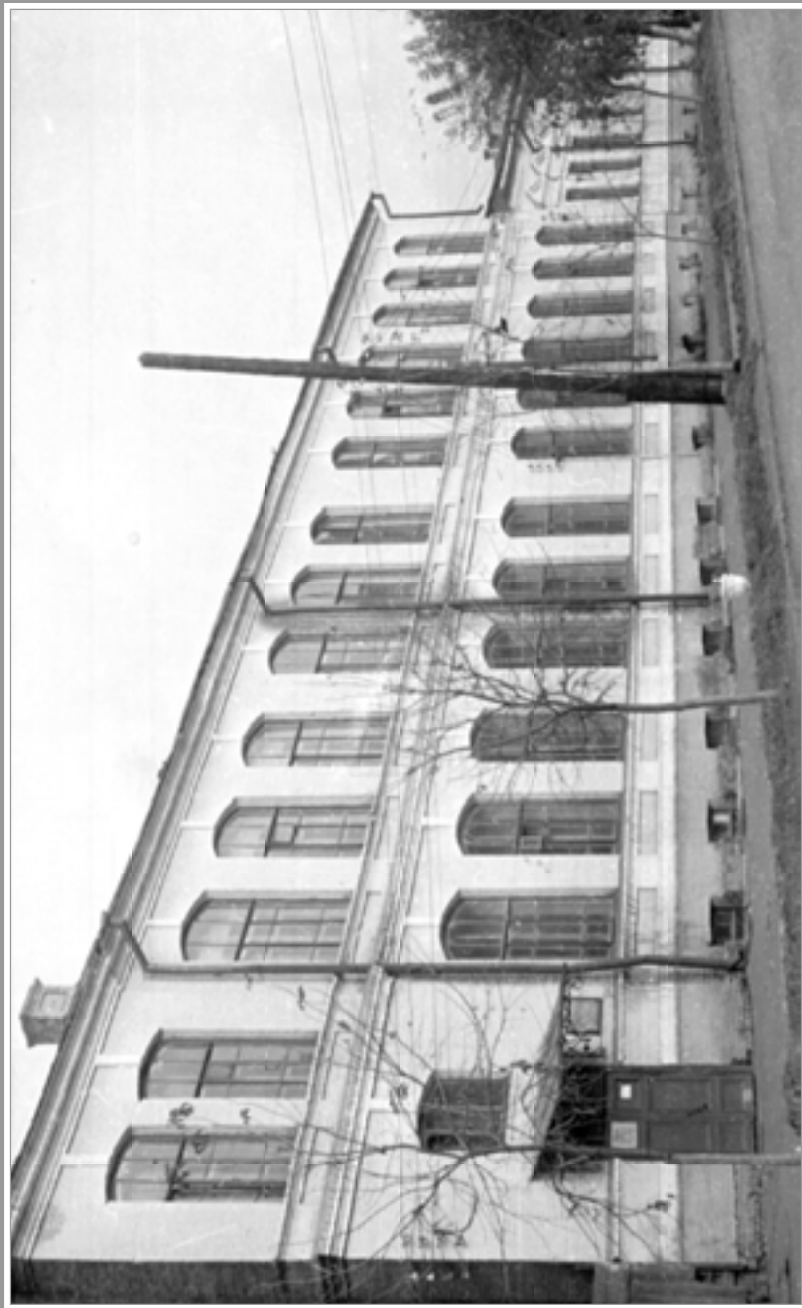
Дом Дьячковых. 1950-е годы.

Дом Дягилевых. 1960-е годы.

Дом Дягилевых. Внутренний дворик.

Школа № 11. 1961 г.

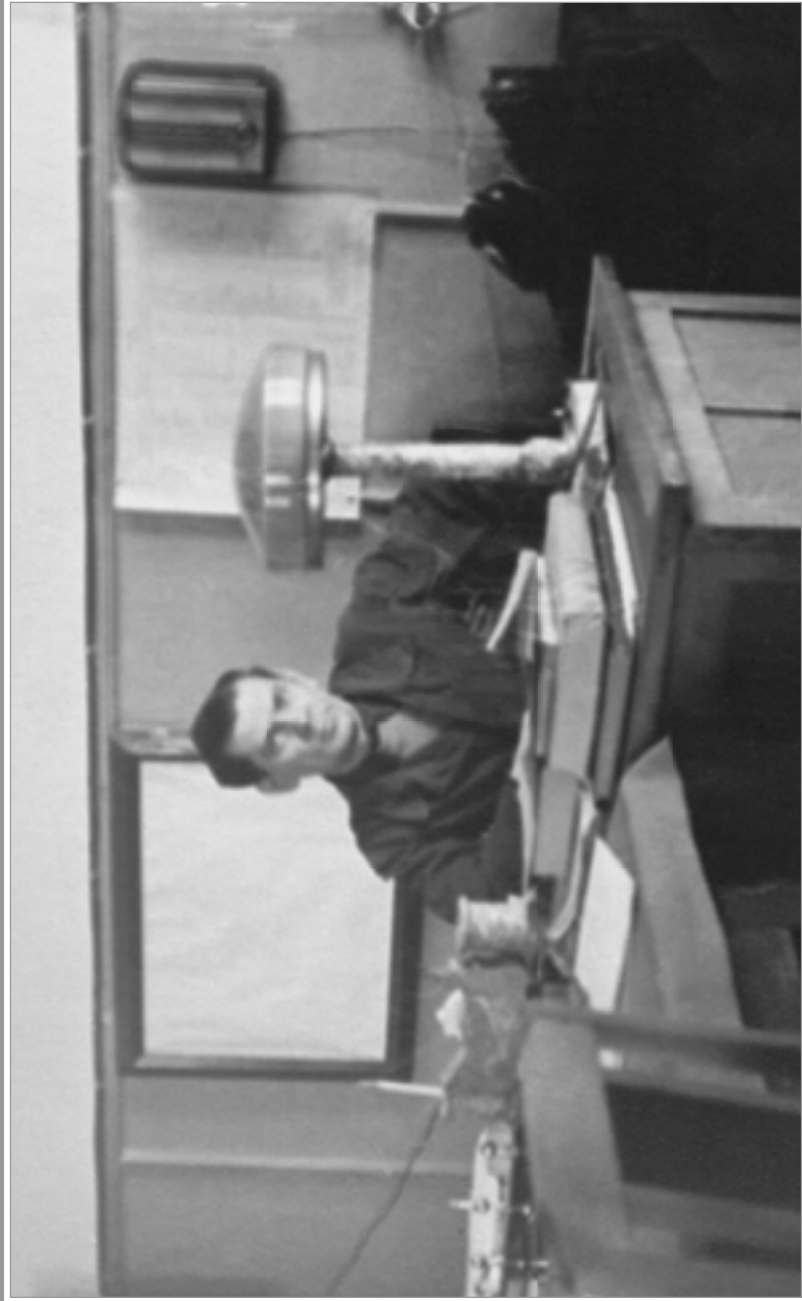
В.А. Шмалыц.

Коллектив магазина «Букинист» на Шассе Космонавтов.

К воспоминаниям В.А. Баландина «Золотое детство». Соседка читает сказку.

К воспоминаниям В.А. Баландина «Золотое детство». Отец в своем кабинете на ТЭЦ № 1.

К воспоминаниям В.А. Баландина «Золотое детство». У бабуси на Пушкина, 93. 1954 г.

К воспоминаниям В.А. Баландина «Золотое детство». Ребята с нашего двора.

Портрет Т.С. Шишковой-Сикорской в 16 лет.

Песня из кинотрилогии о М. Горьком

Слова Т. СИНКОВСКОЙ

Задумчиво, не торопясь

The image shows a musical score for a piano and voice. It consists of four systems of music. The first system is for the piano introduction, marked 'mf' and 'Задумчиво, не торопясь'. The second system is for the vocal entry, marked 'rall.' and 'a tempo'. The third and fourth systems contain the vocal melody with Russian lyrics. The lyrics are: 'Го-род на Ка-ме, где-то там, на ре-ке, где-то там, на ре-ке.' The score includes treble and bass clefs, a key signature of one sharp (F#), and a 3/4 time signature.

Ноты песни «Город на Каме» из кинотрилогии о М. Горьком.

Друзья-мальчишки из фильма «Детство Горького» расппевают песню «Город на Каме».

Заключительный кадр из фильма «Детство Горького»: Алеша Пешков уходит «в люди».

Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Краеведческое издание

Пермский дом в истории и культуре края

Материалы седьмой научно-практической конференции

Составитель и редактор **Т. И. Быстрых**
Ответственный за выпуск: директор МБУК ОМБ **Е. Н. Клешина**

ISBN 978-5-9903003-9-2

Подписано в печать
25.10.2014 г.
Формат 60X84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 15.5
Бумага ВХИ 80 г/м²

Тираж 300 экз.

Книга отпечатана на оборудовании
ООО «Абрис»
т. 8 (342) 293-32-37, 294-59-19